S 32/239
I

232
232

А. Я. МАКСИМОВЪ.

ДАЛЕКОМУ ВОСТОКУ

ПОЛНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ.

Книга I.

ИЗДАНІЕ М. К. МАКСИМОВОЙ

41

Изданіе М. К. Максимовой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Я. МАКСИМОВА

ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ"

(Романы, повѣсти и разсказы изъ жизни на восточной окраинѣ).

Все изданіе состоитъ изъ **10 книгъ** раздѣленныхъ на **двѣ** серіи, по **5 книгъ въ каждой;** каждая книга объемомъ въ 16 — 20 печатныхъ листовъ, съ 5 — 6 иллюстраціями.

Подписка принимается какъ на полное изданіе сразу, такъ и отдѣльно по серіямъ

Подписная цѣна на **полное изданіе въ 10 книжекъ** до выхода 4-й книги первой серіи **9 руб;**

Подписная же стоимость каждой серіи въ **5 книжекъ,** до выхода 4-й книжки серіи **5 руб.**

Въ отдѣльной продажѣ (въ книжныхъ магазинахъ) цѣна каждой книги **1 р. 50 к.**

Подписка принимается въ складѣ изданія М. К. МАКСИМОВОЙ, С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Гатчинская улица, домъ № 4, кв. 1.

Рисунки Дозв. Ценз. Спб. 9 Окт. 1898 г. Тип. К. Л. Пентковскаго, Казначъ. 6.

А. Я. Максимовъ

32
239

А. Я. Максимовъ.

НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Китобои.—Піонеры и оспопрививатели.—Корейка Маша.—Засада на деревьяхъ (разсказъ участника охоты на тигра).—Хищники-золотоискатели (очеркъ „маньцзинскаго возстанія").—Среди инородцевъ (разсказъ топографа).—Лѣсное чудовище.—Удочка (разсказъ случайнаго охотника).—Бродяга Митька Грѣшный (разсказъ изъ быта каторжныхъ).—Занесенный снѣгомъ.—Неисправимый.

Изданіе М. К. МАКСИМОВОЙ.

...ЦЕВСКІЙ МУЗ...

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія К. Л. Пентковскаго, Казначейская, 6—71.
1898.

2007041402

Предисловіе.

Обширный Уссурійскій край, отошедшій къ Россіи въ 1858 году по айгунскому трактату *), принадлежитъ къ наиболѣе неизвѣстнымъ, малоизслѣдованнымъ окраинамъ нашего отечества. Долгое время, со дня присоединенія края, онъ былъ для насъ terra incognita. Никто не имѣлъ о немъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній; отовсюду слышались донельзя разнорѣчивыя сообщенія. Сходились только на одномъ пунктѣ, что Уссурійскій край можетъ служить для нашего обширнаго отечества новымъ рогомъ изобилія и неизсякаемой сокровищницей всевозможныхъ богатствъ, какъ моря, такъ и земли. И всѣ ждали, терпѣливо ждали, въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ, того благодатнаго времени, когда во вновь пріобрѣтенной территоріи откроются чудеснымъ образомъ неизсякаемые родники неистощимыхъ богатствъ, и край воспрянетъ отъ своего тысячелѣтняго сна и экономическаго покоя. Всѣ ждали, совершенно упустивъ изъ виду одно важное, серьезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидное обстоятельство, что край, самъ по себѣ, какъ бы богато онъ ни былъ надѣленъ природой, не можетъ развить свои сокрытыя силы, не можетъ, безъ энергичной и разумной человѣческой помощи, разорвать сплоченныя тысячелѣтіями оковы невѣжественнаго застоя и вступить на общее поприще уже

*) Окончательно край пріобрѣтенъ по пекинскому договору, въ 1860 году.

культивированныхъ странъ и земель. Этимъ терпѣливымъ, апатичнымъ ожиданіемъ вполнѣ объясняется настоящее печальное положеніе края, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. По настоящее время мы не воспользовались прекрасными естественными условіями вновь пріобрѣтенной обширной территоріи и мало сдѣлали для того, чтобы воспользоваться ими впослѣдствіи. Мы мало подготовили край къ воспринятію тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ только и мыслимо какое-либо экономическое его благосостояніе, мыслима полезность пріобрѣтенія такого значительнаго куска земли. Неимѣніе въ краѣ непрерывныхъ сообщеній и правильныхъ почтъ, недостатокъ населенія и добровольнаго движенія *) для заселенія края, неимѣніе правильной торговли въ настоящемъ смыслѣ слова, какъ иностранной, такъ и русской, наконецъ, недостатокъ средствъ и мѣстный бюрократизмъ—вотъ тормазы, задерживающіе общее благосостояніе края. Всѣ эти тормазы необходимо устранить какъ можно скорѣе, чтобы молодой край былъ полезнымъ для государства пріобрѣтеніемъ.

Надо не забывать, что территорія рѣки Уссури такъ богато надѣлена природой, что ей недостаетъ только рукъ и разумной энергіи мѣстной администраціи, чтобы принять дѣятельное участіе на общемъ торговомъ поприщѣ Китайскаго моря, поднявшагося, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, по громадности совершающейся въ немъ всемірной торговой дѣятельности, выше всѣхъ средиземныхъ морей міра. При этомъ надо помнить, что въ сосѣдствѣ Уссурійскаго края лежатъ: богатая Манчжурія и многолюдная, заповѣдная азіятская Италія—Корея. На нашей обязанности лежитъ пустить въ нихъ

*) Только въ послѣднее время, благодаря просвѣщенному вниманію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, приняты рѣшительныя и положительныя мѣры, касающіяся добровольной колонизаціи богатаго Уссурійскаго края. Переселенцы будутъ доставляться съ настоящаго года на судахъ добровольнаго флота.

глубокіе корни и вовлечь ихъ въ коммерческій круговоротъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при всесторонемъ, правильномъ развитіи силъ края, онъ можетъ подняться до высокаго экономическаго уровня. Разнообразіе естественныхъ и физическихъ продуктовъ и произведеній края, начиная отъ морскихъ промысловъ и кончая заповѣдными, строевыми и мачтовыми лѣсами, минеральными богатствами, каменнымъ углемъ, представляетъ почти неистощимыя средства для самой плодотворной мѣстной промышленности, могущей, въ будущемъ, внести свою дань на торговомъ поприщѣ Китайскаго моря и Великаго океана. При развитіи мѣстной промышленности, явится богатый источникъ вывоза на заграничные рынки всѣхъ произведеній страны. Въ настоящую же минуту почти всѣ производительныя силы края спятъ, и онъ страдаетъ почти полнымъ отсутствіемъ отпускной торговли, безъ которой немыслимо экономическое благосостояніе обширной территоріи. Необходимо создать отпускную торговлю, необходимо привлечь въ край капиталы, коммерческихъ дѣятелей и промышленниковъ. При этомъ надо обратить особенное вниманіе на то, чтобы послѣдними не руководили исключительно безшабашная нажива и эфемерныя спекуляціи. Проученные крупными ошибками русской торговли и промышленности, на всемъ пути слѣдованія нашей національности отъ Уральскаго хребта и до береговъ Восточнаго океана, мы должны, для благосостоянія края и населенія, стремиться не къ систематическому истощенію его, не къ расхищенію естественныхъ и физическихъ богатствъ, не къ умерщвленію производительныхъ силъ края спекуляціями и безшабашной наживой, не къ эксплуатаціи населенія, особенно инородческаго, а къ экономическому развитію территоріи и ея производительныхъ силъ, къ правильной разработкѣ естественныхъ и физическихъ богатствъ, къ раціональной обработкѣ естественныхъ продуктовъ земли, къ созданію прочной промышленности и торговли съ возможно совер-

шенными способами и пріемами. Мы должны стремиться къ удовлетворенію нуждъ и потребностей мѣстнаго населенія правильной и разумной колонизаціей, должны стремиться къ развитію путей сообщеній внутри края и соединенію Владивостока со всѣми населенными пунктами и въ особенности съ рѣкой Уссури—этой столбовой дорогой Приморской области. На нашей нравственной обязанности лежитъ облегчить населенію края всѣ способы гражданскаго развитія и пробудить въ немъ его умственныя силы, предпріимчивость и промышленность. Надо помнить, что Уссурійскій край дорогъ для Россіи особенно въ политическомъ отношеніи. Въ краѣ этомъ мы видимъ единственную окраину нашего обширнаго отечества, прилежащую къ незамкнутому морю, имѣющую болѣе или менѣе трудно прерываемыя связи съ океаномъ. Именно на далекомъ востокѣ Россія имѣетъ полную возможность положить основу прочному значенію нашихъ морскихъ силъ, а слѣдовательно и міровому вліянію. Только на далекомъ востокѣ мы обладаемъ открытой дверью въ океанъ,—дверью, которую мы тщетно стараемся прорубить во враждебной намъ Европѣ, опасающейся политическаго роста великой славянской державы. Крайній востокъ представляетъ для насъ прочный базисъ, опираясь на который мы можемъ смѣло направить свои силы на міровую борьбу съ врагами, грозящими захватить въ свои руки всемірную гегемонію; только отсюда мы можемъ поддерживать необходимое намъ вліяніе на сосѣднія могущественныя государства крайняго востока—Китай и Японію и грозить англійскимъ колоніямъ и англійской торговлѣ, находящимся въ сферѣ дѣйствія нашего дальняго прибрежья... Особенно дорога для Россіи, въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, южная часть вновь пріобрѣтенной территоріи, такъ называемый Южно-Уссурійскій край—конечная точка нашихъ пріобрѣтеній въ Азіи, добытая постояннымъ, трехъ вѣковымъ, наступательнымъ движеніемъ на во-

стокъ русской народности. Движеніе это, единственное въ исторіи человѣчества, представляетъ отрадное явленіе для народной гордости. Могучая своими задатками, русская народность, въ продолженіи трехъ вѣковъ, ширилась и разросталась по направленію, пробитому ея отважными піонерами, удальцами знаменитаго Ермака Тимофѣевича, и захватила, наконецъ, крѣпкой цѣпью городовъ и селеній, сѣверную половину стараго материка. По всему этому титаническому пути крѣпко сѣла и сложилась здоровая русская жизнь; вездѣ слышенъ одинъ чистый великорусскій языкъ, одна бойкая, удалая рѣчь; одинъ и тѣ же родныя черты лицъ окружаютъ русскаго путешественника на всемъ протяженіи, начиная отъ Уральскаго хребта и кончая Великимъ океаномъ. Отъ древнихъ обитателей Сибири остались нераскопанные курганы; отъ болѣе позднихъ—падающія и изчезающія племена татаръ, бурятъ, тунгусовъ и т. п., отброшенныя къ сѣверу отъ того пути, которымъ потекла русская жизнь и цивилизація. Проѣхавъ Сибирью, убѣждаешься въ величіи судьбы предначертанной русскому народу; то, что сначала казалось какой-то чудесной игрой случая административныхъ фантазій, является во всей силѣ и ясности неизбѣжнаго закона всемірной исторіи... У Тихаго океана эта трехъвѣковая, могучая ширь русской народности остановилась; идти ей дальше покуда некуда: къ сѣверу—Ледовитое море, съ востока—Великій океанъ и, наконецъ, на югѣ крѣпкія, тысячелѣтіями сложившіяся, много милліонныя народности, долго спавшія въ своихъ стѣнахъ, но теперь, когда стѣны эти пробиты англійскими пушками, постепенно выступающія на общее поприще народовъ.

Южно-Уссурійскій край—точка прикосновенія молодаго, русскаго народа съ этими древними, когда-то жившими и теперь вновь воскресающими въ исторіи расами. Край этотъ заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ по красотѣ природы, такъ и по богатству растительнаго и животнаго міровъ,

представляющихъ удивительную, въ высшей степени оригинальную, смѣсь формъ, свойственныхъ какъ сѣвернымъ широтамъ, такъ и тропическимъ странамъ. Въ предлагаемыхъ мною разсказахъ и очеркахъ я желаю, по силѣ возможности, познакомить читателей не только съ замѣчательной природой Уссурійскаго края, а также съ нравами, обычаями и характеромъ инородческаго населенія, съ преисполненной всевозможными опасностями и трудностями жизнью русскихъ промышленниковъ и піонеровъ-топографовъ, и, наконецъ, съ малоизвѣстнымъ бытомъ и внутренней жизнью каторжныхъ, нерѣдко болѣе несчастныхъ, чѣмъ преступныхъ, заслуживающихъ скорѣе сожалѣніе, чѣмъ огульное презрѣніе и осужденіе.

При этомъ считаю не лишнимъ предупредить читателей, что сюжеты предлагаемыхъ мною разсказовъ не есть плодъ воображенія, а взяты изъ случаевъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто въ Уссурійскомъ краѣ.

А. Я. Максимовъ.

С.-Петербургъ 1883 годъ.

Китобои.

Тихое, ясное, раннее утро; дальній востокъ румянится первыми лучами восходящаго солнца; море не шелохнется—точно замерло; высокіе, утесистые берега Гижигинской бухты смотрятся въ тихую гладь темнозеленыхъ, прозрачныхъ водъ океана. Кругомъ тишина, мертвая тишина. Чуя разсвѣтъ, жалобно свиснулъ гдѣ-то куликъ, и опять все замерло, стихло.

Въ глубинѣ бухты недвижно стоитъ небольшая, китобойная, парусная шхуна, рисуясь въ водѣ, какъ въ зеркалѣ; изліизанные волнами борта ея сплошь покрыты кровяными и жирными пятнами; видно давно уже не касалась ихъ ни щетка, ни кисть. Все спитъ на шхунѣ: даже кудластый Шарикъ, этотъ вѣрный и неутомимый стражъ, и тотъ забился подъ полубакъ, предаваясь сладкой, предразсвѣтной дремотѣ.

Востокъ румянится все больше и больше; уже полнеба обхвачено утреннимъ, нѣжнымъ, стыдливымъ румянцемъ. Съ прибрежныхъ камней поднялась ранняя чайка и огласила воздухъ рѣзкими, пронзительными криками; проголодавшаяся послѣ ночнаго сна, зорко всматривается она въ зеркальную поверхность спокойнаго моря и жадно ищетъ вкусной добычи. Въ одномъ мѣстѣ зарябила воду мелкая рыба; камнемъ упала чайка въ средину ряби и быстро поднялась въ небо, оглашая воздухъ

нетерпѣливымъ, жалобнымъ крикомъ; рябь исчезла, и рыба бросилась въ глубину—искать спасенія отъ страшнаго, прожорливаго врага. Вотъ показалась изъ-за горизонта золотая макушка солнца, какъ будто исподтишка высматривающаго, не пора-ли ему подняться съ ночнаго его ложа. Еще нѣсколько минутъ, и яркое свѣтило, отдѣлившись отъ кругозора, обдало тихую гладь спокойнаго моря цѣлымъ снопомъ свѣтлыхъ, играющихъ въ водѣ лучей. Проснулось все; стаи чаекъ заволновались въ воздухѣ, оглашая его невыносимо рѣзкими, непріятными криками. Съ ближняго озерка поднялись утки и длинной вереницей потянулись къ бухтѣ; грузно шлепнулись онѣ въ воду и важно поплыли, тщательно обчищая широкими носами крылья и хвосты. Тучи мелкихъ куликовъ заметались вдоль песчанаго берега, спѣша подобрать, выброшенныя услужливымъ приливомъ, ракушки и мелкую рыбу. Вотъ выплыла на бухту гагара; безпокойно озирается она во всѣ стороны и при каждомъ подозрительномъ шумѣ и всплескѣ моментально исчезаетъ подъ зеркальной поверхностью словно уснувшаго моря...

Проснулись и на шхунѣ; съ грязной, пропитанной кровью и жиромъ, палубы стали подниматься китобои, осѣняя грудь широкимъ крестомъ. Почесываясь и позевывая, пробираются они на бакъ, къ „братскому“ котлу, уже наполненному „кокомъ“ (судовымъ поваромъ) дымящимся, неизмѣннымъ горохомъ; ихъ загорѣлыя, обвѣтрившіяся, суровыя лица дышатъ отвагой и силой. Молча усѣлись они вокругъ котла, молча разобрали ложки и стали ѣсть, лѣниво и какъ-то нехотя: трудно пережевывался крѣпкій, затхлый сухарь... Позавтракали; обтерли ложки, кокъ прибралъ котелъ, отлилъ въ корыто порцію для голоднаго Шарика, а остальное выплеснулъ за бортъ. Чайки, какъ безумныя, заметались надъ плавающими остатками завтрака и жадно стали отбивать одна у другой крохотные кусочки еще не размокшаго сухаря.

Солнце поднялось уже довольно высоко; съ берега потянулъ легкій вѣтерокъ, едва зарябившій ясную гладь спокойнаго моря. Изъ кормоваго люка показалась плечистая, здоровая фигура, съ окладистой, темнорусой бородой, и пристально стала всматриваться въ горизонтъ, прикрывая глаза широкой ладонью. Это былъ хозяинъ судна, Савелій Никитичъ Зайцевъ, охотскій мѣщанинъ.

Прошло уже три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ Зайцевъ со своей шхуной изъ Аяна, а между тѣмъ ему удалось распластовать только одного небольшаго кита да нѣсколько десятковъ тюленей. Заходилъ онъ для промысла чуть-ли не во всѣ бухты Охотскаго моря, но все безуспѣшно: американскіе китобои опередили его и успѣли переловить или разогнать китовъ, собравшихся было въ бухты для метанія дѣтенышей. И пришлось Савелію, что называется, пользоваться объѣдками иностранныхъ, непрошенныхъ гостей, назойливыхъ пришельцевъ, распоряжающихся въ нашихъ водахъ, какъ у себя дома. Досадно это, правда, а ничего не подѣлаешь, потому что начальство смотритъ на чужеземный промыселъ у нашихъ береговъ сквозь пальцы.

Съ Савеліемъ вышелъ въ первый разъ на промыселъ его четырнадцатилѣтній сынъ, Иванъ; ужь какъ не хотѣла мать отпускать милаго Ванюшу, да не смѣла просить мужа оставить его дома.

— Довольно молодцу баловать, не пришитъ же онъ къ твоей юбкѣ,—говорилъ Савелій:—надобно ему и море показать, и съ промысломъ познакомить. Старъ буду, ему же придется на шхунѣ-то ходить, да погуливать. Шхуна не лошадь: сядешь да не поѣдешь.

Савелій былъ мужикъ суровый, строгій и бѣда какой разсчетливый: лишней копѣйки даромъ не пропуститъ. Работниковъ своихъ держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ и вообще не баловалъ ихъ ни пищей, ни обхожденіемъ.

— Распустить легко, а скрутить придется и эй скрутишь,—говаривалъ Зайцевъ:—Пойдешь въ море съ

вольной-то командой, того и смотри, что съ жиру сбѣсятся и меня же при случаѣ укокошатъ.

И онъ былъ правъ. Съ промышленниками надо было держать ухо востро и попридерживать ихъ на вожжахъ какъ можно туже, тѣмъ болѣе, что самъ Савелій даже не зналъ, что за люди промышляли съ нимъ. Паспортовъ у нихъ онъ не требовалъ и всегда считалъ это требованіе излишнимъ и для себя стѣснительнымъ.

— Не все-ли равно, съ паспортомъ у меня работникъ или безпаспортный,—говаривалъ обыкновенно Зайцевъ въ отвѣтъ на дружескія предостереженія жены:— Паспортъ человѣка не передѣлаетъ, да и что такое паспортъ—захотѣлъ и купилъ за полтину хоть дворянскій видъ. Мастеровъ разныхъ, сама знаешь, у насъ вѣдь непочатый уголъ. По мнѣ будь только человѣкъ здоровый, да работящій, ну, и милости просимъ. Каторжникъ-ли онъ, бѣглый или иной какой человѣкъ—мнѣ все равно. Промышляетъ себѣ хорошо, смиренъ, ну, и Богъ съ нимъ—пускай промышляетъ. По мнѣ, каторжный даже лучше, потому что пищей не избалованъ, да и въ страхѣ держать его легче.

Савелій обращался вообще съ промышленниками сурово. Только къ двумъ лицамъ на шхунѣ онъ чувствовалъ какую-то особенную слабость: къ своему Ванюшѣ и старому, ловкому гарпунщику, Якову Матвѣичу, какъ величали его всѣ шхунскіе. Въ присутствіи ихъ Савелій положительно перерождался: постоянно нахмуренный лобъ сглаживался и въ глазахъ его загорался ласковый, теплый огонекъ.

Охотскій мѣщанинъ, Яковъ Матвѣичъ Ряжевъ, былъ на шхунѣ, что называется, воротилой всего дѣла и правой рукой Зайцева; никто не зналъ лучше его мѣстъ, гдѣ чаще всего попадаются киты, гдѣ водятся тюлени; никто не зналъ лучше какъ добывать изъ этихъ громадныхъ млекопитающихъ спермацетъ, ворвань и китовый усъ.

Гарпуномъ своимъ Яковъ Матвѣичъ дѣйствовалъ мас-

терски: куда намѣтитъ, ни на дюймъ выше, ни ниже не возьметъ. Ряжевъ былъ также лучшій пловецъ на всемъ Охотскомъ морѣ. Внѣшность стараго гарпунщика совершенно не согласовалась съ его внутренними качествами. Кто только ни взглянетъ бывало на его коренастую, плечистую фигуру, въ парусинныхъ брюкахъ и рубашкѣ, пропитанныхъ дегтемъ и кровью, кто только ни взглянетъ бывало на его всклокоченную, сѣдую бороду, на нависшія брови, изъ подъ которыхъ сверкали всегда суровые, твердые глаза, тотъ непремѣнно говаривалъ: „Эге, Яковъ-то Матвѣичъ, видно, шутить не любитъ; неровенъ часъ—пожалуй и узелъ изъ тебя завяжетъ“. Ряжеву, между тѣмъ, никогда и въ голову не приходило вязать изъ кого-нибудь узлы; добродушнѣе и мягче человѣка трудно было найти. Никто не видѣлъ никогда не только его улыбки, но даже легкой усмѣшки; лицо его, при всѣхъ условіяхъ жизни, выражало одно: „берегись!“. Не смотря на такую видимую суровость Якова Матвѣича, всѣ шхунскіе души не чаяли въ немъ; каждаго слова его слушались больше, чѣмъ здоровыхъ кулаковъ Савелія.

* *
*

Долго всматривался Савелій въ горизонтъ, какъ бы выжидая, не блеснетъ-ли гдѣ высокая струя играющаго кита; наконецъ онъ глубоко вздохнулъ, отвелъ глаза отъ моря и оглядѣлъ шхуну. Китобои сидѣли на палубѣ, каждый за своимъ дѣломъ: кто остропливалъ блокъ, кто ставилъ на парусъ заплату, а кто сплесниваль порвавшуюся снасть. Яковъ Матвѣичъ сердито подтачивалъ свой вѣрный гарпунъ, точно досадуя, что на его долю пришлось въ это лѣто такъ мало работы.

— Эй, Яковъ Матвѣичъ! А, Яковъ Матвѣичъ,— крикнулъ Савелій:—полно тебѣ съ гарпуномъ то возится; пойдемъ въ каюту чай пить.

Яковъ Матвѣичъ нехотя поднялся съ своего мѣста, отложилъ гарпунъ въ сторону и, переваливаясь, подошелъ къ люку.

— Утро-то какое,—продолжалъ Савелій:—благодать, да и только. Не дастъ-ли Господь намъ добычки?

— Утро хорошее, — проворчалъ Яковъ Матвѣичъ, спускаясь за хозяиномъ въ каютку.

На столикѣ шипѣлъ уже самоваръ; Ванюша, русый, румяный, стройный мальчикъ, устанавливалъ посуду.

Молча усѣлся Ряжевъ на табуретъ и принялся за чай, упорно и угрюмо поглядывая на кончикъ своего носа; также молча взялись за свои кружки Савелій и Ваня. Уже показались на лбахъ первыя капли пота, а никто не нарушилъ еще безмолвія: молча наливали въ кружки чай, молча пили, словно всѣ дали зарокъ гробоваго молчанія. Каютная тишина нарушалась только звяканьемъ кружекъ и чайника, да жужжаніемъ мухъ, назойливо кружившихся надъ лежавшими на столикѣ обгрызанными кусочками сахара. Не смотря на приподнятый люкъ, въ каютѣ было душно. Эта духота лѣтняго, тихаго дня еще увеличивалась отъ почтенныхъ размѣровъ самовара, не перестававшаго кипѣть и парить, словно старый паровикъ.

Въ самый разгаръ молчаливаго чаепитья вдругъ послышалась на палубѣ суетливая бѣготня и глухой говоръ; одинъ изъ матросовъ перегнулся черезъ люкъ и какъ-то задыхаясь прокричалъ:

— Савелій Никитичъ а, Савелій Никитичъ, киты идутъ!

Прокричалъ и скрылся.

— Услышалъ мою молитву Господь,—проговорилъ Савелій Никитичъ, набожно осѣняя себя широкимъ крестомъ.

— Ну, Иванъ, скоро, значитъ, и домой, къ мамкѣ,— обратился онъ къ сыну и опрометью бросился наверхъ.

Хладнокровно допилъ Яковъ Матвѣичъ свою кружку чая, неторопливо вышелъ за хозяиномъ на палубу и спокойно, безъ суеты, началъ дѣлать необходимыя распоряженія. Ванюша дѣятельно помогалъ ему, весь розовый, отъ волненія и нетерпѣнія. Савелій пристально всма-

тривался въ двухъ плывущихъ гигантовъ, направляющихся въ глубь бухты, и торопилъ работниковъ снаряжать легкій китобойный вильботъ. Не чуя опасности, киты плыли въ двухъ стахъ саженяхъ отъ шхуны и мощно играли на спокойной, ясной поверхности моря. Играющіе киты—картина восхитительная, поразительная! Трудно описать эти удивительно сильныя и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозныя движенія гигантовъ; вода волновалась вокругъ нихъ, кипѣла какъ въ котлѣ и, казалось, боролась съ ними. Величественныя, высокія струи воды, вылетающія съ необыкновеннымъ шумомъ фонтанами изъ ноздрей китовъ, разсыпались въ воздухѣ на милліоны блестящихъ изумрудныхъ капель. Широкіе, могучіе хвосты ихъ то высоко вздымались надъ поверхностью моря, то усиленно рѣзали темнозеленыя воды бухты, разбрасывая въ обѣ стороны массу радужныхъ брызгъ.

Но вотъ вельботъ уже снаряженъ; Савелій сидитъ на кормовомъ веслѣ и горящими глазами жадно всматривается въ добычу; Яковъ Матвѣичъ неторопливо разбираетъ снасть отъ гарпуна и складываетъ ее въ чистую бухту. Ванюша, дрожа отъ нетерпѣнія, съ топоромъ въ рукѣ, примостился рядомъ съ гарпунщикомъ; четверо сильныхъ гребцовъ сидятъ по банкамъ (скамьи въ шлюпкѣ) и ждутъ только команды ударить въ весла.

— Отваливай! Съ Богомъ,—скомандовалъ Савелій!

— Благослови Господи, — проговорилъ Яковъ Матвѣичъ, набожно крестясь.

Быстро несется вельботъ, разсѣкая воду острой грудью; съ каждымъ взмахомъ веселъ онъ все ближе и ближе къ безпечно играющимъ китамъ; только пятьдесятъ саженъ отдѣляютъ промышленниковъ отъ ихъ добычи. Гребцы усиленно, дружно гребутъ; Яковъ Матвѣичъ уже держитъ гарпунъ на готовѣ, еще минута, и смертоносное оружіе глубоко вопьется въ мясистую, жирную спину ближайшаго гиганта. Но нѣтъ, Савелій слишкомъ погорячился, и киты во время замѣтили приближающихся враговъ; быстро поворотили они въ море,

взмахнули могучими хвостами и скрылись въ непзмѣримой глубинѣ.

— Шабашъ, переводи духъ! — скомандовалъ Савелій:—а тамъ и въ погоню!

Гребцы подняли весла и, тяжело дыша, стали отирать запотѣвшія лица. Яковъ Матвѣичъ положилъ гарпунъ на дно вельбота и пристально вглядывался вдаль, на сѣверъ. Дувшій съ берега вѣтеръ совершенно стихъ; вокругъ разлилась какая-то непонятная, что-то предвѣщающая тишина; въ воздухѣ чувствовалось что-то неясное, удушливое. На сѣверѣ, на самомъ почти горизонтѣ, показался небольшой клочекъ темной тучи. Солнце сильно пекло и сдѣлалось какимъ-то маленькимъ, съежившимся, краснымъ.

— Быть непогодѣ,—проворчалъ Яковъ Матвѣичъ.

Савелій взглянулъ на сѣверъ и мотнулъ головой.

— Ничего,—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ:—до непогоды успѣемъ загарпунить хоть одного китишку. Эй, молодцы!—крикнулъ онъ гребцамъ:—разбирай весла, давай ходъ.

Онъ поворотилъ вельботъ вслѣдъ за китами, которыя опять показались на поверхности моря и быстро шли все дальше и дальше отъ берега.

— Навались, молодцы, дай ходъ!—поощряетъ Савелій.

Вельботъ несется стрѣлой; разстояніе до китовъ замѣтно уменьшается. Прошло съ полчаса; пихуна едва видѣется въ прибрежной мглѣ, не имѣя возможности слѣдовать за отважными промышленниками. Киты уже совсѣмъ близко; еще двадцать, тридцать взмаховъ и Яковъ Матвѣичъ заработаетъ... Савелій не горячится и ловко скрывается отъ безпечно играющихъ гигантовъ. Прошла тревожная минута и старый промышленникъ высоко взмахнулъ своимъ гарпуномъ и крѣпкой рукой съ силой бросилъ его въ ближайшаго кита. Со свистомъ прорѣзалъ гарпунъ воздухъ и глубоко вонзился въ мясистую, жирную спину гиганта. Судорожно вздрогнулъ китъ, почуявъ въ своемъ тѣлѣ холодное желѣзо, съ силой

ударилъ могучимъ хвостомъ и молніей скрылся въ глубинѣ; взволновавшаяся поверхность моря окрасилась алой кровью. Быстро сматывается снасть съ вьюшки; быстро несется вельботъ вслѣдъ за убѣгающей добычей, несется безъ устали и уже безъ человѣческой помощи. Подъ его острымъ носомъ вода бурлитъ и пѣнится, обдавая холодными брызгами разгорѣвшееся отъ волненія лицо Ванюши, крѣпко сжавшаго въ рукахъ довѣренный ему топоръ. Онъ хорошо знаетъ свое дѣло и зорко слѣдитъ за быстро сматывающеюся съ вьюшки снастью. Еще минута подобнаго безумнаго бѣга раненаго гиганта и снасть придется обрубить. Вдругъ она разомъ ослабла, и измученный китъ появился на поверхности моря; слабо взмахнулъ онъ своимъ обезсиленнымъ хвостомъ и опять скрылся въ глубинѣ, таща за собой своихъ назойливыхъ, опасныхъ враговъ. Съ каждымъ моментомъ теряется энергія, угасаетъ сила раненаго гиганта. Скорость вельбота замѣтно уменьшается. Еще моментъ, и онъ остановился совсѣмъ, слегка покачиваясь на зеркальной поверхности моря. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ отъ него тяжело вынырнула изъ воды громадная, черная спина загарпуненнаго кита и недвижно замерла въ темнозеленомъ фонѣ, словно уснувшаго моря. Гарпунъ, брошенный ловкой, сильной рукой, сдѣлалъ свое трудное дѣло! Раздалось дружное, радостное „ура“ промышленниковъ. Только одинъ Яковъ Матвѣичъ не радуется дѣлу своихъ мастерскихъ рукъ и продолжаетъ сурово посматривать на сѣверъ и глазъ не можетъ оторвать отъ подозрительной, постояно увеличивающейся темной тучи. Шхуны уже не видно; высокій берегъ едва синѣетъ вдали, выдѣляясь на горизонтѣ легкой полосой.

— Быть непогодѣ,—ворчитъ Яковъ Матвѣичъ угрюмо.

Савелій быстро взглянулъ на сѣверъ и заторопилъ гребцовъ.

Въ воздухѣ дѣлалось, между тѣмъ, все удушливѣе и удушливѣе: темная туча уже закрыла полнеба и опускается все ниже и ниже, словно хочетъ придавить со-

бой море. Блеснула молнія, раздался сильный ударъ грома. Съ сѣверо-запада налетѣлъ сразу страшный порывъ, и опять наступило какое-то ужасающее, страшное безмолвіе. Темныя тучи несутся съ демонской быстротой, постоянно клубясь съ какимъ-то страшнымъ, непріятнымъ шумомъ. Море вдали вспѣнилось, забурлило какъ въ котлѣ и застонало; сильный вѣтеръ разметывалъ по воздуху тучи брызгъ и съ ревомъ несъ ихъ къ вельботу. Еще минута—и море заволновалось кругомъ; длинныя молніи прорѣзаютъ мрачное, страшное небо. Вельботъ судорожно прыгаетъ съ волны на волну, содрагаясь отъ сильныхъ ударовъ грома. Начали падать сперва отдѣльныя, очень крупныя дождевыя капли, затѣмъ все скорѣе и скорѣе, все гуще и чаще и, наконецъ, разразился страшный ливень. Громъ, молнія, вихрь и какой-то необъяснимый шумъ все усиливаются и усиливаются; въ воздухѣ ощущается сильный холодъ. Вотъ упали, едва замѣтными зернами, первыя градины; съ каждымъ слѣдующимъ моментомъ градъ бьетъ по волнамъ все чаще и чаще, все крупнѣе и крупнѣе, и, наконецъ, сыплется съ страшной трескотней такъ густо, что среди градинъ едва можно различить дождевыя капли. Разразилась во всей своей силѣ грозная буря съ градомъ! Море вспѣнилось; огромныя волны вздымаются напоромъ страшнаго вѣтра и обрушиваются на слабый вельботъ. Напрасно поощряетъ Савелій гребцовъ: измученные, промокшіе, они уже не въ силахъ бороться съ разсвирѣпѣвшей стихіей.

Яковъ Матвѣичъ и Ванюша садятся также въ весла, но безуспѣшно: вельботъ продолжаетъ неистово прыгать на одномъ мѣстѣ и скрипитъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Вотъ бѣжитъ на вельботъ высокая, бурливая волна; бѣлый гребень ея сердито завернулся впередъ и шипитъ съ какимъ-то роковымъ клокотаніемъ; бурно подбѣгаетъ волна подъ днище и словно къ небу подбрасываетъ легкую скорлупу. Не выдержали страшнаго удара двое изъ гребцовъ и выпустили весла изъ онѣмѣвшихъ, въ кровь

натертыхъ рукъ. Набѣжала вторая, не менѣе грозная, волна и поставила вельботъ поперегъ волненія.

Нѣтъ больше силъ бороться съ постоянно свѣжеющей непогодой; промышленники измучились до того, что едва шевелятъ окоченѣвшими руками. Наступила ночь, страшная, темная ночь; положеніе китобоевъ стало еще безнадежнѣе, безвыходнѣе; среди окружающаго мрака опасность казалась несравненно страшнѣе и грознѣе. Вельботъ безпомощно то взлеталъ на бѣлѣющія, рокочущія вершины валовъ, то съ ужасающей стремительностью бросался въ бурныя, холодныя объятья негостепріимнаго моря. Китобои, безъ слова, безъ вздоха, безъ крика, угрюмо встрѣчали ежеминутную смертельную опасность и, казалось, замерли въ ожиданіи чего-то невыносимо ужаснаго и неотвратимаго. Жизнь ихъ въ рукахъ Божіихъ; они сознавали, что только Провидѣніе можетъ отстранить отъ нихъ близкостоящую, суровую смерть!

Около полуночи, вѣтеръ, почти моментально, перешелъ къ юго-западу и заревѣлъ еще съ большей силой. Небо очистилось и осыпалось мерцающими звѣздами. Валы уже не бѣжали, а неистово, грозно прыгали на одномъ мѣстѣ. Вельботъ трещалъ въ этой ужасной толчеѣ и, казалось, былъ въ предсмертной, судорожной агоніи. Съ отчаянной энергіей отливали китобои постоянно прибывающую воду; напрасный трудъ, напрасная энергія: минуты вельбота уже сочтены. Грозно набѣжалъ на него остервенѣлый валъ и накрылъ своимъ страшнымъ, фосфорически горящимъ гребнемъ; содрогнулся вельботъ всѣмъ расшатаннымъ своимъ корпусомъ и пошелъ ко дну. Ни вопля, ни крика о помощи; волна точно накрыла неодушевленный предметъ.

Набѣжала вторая волна и разбросала китобоевъ въ разныя стороны; облегченный вельботъ вынырнулъ и повернулся вверхъ килемъ. Судорожно бьются промышленники среди бушующихъ валовъ, стараясь добраться до опрокинутой шлюпки. Савелій уже вцѣпился въ киль и

воспаленными глазами ищетъ своего милаго Ванюшу. За нимъ подплыли къ вельботу два гребца и Яковъ Матвѣичъ.

— Ванюши нѣтъ!—хрипло прокричалъ ему Савелій и судорожно зарыдалъ. Яковъ Матвѣичъ безъ слова оставилъ вельботъ и поплылъ среди громоздящихся одна на другую волнъ. Вотъ показался на вершинѣ ближайшей волны какой-то темный, неясный предметъ; борется до изнеможенія старый гарпунщикъ, чтобы только добраться до этого предмета: не Иванъ-ли? Гарпунщикъ уже близко, но онъ ясно различаетъ только колыхающееся ведро; сердце его болѣзненно сжалось. Страшно стало Якову Матвѣичу за Ваню; ему вдругъ представилось, что бѣдный мальчикъ, можетъ быть въ десяти шагахъ отъ него, растрачиваетъ въ борьбѣ съ волнами свои послѣднія слабыя силы, можетъ быть уже гибнетъ и нѣтъ около никого, кто бы протянулъ ему руку помощи. Яковъ Матвѣичъ отчаянно глянулъ вокругъ себя: вонъ колышется опрокинутый вельботъ съ торчащими около него тремя головами, вонъ и ведро, къ которому онъ только что подплывалъ... а это что? Старый гарпунщикъ всмотрѣлся и вздрогнулъ; почти около него тяжело колыхался вельботный люкъ, на которомъ лежалъ, обхвативъ его руками Ванюша.

Онъ былъ еще въ памяти и, увидѣвъ около себя Якова Матвѣича, закричалъ о помощи молящимъ, дѣтскимъ голосомъ, уже охрипшимъ и надорваннымъ. Не теряя времени, подплылъ къ нему гарпунщикъ, снялъ съ люка и поплылъ съ нимъ къ вельботу. Долго боролся Яковъ Матвѣичъ съ крутыми волнами, пока не достигъ опрокинутаго вельбота; не разъ волна накрывала его съ головой, но онъ бодро выплывалъ опять на поверхность моря, поддерживая одной рукой совершено ослабѣвшаго мальчика. Но вотъ и вельботъ! Старый гарпунщикъ поборолъ волны и примкнулъ къ своимъ товарищамъ.

Трудно описать невъяснимое чувство, съ которымъ принялъ Савелій Никитичъ въ свои объятья сына, ко-

тораго считалъ уже погребеннымъ въ ужасной, холодной пучинѣ; изъ его надорванной груди вырвался какой-то неуловимый крикъ, въ которомъ одновременно слышались: и счастіе, и сомнѣніе, и надежда...

Измученный Ванюша ухватился за вельботный киль и, поддерживаемый отцомъ, вступилъ въ отчаянную борьбу съ налетающими волнами, силящимися оторвать промышленниковъ отъ единственнаго якоря спасенія; не менѣе измученный долгой борьбой съ разсвирѣпѣвшимъ моремъ, вцѣпился старый гарпунщикъ крѣпкими руками въ вельботъ и молча, угрюмо сносилъ удары валовъ.

Жутко промышленникамъ среди холоднаго, бушующаго моря; надежды на спасеніе мало, почти нѣтъ; мѣсто глухое, рѣдко посѣщаемое; берегъ слишкомъ далекъ. На помощь шхуны надѣяться трудно; она сама, пожалуй, разбилась съ оставшимися промышленниками, сама нуждается въ помощи. Господи Боже! и впереди еще ночь, безконечно длинная, страшная ночь; судорожно ухватившись окоченѣвшими руками за вельботъ, промышленники съ нетерпѣніемъ, жадно ждутъ утра, жадно ждутъ благодѣтельнаго солнца, хоть осмотрѣться да поискать средства спасенія. Ослабѣвшій Ванюша поочереди поддерживается то отцемъ, то старымъ гарпунщикомъ; безъ слова передаютъ они одинъ другому несчастнаго, дорогого мальчика; они боятся высказать другъ другу свои сомнѣнія и надежды, стараются даже избѣжать намека на возможность или невозможность спасенія. Медленно идетъ ночь. Каждая минута кажется часомъ. О, Господи, скоро-ли утро?

* *
*

Ярко выглянуло солнце изъ-за горизонта и залило необъятную поверхность моря; непогода стихла, слабый юго-западный вѣтеръ гонитъ передъ собой ровную, небольшую волну; грузно колышется въ волнахъ громадное тѣло кита, уже сплошь усѣянное сотнями прожорливыхъ чаекъ; еще тысячи голодныхъ чаекъ кружатся съ про-

зительными криками въ воздухѣ и стаями нападаютъ на своихъ счастливыхъ соперницъ, долбящихъ кривыми клювами крѣпкій трупъ гиганта. Сбитыя съ позиціи, чайки подымаются въ небо и оглушаютъ воздухъ раздраженными, рѣзкими, жалобными криками; черезъ минуту вступаютъ онѣ опять въ борьбу и съ боею занимаютъ свое мѣсто на жирномъ хребтѣ кита. Такимъ образомъ, въ воздухѣ и на спинѣ гиганта идетъ шумная, безконечная борьба изъ за дароваго угощенія. Почти рядомъ, всего въ полумилѣ разстоянія, идетъ борьба другаго рода, страшная, отчаянная борьба пяти человѣкъ съ неумолимой смертью, охватывающей уже ихъ своими цѣпкими руками. Тяжелая, бурная, невыносимая ночь отняла у нихъ послѣднія силы; едва держатся они за печальный островъ вельбота, съ нѣмымъ отчаяніемъ вглядываясь въ безграничный горизонтъ... Вмѣсто надежды и радости, утро принесло имъ полную безнадежность; кругомъ необъятное море, море уже спокойное, тихое, но, въ тоже время, страшное своей пустынностью. Напрасно обѣгаютъ воспаленные взоры горизонтъ, напрасно ищутъ они, нѣтъ-ли гдѣ спасенія и помощи: кругомъ одно блестящее море, слившееся нераздѣльно съ чистымъ, ярко-синимъ небосклономъ. Природа словно смѣется надъ несчастными страдальцами, изнывшими за ночь подъ давленіемъ тревожныхъ, тяжелыхъ ожиданій смерти. Блестящее, свѣтлое солнце, кажется, улыбается и манитъ къ жизни, манитъ тѣхъ, кто уже потерялъ надежду на жизнь... Наступившій, ясный радостный день для нихъ страшнѣе только что прошедшей ужастной ночи, полный невыразимыхъ мукъ и страданій... Китобоямъ кажется, что умереть въ ночномъ мракѣ, умереть въ хаосѣ, среди страшной, грозной непогоды несравненно было бы легчѣ, чѣмъ ждать близящейся, неумолимой смерти при полномъ блескѣ солнца и Божьяго дня, на лонѣ спокойнаго, почти уснувшаго, моря.

Изможденныя, изстрадавшіяся лица промышленниковъ выражаютъ одно безпредѣльное отчаяніе и безнадежность;

одна ночь сдѣлала ихъ дряхлыми, немощными стариками, глубокія, страдальческія морщины изрыли лица китобоевъ; глубоко впавшіе глаза ихъ смотрятъ дико и воспаленно. Ванюша давно уже безъ сознанія; съ нечеловѣческими усиліями поддерживается онъ уже ослабѣвшимъ, истомленнымъ Савеліемъ, изрѣдка передающимъ его на руки не менѣе измученному гарпунщику. Наступилъ полдень. Палящее солнце поднялось почти до зенита и страшно жжетъ воспаленныя головы несчастныхъ страдальцевъ; жгучая, нестерпимая жажда томитъ промышленниковъ, и нечѣмъ утолить ее, они испытываютъ невыносимыя мученія Тантала! По плечи погруженные въ освѣжающую, прозрачную влагу, они не могутъ пить ее! Каждый глотокъ этой горько-соленой воды возбуждаетъ нестерпимую рвоту и спазмы...

— Простите, братцы!—хрипло пробормоталъ одинъ изъ промышленниковъ и, какъ камень, пошелъ ко дну.

Не выдержали закоченѣлыя руки, не въ моготу было дальше держаться. Однимъ страдальцемъ стало меньше!

Смерть товарища оставшіеся въ живыхъ приняли апатично, какъ-то тупо. Все равно! Рано или поздно, и имъ придется послѣдовать за товарищемъ, въ холодную влажную могилу. Къ вечеру, также тихо, сорвался второй промышленникъ; у вельбота остались Савелій и гарпунщикъ, попеременно поддерживающіе безпамятнаго Ивана. Любовь и привязанность къ несчастному мальчику утроили ихъ силы; но и этой возбужденной, нервной силѣ пришелъ конецъ! Гарпунщикъ, передавъ Ивана Савелію, палъ, отъ истомленія, въ тупое забытье. Савелій чувствовалъ тоже, что онъ уже не въ силахъ поддерживать дорогое для него существо и съ необъяснимымъ страхомъ взглянулъ въ помертвѣвшее лицо сына.

— Живъ или мертвъ? — мелькнуло вдругъ въ его напряженномъ мозгу.

— Живъ, — подсказало ему сердце: — живъ: — но неужели собственными руками придется опустить полуживаго сына въ холодную могилу?

— Нѣтъ, нѣтъ, такому страшному дѣлу не бывать; есть еще силы: продержу его до утра, а тамъ Господь пошлетъ милосердную помощь!

И Савелій, съ судорожнымъ, нервнымъ усиліемъ старался поддержать сына еще нѣсколько, невыносимо тяжелыхъ, страдальческихъ минутъ.

— Возьми Ивана! — простоналъ ослабѣвшій Савелій по истеченіи этихъ тяжелыхъ минутъ.

Ни слова въ отвѣтъ; старый гарпунщикъ слышитъ страшный стонъ своего друга и товарища, но не въ силахъ помочь ему: онъ самъ находится уже въ состояніи полнаго, конечнаго изнеможенія. Безпомощно взглянулъ онъ въ сторону Савелія, и двѣ крупныя, можетъ быть первыя въ жизни, слезы скатились по его закоруэлымъ щекамъ и затерялись въ склокоченной, сѣдой бородѣ. Судорожно, крѣпко поцѣловалъ Савелій сына... и опустилъ его въ давно ожидавшую могилу... Безумно смотритъ онъ въ неизмѣримую глубину, словно желая провидѣть, на какое ложе опустится трупъ дорогаго существа. Его воспаленные, сухіе глаза блестятъ какимъ-то лихорадочнымъ, безумнымъ огнемъ; онъ хочетъ рыдать, но рыданія эти только клокочутъ внутри, разрываютъ грудь, терзаютъ сердце. Онъ страдаетъ невыносимо; ему кажется, что кто-то бьетъ его по головѣ тяжелымъ молотомъ, бьетъ безъ конца, немилосердно, безъ устали; ему кажется, что мозгъ его постепенно увеличивается и вотъ-вотъ разорветъ на части черепъ. Въ глазахъ радужные круги; ростутъ они все шире и шире, и, наконецъ, Савелій впалъ въ странное тяжелое забытье.

* *
*

Тихое, ясное раннее утро; дальній востокъ румянится первыми лучами восходящаго солнца; море не шелохнется—точно замерло. Отважный орочонъ плыветъ въ своей легкой, берестяной скорлупѣ и зорко высматриваетъ на прибрежныхъ камняхъ успувшихъ тюленей. Случайно взглядываетъ онъ на горизонтъ и вздрагиваетъ: въ полу-

милѣ отъ берега увидѣлъ онъ какой-то темный, большой предметъ, похожій на опрокинутую шлюпку. Ловко взмахнулъ орочонъ весломъ и стрѣлой понесся къ случайной добычѣ; съ каждымъ ударомъ весла онъ ближе и ближе къ неизвѣстному еще предмету; но вотъ уже совершенно ясно можно различить, что на поверхности моря колышется опрокинутый, разбитый китобойный вельботъ. Еще нѣсколько сильныхъ гребковъ, и орочонъ около него; онъ радуется богатой добычѣ; сколько необходимой, дорогой для дикаря, мѣди и желѣза добудетъ орочонъ съ этой разбитой шлюпки! Вдругъ взоръ его поражается двумя безпомощными тѣлами, крѣпко судорожно прильнувшими къ противоположной сторонѣ вельбота. Въ недоумѣніи остановился орочонъ, крѣпко сжавъ въ рукахъ тонкое весло; съ дикимъ любопытствомъ осматриваетъ онъ, повидимому, безжизненные трупы китобоевъ. Орочонъ хочетъ уже оставить страшную добычу, какъ одинъ изъ труповъ зашевелился и глухо застоналъ; осторожно подъѣхалъ дикарь къ очнувшемуся гарпунщику.

— Одного могу взять; опорочка не выдержитъ больше, — проговорилъ орочонъ: — садись ты, а тамъ и за товарищемъ заѣду!

— Возьми товарища раньше, — простоналъ Яковъ Матвѣичъ: — а меня потомъ...

Осторожно склонился орочонъ къ Савелью, ловко подхватилъ его подъ мышки и бережно перевалилъ въ свою берестяную валкую скорлупу. Стрѣлой несется орочонъ къ берегу, торопится сдать въ вѣрныя руки несчастнаго китобоя и спѣшитъ обратно къ вельботу. Вотъ онъ уже близко, онъ уже почти у вельбота, около котораго, за часъ передъ тѣмъ, оставилъ другаго китобоя. Но гдѣ же старый, честный гарпунщикъ?

Не вѣря глазамъ своимъ, нѣсколько разъ объѣзжаетъ орочонъ вельботъ и тщетно ищетъ оставленнаго страдальца; тихо колышется вокругъ вельбота прозрачная вода, точно зализывая его избитые, израненные бока; ни слѣда, ни признака, что, можетъ быть всего только

нѣсколько минутъ тому назадъ, боролся здѣсь со смертью отважный китобой, боролся отчаянно, безнадежно, и смерть его одолѣла именно когда спасеніе было близко и возможно. Что случилось съ самоотверженнымъ гарпунщикомъ въ теченіи истекшаго часа — никому неизвѣстно; тайну своей страшной смерти онъ унесъ на дно глубокаго, безграничнаго моря. Миръ праху твоему, честный, отважный труженикъ!

Ждетъ не дождется Наталья Зайцева своего милаго Ванюшу; кажется и время быть ему уже дома, а между тѣмъ нѣтъ его да нѣтъ. Невыносимо болитъ сердце у бѣдной, измученной ожиданіями, женщины; ее то терзаютъ какія-то страшныя сомнѣнія, то, словно бальзамъ, вливается въ сердце сладкая надежда. Одно время ей кажется, что Ванюшу ужь больше не увидитъ, что онъ ужь схороненъ на днѣ глубокаго моря—и она плачетъ, плачетъ безъ конца, сама не зная о комъ и о чемъ. Черезъ минуту ей уже чудится, что Ванюша близко, что завтра, много послѣ завтра, она прижметъ его къ своей наболѣвшей, изнывшей груди, и Наталья улыбается, радостно, съ надеждой смотритъ на горизонтъ полными еще слезъ глазами. И такъ, безъ конца, изо дня въ день!

Наступила глубокая осень; грустно тяжело проводитъ свои дни измученная, изстрадавшаяся мать; съ утра до вечера, съ вечера до утра поджидаетъ она милыхъ сердцу, чутко прислушиваясь къ каждому шуму, шороху и раздавшемуся слову; сотни разъ на дню выбѣгаетъ она изъ дому, заслышавъ какъ будто знакомые шаги, знакомый голосъ.

* *
*

Зимній, темный вечеръ; съ отчаянной мольбой упала Наталья передъ образомъ Николая Чудотворца и проситъ его святаго заступничества; нѣтъ словъ для молитвы, но сердце ея полно самыми трогательными слезами; пытливо смотритъ она воспаленными глазами на образъ, точно ожидая отъ Чудотворца отвѣта на свои сердечные вопросы. Вотъ скрипнула въ сѣняхъ дверь и по корридору

раздались чьи-то незнакомые, тяжелые шаги; сердце бѣдной женщины колыхнуло какое-то невѣдомое, непзъяснимое чувство. Бросилась Наталья къ дверямъ и отшатнулась, широко раскрывъ свои, когда-то свѣтлые, красивые, теперь выплаканные, глаза: передъ ней стоялъ Савелій, но не тотъ темнорусый, сильный Савелій, котораго, полъ-года тому назадъ, она провожала со слезами на промыселъ, а Савелій сѣдой, сгорбленный, съ изможденнымъ, изстрадавшимся лицомъ. Нѣсколько секундъ она стояла передъ мужемъ безъ слова, безъ движенія, точно собираясь съ мыслями, точно вдумываясь: видитъ-ли она передъ собой страшный призракъ или живаго человѣка. Наталья пытливо смотрѣла въ глаза мужа, точно требуя отъ него отвѣта на страшный, нѣмой вопросъ. Вдругъ ужасная мысль, какъ молніей, прорѣзала все ея существо; съ воплемъ глубокаго, безграничнаго отчаянія упала она на руки Савелія и поняла все, поняла ясно, что Ванюши уже нѣтъ, что дорогой Ванюша ея тамъ, глубоко, и ужь никогда больше не увидитъ она его румянаго, милаго лица, его кудрявой, русой головки! Ужь никогда больше не придется ей ласкать своего дорогаго мальчика, перебирать его мягкія кудри, цѣловать его невинныя, ясныя очи! Схороненъ онъ въ холодной, великой могилѣ, на днѣ безграничнаго, вѣчно шумнаго океана, схороненъ безъ материнскаго поцѣлуя, безъ святаго напутствія и причастія. Только буйный вѣтеръ будетъ пѣть надъ нимъ безконечную похоронную пѣсню, пока волны не выбросятъ его на прибрежный песокъ и хищныя птицы не разнесутъ его бѣлыхъ костей на всѣ четыре стороны!

Піонеры и оспопрививатели.

I.

Грюмы и пустыни берега Татарскаго пролива; куда ни взглянешь — высятся къ небу песчаниковыя скалы, прикрытыя мохнатой, вѣчно зеленѣющей шапкой сосенъ, кедровъ и елей. Высокій, неизслѣдованный еще, хребетъ Сихотъ-Алинъ тянется съ юга на сѣверъ, отдѣляя отъ прибрежья злосчастную долину рѣки Уссури; мрачно смотритъ хребетъ своими неизвѣданными, глубокими лощинами, своими таинственными, темными пропастями, падями и щетинистыми вершинами.

Вѣчный, неумолчимый бурунъ бьетъ у этихъ густыхъ, непривлекательныхъ береговъ, оттѣняя ихъ бѣлой, блестящей пѣной; тысячи разнородныхъ морскихъ птицъ, не пуганныхъ еще громомъ ружейнаго выстрѣла, таятся на этихъ дикихъ скалахъ, оглашая воздухъ разнообразными, рѣзкими криками. На плоскихъ прибрежныхъ камняхъ лѣниво грѣются на лѣтнемъ, теплом солнцѣ тюлени и моржи, зорко охраняемые выставленными часовыми; часовые не дремлютъ, и, при первомъ подозрительномъ движеніи или шумѣ, извѣщаютъ своихъ товарищей объ угрожающей имъ опасности; разомъ просыпается стадо и

кубаремъ скатывается съ камней въ море. Рѣдко, рѣдко пройдетъ въ виду этого неизвѣданнаго берега какое-нибудь судно и нарушитъ на короткое время своимъ движеніемъ общее спокойствіе.

Полдень; жаркое іюльское солнце стоитъ въ небѣ раскаленнымъ шаромъ; въ воздухѣ душно, не смотря на легкій, морской вѣтерокъ; коробится листъ, грустно приникаетъ къ землѣ трава и склоняютъ цвѣты свои граціозныя головки подъ жгучими лучами; птица и звѣрь попрятались въ прохладныя, густо заросшія, лощины, въ таинственныя, недоступныя для человѣка убѣжища, подъ вѣчную тѣнь неизвѣданной, непроходимой тайги. Природа погружена въ тяжелый, полуденный сонъ.

На крутомъ, возвышенномъ мысу, въ тѣни кудрявой, дубовой рощи, мирно притаились двѣ небольшія, ветхія палатки; едва колышется на одной изъ нихъ порванный, грязный флагъ, прибитый къ необтесанному, сучковатому шесту. Полы этой палатки раскрыты; въ одномъ углу, на постланной кошмѣ, раскинулся человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма симпатичной наружности; открытое, загорѣлое, давно уже небритое, лицо его дышетъ энергіей и отвагой; небольшіе, русые усы придаютъ ему воинственный, бравый видъ; высокій, выпуклый лобъ обрамленъ густыми, зачесанными назадъ, волосами.

Передъ нами одинъ изъ піонеровъ нашего дальняго востока—классный топографъ Ниловъ, передъ нами одинъ изъ неизвѣстныхъ, упорныхъ тружениковъ, постепенно освѣщающихъ своими работами и изслѣдованіями самые таинственные, сокровенные уголки нашего обширнаго отечества; передъ нами одинъ изъ „подчиненныхъ,“ пробирающихся, по указанію „начальствующихъ“, въ дикія, глухія, ненаселенныя мѣста, одинъ изъ честныхъ работниковъ, рѣдко награждаемыхъ и всегда остающихся за спиной своихъ постоянно отличаемыхъ и ничего недѣлающихъ начальниковъ.

Прошло уже больше мѣсяца, какъ Ниловъ былъ высаженъ, съ десятью солдатами сибирскаго батальона, на

непривѣтливый, дикій берегъ и предоставленъ своимъ слабымъ, плохо разсчитаннымъ силамъ. Выброшенный съ трехъ мѣсячнымъ запасомъ сухарей и солонины, безъ всякихъ средствъ передвиженія по глухой, непроходимой тайгѣ, онъ находился въ положеніи безвыходномъ. Для него предстояла трудная, нечеловѣческая задача: съ людьми, незнакомыми съ самыми элементарными пріемами топографическихъ работъ, онъ долженъ былъ, въ трехъ мѣсячный срокъ, произвести инструментальную съемку береговой полосы, на протяженіи ста слишкомъ верстъ, долженъ былъ изслѣдовать мѣстность въ топографическомъ, геологическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ, собрать коллекціи растеній, насѣкомыхъ и морскихъ животныхъ, добыть экземпляры неизвѣстныхъ еще натуралистамъ красныхъ волковъ, полную коллекцію пластовыхъ породъ и т. д. и т., д. безъ конца.

Обстоятельно составленная въ кабинетѣ программа изслѣдованій и работъ была переполнена такой массой научныхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ даже хорошо снаряженной, ученой экспедиціи пришлось бы работать не менѣе года. Между тѣмъ, по высшимъ соображеніямъ, всю эту гигантскую работу обязанъ былъ выполнить одинъ человѣкъ, снабженный плохими, только крайне необходимыми инструментами, и при помощи десятка отъявленныхъ негодяевъ и лѣнтяевъ, откомандированныхъ батальономъ, чтобы сбыть никуда негодный, въ конецъ испорченный элементъ.

Истекшіе полтора мѣсяца были для Нилова однимъ нескончаемымъ рядомъ лишеній и страданій, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ. Съ перваго же дня работы онъ началъ хлопотать о перевозочныхъ средствахъ; съ большимъ трудомъ удалось ему, наконецъ, добыть отъ встрѣчныхъ гиляковъ неуклюжую, валкую лодку, выдолбленную изъ большаго, толстаго дуба. Сложилъ онъ на дѣвственную эту ладью инструменты и провизію, далъ своей неумѣлой командѣ въ руки весла и поѣхалъ вдоль неизвѣстнаго, опаснаго берега. Все

шло благополучно, пока не явилась надобность пристать къ берегу; незнакомый съ условіями приставанія, при бурунахъ, Ниловъ съ перваго же раза едва не отправился ко дну со всей командой, инструментами и провизіей. Благодоря только счастливой случайности, все ограничилось страхомъ и подмочкой провизіи.

Маленькое крушеніе это не осталось, однако, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій: смоченная морской водой, крупа оказалась негодной къ употребленію, сухари начали плѣсневѣть и гнить, солонина портиться. Достать свѣжей провизіи было неоткуда: самыя близкія гиляцкія и тунгузскія юрты находились въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, а высадившее топографическую партію судно ожидалось не ранѣе трехъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, чуть-ли не съ перваго же дня пришлось партіи питаться тухлой солониной и затхлыми, гнилыми сухарями. Между тѣмъ, данныя инструкціи требовали немедленной работы, и... работа началась; трудно описать всѣ малѣйшія подробности полуторамѣсячныхъ похожденій голодающей по непроходимымъ тайгамъ партіи. Съ каждымъ шагомъ приходилось прорубать дорогу топоромъ, приходилось бороться съ массой всевозможныхъ, тяжелыхъ лишеній, передъ которыми затмѣваются фантастическія лишенія всевозможныхъ изслѣдователей центральной Африки, совершающихъ свои комфортабельныя путешествія при громадныхъ матерьяльныхъ средствахъ. Послѣ невъяснимыхъ мытарствъ и страданій, Ниловъ добрался, наконецъ, до той дубовой рощи, въ которой мы застали его отдыхающимъ послѣ тяжелой, утренней работы.

* *
*

Солнце едва начало склоняться, когда проснулся Ниловъ и быстро вскочилъ на ноги, обутыя въ длинные сапоги со сбитыми каблуками и драными подошвами. Сапоги эти давно уже отказывались служить бравому топографу, но, за неимѣніемъ другихъ, отставки не по-

лучали и продолжали хлябать на изпывшихъ ногахъ; морская вода и грязь, острые камни и ежедневныя, почти тридцативерстныя, прогулки по скаламъ, хребтамъ, оврагамъ и долинамъ превратили ихъ въ какіе-то закорузлые чоботы; сапоги эти пропускали воду, жидкую грязь и песокъ, даже кусочки дерева и камня. Ниловъ не унывалъ и считалъ себя счастливымъ, что у него есть еще на ногахъ подобіе сапогъ, которые все-таки нѣсколько предохраняли его ноги отъ ранений и ушибовъ. Расположеніе духа его, впрочемъ, постоянно омрачалось видомъ оборванной, необутой команды. Дѣйствительно, она была обмундирована съ такимъ безстыдствомъ, съ какимъ не рѣшались даже обмундировывать поддонки турецкой иррегулярной арміи, разные бимбаши, въ самые критическіе, финансовые моменты Порты; одѣяніе нѣкоторыхъ піонеровъ состояло только изъ рваной ситцевой рубахи и холщевыхъ брюкъ; головы большинства, за неимѣніемъ фуражекъ или шапокъ, были повязаны грязными тряпицами. Всѣ, безъ исключенія, страдали полнымъ отсутствіемъ обуви.

Ниловъ вышелъ изъ палатки.

— Корневъ!—крикнулъ онъ: буди команду на работу! Пора!

Нехотя, лѣниво поднялся съ своего послѣобѣденнаго ложа сутуловатый, неказистый солдатъ и сталъ расталкивать спящихъ товарищей.

— Вставай,—приговаривалъ онъ каждому:—полно-те дрыхать-то...

Лѣниво почесываясь, громогласно зѣвая и причитывая, стали, подниматься оборванные піонеры.

— Видно не спится,—проворчалъ одинъ изъ нихъ:—вишь въ какую рань поднялъ... Чтобъ ему пусто было!..

— Эй, не разговаривай, Поздѣевъ, — проговорилъ внушительно Корневъ:—неровенъ часъ—услышитъ...

— Наплевать мнѣ!

Поздѣевъ считался наиболѣе испорченной личностью въ партіи. Наружность его производила отталкивающее,

непріятное впечатлѣніе: узкій лобъ, обрамленный густой шапкой жесткихъ, торчащихъ волосъ, вѣчно бѣгающіе глядящіе изъ подлобья, косыя, пронзительные глаза, острый, немного загнутый внизъ, носъ придавали его лицу какое-то своеобразное, хищническое выраженіе. Тонкія, злыя губы, обрамленныя торчащими щетинистыми усами, едва прикрывали грязные, рѣдкіе зубы; небольшая, темная, всклокоченная борода скрывала большую часть его лица, обезображеннаго оспой и покрытаго красными пятнами. Постоянно недовольный, постоянно хмурый и сушившійся, Поздѣевъ отличался большой нелюбовью къ какой бы то ни было работѣ, хотя бы самой легкой; глубоко развращенный еще въ средѣ своего семейства, поселеннаго въ Сибири за мошеннническія продѣлки, онъ успѣлъ уже, въ теченіи короткаго пребыванія въ батальонѣ, пройти сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы. Начальство его приходило въ тупикъ, какія принять мѣры для исправленія этого нравственнаго урода; прежде всего пробовали-было кротостью и лаской обратить его на истинный путь—ничуть не помогло; пробовали бить, сѣчь — хуже; отправили наконецъ, въ арестантскія роты—еще хуже. Окончилъ Поздѣевъ свою арестантскую службу и вернулся въ батальонъ такимъ образцовымъ негодяемъ, что начальство поджидало только случая, чтобы хоть на время избавить батальонъ отъ этой заразы. Случай подвертывался не разъ, подвернулся и въ послѣднее лѣто: понадобились люди для топографическихъ работъ, и Поздѣевъ попалъ „въ командировку", въ числѣ первыхъ негодяевъ.

Поздѣевъ любилъ выпить, и пилъ безъ мѣры, безъ счету; ради возможности пропустить бутылку водки, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ; промѣнять на водку казенное обмундированіе—считалось у него обыденнымъ дѣломъ, за которое былъ сѣченъ безъ мѣры. Собственности онъ не признавалъ; все, что лежало плохо, Поздѣевъ считалъ своей законной добычей, ко-

торую и несъ, при первомъ случаѣ, въ ближайшій кабакъ. Изъ боязни, чтобы Поздѣевъ не пропилъ даннаго ему обмундированія, начальство отправило его въ „командировку“ въ собственныхъ рубищахъ, выдавъ ему только одну пару казенныхъ, гнилыхъ бродней. Получивъ подобную обувь, Поздѣевъ пришелъ къ заключенію, что гнилые бродни хватятъ ненадолго; все равно, рано или поздно, придется ходить босикомъ, а потому и рѣшилъ ходить безъ обуви съ перваго же дня: накануѣ отправленія въ «командировку» онъ успѣлъ промѣнять свои бродни на поль-бутылки водки. Все, что было въ настоящую минуту на Поздѣевѣ, принадлежало не ему: мѣховую, лисью шапку онъ стащилъ у какого-то китайца, а полотняные брюки и ситцевую рубаху взялъ самовольно «на память» у своего, оставшагося въ батальонѣ, товарища, такого же впрочемъ, негодяя и пьяницы.

* *
*

Медленно, лѣниво собиралась команда на тяжелую работу; наконецъ, палатки были свернуты и сложены на допотопную ладью, выдолбленную изъ цѣльнаго тяжелаго дуба.

— Поздѣевъ и Барминъ останутся при лодкѣ,—распорядился Ниловъ:—а остальные пойдутъ со мной. Ты, Поздѣевъ,—обратился онъ къ нашему знакомцу:—пользуйся хорошей, тихой погодой и вмѣстѣ съ Барминымъ пробирайся вдоль берега дальше: ночевать будемъ въ пяти верстахъ отсюда.

— Слушаю,—проворчалъ Поздѣевъ и хмуро направился къ порученной ему лодкѣ.

Ниловъ захватилъ съ собой необходимые инструменты и зашагалъ дальше, постепенно нанося на планшетъ всѣ требуемыя детали береговой полосы. До солнечнаго заката ходилъ онъ отъ одного примѣтнаго мѣста къ другому, исходилъ много верстъ, измучился и сталъ подумывать объ отдыхѣ, чаѣ и сухаряхъ.

— А что, братцы, не видали-ли: приходила наша

лодка или нѣтъ?—обратился Ниловъ къ своимъ уставшимъ помощникамъ.

— Никакъ нѣтъ, не приходила...

— Странно; Корневъ, ступай, братецъ, вдоль берега и узнай, отчего до сихъ поръ Поздѣевъ не прибылъ,— распорядился Ниловъ, котораго начало уже волновать понятное безпокойство.

Уставшій Корневъ отправился къ старой стоянкѣ, до которой было не болѣе пяти верстъ. Ниловъ расположился съ командой на мягкой лужайкѣ развелъ, отъ нечего дѣлать, костеръ и сталъ поджидать лодку со всѣмъ имуществомъ, инструментами, предъидущими работами и провизіей. Проходитъ часъ—ни лодки, ни Корнева; проходитъ другой и Нилова начинаетъ пронимать сильное нетерпѣніе; ему вдругъ представилась возможность погибели лодки, и его покоробило отъ этой непріятной, тяжелой мысли. Съ каждой минутой мысль эта дѣлалась все назойливѣе и назойливѣе и, наконецъ, перешла въ положительную увѣренность; изрѣдка только являлась легкая надежда, легкое сомнѣніе, и опять, какъ кошмаръ, продолжала давить настойчивая, неотступная, тяжелая мысль. Десятки уже разъ посылалъ Ниловъ команду посмотрѣть, не идетъ-ли лодка. Десятки разъ вскакивалъ онъ съ той же цѣлью самъ, но все напрасно.

Но вотъ раздались въ чащѣ чьи-то тяжелые, усталые шаги.

— Корневъ идетъ!—вскрикнула сильно проголодавшаяся команда, встрепенувшись.

Ниловъ вскочилъ, какъ ужаленный, бросился къ посланному и отшатнулся: передъ нимъ стоялъ Корневъ, блѣдный какъ смерть, съ налившимися кровью глазами, весь трепещущій и задыхающійся.

— Что съ тобой, братецъ?!—спросилъ испуганный Ниловъ.

— Усталъ... Шелъ шибко...—едва проговорилъ Корневъ и повалился на траву.

— Гдѣ лодка?! Гдѣ люди?!

— Разбилась... утонули...

Всѣ были поражены этимъ страшнымъ извѣстіемъ; для каждаго стала ясна вся безъисходность положенія безъ провизіи, среди глухой тайги, вдали отъ человѣческаго жилья.

Ниловъ выдержалъ себя съ необыкновеннымъ самообладаніемъ.

— Ожидайте меня здѣсь,—обратился онъ хладнокровно къ испуганной, растерявшейся командѣ:—я пойду самъ удостовѣриться въ справедливости донесенія.

Была уже глубокая ночь, когда оставилъ Ниловъ своихъ людей; быстро шагалъ онъ по едва замѣтной тропинкѣ, и съ каждымъ шагомъ сердце его сжималось все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе. Холодный потъ выступалъ на его высокомъ лбу каждый разъ, какъ только начиналъ онъ перебирать въ головѣ всѣ тяжелыя, возможныя послѣдствія неожиданной, страшной потери всего наличнаго имущества и провизіи.

Уже востокъ окрасился первыми лучами восходящаго солнца, когда Ниловъ достигъ мѣста крушенія лодки; все окружающее свидѣтельствовало о недавно совершившейся, ужасной катастрофѣ. На песчаномъ, узкомъ прибрежьѣ разбросаны были въ безпорядкѣ, выброшенные бурунами, ломанныя весла, разбитые ящики изъ-подъ инструментовъ, клочья палатки и, наконецъ, печальные остатки инвентаря имущества солдатъ. Внимательно, грустно, съ тяжелымъ чувствомъ осматривалъ Ниловъ слѣды невознаградимаго крушенія, точно ища среди обломковъ тѣла дорогихъ, любимыхъ существъ; долго ходилъ онъ по узкому побережью тихо рокочущаго моря, точно требуя отъ него отвѣта на свой нѣмой, душевный вопросъ; страшная дума, какъ кошмаръ, назойливо давила все его разбитое существо. Не выдержалъ Ниловъ и зарыдалъ, глухо, судорожно, какъ только можетъ рыдать, подъ давленіемъ жестокихъ страданій, энергичный, сильный мужчина; невыносимо жалко стало ему своей полуторамѣсячной, страдальче-

ской работы, своихъ собранныхъ съ неимовѣрнымъ трудомъ коллекцій. Объ остальномъ онъ не думалъ; все остальное казалось ему недостойнымъ его тяжелыхъ сожалѣній; онъ готовъ былъ бы пожертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ, нѣсколькими годами своей жизни, чтобы только имѣть опять въ своихъ рукахъ то, что онъ создалъ, что онъ добылъ съ такими лишеніями, невзгодами, трудами. Его планшеты, планы, журналы и замѣтки, его насѣкомыя, минералы и растенія облеклись вдругъ въ его глазахъ въ форму одушевленныхъ, дорогихъ существъ, потеря которыхъ казалась ему такой же ужасной, какъ потеря любимаго, обожаемаго ребенка. Съ особенной отчетливостью ему вдругъ стали вспоминаться мельчайшія детали его работъ, разнообразные цвѣта и формы каждой отдѣльной бабочки и насѣкомаго, каждаго отдѣльнаго цвѣтка и растенія.

Рыданія облегчили несчастнаго и уже съ болѣе спокойнымъ сердцемъ возвратился онъ къ своей, нетерпѣливо ожидавшей его командѣ.

На возвратномъ пути онъ успѣлъ довольно обстоятельно обдумать свое трудное положеніе; онъ зналъ, что въ сорока верстахъ къ сѣверу находится большое тунгузское селеніе и потому рѣшилъ спѣшить со своей командой къ этому единственному мѣсту спасенія. Ниловъ вполнѣ сознавалъ, что на этотъ переходъ, сквозь непроходимую тайгу, надо будетъ употребить не менѣе трехъ сутокъ; онъ сознавалъ, что надо обречь и себя, и команду на трехсуточную голодовку; но другаго исхода не предвидѣлось, и надо было покориться всѣмъ послѣдствіямъ предстоящаго, тяжелаго путешествія.

Одно непредвидѣнное обстоятельство особенно сильно обезпокоило Нилова—это внезапная болѣзнь Корнева; по возвращеніи къ партіи, онъ засталъ послѣдняго безъ памяти, въ сильномъ жару и бреду; судя по признакамъ, Корневъ былъ въ тифѣ. Такимъ образомъ, предстоявшее тяжелое путешествіе значительно усложнялось: предстояло нести Корнева на рукахъ.

Около полудня двинулось въ путь печальное шествіе: четыре піонера несли Корнева въ наскоро сбитыхъ изъ жердей носилкахъ; трое остальныхъ шли позади, готовые каждую минуту смѣнить своихъ уставшихъ товарищей; Ниловъ открывалъ шествіе съ топоромъ въ рукахъ и расчищалъ дорогу. Трудно описать все, что вытерпѣли наши піонеры въ теченіи слишкомъ четырехсуточнаго путешествія по неизвѣданнымъ, глухимъ, трущобнымъ мѣстамъ; питаясь ягодами и сырыми грибами, они едва, едва доплелись до тунгузскаго селенія, въ конецъ измученные, изможденные невыносимо тяжелыми переходами; это были живые мертвецы съ изодранными, окровавленными ногами, руками и лицами, мертвецы, едва прикрытые клочьями грязныхъ рубищъ.

Корневъ всю дорогу метался, бредилъ и находился въ полномъ безпамятствѣ; страшно осунувшееся лицо его глядѣло безжизненно и безпомощно; четверо сутокъ не принималъ онъ никакой пищи и близокъ былъ къ смерти отъ голода.

Съ большимъ трудомъ досталъ Ниловъ въ селеніи курицу, сварилъ бульонъ и сталъ кормить имъ насильно изможденнаго страдальца. Черезъ двое сутокъ Корнева не стало; сколотили ему товарищи убогій, неотесанный гробъ, прочитали молитву и схоронили его въ рубищахъ на далекой, дикой чужбинѣ.

II.

Товарищъ Поздѣева, Барминъ, былъ совершенно другаго закала, хотя въ глазахъ ближайшаго начальства считался почти такимъ же неисправимымъ негодяемъ. Наружность его дышала добродушіемъ; глядя на его толстое, лоснящееся, вѣчно улыбающееся, глуповатое лицо, на его телячьи, безъ всякаго выраженія глаза, никто бы никогда не подумалъ, что этотъ добродушно-глупый на видъ человѣкъ былъ бы способенъ на какое-нибудь серьезное, дерзкое преступленіе. Прибывъ въ

батальонъ, Барминъ считался въ первое время дѣльнымъ, трезвымъ, нравственнымъ солдатомъ; исполнительный, аккуратный, услужливый, онъ пріобрѣлъ даже расположеніе ближайшаго начальника—фельдфебеля Кряжева, который и взялъ его подъ свое покровительство. Кряжевъ разгадалъ слабую, податливую натуру Бармина и незамедлилъ воспользоваться имъ для своихъ затаенныхъ цѣлей.

При первомъ выборѣ въ ротные артельщики, онъ съумѣлъ настроить роту такъ, что она выбрала на эту доходную должность подсунутаго ей Бармина. Ловко и систематически Кряжевъ началъ обворовывать роту, при помощи покорнаго, слабохарактернаго артельщика. Барминъ, мошенничая и обворовывая товарищей, по указанію Кряжева, даже и не сознавалъ всей гнусности своихъ поступковъ; онъ твердо зналъ азбуку дисциплины, требующей безпрекословнаго исполненія приказаній начальства, а потому и слѣдовалъ указанію своего фельдфебеля тупо, безсмысленно, автоматически. Кряжевъ, пользуясь доходами съ роты, даже не считалъ нужнымъ дѣлиться со своимъ исполнительнымъ помощникомъ; рѣдко, рѣдко, бросалъ онъ ему мелкую подачку, и тотъ вполнѣ былъ доволенъ этимъ благосклоннымъ вниманіемъ своего начальника. Воровали они долго и воровали бы, можетъ быть, безъ конца, если бы вдругъ дѣло не приняло непріятный для Бармина оборотъ.

Команда давно уже стала замѣчать, что между фельдфебелемъ и артельщикомъ ведутся какія-то шашни, давно уже стала она замѣчать, что ее обворовываютъ съ самымъ безстыднымъ нахальствомъ, но боялась высказать явное неудовольствіе, такъ какъ полагала, что Кряжевъ воруетъ не безъ вѣдома ротнаго командира, получающаго свою долю съ нищенскихъ, солдатскихъ пайковъ.

Скрыть отъ солдатскаго глаза нельзя ничего; какъ бы тонко ни воровали, солдатъ всегда во время замѣтитъ, что его обворовываютъ—замѣтитъ и молчитъ, по-

тому что другаго исхода нѣтъ. Попробуй онъ хоть видомъ показать, что ему извѣстны эти продѣлки, попробуй онъ высказать свое неудовольствіе по поводу существующаго воровства, и арестантскихъ ротъ ему не миновать, хотя бы онъ считался до того времени лучшимъ солдатомъ цѣлаго батальона. Систематическія придирки и преслѣдованія ротнаго командира и фельдфебеля непремѣнно доведутъ его до арестантскаго омута, въ которомъ нерѣдко гибнутъ безвинные и честные люди. „Дисциплина говоритъ: начальникъ почти Богъ, безпрекословно слушайся его и исполняй всѣ приказанія; не смѣй, подъ страхомъ суроваго наказанія, осуждать его дѣйствія, разбирать его нравственные недостатки. Если начальникъ крадетъ, то подчиненный и виду не смѣетъ показывать, что ему извѣстно это; онъ долженъ молчать и терпѣливо ждать, когда на это воровство обратитъ вниманіе высшая инстанція.

И такъ Кряжевъ съ Барминымъ воровали, а команда поневолѣ молчала и терпѣливо ждала только случая высказать свой протестъ противъ безаконныхъ дѣйствій фельдфебеля. Случай, наконецъ, подвернулся: пріѣзжаетъ въ батальонъ инспекторъ и, послѣ обычныхъ угощеній, начинаетъ инспектировать. Обходитъ онъ роты съ свирѣпымъ видомъ и вездѣ задаетъ казенные вопросы: „Довольны-ли пищей, фельдфебелемъ, ротнымъ командиромъ? Получили-ли сполна обмундированіе? Не имѣете-ли какихъ-либо претензій?“ Вездѣ гремитъ единогласное, громогласное, тупое: „Довольны, ваше превосходительство! Получили все, ваше превосходительство“! Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство“!

— Спасибо, ребята—говоритъ генералъ уже съ довольной благосклонной улыбкой.

— Рады стараться, ваше превосходительство!!—такъ же заученно, тупо кричатъ тридцатилѣтніе ребята.

Идетъ инспекторъ въ роту Кряжева и опять напускаетъ на себя свирѣпый видъ. Грозно проходитъ онъ вдоль стройныхъ рядовъ и съ такимъ кровожаднымъ видомъ всматри-

вается въ глаза каждому солдату, ну, точно выбираетъ, котораго бы проглотить, вмѣстѣ съ шинелью, сапогами, ранцемъ и ружьемъ.

— Гг. батальонный и ротный командиры, прошу удалиться: я буду опрашивать претензіи.

Начальствующія лица удалились, вмѣстѣ съ Кряжевымъ.

— Довольны-ли фельдфебелемъ?!—гаркнулъ генералъ, заранѣе предвкушая сладость могучаго единодушнаго крика: „Довольны, ваше превосходительство-о-о“!!!

Рота молчитъ. Генералъ опѣшилъ и какъ то неистово сталъ подергивать плечами. Изъ-за полуоткрытыхъ дверей грозно смотритъ на роту батальонный командиръ; взглядъ его такъ и пылаетъ, такъ и приказываетъ крикнуть: „Довольны, ваше превосходительство“! Изъ за спины батальоннаго, не менѣе грозно выглядываетъ ротный командиръ; на заднемъ планѣ притаилась блѣдная, съежившаяся фигура Кряжева.

— Довольны-ли фельдфебелемъ?!—неистово крикнулъ генералъ, послѣ короткой паузы.

Рота вздрогнула, но продолжаетъ упорно молчать.

— Недовольны! — послышался вдругъ, изъ заднихъ рядовъ, среди полной тишины, чей то глухой, едва слышный голосъ.

Этотъ слабый протестъ возымѣлъ на роту магическое дѣйствіе.

— Недовольны, ваше превосходительство!—раздался глухой но единодушный отвѣтъ.

Инспекторъ нѣсколько поблѣднѣлъ и тупо уставился на протестующихъ солдатъ.

Баталіонный командиръ отскочилъ отъ дверей, точно кто толкнулъ его и съ злобнымъ видомъ набросился на опѣшившаго ротнаго.

— А... такъ вотъ какъ, капитанъ? — шипѣлъ онъ, наступая: — хорошо-съ, хорошо-съ... Да-съ, этого я не забуду-съ... Вы-съ ротный командиръ или нѣтъ? Отвѣчайте, васъ спрашиваю: вы ротный командиръ или нѣтъ?

— Я-съ, — пролепеталъ капитанъ, не зная, что отвѣтить.

— Знаю, что вы-съ, милостивый государь! Такъ почему же вы, капитанъ, не позаботились о томъ, чтобы рота отвѣчала инспектору какъ слѣдуетъ? Почему, почему? Я васъ спрашиваю, капитанъ, извольте отвѣчать!

— Я старался, г. полковникъ...— пролепеталъ растерявшійся капитанъ.

— Кто васъ просилъ, сударь, стараться? Вотъ до чего довело ваше стараніе, слышите? Лучше бы вы не старались, капитанъ, а исполняли бы, что вамъ приказываютъ! Кряжевъ, я тебя еще проберу за то, что не умѣлъ команду въ рукахъ держать!—обратился батальонный къ блѣдному фельдфебелю, потрясая въ воздухѣ кулакомъ: — Я тебя! Нашивки спорю.

— Гг. батальонный и ротный командиры, пожалуйте сюда! — раздался голосъ инспектора.

Оба отправились и, вытянувшись въ струнку, какъ ни въ чемъ не бывало, приблизились къ инспектору.

— Въ вашей ротѣ, капитанъ, — обратился генералъ къ ротному командиру: — вышло какое-то недоразумѣніе: рота, видите-ли, недовольна фельдфебелемъ... Потрудитесь разобрать дѣло... Я васъ прошу о томъ же,—обратился онъ къ батальонному:—Затѣмъ я не нахожу нужнымъ опрашивать больше роту.

Инспекторъ уѣхалъ и донесъ кому слѣдуетъ: „Все обстоитъ благополучно. Батальонъ найденъ въ превосходномъ порядкѣ; претензій никакихъ не имѣется“ и т. п., въ томъ же духѣ.

Между тѣмъ, послѣ его отъѣзда, батальонный съ ротнымъ начали разбирать „возникшее недоразумѣніе“. Прежде всего розыскали того, кто осмѣлился первый крикнуть „недовольны“ и засадили его на мѣсяцъ въ карцеръ. Затѣмъ распекли роту за то, что она позволила себѣ высказать неудовольствіе; а въ концѣ концовъ, батальонный отдалъ артельщика Бармина подъ судъ за воровство и мошенничество, потому что Кряжевъ, со-

вмѣстно съ ротнымъ, обстоятельно доказали, что рота была недовольна только потому, что артельщихъ нахально ее обворовывалъ.

Бармина получилъ отъ фельдфебеля десять рублей, а также увѣреніе, что судъ кончится ничѣмъ, такъ какъ за него хлопочетъ „самъ“ ротный, вполнѣ сознался въ мошенничествѣ и воровствѣ, ни словомъ не оговоривъ ловкаго Кряжева.

Судъ приговорилъ Бармина въ арестантскія роты на полтора года; срѣзали съ его шинели передъ фронтомъ погоны и пуговицы, ошельмовали его и втиснули въ развращенную среду. Нуженъ былъ агнецъ отпущенія и онъ былъ найденъ, въ лицѣ слабохарактернаго, безсловеснаго Бармина.

Восковая натура его поддалась въ арестантскихъ ротахъ развращающему вліянію всевозможныхъ преступниковъ и онъ возвратился въ батальонъ почти негодяемъ, хотя съ тѣмъ же добродушно глупымъ выраженіемъ лица. Не проходило мѣсяца, чтобы онъ не сотворилъ какого-нибудь преступленія, болѣе или менѣе важнаго, но при всемъ томъ Бармина нельзя было назвать преступникомъ: онъ былъ только покорнымъ орудіемъ. Стоило только сказать ему: „поди и укради то-то и такъ-то“, и онъ шелъ, крадъ и приносилъ украденное пославшему, съ которымъ и дѣлился за науку; и при дѣлежѣ его обыкновенно сильно обсчитывали и надували. Если бы эта слабохарактерная натура попала въ хорошую среду, то изъ нея выработался бы непремѣнно человѣкъ честный и добрый. Между тѣмъ, начальство махнуло на Бармина рукой и не принимало никакихъ мѣръ къ его исправленію, а только сѣкло, сѣкло безъ устали, чуть-ли не ежедневно. Розги, иногда несправедливыя, только ожесточали Бармина и окончательно забивали въ немъ хорошія задатки.

Барминъ, не смотря на окружающее почти нювальное пьянство, никакъ не могъ научиться пить, хотя просвѣтителей и на этомъ поприщѣ было не мало. Бывало,

предложатъ ему выпить—онъ выпьетъ по своей безхарактерности, но выпьетъ съ отвращеніемъ, чтобы только отдѣлаться, отъ назойливыхъ подчивателей. Его натура не переносила спиртныхъ напитковъ; каждая чарка водки возбуждала у него нестерпимую тошноту; онъ не нуждался особенно въ деньгахъ или вещахъ; онъ совершалъ преступленія безсознательно, безъ всякихъ видовъ, соглашался на нихъ почти безпрекословно. По своей личной иниціативѣ, Барминъ не укралъ куринаго яйца, а руководимый другими, былъ способенъ на серьезное преступленіе. Это былъ человѣкъ, управлять которымъ могъ каждый по усмотрѣнію.

Послѣ многихъ мытарствъ въ батальонѣ, Барминъ попалъ, наконецъ, въ топографическую командировку; какъ нарочно, случай столкнулъ его съ Поздѣевымъ, который, съ перваго же момента, подобно Кряжеву, разгадалъ натуру своего товарища и въ короткое время забралъ его въ свои безчестныя руки. Поздѣевъ давно уже замышлялъ бѣжать изъ партіи, но до послѣдняго дня не находилъ удобнаго случая. Оставляя его хранителемъ лодки съ имуществомъ и давая ему въ помощники Бармина, Ниловъ никакъ не думалъ о возможности съ ихъ стороны какого-либо преступленія.

Между тѣмъ, по уходѣ партіи на работу, у Поздѣева тотчасъ же явилась мысль воспользоваться неожиданно сложившимися благопріятными обстоятельствами и выполнить давно задуманное бѣгство. Оставалось склонить на преступленіе Бармина, а въ этомъ онъ не видѣлъ особеннаго труда, такъ какъ зналъ податливость и безхарактерность товарища. Поздѣевъ объяснился съ нимъ прямо и рѣшительно, не теряя времени.

— Послушай, Барминъ, что я задумалъ,—обратился онъ къ товарищу, тотчасъ же по уходѣ партіи.

— А что такое?—спросилъ тотъ безучастно.

— Мы остались одни, а съ нами, видишь-ли, и все имущество... Давно задумалъ я бѣжать на китайскую границу, да все случай не подвертывался, а теперь под-

вернулся. Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ: имущество-то раздѣлимъ, дрянь повыбросаемъ въ воду, а сами спустимся до той рѣчки, съ которой начали работу. Лодку тамъ бросимъ и пойдемъ пѣшкомъ на Уссури.

— Ладно,—согласился Барминъ, нисколько не удивляясь рѣшенію товарища:—шататься здѣсь впроголодь ужъ больно надоѣло.

— Чтобы не было за нами погони, устроимъ штуку,— продолжалъ Поздѣевъ развивать свой планъ бѣгства:— поломаемъ два весла, ящики и разбросаемъ все это по берегу, вмѣстѣ съ разнымъ лохмотьемъ товарищей. Будутъ они насъ искать — придутъ сюды, увидятъ все и подумаютъ, что мы утопли вмѣстѣ съ лодкой: ну, искать-то насъ и перестанутъ, а пойдутъ себѣ своей дорогой, голодать. А мы, тѣмъ временемъ, дальше да дальше, смотришь, и слѣдъ простылъ. Дивно или нѣтъ?

— Дивно, право дивно! Ай, Поздѣевъ, молодецъ. Только вотъ что: не оставить-ли товарищамъ кулька два сухарей: все-таки товарищи, а то съ голоду сдохнутъ они въ глуши-то здѣшней.

— Дурень, ты дурень, Барминъ, не дѣло ты говоришь. Оставимъ имъ сухарей, а они и догодаются, что все это только наша продѣлка и штуки, да за нами и пустятся. Нѣтъ, ужь пущай лучше голодаютъ.

— И то правда; я и не подумалъ,—согласился Барминъ.

— Я одѣну пальто партіоннаго съ погонами, фуражку, а ты его шинель, — продолжалъ Поздѣевъ:—Я буду дохтуръ, а ты фельдшеръ.

— Какой дохтуръ, какой фельдшеръ? — удивился Барминъ.

— Ты не перебивай, а слушай; безъ меня пропалъ бы ты въ этой глуши, а я тебя выведу, накормлю, да на всякій случай и рублишко въ карманѣ будешь имѣть. Дѣло вотъ какое: я буду величаться дохтуромъ, что посланъ, моль начальствомъ лечить всякихъ этихъ тунгузовъ да гиляковъ отъ разныхъ болѣстей; а ты будешь

монмъ помощникомъ, фельдшеромъ, значитъ. Лекарства у партіоннаго въ ящикѣ много — лечить будетъ чѣмъ; окромя того оспу станемъ прививать, и деньги еще брать.

— Ишь ты!?

— Главное дѣло оспа; тутъ дѣло будетъ легкое и прибыльное. Придемъ, къ примѣру, въ селеніе, призовемъ старшину, а я и прикажу ему: Сзывай, молъ, старыхъ, молодыхъ и малыхъ дѣтей; прислали насъ, молъ, всѣмъ вамъ оспу привить отъ всѣхъ болѣстей! Какъ соберется передъ нами все населеніе, разведемъ огонь и станемъ накаливать прутъ, и прутомъ этимъ руки будемъ прожигать. Кто захочетъ откупиться, пущай откупается; а кто заартачится, тому и прижжемъ, да такъ прижжемъ, что всѣмъ закажетъ откупаться.

— Ай, важно, Поздѣевъ; вотъ-то почетъ намъ будетъ!

— Будетъ-ли почетъ, не будетъ-ли—не знаю; а на всякій случай и ружья захватимъ—неровенъ часъ и пригодятся. А теперь къ дѣлу, да живо у меня!

Черезъ полчаса все было сдѣлано по указанію Поздѣева; по песчаному прибрежью они разбросали весла, ящики и разную ветошь; часть провизіи и вещей побросами въ воду; сами усѣлись въ лодку и усиленно загребли вдоль берега, къ югу. Къ вечеру они зашли въ закрытую бухточку и приступили къ дѣлежу добычи; первый разъ въ жизни Барминъ получилъ такую львиную долю: Поздѣевъ былъ настолько „великодушенъ“, что взялъ себѣ только деньги, а все остальное, платье, бѣлье, книги, свѣчи, лекарство и провизію, отдалъ своему товарищу. Барминъ былъ въ восторгѣ и до поздней ночи пересматривалъ свое новое имущество.

Рано по утру непогодя отправились дальше; черезъ недѣлю они достигли рѣчки, съ которой началъ Ниловъ съемку. Здѣсь имъ приходилось разстаться съ лодкой и идти дальше пѣшкомъ. Поздѣевъ нарядился въ форменное пальто, а Барминъ въ шинель; первый захватилъ съ собой только ружье, лекарство и немного провизіи, а второй навалилъ на широкія плечи пѣлый тюкъ своего

новаго имущества. Импровизированные оспопрививатели пошли въ глубь материка, въ неизвѣданную, глухую тайгу, пошли искать счастья и практики. Поздѣевъ идетъ налегкѣ, весело побрякивая полсотней серебряныхъ рублей, Бармишъ едва плетется, пыхтитъ и кряхтитъ подъ тяжестью захваченныхъ вещей; нѣсколько разъ пытался онъ бросить свою непосильную ношу, но каждый разъ жалко было разстаться съ своимъ богатымъ имуществомъ. Поздѣевъ только усмѣхается, что ему удалось такъ ловко провести своего глуповатаго товарища. Прошли уже не мало; вдругъ Бармишъ оступился и покатился, вмѣстѣ съ тюкомъ, въ оврагъ; случай этотъ до такой степени обезкуражилъ его, что онъ тотчасъ же рѣшился разстаться съ своей ношей. Такимъ образомъ, Бармишъ оказался въ результатѣ обиженнымъ дѣлежемъ больше, чѣмъ когда-либо; но онъ нисколько не претендовалъ на своего товарища и шелъ за нимъ какъ вѣрный песъ.

Черезъ сутки они увидѣли юрты гиляковъ разбросанныя на берегу небольшой рѣчки.

— Ну, Бармишъ, — проговорилъ Поздѣевъ:—будетъ намъ скоро работа; станемъ здѣсь оспу прививать — деньги на дорогу собирать. Ты, смотри, не робѣй, не зѣвай: дѣлай, что буду приказывать.

— Ландно,—промычалъ Бармишъ совершенно безучастно.

Черезъ часъ подошли они къ юртамъ; собрались гиляки глазѣть на незванныхъ гостей и подняли невообразимое галдѣнье, но, всмотрѣвшись хорошенько, смолкли и съ подобострастіемъ закланялись: кокарды и погоны произвели свое дѣйствіе.

Поздѣевъ съ начальнической осанкой вошелъ въ кругъ дикарей и, окинувъ грознымъ взоромъ окружающую толпу, крикнулъ такъ, что дѣти попрятались въ юбки матерей:

— Гдѣ старшина?! Послать сюды ракалію! Отчего съ поклономъ къ начальству не явился?

— Руска, руска,—зашептали гиляки, боязливо переминаясь съ ноги на ногу.

— Кто у васъ тутъ по русски говоритъ?—загремѣлъ опять Поздѣевъ:—послать его ко мнѣ!

Гиляки засуетились и вытолкали изъ толпы невзрачнаго, сгорбленнаго старика, изподлобья поглядывавшаго на форменное пальто Поздѣева.

— Говоришь по-русски?—обратился къ нему негодяй.

— Мало-мало,—угрюмо пробормоталъ старикъ.

— Знаешь кто я таковъ?!

— Мой видитъ — капитанъ, а какой капитанъ — не знай.

— Я дохтурь и присланъ сюды васъ лечить, оспу прививать. Понимаешь?!

— Мало-мало понимай.

— Гдѣ старшина?!

— За соболь уходилъ.

— Ахъ онъ мерзавецъ; какъ смѣлъ онъ уйтить безъ моего разрѣшенія?

— Онъ не знай, что твоя придетъ...

— Слушай же ты хорошенько, что я тебѣ скажу, а потомъ слова мои передай своимъ. Присланъ я начальствомъ лечить васъ отъ всякихъ болѣстей: стану всѣмъ оспу прививать. Скажи своимъ, чтобы сейчасъ же собрались здѣсь всѣ: старики и малы дѣти, мужики и бабы. Кто не придетъ и станетъ отлынивать, съ тѣмъ я распоряжусь по своему. Понимаешь?..

— Мало-мало понимай...

— Ну и передавай своимъ, что я тебѣ сейчасъ сказалъ!

Старикъ обернулся къ толпѣ и что-то оживленно затароторилъ на своемъ непонятномъ языкѣ; гиляки было зашумѣли, но громогласное „молчать“ Поздѣева заставило ихъ сразу присмирѣть.

— Наши спрашивай твоя, — обратился старикъ къ Поздѣеву:—какой оспа станешь намъ давать?

— Не давать, а прививать, олухъ ты вяленый. Оспу

прививать значитъ—возьму желѣзный, раскаленный прутъ и стану имъ вамъ всѣмъ руки прижигать. Прижгу, и никакая болѣсть васъ не возьметъ.

Старикъ опять обернулся къ толпѣ, засучилъ на одной рукѣ рукавъ и сталъ имъ говорить о предстоящей операціи. Гиляки загалдѣли такъ, что даже грозное „молчать“ не возъимѣло своего дѣйствія; наконецъ, всѣ смолкли и старикъ обратился къ Поздѣеву со слѣдующей рѣчью:

— Наши просятъ, капитанъ — оспа не надо; всѣ наши здоровъ, какъ добрый олень. Наши подарятъ твоя соболь—только оспа не надо... это худо, совсѣмъ худо.

— Я согласенъ, — съ важностью проговорилъ негодяй:—Кто не желаетъ прививать оспу, тотъ сейчасъ же пускай несетъ мнѣ соболя или серебряный рубль. Да чтобы живо дѣло было сдѣлано: мнѣ нѣкогда съ вами тутъ возиться!

Черезъ часъ, Поздѣевъ и Барминъ, нагруженные соболями и десяткомъ серебряныхъ рублей, шли уже дальше сами не зная куда. Поздно вечеромъ они неожиданно вышли къ морю и ошалѣли: отъ моря шли, чтобы быть подальше отъ топографическихъ партій, а тутъ самъ чертъ вывелъ ихъ, послѣ такого продолжительнаго путешествія, на побережье. Измученные ходьбой по непроходимой тайгѣ, они рѣшились провести ночь на томъ мѣстѣ, куда привела ихъ судьба. Развели костеръ и начали варить кашицу, совершенно не чая что еще до разсвѣта совершится непріятное превращеніе ихъ изъ докторовъ въ арестантовъ.

Въ полуверстѣ отъ нихъ заночевала одна изъ топографическихъ партій, слѣдовавшая съ юга на сѣверъ. Около полуночи, вышелъ одинъ изъ піонеровъ изъ палатки на чистый воздухъ и неожиданно былъ пораженъ яркимъ свѣтомъ разведеннаго не вдалекѣ костра. Не медля бросился онъ къ палаткѣ партіоннаго начальника и началъ торопливо будить его:

Ваше благородіе, а ваше благородіе, никакъ наши поблизости заночевали: вонъ и костеръ видѣнъ!

Извѣстіе это было электрической искрой для заспавшагося и уставшаго труженика; надежда встрѣтиться съ товарищами послѣ двухъ-мѣсячной, тяжелой работы въ глухой тайгѣ, сразу разогнала его крѣпкій сонъ. Вскочивъ на ноги и набросивъ на себя пальто, топографъ вышелъ изъ палатки и сталъ всматриваться въ пылающій костеръ, точно силясь разсмотрѣть около него знакомые силуэты. Черезъ минуту онъ встрепенулся и крикнулъ:

— Ижоровъ, назначь четырехъ человѣкъ: я схожу посмотрѣть—не наши-ли у костра?

Черезъ четверть часа небольшая партія была уже готова къ непродолжительному походу; осторожно зашагали піонеры въ темнотѣ черезъ повалившіеся стволы деревьевъ и медленно приближались къ ярко горящему костру. Поздѣевъ и Барминъ спали какъ убитые, совершенно не предчувствуя ожидающей ихъ участи; неожиданно, сильно хрустнувшая у самаго уха, хворостина разбудила ихъ, но поздно; осовѣвшими глазами всматривались они въ окружающихъ ихъ солдатъ и никакъ не могли сообразить, гдѣ они и что творится вокругъ ихъ.

— Ваше благородіе, это наши солдаты изъ партіи господина Нилова—ишь какъ нарядились,—проговорилъ одинъ изъ солдатъ, разобравъ физіономіи лежащихъ негодяевъ.

Поздѣевъ и Барминъ разомъ вскочили и бросились въ кусты; но тотчасъ же были схвачены и связаны своими товарищами, догадавшимися, что тутъ что-то неладно. Импровизированные оспопрививатели оказались въ неожиданной западнѣ. Барминъ не сопротивлялся и безпрекословно позволилъ связать себя; Поздѣевъ рычалъ какъ дикій звѣрь, кусался и съ пѣной у рта старался освободиться отъ рѣжущихъ руки веревокъ. Наконецъ угомонился и склонился въ изнеможеніи на сырую траву.

Импровизированные оспопрививатели закончили свою короткую карьеру и практику въ арестантскихъ ротахъ.

Корейка Маша.

I.

Жаркій, августовскій день; солнце тихо плыветъ по ясному, лазуревому небосклону и обдаетъ величественнымъ снопомъ блестящихъ лучей окружающія поля и голые, безлѣсные холмы. Все замерло подъ этими жгучими лучами; вокругъ ни единаго живаго звука: все приникло, притаилось и смолкло. На холмахъ лежатъ прелестныя тѣни; каждая впадина, каждый изгибъ и линія рѣзко выдѣляются на лазуревомъ фонѣ небесъ; узорчатый, гигантскій коверъ роскошной травы прикрываетъ наготу холмовъ, затѣйливыми складками спускается къ ихъ подошвамъ и сливается съ зеленымъ покровомъ необъятной ровной долины. То тамъ, то сямъ выбивается изъ подъ этого ковра обожженный солнцемъ и отшлифованный дождемъ песчаникъ, имѣющій издали видъ темно-коричневыхъ, бархатныхъ выпушекъ. Изрѣдка пробѣжитъ по склону холмовъ темная тѣнь пронесшагося въ высп легкаго облачка и все опять принимаетъ прежніе цвѣта и прежніе оттѣнки.

Отъ одной цѣпи холмовъ до другой тянутся прекрасныя, тщательно обработанныя поля, засѣянныя просомъ, ячменемъ, кукурузой, гречихой и овсомъ. Хлѣба уже

поспѣли и ждутъ только трудолюбивой, хозяйской руки, чтобы пасть подъ ловкими взмахами серповъ. Поля прорѣзываетъ, свѣтлой, извилистой лентой, глухожурчащій ручей, въ настоящую минуту тихій, почти высохшій, но грозный и бурный во время сильныхъ дождей, когда окружающіе холмы даютъ ему обильную пищу. Высокіе, отвѣсные берега рѣчки, густо прикрытые роскошной древесной растительностью, изрыты и истерзаны; дно ея завалено безпорядочно разбросанными камнями, разнообразной величины и формы, вынесенными бурными потоками изъ окружающихъ холмовъ.

Въ тѣни небольшой кущи пробковыхъ и ясневыхъ деревьевъ ревниво скрывается чистенькая, какъ сиѣгъ, фанза *), окруженная высокимъ, крѣпкимъ частоколомъ; куда ни взглянешь, всюду образцовая, пріятная чистота; прилегающій къ частоколу огородъ, сплошь засѣянный огурцами, арбузами, тыквой, салатомъ и другими овощами, поражаетъ взоръ своимъ удивительнымъ порядкомъ и тщательной обработкой; во всемъ огородѣ нельзя найти ни одной сорной травки: все вычищено, выполото заботливой, трудолюбивой хозяйской рукой.

Вокругъ фанзы царствовало большое оживленіе; въ открытыхъ дверяхъ стояла стройная, прелестная дѣвушка, съ черными огневыми глазами, и съ веселымъ хохотомъ бросала изъ большой, деревянной чашки просо въ суетящуюся стаю домашней птицы. Полное, круглое лицо дѣвушки дышало здоровьемъ и свѣжестью невинности; ея длинныя, туго заплетенныя косы, краса корейскихъ женщинъ, висѣли черными змѣями почти до самыхъ пятъ. Оригинальный костюмъ дѣвушки состоялъ только изъ безукоризненно чистой, бѣлой юбки, съ разрѣзами по бокамъ, и коротенькой, той же бумажной

*) Фанза—домъ; стѣны фанзы около четверти аршина толщиной и дѣлаются изъ глины, которою обмазанъ плетень, служащій ея основаніемъ; наружныя и внутреннія стѣны бѣлятся известью, что придаетъ фанзѣ необыкновенно привѣтливый, чистенькій видъ; крыша обыкновенно соломенная.

матеріи, кофты, едва прикрывавшей дѣвственную грудь и полныя античныя плечи.

Передъ нами—корейка Маша, лучшій цвѣтокъ всей корейской границы; пятилѣтней дѣвочкой бѣжала она съ отцемъ и матерью въ русскіе предѣлы отъ притѣсненій корейскихъ чиновниковъ, и уже въ эти младенческіе годы вынесла массу лишеній и тяжелыхъ испытаній. Изъ нѣсколькихъ сотъ бѣжавшихъ семействъ достигли русскихъ цредѣловъ только десятки; часть погибла, на глазахъ дѣвочки, въ дорогѣ, отъ всевозможныхъ лишеній и голода, другая была настигнута посланной погоней и водворена на старыхъ мѣстахъ, послѣ примѣрнаго, суроваго наказанія. У Маши отлично запечатлѣлись всѣ мельчайшія подробности этого ужаснаго бѣгства съ родины и она всегда вспоминала о немъ съ глубокимъ ужасомъ и содроганіемъ.

Въ русскихъ предѣлахъ, въ кругу своихъ любимыхъ родителей, она считала себя вполнѣ счастливой, безопасной и никогда не вспоминала о своей закабаленной, приниженной родинѣ.

На седьмомъ году дѣвочка была окрещена и названа, въ честь своей крестной матери, жены одного изъ линейныхъ офицеровъ, Маріей; любознательная, способная, она быстро научилась говорить по-русски, а затѣмъ читать и писать; крестная мать искренно полюбила ее и не разъ предлагала ей перебраться къ себѣ, предлагала перемѣнить простую, сельскую жизнь на болѣе комфортабельную; но Маша всегда рѣшительно отказывалась оставить своихъ дряхлыхъ родителей, не чаявшихъ въ ней души. Она была единственнымъ утѣшеніемъ, единственной радостью стариковъ; они лелѣяли ее, какъ нѣжный цвѣтокъ, обожали какъ высшее, неземное существо. Старики были счастливы и довольны только тогда, когда видѣли около себя Машу; лишь только выходила она изъ фанзы, по своимъ-ли дѣламъ или же посѣтить крестную мать, они начинали уже безпокоиться, разсчитывали время, когда она должна вер-

нуться и нетерпѣливо ждали ее съ минуты на минуту. Въ отсутствіи Маши все валилось у нихъ изъ рукъ, не спорилась никакая работа; усядутся обыкновенно старики у калитки, пригорюнятся и ждутъ не дождутся своей ненаглядной. Но стоило ей бывало только показаться вдали, какъ старики сразу веселѣли и издали уже радостно кричали ей: „Маша!.. Маша“!.. Маша легкой козочкой пробѣгала отдѣляющее ее отъ стариковъ разстояніе и вся запыхавшаяся, пылающая, бросалась въ ихъ объятія.

Кудахтающія куры, рѣзко кричащіе гуси и кривоногія утки окружали Машу съ такимъ нахальствомъ, что она положительно терялась, чей алчный аппетитъ удовлетворить раньше; особенно надоѣдали ей гуси; съ рѣзкими криками тянули они своими широкими носами ее за юбку и назойливо требовали себѣ подачки; одинъ изъ гусей былъ такъ безцеремоненъ, что забрался даже на опрокинутую кадушку и полѣзъ носомъ прямо въ кадку съ просомъ, которую держала Маша въ рукахъ. Маша отбивалась отъ назойливой птицы и звонко смѣялась; вся душа ея, казалось, изливалась въ этомъ невинномъ, веселомъ смѣхѣ.

Но вотъ скрипнула калитка, и во дворъ вошелъ высокій, важный старикъ; онъ былъ одѣтъ въ просторный бѣлый халатъ, съ чрезвычайно широкими рукавами, и въ бѣлые же, широкіе панталоны, схваченные у лодыжки. Большая, высокая, волосяная шляпа, съ широкими полями и узкой верхушкой, и соломенныя сандаліи довершали простой, но замѣчательно чистый костюмъ старика. Рѣдкіе, сѣдые усы едва прикрывали немного выдающуюся верхнюю губу и терялись въ длинной, сѣдой бородѣ клиномъ, обрамлявшей его симпатичное, доброе, энергическое лицо.

Маша, увидѣвъ старика, тотчасъ же поставила чашку съ просомъ на расхищеніе птицъ и бросилась на встрѣчу.

— Здравствуй, — проговорила она, ласкаясь къ старику и цѣлуя его въ щеки.

— Здравствуй, Маша, здравствуй, дочка.

Отецъ цѣловалъ Машу и ласково гладилъ ее по головѣ, точно ребенка.

— Гдѣ мать? — спросилъ старикъ, направляясь къ двери.

— Все работаетъ: шьетъ тебѣ халатъ.

Старикъ важно вошелъ въ фанзу и проговорилъ:

— Здравствуй, жена *).

— Здравствуй, Цун-унъ, — прошамкала небольшая, ветхая старушка, приближаясь къ мужу и цѣлуя его въ щеки.

Цун-унъ уже два дня какъ находился въ отлучкѣ по своимъ дѣламъ и потому особенно былъ радъ и доволенъ, что попалъ опять въ кругъ своего семейства. Онъ усѣлся на нары, расположенныя вдоль стѣны, вытащилъ изъ-за пазухи небольшую, мѣдную трубку, набилъ ее и закурилъ изъ стоящаго посреди фанзы очага съ тлѣющими углями. Покуривъ немного, Цун-унъ передалъ трубку женѣ, которая, съ своей стороны, подала ее, послѣ нѣсколькихъ затяжекъ, Машѣ. Эта, докуривъ трубку, вытряхнула пепелъ и передала отцу.

Такимъ образомъ, семейный обычай былъ исполненъ и всѣ принялись за свое дѣло, какъ будто и не разставались: Маша побѣжала докармливать домашнюю птицу, мать усѣлась за шитье халата, а старикъ принялся за приготовленіе кунжутнаго масла **).

Смолотыя жерновомъ и сваренныя сѣмяна кунжута онъ сложилъ въ крѣпкій мѣшокъ и началъ давить его тяжелымъ камнемъ; медленно стекало масло въ подставленный сосудъ, распространяя вокругъ сильный, непріятный, одуряющій запахъ. Впрочемъ, запахъ этотъ не поражалъ присутствующихъ: они привыкли къ нему съ пелень и считаютъ кунжутное масло весьма вкусной приправой.

---

*) Женщины у корейцевъ не по именамъ называются, а по роднѣ, напримѣръ: жена, мать, бабушка, тетка и т. п.

**) Кунжутное масло служитъ корейцамъ для жаренія и приправы.

Маша, покормивъ птицу, вернулась въ фанзу и принялась за тканье бѣлой, бумажной матеріи; въ фанзѣ царствовала полная тишина, только нарушаемая сухимъ стукомъ ручнаго ткацкаго станка.

Въ работѣ время прошло незамѣтно, и наступили сумерки; старушка захлопотала и стала готовить для своей семьи незатѣйливый ужинъ. Она сварила въ чугунномъ котлѣ, вдѣланномъ въ низенькую, глиняную печь, просо, вывалила его въ большую глиняную чашку, обдала холодной водой и поставила кушанье на низенькій, небольшой столикъ, стоящій на нарахъ.

Маша помогала матери и съ особеннымъ стараніемъ раскладывала на маленькія глиняныя блюдца тонко нарѣзанные кусочки свинины и сушеной рыбы, разставляла на столѣ предназначенныя для проса небольшія, глиняныя чашки и клала каждому по парѣ тоненькихъ палочекъ, замѣняющихъ корейцамъ ножи, вилки и ложки. Какъ приправу къ просу, она подала ѣдкій, крѣпкій соусъ изъ стручковаго перца; тутъ же поставила на столъ глиняный кувшинъ съ любимымъ напиткомъ корейцевъ—нагрѣтой водкой съ медомъ.

— Цун-унъ, готово! — прошамкала старушка, перенося на столъ ночникъ съ саломъ.

Старикъ неторопливо убралъ свою работу и съ важностью подошелъ къ столу. Исполняя завѣщанный прадѣдами обычай, онъ налилъ въ небольшую чашечку, съ наперстокъ величиной, водку и плеснулъ ее на землю, пробормотавъ: „Это тебѣ, Путэ-Ними!“ *). Съ тѣми же словами бросилъ онъ на полъ щепотку проса и кусочекъ рыбы.

Затѣмъ вся семья молча усѣлась на нары и принялась за ужинъ. Наложивъ просо въ глиняныя чашки, они подносили ихъ ко рту и ловко работали своими оригинальными палочками; изрѣдка брали они, тѣми

*) Корейцы имѣютъ понятіе о высшемъ существѣ—Богѣ, котораго они называютъ Путэ-Ними; ни одинъ кореецъ не сядетъ ѣсть раньше, пока не совершитъ возліяніе своему божеству.

же палочками, кусочекъ рыбы или свинины; ѣду эту запивали изъ чашекъ сладкой водкой.

II.

Семья уже кончала ужинъ, какъ раздался на дворѣ сильный стукъ; кто-то неистово барабанилъ въ калитку, точно желая сорвать ее съ петель. Старикъ хладнокровно поднялся съ нара и вышелъ на дворъ; медленно подошелъ онъ къ калиткѣ, взялся за щеколду и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Свои, знакомые, отворяй, старикъ!—раздались насмѣшливые голоса и кто-то опять застучалъ въ калитку, застучалъ нетерпѣливо и сильно.

Старикъ приподнялъ щеколду. Во дворъ ввалились два солдата литейнаго батальона, расположеннаго въ пяти верстахъ отъ фанзы, ввалились съ грохотомъ, съ шумомъ, точно въ собственныя хоромы. Съ однимъ изъ нихъ Цуи-унъ былъ уже знакомъ и не разъ принималъ его въ своей фанзѣ, другаго видѣлъ въ первый разъ.

— Ну, старикъ, мы думали, что ты уже и не отворишь намъ,—проговорилъ знакомый солдатъ, высокій, здоровый парень, съ какимъ-то хищническимъ, отталкивающимъ выраженіемъ лица.

— Не отворилъ бы, такъ и калитку бы съ петель сорвали; чего съ собаками церемониться,—сердито проворчалъ другой, рябоватый, неказистый солдатъ, входя въ фанзу и съ наглымъ цинизмомъ оглядывая испуганную, трепещущую Машу.

Старикъ не слыхалъ этой угрозы и съ радушіемъ и гостепріимствомъ предложилъ гостямъ сѣсть на нары. Солдаты усѣлись, при чемъ рябоватый не переставалъ оглядывать Машу, которая, повидимому, была причиной его поздняго посѣщенія.

Цун-унъ закурилъ трубку, поднесъ ее незнакомцу *) и проговорилъ.

— Будь дорогимъ гостемъ!

„Дорогой гость“ грубо оттолкнулъ отъ себя протянутую руку старика и дерзко прорычалъ:

— Не трубкой изъ поганаго рта угощай насъ, а давай водки!

Цун-унъ съ гордымъ видомъ отошелъ отъ дерзкаго гостя и поднесъ трубку своему знакомцу, тотъ затянулся и передалъ ее старику.

— Жена, подай гостямъ водки и ѣсть,—проговорилъ Цун-унъ и съ важностью усѣлся на нары, окружая себя облаками табачнаго дыма и сосредоточенно, пристально всматриваясь въ незнакомаго, дерзкаго гостя.

Двѣнадцать уже лѣтъ прожилъ онъ въ русскихъ предѣлахъ, и въ первый разъ пришлось ему встрѣтить такое неуваженіе къ обычаю и гостепріимству хозяина. Чѣмъ больше всматривался онъ въ незнакомца, тѣмъ больше тотъ возбуждалъ въ немъ недовѣріе. Особенно не нравился старику циничный, нахальный взглядъ, съ которымъ не переставалъ гость оглядывать забившуюся въ уголъ Машу. Въ сердцѣ Цун-уна поднималось къ незнакомцу враждебное чувство; нѣсколько разъ хотѣлъ онъ напомнить гостю объ уваженіи къ крову хозяина, но каждый разъ его отталкивало отъ этого шага чувство радушнаго гостепріимства, столь свойственнаго корейцамъ; своимъ напоминаніемъ онъ боялся обидѣть гостя, лицо, въ глазахъ корейцевъ, священное и неприкосновенное.

Маша, забившись въ уголъ, осматривала гостей съ нескрываемымъ страхомъ; циничные глаза рябоватаго солдата жгли ее и возбуждали къ нему непріязнь. Она чувствовала, что онъ любуется ея полуоткрытымъ станомъ и грудью, и дѣвушка, до сихъ поръ не стыдившаяся въ своемъ національномъ, домашнемъ костюмѣ,

*) По корейскому обычаю, хозяинъ, прежде всего, угощаетъ гостя, въ знакъ дружбы, трубкой и затѣмъ уже предлагаетъ остальныя угощенія.

старалась скрыться отъ назойливыхъ взоровъ; ей сдѣлалось вдругъ стыдно подъ этими циничными взорами; она глубоко оскорблялась, что возбуждаетъ въ гостѣ такое грубое, назойливое вниманіе. Маша чувствовала, что гости говорятъ про нее: ихъ двухсмысленныя мигапья и кивки головой возбуждали въ ней непреодолимое отвращеніе. Дѣйствительно, гости бесѣдовали о Машѣ, не переставая оглядывать ее.

— Что, Растеряевъ, правда моя? — проговорилъ высокій солдатъ на ухо товарищу.

— Хороша дѣвочка, нечего сказать,—пробормоталъ Растеряевъ, наливая себѣ водки и не спуская съ Маши глазъ.

— То-то, а ты мнѣ говорилъ, что я все вру, что у собачьяго отродья, кромѣ паршивыхъ щенятъ, и быть ничего не можетъ.

— Говорилъ-то я тебѣ говорилъ, Ласкинъ, а теперь скажу—такой дѣвочки я и въ жисть свою не видалъ. А одежда-то ихъ хороша: что ни на есть все почти видно—такъ бы глазъ и не спускалъ. Вишь, какая красотка! Только что она все прячется и конфузится?

— А ты спроси.

Растеряевъ откашлянулся, и проговорилъ вкрадчивымъ голосомъ, обращаясь къ Машѣ:

— Что ты, красотка, въ уголъ забилась? Насъ бояться нечего — мы люди добрые. Подойди сюда, милая, да выпей съ нами по рюмочкѣ.

Маша вздрогнула, точно ужаленная, и гордо осмотрѣла назойливаго гостя. Цун-унъ встрепенулся и съ важностью заговорилъ; въ его голосѣ послышалась едва замѣтная, дрожащая нотка:

— Пей водку, а дѣвушку оставь—она тебѣ не мѣшаетъ.

И старикъ съ важностью закурилъ опять трубку, враждебно посматривая на Растеряева.

Послѣдній нисколько не сконфузился отъ сдѣланнаго замѣчанія и продолжалъ въ томъ же заискивающемъ тонѣ:

—Полно стыдиться, красавица, выдь изъ потемокъ-то, да дай на тебя налюбоваться. Будешь прятаться — жениха никогда не будетъ, а у меня есть на примѣтѣ хорошій парень.

Старикъ опять вступился за Машу:

— Понадобится женихъ — сами найдемъ: тебя въ сваты не попросимъ. А ты товарища уйми,— обратился онъ затѣмъ къ Ласкину:—пусть мѣру знаетъ и къ фанзѣ моей уваженіе имѣетъ. Я принялъ его какъ добраго гостя—думалъ: зломъ онъ мнѣ не отплатитъ.

Растеряевъ, отуманенный водкой, не унимался.

— Ты, старикъ, въ наши дѣла не мѣшайся,—прорычалъ онъ злобно: — мнѣ дочка твоя нравится — я съ нею и бесѣду веду. Ради нея и къ тебѣ въ гости пришелъ. А будешь много разговаривать—возьму за твой сѣдой чубъ и, какъ собаку, изъ фанзы вышвырну.

Оскорбленный старикъ поднялся съ наръ и съ гордымъ презрѣніемъ осмотрѣлъ подвыпившаго Растеряева.

— Ты дурной человѣкъ, — проговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—за добро ты отвѣчаешь злой руганью. Не будь я хозяинъ, я бы сдѣлалъ съ тобой то, чѣмъ ты меня стращаешь. Оставь мою фанзу и уйди съ Богомъ домой!

— Ахъ ты, собака поганая! — крикнулъ Растеряевъ и бросился на старика съ поднятыми кулаками.

Ласкинъ ухватился за разгорячившагося товарища, насильно усадилъ его на нары и началъ успокоивать.

Цун-унъ вздрогнулъ отъ новаго, тяжкаго оскорбленія и двинулся на встрѣчу Растеряеву; Маша стремительно бросилась къ отцу и ухватилась за халатъ.

— Не ходи, отецъ, — умоляла она по-корейски, со слезами на глазахъ:—онъ, ты видишь, пьянъ, онъ тебя прибьетъ. Онъ дурной, злой человѣкъ!

— Оставь его, Цун-унъ, — просила старушка, до сихъ поръ безмолвно смотрѣвшая на все происходившее вокругъ нея: это злой солдатъ — онъ тебя убьетъ. Посмотри, какіе у него страшные, кровавые глаза. Онъ смотритъ на тебя, какъ дикій звѣрь.

Дѣйствительно, Растеряевъ находился въ состояніи крайняго бѣшенства; онъ рвался изъ сильныхъ рукъ Ласкина и испускалъ какія-то непонятныя рычанія. Наконецъ, онъ успокоился, выпивъ залпомъ большую чашку водки.

— Счастливъ твой Богъ, что товарищъ удержалъ,— промычалъ Растеряевъ, изъ подлобья поглядывая на осанистую, гордую фигуру Цун-уня: —а то бы не сдобровать тебѣ за твои слова.

— Успокойся, старикъ, — проговорилъ заискивающимъ тономъ Ласкинъ:—мы сейчасъ уйдемъ: выпили и довольно съ насъ.

Цун-унъ молча усѣлся на нары, отирая рукавомъ халата свой высокій, омраченный гнѣвомъ лобъ; Маша опять притаилась въ глубинѣ фанзы, ожидая съ нетерпѣніемъ ухода непрошенныхъ гостей; старушка прильнула къ нарамъ и всхлипывала.

Наконецъ, гости взялись за шапки и начали собираться. Тяжело поднялся Растеряевъ съ наръ и невѣрной походкой направился къ Машѣ; глаза его горѣли тупой страстью.

— Прощай, красотка,—пробормоталъ онъ полупьянымъ голосомъ и съ безстыдствомъ ухватилъ Машу грязными руками, силясь поцѣловать. ее.

Маша отшатнулась отъ него всѣмъ своимъ граціознымъ станомъ и отчаянно вскрикнула, стараясь защититься отъ циническихъ ласкъ и вырваться изъ рукъ Растяряева:

— Отецъ, помоги мнѣ!

Цун-унъ звѣремъ вскочилъ съ наръ и однимъ прыжкомъ очутился возлѣ дочери; съ бѣшеной силой схватилъ онъ за шиворотъ негодяя и отбросилъ его далеко въ сторону. Видъ старика былъ грозенъ: глаза его метали молніи и горѣли зловѣщимъ, суровымъ огнемъ; поблѣднѣвшія губы его сильно дрожали; въ углахъ рта показалась пѣна. Это былъ уже не прежній тихій, важный, гостепріимный Цун-унъ, а разъяренный, дикій звѣрь,

защищавшій свое дѣтище. Старушка, услышавъ отчаянный вопль дочери, страшно испугалась и впала въ тупое, тяжелое безпамятство.

Подвыпившій Ласкинъ былъ, повидимому, очень доволенъ финаломъ посѣщенія и самъ было полѣзъ къ трепещущей, растерявшейся Машѣ, но пылающій взоръ старика и его приковалъ къ мѣсту.

Растеряевъ, между тѣмъ, ослѣпленный страстью и взбѣшенный несвоевременнымъ вмѣшательствомъ Цуцуна схватилъ стоявшій въ углу ломъ и съ дикимъ рычаніемъ ринулся на старика.

Маша пронзительно вскрикнула и бросилась между отцомъ и негодяемъ; она хотѣла принять ударъ своимъ нѣжнымъ тѣломъ, хотѣла спасти отца отъ грозившей ему опасности, но поздно. Тяжело опустился желѣзный ломъ на сѣдую голову; обливаясь кровью, съ глухимъ стономъ упалъ старикъ на холодную землю. Маша дико вскрикнула и бросилась на тѣло отца; съ нѣжностью, съ горькими, тяжкими рыданіями, безсознательно отирала она своей одеждой его окровавленное лицо, цѣловала его руки и призывала къ жизни того, кто былъ ея единственной опорой и счастьемъ. Она рыдала, не зная, какую оказать помощь своему окровавленному, несчастному отцу; съ глубокимъ отчаяніемъ всматривалась она въ любимыя, дорогія черты, стараясь подмѣтить въ нихъ хоть слабые признаки жизни. Широко раскрытые глаза старика смотрѣли безжизненно, грозно уставившись въ пространство, сдвинутыя сѣдыя брови, крѣпко сжатыя губы выражали невыносимыя страданія.

Тупо, безсмысленно смотрѣлъ Растеряевъ на окровавленный трупъ старика, судорожно сжимая въ рукахъ смертоносное орудіе; съ упорной, дикой сосредоточенностью всматривался онъ въ рыдающую Машу и, повидимому, не сознавалъ, что совершается вокругъ него.

Ласкинъ взялъ убійцу за руку и отвелъ въ сторону.

— Ты убилъ старика, Растеряевъ, надо скрыть кон-

цы, а то будетъ плохо, — проговорилъ онъ зловѣщимъ шопотомъ.

Растеряевъ встрепенулся и сразу вышелъ изъ своего тупаго, сосредоточеннаго состоянія; мысли его прояснились, хмѣль вылетѣлъ изъ головы и онъ съ ужасомъ взглянулъ на свою распростертую жертву. Ему вдругъ ясно представилось ожидающее его суровое, тяжелое наказаніе и тотчасъ же блеснула мысль избѣжать этого назанія во что бы то ни стало.

— Надо скрыть концы, — повторилъ Ласкинъ тѣмъ же зловѣщимъ шопотомъ.

— Непремѣнно слѣды надо скрыть, — пробормоталъ Растеряевъ дрожащимъ голосомъ: — да какъ?

И въ его головѣ начали тѣсниться бурнымъ роемъ самыя разнообразныя мысли, одна другой противуположнѣе—несообразнѣе и даже совершенно неподходящія къ дѣлу. Мысли эти кружились, сталкивались, быстро смѣнялись одна другой и подходили, въ концѣ концовъ, къ одному безотрадному, тупому: но какъ, какъ, скрыть слѣды?

— Вотъ что мы сдѣлаемъ, — едва слышно проговорилъ Ласкинъ, послѣ короткаго раздумья, съ злымъ выраженіемъ своего хищническаго лица: — свяжемъ ихъ всѣхъ, да подожжемъ фанзу; фанза сгоритъ, а тамъ и концы въ воду.

Растеряевъ вздрогнулъ отъ такого страшнаго предложенія; онъ никакъ не ожидалъ, что товарищъ предложитъ ему такое ужасное преступленіе. Первую минуту онъ хотѣлъ отказаться отъ выполненія такого гнуснаго плана, у него явилось даже искреннее, рѣшительное желаніе отдаться въ руки правосудія; но страхъ тяжкаго наказанія тотчасъ же отклонилъ отъ него это минутное раскаяніе, и онъ съ рѣшимостью согласился на предложеніе Ласкина къ одной жертвѣ прибавить еще двѣ другія.

— Ладно, — пробормоталъ онъ, невольно поблѣднѣвъ: — сдѣлаемъ какъ ты сказалъ!

— Надо обдѣлать живо, а то слышь какъ голоситъ дѣвченка-то: того и смотри, кто-нибудь въ фанзу на крикъ завернетъ. Свяжемъ прежде ее, а тамъ, на всякій случай и стариковъ прихватимъ, чтобы въ огнѣ не ожили,—проговорилъ Ласкинъ съ страшной улыбкой.

Негодяи быстро сорвали висѣвшія на жердяхъ веревки и бросились къ рыдающей Машѣ; не успѣла она еще сообразить, что хотятъ они съ нею сдѣлать, какъ была уже на крѣпко связана. Чтобы заглушить крики несчастной жертвы, негодяи набили ей въ ротъ холста и плотно завязали его. Маша задыхалась подъ душной повязкой и конвульсивно билась, чтобы избавиться отъ нея; она хотѣла вздохнуть, вздохнуть глубоко, чтобы облегчить свою надорванную рыданіями грудь, но повязка мѣшала ей, и она дышала тяжело и отрывисто, постоянно захлебываясь обильно льющимися слезами. Маша не могла отвести глазъ отъ негодяевъ, которые съ звѣрской жестокостью связывали окровавленный трупъ отца и безпамятную мать; она слѣдила за ихъ торопливыми, лихорадочными движеніями дикимъ, воспаленнымъ взоромъ, пытливо стараясь разгадать ихъ дальнѣйшія намѣренія. Она никакъ не могла связять рядъ пережитыхъ ею тяжелыхъ впечатлѣній; все перепуталось въ ея головѣ въ какой-то невообразимый хаосъ. Съ особенной пытливостью всматривалась Маша въ Растеряева, выгребавшаго изъ печи уголья въ большой, плоскій, чугунный котелъ; она никакъ не могла сообразить, для чего ему уголья, что хочетъ онъ съ ними дѣлать. Впрочемъ, она въ это особенно и не вдумывалась, она смотрѣла больше на самого Растеряева, не имѣя силъ отвести отъ него глазъ, смотрѣла съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, точно желая запечатлѣть въ своей памяти его ненавистныя, страшныя черты. Но вотъ запахло дымомъ; Маша съ ужасомъ увидѣла, что Растеряевъ накладываетъ на уголья солому и усиленно раздуваетъ ихъ вмѣстѣ съ Ласкинымъ. Она смутно начала предчувствовать, что ее ожидаетъ что-то очень

ужасное, но что именно—не могла дать себѣ яснаго отчета; она съ невыразимой мукой всматривалась въ звѣрскія лица негодяевъ, освѣщенныя яркимъ отблескомъ разгорающихся угольевъ. Прошла тяжелая, невыносимая минута; солома вспыхнула и разомъ освѣтила всю фанзу; Растеряевъ быстро поставилъ котелъ съ угольями подъ нары и навалилъ на него циновки и разное тряпье. Повалилъ удушливый, густой дымъ; красные языки пламени стали вырываться наружу и обхватывать нары, на которыхъ безпомощно лежала жена Цун-уна.

Маша безумнымъ взоромъ смотрѣла на быстро разрастающійся огонь и отчетливо, ясно сообразила страшное намѣреніе злодѣевъ. Она хотѣла вскрикнуть, вскрикнуть страшно, пронзительно, но крѣпкая повязка сдавила ей грудь, и Маша застонала глухо, отчаянно, безнадежно. Негодяи бросились изъ фанзы и, неоглядываясь на страшное дѣло рукъ своихъ, побѣжали домой, точно ихъ преслѣдовали ужасныя привидѣнія; они спотыкались въ темнотѣ на неровной, кочковатой дорогѣ, падали, подымались и опять бѣжали, бѣжали безъ оглядки, безъ отдыха. Имъ казалось, что они слышатъ невыносимо ужасные стоны жертвъ, казалось, что жертвы эти, объятыя пламенемъ, несутся вслѣдъ за ними, хватаютъ ихъ своими обгорѣлыми руками и жалобно молятъ спасти ихъ отъ невыносимо страшной смерти.

Облитые холоднымъ потомъ, негодяи бѣжали все быстрѣе и быстрѣе. Но вотъ и казармы; вонъ прохаживается передъ воротами часовой, который можетъ обратить вниманіе на ихъ разстроенное, безумное бѣгство. Негодяи разомъ опомнились и пріостановились; къ нимъ вернулось хладнокровіе и они со вниманіемъ оглядѣлись вокругъ; кругомъ было тихо, спокойно; никто не былъ свидѣтелемъ ихъ страшнаго дѣла, никто не видѣлъ ихъ бѣгства; надъ ними висѣло темное, глубокое небо, сплошь усѣянное милліонами звѣздъ; на самомъ горизонтѣ виднѣлось едва замѣтное зарево далекаго пожара.

III.

Съ жадностью пожираетъ огонь груды наваленной соломы и тряпья; съ зловѣщимъ шумомъ лижетъ онъ сухія нары и длинными языками приближается къ безпомощной, дряхлой женѣ Цун-уна; нестерпимый жаръ приводитъ ее въ чувство; съ глухимъ крикомъ оглядываетъ она ужасную картину и неистово силится разорвать связывающія ее веревки. Видъ окровавленнаго, безжизненнаго трупа мужа, видъ связанной Маши, бьющейся на землѣ, производятъ на нее могущественное дѣйствіе электрическаго удара, придаютъ ей нечеловѣческія, сверхъестественныя силы. Быстро перебираетъ она въ своей, сразу просвѣтлѣвшей, головѣ десятки плановъ спасенія, если не себя и мужа, то хоть дочери.

Но вотъ осѣнила ее сразу новая мысль: рѣшительнымъ, энергичнымъ движеніемъ подкатывается она къ самому пламени и смѣло кладетъ въ него свои ноги, стараясь пережечь стягивающія ихъ веревки. Жадно лижетъ огонь старческія, дряхлыя ноги; запахъ тлѣющей веревки перебивается тяжелымъ запахомъ горѣлаго мяса. Съ невыразимымъ мужествомъ выноситъ старуха страшную пытку, поддерживая себя надеждой спасти дочь. Но вотъ ноги свободны: первая половина пытки вынесена; старуха садится на нары и старается сунуть въ пламя связанныя назадъ руки. Быстро охватилъ огонь ея кофту и юбку; на ней горитъ все, но въ то-же время горятъ и веревки; она чувствуетъ, какъ лопаются постепенно прядь за прядью и съ стоическимъ равнодушіемъ выноситъ нестерпимыя мученія. Еще одна невыразимо тяжелая, безконечная минута и старуха свободна. Страшно обоженная, обезображенная, бросается она на землю и ползкомъ пробирается къ Машѣ, уже задыхающейся въ дыму.

Огонь, между тѣмъ, быстро пробирается по нарамъ, лижетъ стѣны, и обхватываетъ уже соломенную крышу фанзы; еще минута и нѣтъ ни для кого спасенія.

Старуха съ страшными усиліями старается развязать у Маши руки и ноги; измученная невыразимыми страданіями, почти обуглившаяся, спѣшитъ она дать свободу своему любимому, обожаемому дѣтищу, спѣшитъ избавить дочь отъ ужасной, близкой смерти. Огонь растетъ, между тѣмъ, съ ужасающей быстротой; на Машѣ начала уже тлѣться одежда; бѣлое, нѣжное тѣло уже чувствовало первые, страшные обжоги.

Лихорадочно работаетъ мать около дочери; руки дѣвушки уже свободны и она помогаетъ матери развязывать ноги. Работа идетъ какъ-то медленно; не могутъ найти узла, не могутъ сорвать съ ногъ крѣпкія путы.

— Маша, не могу больше, — глухо пробормотала старуха, безпомощно падая на землю: — ползи вонъ изъ фанзы... Укажи убійцъ твоего отца и матери. Ползи, родная, скорѣй, скорѣй. Прощай!!!

Крѣпко поцѣловала Маша безъ чувствъ упавшую мать, обняла безжизненный трупъ отца и поползла изъ пылающей фанзы на дворъ, а со двора въ поле; обожженная, измученная притаилась она въ ближайшихъ кустахъ, боясь попасть опять въ руки злодѣевъ. Съ трудомъ развязала она себѣ ноги и со страхомъ, съ сердечной болью стала смотрѣть на горящую фанзу, чутко прислушиваясь къ каждому звуку, стараясь разслышать стонъ или крикъ своей страдалицы матери.

Сухая фанза пылала какъ свѣча; огонь началъ уже переходить на постройки и частоколъ; домашняя птица съ тревожнымъ шумомъ и крикомъ летала по двору, кружилась среди бушующаго пламени и погибала въ хаосѣ разрушенія; только часть ея находила случайное спасеніе въ полѣ. Среди этого шума Машѣ чудились иногда крики матери; съ отчаяннымъ рыданіями падала она тогда на землю и молила Бога принять поскорѣй душу страдалицы.

Пламя разросталось все больше и больше; подгорѣвшія стропила не выдержали, и пылающая крыша съ

шумомъ обрушилась во внутрь фанзы; тысячи искръ взвились къ небу и потухли гдѣ-то далеко, въ пространствѣ. Маша дико вскрикнула и потеряла сознаніе.

* * *

Къ полуночи отъ фанзы осталась безобразная, тлѣющая груда; Маша давно уже пришла въ себя, но боялась выйти изъ своей засады; минуты проходили за минутами, а она, какъ безумная, сидѣла все въ кустахъ, не чувствуя на себѣ страшныхъ ожоговъ; слезы, безъ перерыва лившіяся изъ воспаленныхъ глазъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, уже изсякли; рыданія надорвали уже ея молодую грудь, но она не переставала оплакивать своихъ милыхъ стариковъ, оплакивать безъ слезъ; рыданія ея превратились въ какіе-то отчаянные, хриплые стоны.

Еще было очень темно, когда Маша рѣшилась, наконецъ, выйти изъ своей засады и бѣжать въ батальонъ, чтобы дать знать о преступленіи; быстрымъ, рѣшительнымъ движеніемъ встала она на ноги, но въ ту-же минуту со стономъ опустилась опять на сырую землю; теперь только она почувствовала, что ноги ея страшно обожжены. На ней не было никакихъ слѣдовъ одежды; все сгорѣло въ то время, когда она пробиралась изъ пылающей фанзы на дворъ; ея обнаженное тѣло было покрыто сплошными ожогами; когда-то прекрасныя, длинныя косы ея обгорѣли и висѣли безобразными космами.

Маша еще разъ попробовала было встать на ноги, сдѣлала нѣсколько тяжелыхъ шаговъ и упала опять, Страшная мысль охватила все ея существо. Неужели не хватитъ у нея силъ добраться до батальона и объявить о преступленіи, неужели убійцы отца и матери останутся безнаказанными? Нѣтъ, она должна исполнить послѣднее завѣщаніе матери-страдалицы, должна, во что бы то ни стало, указать безчеловѣчныхъ убійцъ. Съ неестественными усиліями встала Маша на колѣни и по-

ползла по неровной, кочковатой дорогѣ; острые камни рвали ея обгорѣлыя руки и ноги, но она не чувствовала боли и ползла все дальше и дальше. Нѣсколько разъ силы оставляли ее и она въ изнеможеніи ложилась на холодную землю; нѣсколько разъ ей казалось, что она не выполнитъ послѣдняго желанія своей матери, но каждый разъ Маша дѣлала сверхъестественныя усилія и ползла еще нѣсколько тяжелыхъ, невыразимо страдальческихъ саженъ.

Уже стало свѣтать, когда Маша доползла до первыхъ построекъ батальона, въ концѣ измученная и истерзанная; кругомъ не видно было живой души; все спало крѣпкимъ, утреннимъ сномъ; напрасно искала она взорами хоть одну свѣтлую точку, къ которой могла бы направить свой страдальческій путь—окружающіе плохенькія дома смотрѣли своими темными окнами какъ-то угрюмо и непривѣтливо. Съ отчаяніемъ подползла Маша къ первой двери, ударила въ нее ослабѣвшей рукой и застонала, протяжно, страдальчески; въ изнеможеніи приложила она къ двери свое горячее лицо и стала прислушиваться: ни звука, ни слова, ни шороха въ отвѣтъ; всѣ спятъ слишкомъ крѣпко, чтобы разслышать слабый стонъ страдалицы.

Съ невѣроятными усиліями приподнялась Маша на ноги, ухватилась за ручку двери и потрясла ею съ отчаянной, дикой рѣшимостью. Вотъ скрипнула половица и раздались чьи-то спѣшные шаги. Наконецъ-то!.. И Маша, какъ снопъ, повалилась на порогъ.

— Кто тамъ?—послышался недовольный, заспанный, лѣнивый голосъ.

— Отворите,—прошептала Маша едва слышно и теряя сознаніе.

Дверь отворилась и въ ней показалась какая-то женская фигура, босоногая, закутанная въ большой, шерстяной платокъ. Увидѣвъ обнаженную и обожженную Машу, женщина дико вскрикнула истремглавъ бросилась въ комнату, точно слѣдомъ за ней неслось какое-то страшное привидѣніе.

Черезъ минуту, всѣ живущіе въ домѣ были уже на ногахъ: капитанъ Бѣлкинъ, жена его, прислуга съ соболѣзнованіями окружили несчастную дѣвушку и внесли ее въ комнату. Добрѣйшая Настасья Семеновна, жена Бѣлкина, сбросила съ себя платокъ и покрыла Машу; черезъ нѣсколько минутъ вошелъ и докторъ, за которымъ распорядился послать гонца добродушный Бѣлкинъ. Внимательно, серьезно осмотрѣлъ докторъ страдалицу и печально покачалъ головой.

— Откуда эта дѣвушка?—спросилъ онъ.

— Это корейка Маша, дочь Цуи-уна, а нашла я ее у нашихъ дверей,—проговорила Настасья Семеновна, отирая невольно катившіяся слезы. Она не могла безъ сердечной боли смотрѣть на несчастную, обезображенную дѣвушку, которую еще такъ недавно видѣла такой веселой и хорошенькой.

— Она безнадежна,—проговорилъ докторъ, окончивъ свой осмотръ:—болѣе трехъ, четырехъ дней ей не прожить. Но что съ нею случилось, какъ попала она въ такомъ ужасномъ видѣ къ вамъ?

— Ахъ, докторъ, я сама и ума не могу приложить. Только что я начала засыпать послѣ четвертаго часа, вдругъ слышу стукъ, а затѣмъ не то плачъ, не то стонъ; я накинула платокъ и къ дверямъ. Отворяю—и глазамъ не вѣрю: лежитъ она, бѣдняжка, на порогѣ, совсѣмъ голая и опаленная; я такъ испугалась, что даже бросилась бѣжать.

— Не кроется-ли тутъ какое преступленіе?

— Самое лучшее подождать, когда Маша придетъ въ себя и опросить ее,—вмѣшался капитанъ Бѣлкинъ—она, можетъ быть, что-нибудь и разъяснитъ.

— И то правда,—согласился докторъ;—а теперь я васъ попрошу послать за фельдшеромъ; дайте мнѣ ваты и прикажите растереть картофель.

Черезъ полчаса, Маша была забинтована, какъ мумія. Съ тяжелымъ вздохомъ открыла она свои воспаленные глаза и съ недоумѣніемъ осмотрѣлась; первое время,

незнакомая комната, незнакомыя лица произвели на нее какое-то странное впечатлѣніе: ей показалось, что она видитъ сонъ; но черезъ минуту она ясно сознала свое положеніе, вспомнила ужасную смерть отца и матери, и залилась опять горькими, неудержимыми слезами.

— Маша, милая, родная, перестань,—утѣшала добрая Настасья Семеновна:—скажи намъ, что случилось что съ тобой?

— Они убили отца... убили мать... сожгли ихъ въ фанзѣ,—простонала Маша, горько рыдая.

— Кто они?!..

— Солдаты... одинъ высокій... другой низенькій, рябой... Рябой убилъ отца ломомъ... Потомъ они связали насъ всѣхъ, зажгли фанзу и убѣжали...—разсказывала Маша сквозь неудержимыя, отчаянныя рыданія:—Мать и отецъ сгорѣли... Я выползла изъ фанзы, указать убійцъ... Мнѣ завѣщала это мать...

— Боже мой, какое страшное преступленіе!—вскрикнула Настасья Семеновна, въ изнеможеніи падая на стулъ:—И наши солдаты сдѣлали его. Какъ это ужасно...

— Успокойся, Маша, мы разъищемъ убійцъ,—твердо проговорилъ Бѣлкинъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

IV.

Не смотря на раннее утро, весь батальонъ былъ поднятъ на ноги; вѣсть о страшномъ преступленіи переходила изъ устъ въ уста; ротные командиры провѣряли свои роты, наводили справки о тѣхъ, кто отлучался вечеромъ изъ казармъ и кто когда вернулся. Всѣ работали съ похвальной энергіей, всѣми руководила мысль— открыть убійцъ во что бы то ни стало... Къ восходу солнца уже были составлены списки всѣхъ отлучавшихся наканунѣ, всѣхъ болѣе или менѣе подозрѣваемыхъ.

Наибольшее подозрѣніе падало на Ласкина и Растеряева, которые самовольно ушли изъ роты послѣ справки и пропадали гдѣ-то почти до полуночи. Общимъ

совѣтомъ рѣшено было показать подозрѣваемыхъ Машѣ, чтобы она сама указала убійцъ; Растеряева и Ласкина помѣстили въ двѣ разныя группы.

Всѣ эти приготовленія произвели на перваго потрясающее дѣйствіе; достаточно было взглянуть на его страшно-осунувшееся лицо, на мутные, безжизненные глаза, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно одинъ изъ соучастниковъ преступленія. Ласкинъ находился въ неестественномъ, страшномъ состояніи и невольно обращалъ на себя всеобщее вниманіе; онъ много и лихорадочно смѣялся, черезъ мѣру шутилъ, трунилъ надъ товарищами и чаще, чѣмъ слѣдовало, заговаривалъ о совершенномъ преступленіи, точно стараясь у всѣхъ вывѣдать, на кого падаетъ подозрѣніе въ убійствѣ.

* * *

Безпомощно раскинулась Маша на кровати доброй Настасьи Семеновны, съ тоской и нетерпѣніемъ ожидая предстоящаго очнаго свода съ убійцами. Скрипнула дверь и въ комнату вошелъ на цыпочкахъ капитанъ Бѣлкинъ.

— Маша, въ силахъ ты сдѣлать осмотръ солдатамъ? —спросилъ онъ дѣвушку тихо.

— Да, да, ведите ихъ скорѣй сюда, я укажу,—лихорадочно заговорила Маша:—ведите!..

Бѣлкинъ вышелъ изъ комнаты; черезъ минуту въ передней застучали десятки ногъ и въ спальню вошли, одинъ за другимъ, двадцать солдатъ, среди которыхъ находился и Растеряевъ; вслѣдъ за ними вошли: батальонный командиръ, слѣдователь, врачъ, Бѣлкинъ и нѣсколько любопытныхъ. Не смотря на большое стеченіе народа, въ комнатѣ царствовала полнѣйшая тишина; никто не рѣшался нарушить спокойствіе больной; только изрѣдка слышались тяжелые вздохи солдатъ, внимательно оглядывавшихъ несчастную дѣвушку.

Растеряева трудно было узнать—такъ измѣнился онъ за послѣднюю ночь; онъ вошелъ въ комнату совершеннымъ старикомъ; осунувшееся, страшно исхудавшее лицо

его, ввалившіеся, мутные глаза глядѣли какъ-то тупо, безнадежно. Войдя въ спальню, онъ все старался спрятаться за своихъ товарищей, избѣгая взоровъ несчастной жертвы, но, въ тоже время, самъ не могъ отвести глазъ— отъ Маши; какая-то непреодолимая сила приковывала ихъ къ ней; онъ смотрѣлъ на Машу, какъ очарованный, точно не сознавая, точно удивляясь, какъ она могла попасть сюда, когда онъ оставилъ ее тамъ, среди пылающей фанзы...

Маша пытливо, внимательно осматривала каждаго входящаго солдата: взоры ея пылали сильнымъ, лихорадочнымъ огнемъ. Вдругъ она съ неестественной силой приподнялась и сѣла на край кровати; лицо ея выразило необыкновенный ужасъ и страданіе; глаза ея широко раскрылись и установились на Растеряева. Маша, казалось, онѣмѣла при видѣ убійцы; всѣ были поражены ея неизъяснимымъ состояніемъ.

Растеряевъ не выдержалъ этого страшнаго взора и закачался, точно подломленный вѣтромъ дубъ.

— Вотъ онъ!!—дико, пронзительно вскрикнула, наконецъ, Маша и упала безъ памяти на кровать.

Всѣ вздрогнули, точно пронизанные электрической искрой, и обратили взоры на Растеряева.

— Я... я... убійца...—пробормоталъ тотъ хрипло, глухо и, какъ снопъ, повалился на полъ.

Его немедленно вынесли; спальню очистили отъ любопытныхъ, и докторъ сталъ приводить Машу въ чувство. Долго лежала она въ какомъ-то страшномъ, полумертвомъ состояніи; наконецъ она начала всхлипывать и вдругъ разразилась тяжелыми рыданіями; Маша плакала, не открывая глазъ, плакала въ какомъ-то забытьѣ, безсознательно. Черезъ короткій промежутокъ она начала понемногу успокоиваться и, наконецъ, уснула; сонъ ея былъ тяжелый и изрѣдка прерывался глубокими всхлипываніями и стономъ.

Страдальческое, безпомощное положеніе Маши заставило отложить очную ставку до болѣе благопріятнаго случая.

Приведенный въ чувство Растеряевъ, вполнѣ сознался въ своемъ преступленіи и указалъ на Ласкина, какъ на соучастника; послѣдній былъ немедленно арестованъ, хотя положительно и категорически отрицалъ всякое свое участіе въ убійствѣ и поджогѣ.

* *
*

На другой день Машѣ предложили очную ставку съ Ласкинымъ; при этомъ старались подготовить ее къ встрѣчѣ съ убійцей настолько, чтобы она не произвела на нее предыдущаго, потрясающаго дѣйствія.

Не смотря на всю подготовку, Маша не могла вынести тяжелаго впечатлѣнія и съ ней повторился, при входѣ Ласкина, нервный, сильный припадокъ, окончательно надорвавшій ея слабыя силы.

При дикомъ, страшномъ ея крикѣ: „это убійца"! Ласкинъ вполнѣ сохранилъ свое напускное хладнокровіе.

— Вретъ, дѣвка!—проговорилъ онъ нахально, съ цинизмомъ, дерзко осматривая распростертую на кровати жертву.

Главное было сдѣлано; немедленно приступили къ формальному слѣдствію, которое и выяснило всѣ страшныя подробности совершеннаго преступленія. Въ виду особой важности преступленія, убійцы были преданы военно-полевому суду, который приговорилъ ихъ „къ смертной казни черезъ разстрѣляніе".

Ласкинъ до послѣдней минуты не сознался въ своемъ преступленіи, не смотря на всѣ собранныя противъ него улики; приговоръ свой онъ выслушалъ хладнокровно и даже посмѣивался надъ своимъ осунувшимся, потерявшимся товарищемъ.

На казнь Ласкинъ шелъ сильно выпивши, плясалъ, пѣлъ пѣсни и вообще находился въ странномъ, возбужденномъ состояніи. Растеряева вели подъ руки; онъ едва передвигалъ ноги и находился въ полубезчувственномъ состояніи. Когда его привязывали къ столбу, онъ былъ

уже мертвъ: страхъ предстоящей смерти предупредилъ человѣческую расправу.

На четвертый день Маши не стало; она умерла тихо, спокойно, окруженная заботливымъ вниманіемъ доброй Настасьи Семеновны и ея мужа.

Засада на деревьяхъ.

(Разсказъ участника охоты на тигра).

Мирно сидѣли мы въ небольшомъ, уютномъ кабинетикѣ Ивана Трофимовича Сухова, казначея одного изъ линейныхъ сибирскихъ батальоновъ, пили чай и вели чинную бесѣду о только что полученныхъ съ послѣдней почтой новостяхъ. Каждый высказывалъ свои мнѣнія и предположенія по поводу разныхъ событій, совершившихся въ Европѣ съ небольшимъ четыре мѣсяца назадъ, но сдѣлавшихся извѣстными намъ лишь со вчерашняго дня, съ полученіемъ „послѣднихъ“ газетъ и журналовъ. Высказывали свои мысли и предположенія такъ убѣжденно, пускались въ такія тонкости, столько было въ насъ сознанія своего достоинства, что, казалось, собрались на конгрессъ нѣсколько маленькихъ Бисмарковъ, рѣшившихся покончить со всѣми „проклятыми вопросами“ прежде чѣмъ покончен будетъ пузатый, красной мѣди, шипящій самоваръ. Мы дѣлили Европу, дѣлали государственные перевороты, назначали министровъ. Мы совершенно упускали какъ-то изъ виду, что сидимъ у добрѣйшаго Ивана Трофимовича, что мы тол-

куемъ о фактахъ, совершившихся четыре мѣсяца тому назадъ, о людяхъ, давно можетъ сошедшихъ съ политической и даже, пожалуй, съ жизненной арены. Мы забывали, что отъ „просвѣщенной Европы“ находимся ровно за 10,000 верстъ, на самой отдаленной окраинѣ обширнаго, полутаинственнаго, азіатскаго материка. Но время шло весело, незамѣтно; особенно ораторствовалъ нашъ добродушный Иванъ Трофимовичъ, до смерти невозлюбившій англичанъ за ихъ коварства и интриги.

И вдругъ, среди оживленнѣйшей политической бесѣды, дверь распахнулась и въ комнату влетѣлъ, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи, высокій, бравый мужчина, смотритель мѣстнаго госпиталя.

— Господа, тигръ задавилъ у меня сейчасъ двухъ лучшихъ коней!—прокричалъ онъ возбужденно.

— Фу, какъ вы меня испугали, Петръ Петровичъ,— медленно проговорилъ Иванъ Трофимовичъ, отирая со лба выступившій сразу холодный потъ.

— Чего же вы испугались?—спросилъ въ недоумѣніи смотритель.

— Да какъ же было не испугаться, Петръ Петровичъ,—проворчалъ Суховъ такъ же укоризненно:—Мы тутъ такъ мирно за самоваромъ, а вы вдругъ: „тигръ, тигръ“!! Словно онъ за ваши пятки уцѣпился!

— Успокойтесь, милѣйшій Иванъ Трофимовичъ,— проговорилъ смотритель весело:—тигръ далеко: онъ задавилъ госпитальныхъ лошадей въ двухъ верстахъ отъ города. Я предлагаю, господа,—обратился онъ къ намъ:— устроить ему, разбойнику, сегодня ночью хорошую засаду: онъ, какъ всегда, навѣрняка придетъ ѣсть задавленныхъ лошадей. Кто со мной, господа?

— Да ужъ отправимтесь лучше всей компаніей,— проговорилъ бѣлобрысый чиновникъ, оправляясь и принимая воинственную осанку.

— Идетъ!—согласился тучный письмоводитель съ рѣшимостью во взорѣ.

— Ну, а вы какъ?—обратился ко мнѣ смотритель.

— Я не прочь посмотрѣть на тигра, — замѣтилъ я, стараясь казаться спокойнымъ.

— Ну и отлично,—весело проговорилъ Петръ Петровичъ:—компанія составилась, а теперь за бока и нашего милѣйшаго Ивана Трофимовича.

— Избави меня Богъ съ вашими тиграми воевать, чего еще вы не выдумаете! — возразилъ испуганно Суховъ и отмахнулся даже рукой.

— Да вы не бойтесь, Иванъ Трофимовичъ, — вмѣшался письмоводитель: — мы заберемся на деревья, да оттуда и начнемъ хлестать по тигру пулями.

— А какъ тигръ да на дерево?

— Полноте, Иванъ Трофимовичъ, тигры на дерево не лазаютъ,—сталъ успокоивать Сухова смотритель:— Отъ компаніи отказываться грѣшно; захватимъ съ собой водочки и закусочки, и увидите—такъ проведемъ ночь, что во второй разъ сами напроситесь.

— Да вы на тигра развѣ ходили когда, что такъ все расписываете?—спросилъ вдругъ Суховъ.

— Нѣтъ.

— Ну вотъ, то-то! Я—нѣтъ, вы—нѣтъ, и остальные нѣтъ. Да какъ же съ такой ратью на тигра-то идти: того и смотри, что въ зубы ему попадешь.

— Другъ за друга постоимъ, не бойтесь, — проговорилъ тучный письмоводитель убѣдительно:—Идемте и шабашъ: видите—всѣ идутъ.

— Пойдемте! Полноте! — стали и мы упрашивать Сухова.

Долго упирался нашъ Иванъ Трофимовичъ и, наконецъ, началъ сдаваться.

— Иду ужь, что съ вами дѣлать, но только съ уговоромъ.

— Съ какимъ?

— Я возьму съ собой своего Сеньку, деньщика.

— Ну вотъ, выдумали. Зачѣмъ?

— Я ему ружье дамъ, и онъ будетъ меня, въ случаѣ чего, защищать. Я чувствую, господа, — сознался от-

кровенно Суховъ:—что какъ увижу тигра, такъ чортъ его знаетъ... я не знаю что со мной будетъ. Тутъ-то вотъ Сенька стрѣлять и начнетъ, а безъ него я положительно не пойду, — рѣшительно заключилъ Иванъ Трофимовичъ.

— Да ладно, берите вашего Сеньку, — согласился смотритель:—только пускай ужь онъ захватитъ и корзину съ провизіей. И такъ, господа, рѣшено: идемте мстить разбойнику. Мѣсто сбора у Ивана Трофимовича. Теперь четыре часа, къ семи надо быть на мѣстѣ; тутъ соберемся, во всеоружіи, въ шесть.

* *
*

Согласно сдѣланной смотрителемъ диспозиціи, къ шести часамъ мы были уже у Ивана Трофимовича, вооруженные съ ногъ до головы; каждый изъ насъ захватилъ съ собой по ружью и револьверу, а письмоводитель, кромѣ того, прихватилъ даже топоръ, «на всякій случай", какъ онъ выразился, когда мы начали его допытывать, зачѣмъ онъ потащилъ съ собой такую штуку.

Иванъ Трофимовичъ былъ уже готовъ. Сенька нарядилъ его такъ, что любо-дорого было смотрѣть: на ногахъ длинные, охотничьи сапоги, въ которыхъ Суховъ не разъ хаживалъ на болото за утками; теплый, обшитый зеленой тесьмой, пиджакъ былъ подвязанъ широкимъ, кожанымъ кушакомъ, изъ-за котораго грозно торчала рукоять большаго, старомоднаго револьвера; черезъ правое плечо висѣла бронзовая пороховница, черезъ лѣвое—мѣшокъ съ пулями и пыжами; на головѣ форменная, старая, засаленная фуражка.

— А ружье ваше, Иванъ Трофимовичъ?—спросилъ Сухова смотритель.

— Ружье у Сеньки — онъ и понесетъ а я возьму вотъ, на всякій случай, зонтикъ: не равенъ часъ—дождикъ пойдетъ.

И Суховъ, при общемъ хохотѣ, вытащилъ изъ-за платянаго шкафа старый, до нельзя запыленный, зонтикъ.

— Сенька!—крикнулъ рѣшительно Суховъ.

Здоровенный, рыжій Сенька немедля ввалился въ комнату и вытянулся у притолки, держа у ногъ двуствольное, старое ружье.

— Чево изволите, ваше благородіе?

— Ружье заряжено?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Какъ же ты, братецъ, такъ?—засуетился Иванъ Трофимовичъ:—вѣдь на тигра идемъ!

— Слушаю, ваше благородіе.

— Успѣете зарядить, Иванъ Трофимовичъ,—проговорилъ тучный письмоводитель, сгоравшій отъ нетерпѣнія сразиться съ тигромъ.

— Нѣтъ, ужь позвольте, Яковъ Савичъ, я заряжу дома. Сенька, заряжай ружье!—крикнулъ Суховъ воинственнымъ тономъ.

— Слушаю, ваше благородіе. Пожалуйте пороху.

Началось систематическое, медленное заряженіе ружья. Казалось, Иванъ Трофимовичъ совершалъ великое таинство; съ торжественнымъ, сосредоточеннымъ видомъ отсыпалъ онъ Сенькѣ порохъ, подавалъ ему пыжи, пули, пистоны и внимательно слѣдилъ, какъ тотъ забивалъ шомполомъ заряды. Бѣлобрысый чиновникъ дрожалъ отъ нетерпѣнія и каждую минуту посматривалъ на свои часы. Тучный письмоводитель тяжело дышалъ подъ тяжестью своихъ охотничьихъ доспѣховъ и, казалось, молилъ Ивана Трофимовича взорами поскорѣй закончить свое священнодѣйствіе.

Наконецъ ружье было заряжено и мы двинулись въ путь; намъ приходилось проходить почти половину города и мы обратили на себя всеобщее вниманіе. Всѣ, повидимому, крайне удивлялись, куда собралась такая разношерстная рать и какой подвигъ задумала она совершить? Мы шли гордо, съ сознаніемъ собственнаго достоинства; намъ казалось, что всѣмъ извѣстно, что мы идемъ на тигра, и мы невольно придавали своей осанкѣ воинственный рѣшительный видъ. Даже добро-

душный, скромный Иванъ Трофимовичъ шагалъ какъ-то особенно размашисто, бодро и поровилъ все при этомъ идти съ нами непремѣнно въ ногу, точно въ этомъ заключался секретъ успѣха предпріятія.

— Иванъ Трофимовичъ, куда это вы снарядились?— остановилъ вдругъ Сухова его знакомый, поразившійся, повидимому, его отважнымъ видомъ.

— На тигра,—лаконически, важно проговорилъ Иванъ Трофимовичъ и гордо прошелъ мимо.

— Съ зонтикомъ-то!?—крикнулъ ему вслѣдъ знакомый.

— Зонтикъ само собой, а тигръ само собой,—обидчиво проворчалъ Иванъ Трофимовичъ.

Вотъ мы на рубежѣ города; солнце только что скрылось за окружающими холмами, слегка позлащая ихъ круглыя, мохнатыя вершины. Слѣдуя указаніямъ смотрителя, мы вступили въ довольно густую заросль и пошли гуськомъ по извилистой, кочковатой тропинкѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ приходилось перелѣзать черезъ повалившіяся деревья, продираться сквозь чащу сплетшагося виноградника и кустарника. Дорога была въ высшей степени утомительная, въ особенности для тучнаго письмоводителя: онъ кряхтѣлъ, сопѣлъ и дышалъ такъ тяжело, точно несъ на себѣ куля два муки; особенно трудно было ему перелѣзать черезъ поваленныя деревья; каждый разъ онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи Сеньки, который предупредительно подсаживалъ его и перевалывалъ черезъ колоды и стволы. Передъ нѣкоторыми серьезными преградами Яковъ Савичъ приходилъ въ положительное отчаяніе; нѣсколько разъ порывался даже вернуться домой, но всегда отказывался отъ этого рѣшенія, какъ только отдѣлялся нѣсколько отъ общей группы: онъ повидимому, теперь уже боялся остаться въ лѣсу одинъ и напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы только не отстать и сохранить за собой мѣсто именно въ центрѣ партіи. Викторъ Алексѣевичъ (бѣлобрысый чиновникъ) шелъ съ смотрителемъ впереди и, казалось,

рвался узрѣть поскорѣй злодѣя. Я, Иванъ Трофимовичъ и Сенька замыкали шествіе. Иванъ Трофимовичъ шелъ осторожно, молча, внимательно оглядывая каждый кустикъ, каждый стволъ поваленнаго дерева; онъ, повидимому, все ожидалъ, что вотъ-вотъ выскочитъ изъ-за дерева лѣсное чудовище и схватитъ его за тощій, жилистый затылокъ. Прошло съ четверть часа, мы вошли подъ густой сводъ сплетшагося виноградника; кругомъ царствовали таинственный полумракъ и не менѣе таинственная тишина. Вдругъ раздался въ чащѣ сильный трескъ; кто-то грузно ломилъ подлѣсокъ и зашевелилъ, наконецъ, листвой почти рядомъ съ Иваномъ Трофимовичемъ. Я невольно вздрогнулъ, схватилъ съ плеча ружье и сталъ внимательно всматриваться въ зашевелившуюся листву. Иванъ Трофимовичъ отпрянулся отъ опаснаго мѣста, точно ужаленный, и со всѣхъ ногъ растянулся на кочковатой тропинкѣ.

— Тигръ!!! Сенька, стрѣляй!—кричалъ онъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ.

— Это, не извольте безпокоиться, ваше благородіе,— это корова, —проговорилъ Сенька хладнокровно:—вишь морду выставила, штобъ ей пусто было—только вотъ ваше благородіе напужала, окаянная.

— Чертъ бы ее далъ, — проворчалъ съ сердцемъ Иванъ Трофимовичъ, подымаясь на ноги и обчищая свой охотничій костюмъ:—такъ напугала она меня!

Въ это время подбѣжали къ намъ остальные охотники.

— Что, что такое? — посыпались встревоженные вопросы.

— Да, вишь, ихъ благородіе корову не разглядѣли—ну и спужались малость, — объяснилъ Сенька, обтирая рукавомъ выпачканныя брюки своего барина и поправляя на немъ сбившіеся при паденіи охотничьи доспѣхи.

— Эээ... эхъ, — укоризненно проговорилъ смотритель:—развѣ можно такъ кричать: да вы тигра такимъ крикомъ испугаете.

— Поневолѣ закричишь, когда такая морда вдругъ

высунется,—сконфуженно проворчалъ Иванъ Трофимовичъ и въ сердцахъ бросилъ въ корову камнемъ.

Та фыркнула и бросилась въ чащу.

Мы двинулись въ дальнѣйшій путь: чаща постепенно начала рѣдѣть и мы вышли, наконецъ, на небольшую лужайку, заросшую высокой, сочной травой.

— Здѣсь,—проговорилъ смотритель какъ-то тише обыкновеннаго и указалъ рукой на сильно помятую и залитую кровью траву; судя по всему на этомъ мѣстѣ лежала какая-то окрававленная масса.

— Гдѣ же лошади?—спросилъ я.

— Одна задавлена на этомъ мѣстѣ, но перетащена потомъ тигромъ вонъ за тѣ деревья, а другая—лежитъ въ двадцати шагахъ отсюда. Не хотите-ли взглянуть, господа, какъ ловко онъ ихъ зарѣзалъ?

Плотной кучкой двинулись мы за смотрителемъ, и черезъ минуту увидѣли красиваго, сѣраго жеребца, лежавшаго въ травѣ; судя по высоко поднятой головѣ, по выкинутымъ переднимъ и отброшеннымъ заднимъ ногамъ, жеребецъ былъ зарѣзанъ на полномъ карьерѣ; на крестцѣ и лѣвой передней лопаткѣ видѣлись глубокіе слѣды тигровыхъ когтей; по обѣ стороны шеи зіяли по двѣ треугольныя раны—слѣды страшныхъ клыковъ. Не трудно было себѣ представить, какъ хищникъ вскочилъ на крестецъ жеребца на полномъ карьерѣ, изогнулся и одной могучей хваткой своихъ грозныхъ клыковъ, моментально остановилъ быстрый бѣгъ обезумѣвшаго отъ страха жеребца. Покончивъ съ одной жертвой, тигръ бросился на спутанную кобылу—однимъ ударомъ размозжилъ ей позвоночный хребетъ и втащилъ въ укромное мѣсто, за груду поваленныхъ деревьевъ и отъѣлъ значительную уже часть. Жеребецъ былъ еще нетронутъ, и можно было ожидать, зная привычки хищника, что онъ придетъ, въ первую же ночь, на зарѣзанную добычу. Этой привычкой тигра часто и пользуются мѣстные охотники.

Болѣе обыкновенный способъ охоты на хищника, прак-

тикуемый мѣстными инородцами, заключается въ томъ, что около зарѣзанной коровы или лошади настораживаютъ нѣсколько ружей, приводы отъ которыхъ скрещиваются у приманки. Стоитъ только тигру дотронуться до этихъ приводовъ, какъ курки у настороженныхъ ружей разомъ спускаются, и хищникъ падаетъ тутъ же у приманки, смертельно пораженный нѣсколькими пулями. Рѣдко, рѣдко, когда онъ, сильно израненный, успѣваетъ забраться въ глухую таинственную чащу, гдѣ и испускаетъ духъ, вдали отъ человѣческихъ взоровъ. Выманить раненаго звѣря изъ тайги, безъ опасности для жизни, нѣтъ возможности, и охотники обыкновенно терпѣливо ждутъ, когда онъ издохнетъ самъ и затѣмъ уже пользуются шкурой хищника, его желчью и костями. Шкура цѣнится обыкновенно отъ тридцати до пятидесяти рублей; желчь и кости продаются чуть не на вѣсъ серебра; то и другое цѣнится китайцами очень дорого и служитъ, какъ увѣряютъ, радикальнымъ средствомъ противъ многихъ наружныхъ и внутреннихъ болѣзней. Приготовляемое изъ желчи и костей лекарство такъ дорого, что имъ могутъ пользоваться только люди очень богатые.

Кромѣ настороженныхъ ружей, мѣстные инородцы и китайцы употребляютъ стрихнинъ, которымъ отравляютъ зарѣзанную корову или лошадь. Способъ этотъ, впрочемъ, практикуется очень рѣдко, потому что шкура отравленнаго звѣря теряетъ всѣ свои достоинства, обыкновенно шерсть такъ сильно лѣзетъ, что шкура становится почти никуда не годною.

Но у наиболѣе рьяныхъ, пылкихъ, импровизированныхъ охотниковъ является всегда желаніе увидѣть тигра собственными глазами, убить его собственноручно, чтобы потомъ можно было бы похвастаться своей удалью. Въ сущности же, для практикуемаго подобными охотниками способа охоты на тигра, особенной удали не надо, а только терпѣніе просидѣть нѣсколько часовъ на деревѣ и выждать появленіе хищника. Къ такимъ импровизированнымъ охотникамъ принадлежали и мы; никто изъ насъ

никогда не видѣлъ еще тигра на свободѣ и каждому непремѣнно хотѣлось его увидѣть и хоть разикъ хлопнуть по немъ изъ ружья.

Мы прибыли на мѣсто уже съ наступленіемъ сумерокъ; надо было торопиться устроиться на деревьяхъ болѣе или менѣе удобно, надо было разобрать стратегическія позиціи. Вокругъ зарѣзанныхъ лошадей, въ двадцати, тридцати шагахъ отъ нихъ, стояло нѣсколько дубовыхъ, орѣховыхъ и пробковыхъ деревьевъ, правда не особенно высокихъ и нѣтвистыхъ, но достаточно удобныхъ для помѣщенія одного или двухъ человѣкъ.

— Господа, — провозгласилъ смотритель: — прежде всего закусимъ. Сенька, закуску и водку!—крикнулъ онъ деньщику, безпечно развалившемуся на мягкой травѣ.

Сенька быстро вскочилъ на ноги и подбѣжалъ къ намъ съ корзиной. Немедленно вытащены были колбасы, жареное мясо, сыръ, хлѣбъ, водка и мы приступили къ легкой закускѣ. Иванъ Трофимовичъ ѣлъ очень мало и, съ наступленіемъ сумерокъ, началъ повидимому, особенно сильно безпокоиться; онъ старался держаться около своего Сеньки, важно расхаживающаго съ двухстволынымъ ружьемъ. Улучивъ удобную минуту, Иванъ Трофимовичъ приблизился къ Сенькѣ вплотную и шепнулъ ему съ легкой тревогой въ голосѣ.

— Ты отъ меня не отходи, Сенька. Вмѣстѣ и на деревѣ сидѣть будемъ.

Слушаю, ваше благородіе,—проговорилъ тотъ безучастно.

Но вотъ мы и закусили. Смотритель сдѣлалъ легкую рекогносцировку мѣстности и началъ распредѣлять позиціи будущаго поля битвы.

— Вы, Иванъ Трофимовичъ, полѣзете съ Сенькой вонъ на то пробковое дерево, вправо отъ жеребца; вы, Викторъ Алексѣевичъ, и вы, Яковъ Савичъ, займете мѣста на томъ дубѣ, съ лѣвой стороны, а мы съ вами,— обратился онъ ко мнѣ:—усядемся на этомъ орѣхѣ.

И онъ указалъ на дерево, раскинувшееся всего въ

пятнадцати шагахъ отъ зарѣзаннаго коня. Согласно диспозиціи смотрителя, мы начали устраиваться на указанныхъ деревьяхъ, при чемъ подсадка охотниковъ производилась при помощи здороваго Сеньки, широкая спина котораго служила для всѣхъ прочными подмостками, съ нее уже добирались до первыхъ вѣтвей. Было уже совсѣмъ темно, когда мы устроились на своихъ позиціяхъ; на все окружающее легли темныя тѣни, и откуда-то повѣяло пронизывающей сыростью. Съ минуты на минуту можно было ожидать появленія тигра, а потому всѣ хранили гробовое молчаніе и, повидимому, терпѣливо сносили неудобства своихъ воздушныхъ позицій.

Я выбралъ толстую, широкую, раскидистую вѣтвь и устроился, какъ мнѣ казалось съ первыхъ минутъ, вполнѣ удобно; я могъ не только сидѣть верхомъ, но принимать даже полулежачее положеніе. Черезъ вѣтвь устроился смотритель: онъ усѣлся верхомъ и уперся спиной въ стволъ дерева. Какъ устроились остальные—не было видно; на лужайкѣ сдѣлалось такъ темно, что я едва различалъ трупъ зарѣзаннаго жеребца. Кругомъ царствовала подавляющая, непріятная тишина, изрѣдка нарушаемая быстрымъ, едва слышнымъ полетомъ летучей мыши, все наровившей, повидимому, усѣсться на бѣлую фуражку бѣлобрысаго чиновника. Я съ большимъ вниманіемъ всматривался въ окружающую чашу, стараясь уловить малѣйшій подозрительный шорохъ; минуты проходили за минутами какъ-то однообразно-скучно, монотонно; съ каждой наступающей минутой положеніе мое на суку дѣлалось все невыносимѣе и невыносимѣе. Не прошло еще, кажется, и получаса, а уже я началъ чувствовать во всемъ тѣлѣ непріятную, нестерпимую ломоту; ноги затекли до такой степени, что я не могъ пошевелить ими. Наконецъ стало положительно не въ моготу: я съ трудомъ всталъ на вѣтвь и началъ разминаться.

— Что, тяжело? — послышался сверху шопотъ смотрителя.

— И не говорите, хоть домой ступай!—сообщилъ я отчаяннымъ, сдержаннымъ шопотомъ.

Я тоже ногъ не чувствую—совсѣмъ затекли, —прошепталъ смотритель:—а Господь знаетъ, сколько еще придется отсидѣть въ такомъ птичьемъ положеніи. Что это „онъ“ замѣшкался, право?—добавилъ онъ съ досадой.

— Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ,—пронесся вдругъ едва слышный шопотъ съ дуба, на которомъ усѣлись тучный письмоводитель и бѣлобрысый чиновникъ.

— Что вамъ?—сердито прошепталъ смотритель.

— Да что,—хорошо бы закусить немного, да водочкой подкрѣпиться, а то, чортъ его знаетъ когда еще онъ придетъ,—пронесся опять шепотъ съ дуба.

— Водка съ закуской у Сеньки, подите и возьмите, если пришла такая охота,—проворчалъ злобно смотритель и влѣзъ на вѣтвь, съ цѣлью размять свои затекшія ноги.

— Сенька а Сенька,—послышался въ ночной тиши сдержанный голосъ письмоводителя.

— Чево изволите, ваше благородіе?—прогремѣлъ на лужайкѣ солдатскій отвѣтъ.

— Подай сюда водку и закуску.

— Слушаю, ваше благородіе!

— Да не шумите же!—разсердился смотритель и даже плюнулъ съ досады.

— Вы, ваше благородіе, подержите ружье,—послышался нѣсколько сдержанный Сенькинъ голосъ:—а я ихъ благородію, господину письмоводителю, закуску передамъ.

— Куда ты, Сенька! Побойся Бога!.. Вѣдь тигръ разорветъ:—раздался тревожный голосъ Ивана Трофимовича.

— Не извольте ваше благородіе, безпокоиться, „она“ ничего...

— А я-то какъ одинъ на деревѣ останусь,—проговорилъ жалобно Иванъ Трофимовичъ:—не равенъ часъ...

— Не сумлѣвайтесь, ваше благородіе, она на дерево

не полѣзетъ,—послышался успокоивающій голосъ Сеньки, и вслѣдъ за этимъ долетѣлъ до моего слуха легкій шорохъ сползающаго съ дерева человѣка; вотъ промелькнула по лужайкѣ темная масса и приблизилась къ дубу.

— Извольте, ваше благородіе.

— Спасибо, братецъ, ступай съ Богомъ.

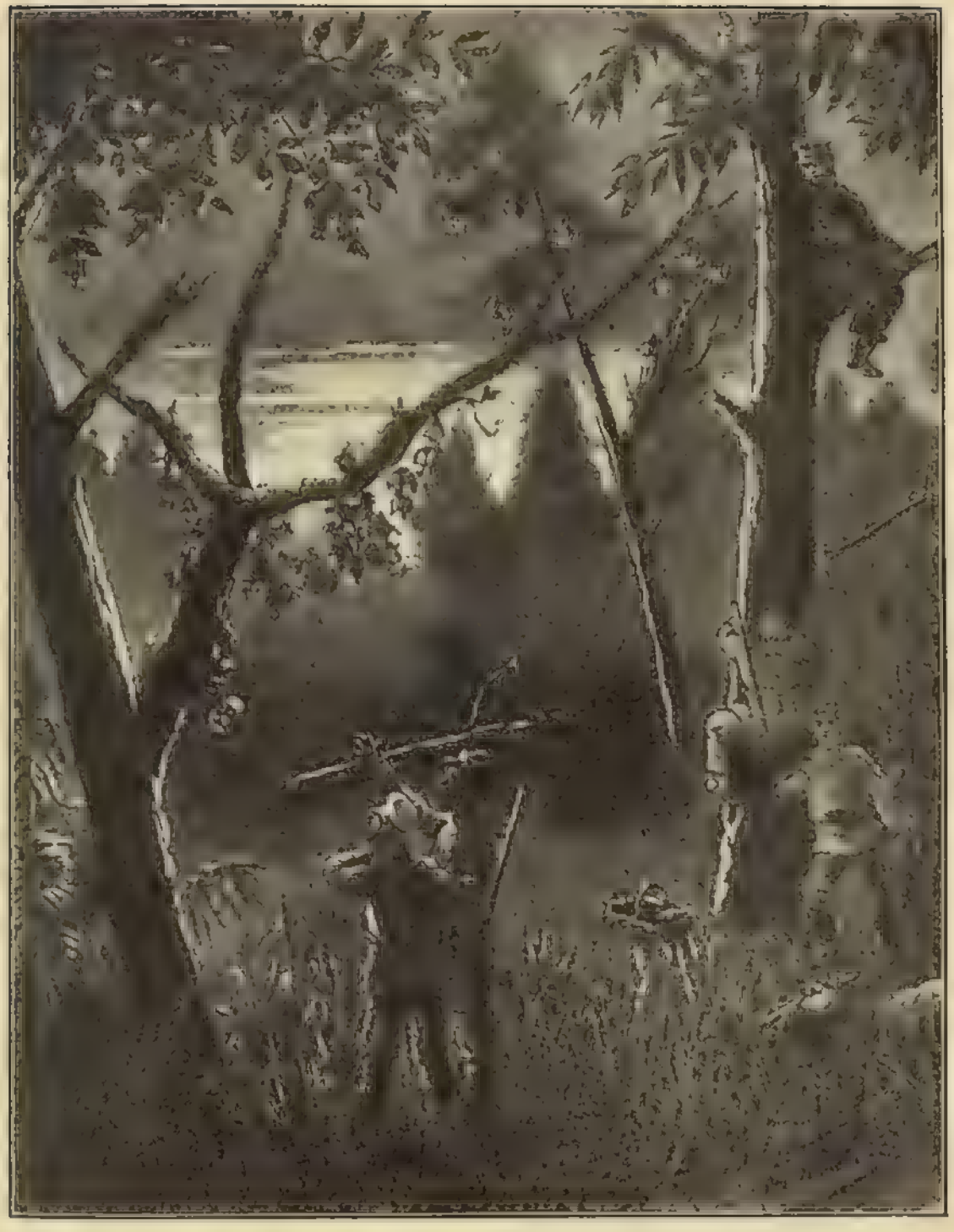
Сенька вернулся къ дереву.

— Ну, что, Сенька, видалъ тигра?—послышался голосъ Ивана Трофимовича.

— Какой, ваше благородіе! Разѣ „она“ на такой шумъ пойдетъ.

— Господа,—проговорилъ сердито смотритель:—дѣйствительно, если мы будемъ такъ шумѣть, то придется просидѣть напрасно до утра. Прошу васъ прекратить свои разговоры. А кому не въ моготу сидѣть молча, такъ извольте идти домой.

Всѣ смолкли, притаились, и опять наступила тяжелая, таинственная тишина; стало еще темнѣе, такъ темно, что я уже едва могъ разсмотрѣть распростертую у нашихъ ногъ лошадь; она выдѣлялась на темной плоскости лужайки, въ видѣ чернаго, безформеннаго пятна. Просидѣли, кажется, еще съ полчаса, и я началъ чувствовать во всемъ тѣлѣ такую ломоту и утомленіе, что серьезно сталъ досадовать на тигра, заставляющаго насъ выносить такую пытку. Время тянулось невыносимо долго: каждая минута растягивалась, казалось, на полчаса, а впереди предстояло еще много такихъ минутъ. Трудно было опредѣлить время, когда тигръ заблагоразсудитъ придти на свою кровавую трапезу; обыкновенно, онъ является около полуночи, а нерѣдко—только къ разсвѣту. Перспектива просидѣть цѣлую ночь на деревѣ становилась съ каждой минутой все невыносимѣе и невыносимѣе; я усталъ до такой степени, что принужденъ былъ, чтобы не свалиться въ дремотѣ съ дерева, привязать себя къ стволу кушакомъ. Положеніе другихъ было, повидимому, не лучше: каждую минуту, то съ пробковаго дерева, то съ дуба доносились до насъ тяжелые



вздохи и шорохъ перемѣщающихся. Смотрителъ, повидимому, сталъ выходить изъ терпѣнія; при каждомъ болѣе или менѣе сильномъ вздохѣ или шорохѣ, онъ началъ ворчать и ерзать; наконецъ, не выдержалъ и вдругъ прохрипѣлъ какимъ-то зловѣщимъ шопотомъ:

— Господа, да перестаньте вы такъ вздыхать, какъ кузнечные мѣха. Посидите смирно хоть часъ.

Наступила опять мертвая, подавляющая тишина; понемногу, на лужайкѣ становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе; черезъ нѣсколько минутъ выглянулъ изъ за окружающей чащи мѣсяцъ и бросилъ на пышный коверъ зелени нѣсколько мягкихъ, ровныхъ лучей. Казалось, вся лужайка освѣтилась разомъ чудными, едва мерцающими бенгальскими огнями; отъ окружающихъ деревьевъ легли причудливыя тѣни. Луна ободрила насъ: какъ будто стало вдругъ легче на душѣ и веселѣе; минуты казались не такъ длинными, неудобное положеніе наше не такъ тягостнымъ и непріятнымъ. Впрочемъ, это обновленное состояніе продолжалось не долго; какъ только мы приглядѣлись къ новой картинѣ, какъ только достаточно освоились съ новыми впечатлѣніями, какъ опять начали чувствовать всю невыносимость, всю тягость нашего „птичьяго“ по выраженію смотрителя, положенія.

Луна подымалась, между тѣмъ, все выше и выше; ея свѣтлый рогъ стоялъ уже почти надъ лужайкой, а кругомъ все еще царствовала подавляющая, непріятная, таинственная тишина. Я уже началъ было окончательно терять терпѣніе, какъ вдругъ пронесся по лѣсной чащѣ долгій, протяжный ревъ, пронесся и... замеръ гдѣ-то близко, почти у самыхъ ногъ. Я встрепенулся и пытливо началъ всматриваться въ окружающіе предметы; по всему тѣлу пробѣжала невольная, лихорадочная дрожь; меня охватило какое-то невѣдомое, безотчетное чувство: не то необъяснимый страхъ близкой опасности. Мнѣ вдругъ показалось, что я сижу не слишкомъ высоко, что тигръ однимъ прыжкомъ легко можетъ сбить меня съ моей позиціи. Я хотѣлъ уже осторожно подняться выше, къ при-

тавшемуся смотрителю, какъ подъ самыми ногами раздалось вдругъ короткое, кошачье, но сильное мурлыканье, и изъ чащи выдвинулась на лужайку темная, огромная масса. Однимъ могучимъ прыжкомъ перелетѣла она пространство, отдѣлявшее ее отъ жеребца, и жадно прильнула къ свѣжей добычѣ. Я съ необъяснимымъ чувствомъ приложилъ къ плечу двухстволку и сталъ наводить.

— Батюшки, тигръ!!!—раздался вдругъ въ ночной тиши отчаянный, дикій возгласъ Ивана Трофимовича. Стрѣляй, Сенька, Стрѣляй!!!

Рука у меня дрогнула отъ этого нечеловѣческаго крика, и пули затерялись въ противоположной чащѣ. Раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ и глухо зарокотали въ лѣсной глуши. Тигръ оторвался отъ жеребца и однимъ гигантскимъ прыжкомъ скрылся въ чащѣ; вслѣдъ ему загремѣла учащенная стрѣльба, точно по лѣсу разсыпалась разомъ густая, стрѣлковая цѣпь. Стрѣляли изъ ружей, стрѣляли изъ револьверовъ, стрѣляли безъ счету, безъ прицѣла; всѣхъ охватила какая-то паника; всѣ спѣшили заряжать и стрѣлять, не отдавая даже себѣ отчета: „въ кого“? Всѣми, кажется, руководила одна мысль—напугать грознаго хищника, чтобы онъ не вздумалъ вернуться, не вздумалъ бы вступить съ нами въ смертный бой.

Больше всѣхъ суетился Иванъ Трофимовичъ; онъ кричалъ, какъ сумасшедшій, и все подстрекалъ Сеньку стрѣлять; онъ выходилъ изъ себя, что Сенька копается при заряженіи ружья, а самъ, между тѣмъ, подавалъ ему вмѣсто пороха пыжи, вмѣсто пуль сыпалъ опять порохъ, вмѣсто пистоновъ совалъ въ руку свой револьверъ и заставлялъ опять стрѣлять. Сенька стрѣлялъ, пока хватило мочи; мы энергично помогали ему, и нужно удивляться, какъ еще не подстрѣлили при такой бѣшеной пальбѣ одинъ другаго. Сколько бы времени продолжалась такая нелѣпая стрѣльба—трудно опредѣлить, еслибы не одно случайное обстоятельство, давшее дѣлу совершенно иной оборотъ. Иванъ Трофимовичъ, под-

стрекая своего Сеньку, заерзалъ на пробкѣ до того, что вдругъ описалъ въ воздухѣ кривую линію и пластомъ растянулся на мягкой лужайкѣ.

— Батюшки, спасите! спасите!—взревѣлъ онъ благимъ матомъ, бѣгая по лужайкѣ, какъ ошалѣлый, и силясь подняться то на одно, то на другое дерево. Вѣрный Сенька, не медля, оставилъ свою позицію и подбѣжалъ къ растерявшемуся барину; за нимъ слетѣли кубаремъ, почему-то, тучный письмоводитель и бѣлобрысый чиновникъ; я съ смотрителемъ послѣдовали заразительному примѣру и однимъ прыжкомъ очутились на мягкой лужайкѣ.

— Теперь, господа, остается одно: идти домой,— проговорилъ быстро смотритель.

— Бѣжать, а не идти!—жалобно простоналъ Иванъ Трофимовичъ:—а то какъ разъ попадемся ему на зубы.

— Конечно, бѣжать,—пробормоталъ съ дрожью въ голосѣ тучный письмоводитель, дико озираясь.

— Я предполагаю, господа, что тигръ притаился здѣсь же, въ чащѣ,—проговорилъ бѣлобрысый чиновникъ испуганнымъ шопотомъ, точно опасаясь, чтобы хищникъ не подслушалъ его предположенія. Мы двинулись по едва замѣтной тропинкѣ; Сенька открывалъ шествіе; за нимъ слѣдовалъ Иванъ Трофимовичъ, затѣмъ бѣлобрысый чиновникъ, тучный письмоводитель и, наконецъ, смотритель. Я, почему-то, остался послѣднимъ: случай-ли или преднамѣренно—не могу объяснить. Первое время я слѣдовалъ за хвостомъ довольно спокойно, но какъ только мы вступили въ мрачную тайгу, меня охватилъ безотчетный ужасъ; мнѣ вдругъ показалось, что бѣлобрысый чиновникъ правъ и что тигръ навѣрное притаился гдѣ-нибудь въ чаще и высматриваетъ себѣ жертву. Зная его привычку хватать послѣдняго, я съ каждымъ шагомъ оглядывался и все ждалъ страшнаго нападенія. Наконецъ, такая пытка стала мнѣ не подъ силу; въ одномъ мѣстѣ тропинка нѣсколько расширилась: я воспользовался этимъ, быстро промелькнулъ мимо всей вереницы охотниковъ

и очутился впереди всѣхъ. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ передо мной уже очутился смотритель, продѣлавшій такой же маневръ и, вѣроятно, подъ тѣмъ же невыносимо-тягостнымъ впечатлѣніемъ. Тучный письмоводитель хотѣлъ было послѣдовать за смотрителемъ, но его не пропустилъ бѣлобрысый чиновникъ, съ тою же цѣлью начавшій маневрировать такъ, что занималъ всю ширину тропинки.

— Викторъ Алексѣевичъ, пропустите же Бога ради!— началъ его умолять письмоводитель самымъ жалобнымъ тономъ.

— Куда?— огрызнулся бѣлобрысый чиновникъ, продолжая идти посединѣ тропинки.

— Да впередъ, голубчикъ, позади страшно идти— того и смотри, что тигръ меня за шиворотъ возьметъ.

— Такъ что же вы хотите, чтобы онъ меня взялъ?— сердито, даже съ оттѣнкомъ нѣкоторой злобы, проговорилъ Викторъ Алексѣевичъ:—Нѣтъ, спасибо, ужь я лучше впередъ забѣгу:

И бѣлобрысый чиновникъ шаркнулъ впередъ.

— Что это вы такъ все бѣгаете,—завопилъ вдругъ Иванъ Трофимовичъ, точно кто собирался его рѣзать:— Меня назади что-ли хотите оставить? Для того и на охоту, вѣроятно, меня взяли, чтобы жертвой сдѣлать. Это неблагородно, господа! Сенька, нечего тебѣ больше впереди идти—безъ тебя дорогу укажутъ!

Сенька молча посторонился и пропустилъ Ивана Трофимовича впередъ.

— Семенъ, голубчикъ, пусти и меня,—началъ упрашивать заискивающимъ голосомъ письмоводитель:—двугривенный на водку дамъ, только пусти.

— Проходите, ваше благородіе, не надо мнѣ вашего двугривеннаго,—проговорилъ Сенька и, какъ мнѣ показалось, проговорилъ довольно презрительно.

Мы пришли въ городъ въ три часа утра, измученные, съ намозоленными ногами, въ самомъ отвратительномъ настроеніи духа. При безпорядочномъ нашемъ отступ-

леніи, мы понесли довольно серьезныя потери; тучный письмоводитель покинулъ на полѣ битвы свое ружье; Ивинъ Трофимовичъ потерялъ, во время бѣгства, свой любимый зонтикъ и револьверъ, доставшійся ему въ наслѣдство отъ товарища по службѣ; бѣлобрысый чиновникъ оставилъ на какомъ-то суку свою бѣлую шапку. Одежда наша потерпѣла серьезныя поврежденія, точно, рвала ее въ теченіи нѣсколькихъ часовъ по крайней мѣрѣ дюжина собакъ.

Импровизированная охота наша въ тотъ же день стала извѣстна всему населенію маленькаго города: темой для разговоровъ сдѣлалось наше позорное отступленіе. Особенно доставалось добродушному Ивану Трофимовичу: его останавливали чуть-ли не на каждомъ перекресткѣ и все просили досконально объяснить, гдѣ и какъ потерялъ онъ свой зонтикъ и револьверъ.

— Ужь и не спрашивайте,—разсказывалъ онъ добродушно:—голову потерялъ, а ужь зонтикъ и не мудрено было потерять. Я вѣдь предупреждалъ всѣхъ, что какъ увижу тигра, такъ не знаю, что со мной будетъ. Оно такъ и случилось: только что это онъ прыгнулъ къ жеребцу—у меня и руки опустились. Я кричу Сенькѣ: „стрѣляй“! а онъ мѣшкаетъ, точно нарочно. Наконецъ выстрѣлилъ, да такъ хватилъ, что я глаза даже зажмурилъ: пороховымъ дымомъ такъ всего и обдало. Я кричу опять: „стрѣляй“! а онъ мнѣ: „пожалуйте пороху“! я знаете, ружье ему отдалъ, а припасы-то къ ружью при себѣ оставилъ. Сенька мнѣ и говоритъ: „пожалуйте пороху“! а я ему зонтикъ сую—растерялся до того, что зонтикъ отъ пороха отличить не могъ. Засуетился я, да сгоряча съ дерева-то и треснулся. Едва, едва тигру въ зубы не попался!

— А что, пойдете еще когда-нибудь на тигра?—спрашивали его наиболѣе любопытные сограждане.

— Да я... да Боже упаси!.. Да золотыми горами не заманятъ: страху одного на всю жизнь набрался.

Хищники-золотоискатели.

(Очеркъ «маньцзинскаго возстанія»).

I.

Каждую весну, первыми теплыми днями, подымается на ноги все бездомное и бездѣльное населеніе сосѣдней Манчжуріи и толпами переходитъ въ Уссурійскій край, представляющій для него обширное поприще всевозможныхъ, болѣе или менѣе выгодныхъ, промысловъ. Суша и море, въ одинаковой почти степени богатыя разнообразными естественными произведеніями, сулятъ этимъ бродягамъ если не скорое и легкое обогащеніе, то хорошій кусокъ хлѣба на цѣлый предстоящій годъ. Земля привлекаетъ въ наши предѣлы эти поддонки китайскаго населенія сокрытымъ въ ней золотомъ и дорогимъ корнемъ жинъ-зенгъ, имѣющимъ почти одинаковую цѣнность съ золотомъ, а море—неистощимыми богатствами трепанговъ (особый родъ съѣдобныхъ морскихъ червей) и морской капусты (особый видъ водоросли Fucus).

На ряду съ пришлымъ китайскимъ сбродомъ занимается тайной золотопромышленностью и мѣстное, осѣдлое, китайское населеніе, извѣстное больше подъ именемъ

маньцзи *). Нѣтъ въ Уссурійскомъ краѣ мѣста, которое не было бы изслѣдовано китайскими золотоискателями; почти на каждой рѣчкѣ, гдѣ есть малѣйшіе признаки золота, можно видѣть не только что давно уже выработанныя розсыпи, но и развѣдочныя ямы, при помощи которыхъ китайцы опредѣляли: стоитъ-ли разрабатывать данную мѣстность или нѣтъ? Мѣстонахожденіе наиболѣе богатыхъ золотыхъ пріисковъ тщательно скрывается отъ русскихъ: послѣднихъ нерѣдко обманываютъ ложными указаніями на небывалыя розсыпи, чтобы только сбить ихъ съ толку и отвлечь ихъ вниманіе отъ богатыхъ мѣстъ, излюбленныхъ хищниками-золотоискателями.

Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстная золотопромышленность еще началась въ то время **), когда край былъ густо населенъ, когда здѣсь существовали не только военные лагери и крѣпости, но и большіе города, остатки которыхъ свидѣтельствуютъ о бывшей кипучей жизни и дѣятельности. Куда дѣвалось все это древнее населеніе, отчего оно оставило богато-надѣленный природой край, къ какой расѣ принадлежало оно—до сихъ поръ достовѣрно не объяснено. Есть нѣсколько предположеній, но всѣ эти предположенія основаны лишь на личныхъ соображеніяхъ, а не на историческихъ данныхъ и памятникахъ. Ни одинъ ученый не изслѣдовалъ еще существующихъ въ краѣ памятниковъ древнихъ обитателей;

*) Нѣкоторыя путешественники переводятъ слово «маньцзя» бродяга, но въ дѣйствительности это слово не имѣетъ такого значенія ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Маньцзами назвали манчжуры вольныхъ китайскихъ промышленниковъ, пришедшихъ въ Манчжурію для разныхъ промысловъ. Слово „маньцзя“ очень древнее; въ древнія времена южный Китай былъ заселенъ инородцами, извѣстными подъ названіемъ Манн. Впослѣдствіи, когда монголы овладѣли сѣвернымъ Китаемъ, то назвали южныхъ китайцевъ бывшихъ подъ властью дома Сунъ, изъ презрѣнія, маньцзами, въ смыслѣ помѣси китайцевъ съ инородцами. Почему это названіе потомъ обобщилось и стало прилагаться въ Уссурійскомъ краѣ вообще ко всѣмъ китайскимъ выходцамъ—трудно рѣшить.

**) Начало золотопромышленности въ Уссурійскомъ краѣ надо отнести къ самой отдаленной древности. На нѣкоторыхъ отвалахъ и выкидахъ изъ шурфовыхъ ямъ успѣли вырости гигантскіе дубы, болѣе обхвата толщиной.

никто еще не разгадалъ тайны, облекающей жизнь бывшихъ когда-то здѣсь народовъ. Извѣстно только, что когда манчжуры овладѣли Китайской имперіей, то Уссурійскій край былъ уже оставленъ и пустыненъ; дикіе завоеватели смотрѣли на этотъ край, какъ на землю неистощимую золотомъ и дорогимъ корнемъ жинъ-зенъ. Имѣя обыкновеніе выселять китайскихъ крестьянъ съ семействами въ отдаленныя свои владѣнія, для воздѣлыванія полей на пустошахъ, манчжуры не примѣнили этой мѣры къ Уссурійскому краю и оставили его въ рукахъ подвижнаго населенія, въ рукахъ всевозможныхъ промышленниковъ, прибывавшихъ въ край для наживы и уходившихъ домой тотчасъ же, какъ только они составляли себѣ болѣе или менѣе обезпеченное состояніе. Манчжуры боялись создать въ Уссурійскомъ краѣ правильныя земледѣльческія колоніи, боялись осѣдлости въ немъ, не желая дать опору и средства для скопищъ золотопромышленниковъ, вѣчно внушавшихъ имъ опасенія. Хотя впослѣдствіи и было заведено хлѣбопашество въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края, но людьми безсемейными, безъ права землевладѣнія и только въ видахъ продовольствія промышленниковъ, въ видахъ торговли хлѣбомъ съ мѣстными инородцами и выдѣлки водки, до которой китайцы большіе охотники.

Хунхузы *) приносятъ мѣстной русской власти много хлопотъ и безпокойства; переходя наши предѣлы партіями, нерѣдко въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, они служатъ для мѣстнаго русскаго населенія и мирныхъ инородцевъ вѣчной грозой, постоянно висящимъ надъ ихъ головой дамокловымъ мечемъ. Администрація положительно не въ силахъ предотвратить эти періодическіе переходы китайскихъ хищниковъ черезъ границу, не въ силахъ поставить имъ какую либо препону. Южная граница наша положительно беззащитна и даже не засе-

*) Хунхузами зовутъ пришлыхъ бродягъ. Слово «хунъ-хузъ» въ буквальномъ переводѣ значитъ «красная борода». Происхожденіе этого слова неизвѣстно.

лена; огромныя скопища проходятъ совершенно незамѣтно и власти узнаютъ объ этомъ переходѣ слишкомъ поздно, когда совершено уже много убійствъ и грабежей. Хунхузы распоряжаются въ нашихъ предѣлахъ съ большимъ нахальствомъ, съ большимъ своеволіемъ и необузданностью, чѣмъ у себя дома; это своеволіе является въ нихъ вслѣдствіе положительной безнаказанности, вслѣдствіе недостаточности силъ и средствъ у мѣстныхъ властей для преслѣдованія этихъ разбойничьихъ шаекъ золотоискателей, разбившихся по самымъ глухимъ угламъ малоизслѣдованнаго, малоизвѣстнаго дикаго, бездорожнаго края. Эти періодическія нашествія китайской сволочи вредно отзываются на благосостояніи края, гибельно дѣйствуютъ на экономическое его развитіе; мѣстное хозяйство приходитъ въ упадокъ вслѣдствіе дикаго своеволія чуждыхъ пришельцевъ. Безнаказанность и свобода, съ которой распоряжаются въ нашихъ предѣлахъ китайскіе хищники, развиваютъ въ послѣднихъ дикое убѣжденіе, что они хозяева здѣшняго края, а не русскіе, что они имѣютъ право распоряжаться въ немъ по своему усмотрѣнію, не отдавая никому отчета. Это убѣжденіе было нерѣдко причиной кровавыхъ, серьезныхъ столкновеній, особенно тяжелыхъ для молодыхъ русскихъ поселеній и мирныхъ инородцевъ.

Главнымъ, самымъ опаснымъ яблокомъ раздора между пришлымъ китайскимъ сбродомъ и мѣстными властями служилъ островъ Аскольдъ, лежащій отъ Владивостока всего въ пятидесяти морскихъ миляхъ. Островъ этотъ занимаетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ Приморской области; изъ-за него произошло серьезное, кровавое движеніе, извѣстное подъ названіемъ „маньцзинскаго возстанія“. Движеніе это охватило почти весь край; хунхузы жгли и грабили только что основанныя русскія селенія, убивали и истязали жителей. Въ эти тяжелые, смутные для края дни были выжжены русскія деревни и села, расположенныя по долинамъ рѣкъ Цыму-хэ, Монгугая и Суйфуна; разсвирѣпѣвшія шайки стали даже

угрожать Владивостоку и другому стратегическому пункту, лежащему на берегу озера Ханка, Камень-Рыболову. Недостатокъ путей сообщенія, плохое состояніе телеграфныхъ сообщеній, совершенный безпорядокъ въ личномъ составѣ боевой силы края, были причиной того, что едва-едва могли собрать двѣсти человѣкъ солдатъ, казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ, чтобы остановить хищниковъ, преспокойно убиравшихся во свояси съ богатой добычей.

II.

Сырое, туманное, іюльское утро; солнце только что поднялось изъ за горизонта и озарило темный, суровый, окутанный туманомъ, островъ Аскольдъ. Окружающія воды словно замерли, застыли подъ первыми лучами восходящаго свѣтила; ни одна морщинка не рябитъ зеркальной поверхности, ни что не нарушаетъ спокойной, величественной дремоты моря. Солнце подымается все выше и выше; оно начинаетъ уже припекать, входить въ свои дневныя права. Туманъ, до послѣдней минуты ревниво скрывавшій всѣ окрестъ лежащіе берега и острова, поддается наконецъ, мощному дѣйствію солнечныхъ лучей и начинаетъ садиться медленно, постепенно, точно ему жаль, точно тяжело разстаться съ своимъ спокойнымъ ночлегомъ. Вотъ выглянули изъ-за плотной стѣны тумана лѣсистыя, темныя вершины Аскольда; туманъ садится, между тѣмъ, ниже и ниже, точно невидимая, могучая рука медленно сдергиваетъ съ острова гигантскую, непроницаемую завѣсу. Еще нѣсколько минутъ борьбы, и туманъ исчезъ; только вдали, на горизонтѣ, стоитъ еще непроницаемая, бѣлая стѣна, стойко встрѣчающая могучій напоръ яркихъ солнечныхъ лучей,

Высокій холмистый Аскольдъ угрюмо смотритъ въ тихую гладь спокойнаго моря; кажется, ни одно существо не оживляетъ его непривѣтливые берега, его мрачныя, щитинистыя вершины. Между тѣмъ, вдоль одного

небольшаго, быстраго, горнаго, золотоноснаго ручья кипитъ необыкновенная жизнь и дѣятельность; на крутоярыхъ берегахъ его разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ нѣсколько десятковъ рваныхъ, грязныхъ палатокъ и почти столько же древесныхъ, дырявыхъ шалашей, выстроенныхъ на скорую руку только въ защиту отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Вдоль рѣчки лихорадочно работаютъ, разбившись на небольшія партіи въ нѣсколько человѣкъ, до восьмисотъ полуголыхъ хищниковъ золотоискателей, едва прикрытыхъ грязными, отвратительными рубищами; они кишатъ по всей рѣчкѣ, точно муравьи, работаютъ плечо съ плечомъ, работаютъ молча, угрюмо, сосредоточенно. Одни насыпаютъ золотоносную землю въ большія грубыя тачки, другіе промываютъ ее на деревянныхъ, допотопныхъ желобахъ, третьи стоятъ по колѣно въ жидкой грязи въ глубокихъ шурфовыхъ ямахъ, и занимаются тяжелымъ добываніемъ золотосодержащаго пласта. Работа кипитъ дѣятельная, энергичная, дружная. На богатой золотомъ рѣчкѣ, стеклись изъ многолюдной Манчжуріи всевозможныя поддонки китайскаго населенія; тутъ были бездомные, безсемейные голыши, не имѣющіе на родинѣ мѣста, гдѣ преклонить голову, и бродяги, преступники, бѣжавшіе отъ суроваго наказанія въ богатый золотомъ край, были, наконецъ, ссыльные (лоху), съ обрѣзанными косами и съ звѣрскими, обезображенными оспой лицами. Весь этотъ сбродъ оставилъ свою родину и бѣжалъ на этотъ островъ, въ надеждѣ на богатую добычу золота.

Уже въ минувшемъ году разнесся радостный, тревожный слухъ, что на островѣ открыты неистощимыя золотыя розсыпи; слухъ этотъ электрической искрой пробѣжалъ среди всего мѣстнаго населенія, передался за наши предѣлы, и вотъ съ китайской территоріи повалила на Аскольдъ за добычей масса хищниковъ, всякій сбродъ, который мечталъ воровски разбогатѣть русскимъ добромъ. Ранней весной на Аскольдъ собрались до нѣсколькихъ сотенъ золотоискателей, располо-

жились какъ у себя дома и начали добывать русское золото, почти на глазахъ нашихъ административныхъ властей. Это показалось уже, однако, въ высшей степени дерзкимъ своеволіемъ, и вотъ рѣшено было принять немедленныя мѣры къ прекращенію хищнической разработки нашихъ розсыпей. Для этой цѣли послана была на Аскольдъ военная шкуна, выполнившая свою миссію необыкновенно удачно и быстро; сбродъ былъ невооруженъ и безпрекословно сломалъ свои золотопромышленные инструменты и удалился съ острова во внутрь страны, но удалился съ тѣмъ, чтобы слѣдующей весной вернуться въ большей массѣ, съ оружіемъ, чтобы имѣть возможность дать хорошій отпоръ „русскимъ собакамъ“ *), еслибы они вздумали явиться опять съ требованіемъ прекратить золотопромывныя работы.

И дѣйствительно, хищники прибыли опять на Аскольдъ въ большемъ числѣ и, притомъ вооруженными; правда, все ихъ вооруженіе состояло изъ сотни фитильныхъ ружей, дреколья и заржавѣлыхъ сабель, но за то ихъ поддерживалъ могучій духъ корысти и энергія золотой лихорадки. Хищники, прибывъ на Аскольдъ, рѣшили уступить только силѣ, только съ бою отдать тотъ неистощимый запасъ благороднаго металла, который былъ открытъ ими на островѣ. Дѣйствительно, открытыя хищниками розсыпи поражали своимъ богатствомъ; крупинки золота, а иногда даже небольшіе самородки, вѣсомъ въ нѣсколько золотниковъ, лежали почти на поверхности земли. Хищниковъ охватила какая-то дикая страсть, бѣшеная, неутолимая жажда золота: они лихорадочно выбирали только лучшія золотоносныя мѣста, безслѣдно погребая въ отвалахъ несмѣтныя сокровища; они вымывали только болѣе крупныя части золота, не имѣя терпѣнія заняться добычей золотой пыли, золотаго песка, оставляемаго въ землѣ на добычу слѣдующимъ золотопромышленникамъ. Они даже не заботились, изъ боязни потерять дорогое

*) Мѣстные китайцы называютъ русскихъ собаками, признакъ крайняго презрѣнія и ненависти.

время, вывозить пустую, промытую уже землю куда-нибудь подальше, а сваливали ее тутъ же, на край шуфровыхъ ямъ, безслѣдно заваливая ею богатыя золотомъ мѣста. Работа велась самая хищническая, торопливая, безразсчетная. Золотоискатели съ минуты на минуту ожидали прибытія русскаго военнаго судна и потому спѣшили промыть, до предстоящей схватки, возможно большее количество золота.

Наступилъ полдень; солнце стояло почти въ зенитѣ и пекло немилосердно; хищники пріостановили свои работы и разбрелись по палаткамъ и шалашамъ готовить свой незатѣйливый обѣдъ. Задымились наскоро сложенныя глиняныя печи; запахло отвратительнымъ кунжутнымъ масломъ и не менѣе отвратительной черемшой, любимѣйшей приправой китайцевъ ко всякому кушанью безъ исключенія.

Золотоискатели кончали уже свой обѣдъ, какъ изъ-за высокаго мыса показалась вдругъ небольшая, военная, паровая шкуна и быстро стала приближаться къ золотоносной рѣчкѣ: это былъ давно ожидаемый врагъ—шкуна сибирской флотиліи, „Алеутъ". Хищники встрепенулись, бросили недоѣденный обѣдъ и заметались по острову, какъ угорѣлые. Каждый вооружался всѣмъ, что было подъ рукой: кто хваталъ тяжелое фитильное ружье и подыскивалъ себѣ въ помощь еще двухъ *) товарищей, кто вооружался кайлами, кто лопатами, ломами, саблями и кто, наконецъ, просто дубьемъ. Шумъ и гамъ поднялись невообразимые; всѣ пришли, при видѣ шкуны, въ какой-то бѣшеный экстазъ и съ пѣной у рта махали сво-

*) Фитильное китайское ружье очень тяжело: при длинномъ стволѣ оно имѣетъ очень маленькую ложу, похожею формой на пистолетную ручку. Обыкновенно одинъ китаецъ кладетъ его себѣ на плечо и держитъ руками, другой прикладываетъ ложу ружья къ своей щекѣ и наводитъ его, а третій, по данному сигналу, прикладываетъ къ полкѣ съ порохомъ готовый фитиль. Послѣ выстрѣла, обыкновенно, у наводчика раздувается отъ отдачи щека такъ сильно что онъ бываетъ принужденъ нерѣдко передавать свою обязанность другому. Иногда фитильныя ружья имѣютъ сошки—тогда стрѣляютъ два человѣка, а не три.

имъ оружіемъ, точно думая этимъ остановить движеніе судна. Послѣднее подвигалось, между тѣмъ, все ближе и ближе; въ полумилѣ отъ берега оно остановилось и отдало якорь. Хищники увидѣли, что со шкуны спускаютъ шлюпки, на которыя тотчасъ же садилась вооруженная команда; не было уже никакого сомнѣнія, что шкуна пришла выполнить прошлогоднюю задачу—прогнать съ острова хунхузовъ и уничтожить всѣ ихъ золотопромывныя постройки и инструменты.

Хищники сгруппировались около высокаго, здороваго, сильно рябаго китайца, принявшаго на себя роль предводителя: онъ кричалъ громче всѣхъ, неистово махалъ руками и зычнымъ голосомъ дѣлалъ необходимыя распоряженія къ встрѣчѣ непрошенныхъ гостей. Среди невообразимаго гама отдѣлились отъ общей группы двѣ большія партіи золотоискателей, вооруженныхъ холоднымъ оружіемъ, и побѣжали къ кустамъ, расположеннымъ вдоль дороги, идущей съ берега къ розсыпямъ. У золотоносной рѣчки остались только хунхузы, вооруженные фитильными ружьями; наступила минута какого-то грознаго молчанія; повидимому, хищники рѣшились защищать розсыпь до послѣдней крайности и готовили приближающемуся десанту серьезную засаду. Послѣдній шелъ къ берегу на двухъ небольшихъ шлюпкахъ, съ полной увѣренностью въ успѣхѣ; никому не приходило въ голову, что отъ «дубовой сволочи» возможно встрѣтить серьезный смѣлый отпоръ; десантъ приближался къ берегу, ничего не подозрѣвая, съ безпечностью русскаго человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ своей силѣ и легкости предстоящей задачи.

Вотъ шлюпки мягко стукнулись въ песчаный берегъ и остановились; быстро выскочили изъ нихъ на островъ до двадцати хорошо вооруженныхъ матросовъ и три офицера. Небольшой отрядъ смѣло двинулся по узкой, извилистой дорогѣ и медленно сталъ подыматься къ розсыпи, къ группѣ безмолвно ожидавшихъ хищниковъ. Матросы шли впередъ легко и увѣренно, перекидываясь, по поводу предстоявшаго дѣла, веселыми шутками и

остротами. Офицеры шли какъ на прогулку или веселый пикникъ; не было сдѣлано никакихъ распоряженій на случай нечаяннаго нападенія, не принято даже самыхъ необходимыхъ мѣръ предосторожности. Всѣмъ казалось, что стоитъ сказать слово и хищники безпрекословно оставятъ островъ, выдадутъ промытое ими золото и изломаютъ свои постройки и инструменты.

Отрядъ подошелъ къ золотоискателямъ шаговъ на двадцать и остановился; отъ него отдѣлился начальникъ десанта и приблизился для переговоровъ къ выступившему впередъ рябому китайцу.

— Ты старшина?—спросилъ отъ послѣдняго.

— Моя, капитанъ,—проговорилъ угрюмо старшина;— а чего твоя надо здѣсь?

— Вамъ запрещено промывать на островѣ золото. Зачѣмъ вы работаете?

— Цинъ-дао *) нашъ, капитанъ, мы и работаемъ. И золото наше. Мы не уйдемъ, хошь твоя и гналъ насъ. Мы твоя знать не хочу,—прохрипѣлъ старшина съ энергическимъ жестомъ.

— Слушай, старшина,—проговорилъ твердо начальникъ десанта:—если не хочешь ссоры—уходи со своими товарищами сейчасъ же, а не уйдешь—я прогоню васъ силой. Со мной здѣсь солдаты, а на суднѣ еще есть.

— Врешь, собака, твоя не прогони насъ,—злобно заревѣлъ вдругъ старшина и дикимъ, остервенившимся звѣремъ бросился на начальника десанта.

Тотъ не ожидалъ такого внезапнаго нападенія и поспѣшилъ вернуться къ своему отряду. Въ это время раздались со стороны хищниковъ первые выстрѣлы; вначалѣ они загремѣли какъ-то неувѣренно, одиночно, но затѣмъ загрохотали чаще и слились, наконецъ, въ общій, дружный залпъ. Неожиданный поворотъ дѣла озадачилъ матросовъ и первое время они какъ будто опѣшили и даже какъ бы забыли, что въ рукахъ у нихъ были ружья, но

*) Островъ Аскольдъ китайцы зовутъ Цинъ-дао, что означаетъ въ переводѣ «Зеленый островъ»

черезъ минуту опомнились и дали въ отвѣтъ дружный залпъ, произведшій въ рядахъ хищниковъ большое опустошеніе. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, начальникъ десанта увидѣлъ полную невозможность бороться съ нѣсколькими стами разсвирѣпѣвшихъ хунхузовъ и приказалъ отступать. Только что матросы поровнялись съ кустами, какъ изъ-за нихъ выскочили, съ дикимъ, пронзительнымъ гикомъ, толпы китайцевъ и мигомъ окружили отступавшій отрядъ; послѣдній былъ поставленъ въ критическое положеніе; полное уничтоженіе его было почти неминуемо; хищники, ободренные временнымъ успѣхомъ, наступали съ отчаянной рѣшимостью и дикой отвагой, не смотря на мѣткіе выстрѣлы отступающаго десанта. Ожесточеніе золотоискателей достигло высшаго предѣла, плотное кольцо ихъ все сжималось и сжималось, и, наконецъ, отряду пришлось работать штыками и прикладами. Схватка была горячая, отчаянная; уже три матроса пали на глазахъ товарищей, изрубленные въ куски разъярившимися разбойниками; изъ остальныхъ семнадцати человѣкъ пять были изранены настолько, что едва слѣдовали за энергично пробивающимся черезъ плотное кольцо хищниковъ отрядомъ; всѣ офицеры получили болѣе или менѣе серьезныя раны. Въ этотъ критическій моментъ раздались со шкуны первые боевые выстрѣлы; гулко пронеслись они по спокойной бухтѣ и загрохотали въ падяхъ и оврагахъ Зеленаго острова; ядро за ядромъ врѣзывалось въ песчаный берегъ острова и рикошетировало въ самую гущу настойчиво напиравшихъ хищниковъ; послѣдніе не выдержали мѣткаго огня, отшатнулись и дали дорогу изнемогавшему уже въ неравной борьбѣ отряду. Быстро достигъ десантъ шлюпокъ, и преслѣдуемый выстрѣлами опомнившихся негодяевъ, отвалилъ отъ берега. Въ виду убыли въ людяхъ, пришлось оставить одну шлюпку въ добычу хищникамъ.

Десантъ, поддерживаемый судовой артиллеріей, благополучно достигъ шкуны, которая немедленно снялась

съ якоря, чтобы донести о происшедшей схваткѣ и потребовать подкрѣпленія для новой атаки Зеленаго острова.

Хунхузы обезумѣли отъ крови; по уходѣ шкуны они начали терзать оставленныя тѣла нашихъ убитыхъ и предаваться дикимъ порывамъ необузданнаго бѣшенства; ихъ охватила неутолимая жажда крови, жажда мести за убитыхъ товарищей. Кровавое столкновеніе на Аскольдѣ послужило сигналомъ къ страшнымъ изувѣрствамъ и убійствамъ со стороны разъярившихся хунхузовъ; они рѣшили поголовно вырѣзать въ краѣ все русское населеніе, вырѣзать всѣхъ сочувствующихъ ненавистнымъ русскимъ.

III.

Вечерѣло; надъ горизонтомъ виднѣлся только край солнца, бросавшаго на небо снопы темнокрасныхъ лучей. Шесть человѣкъ солдатъ, составлявшихъ военный постъ въ проливѣ Стрѣлокъ, мирно сидѣли на дряхломъ крылечкѣ небольшой казармы и поглядывали на разстилавшуюся передъ ихъ глазами спокойную, водную поверхность; изъ-за разбросанныхъ подъ берегомъ острововъ мрачно глядѣли мохнатыя, темныя вершины Аскольда, слегка позлащенныя послѣдними лучами заходящаго солнца.

— Что за пальба была сегодня?—проговорилъ вопросительно, чуть-ли не въ десятый разъ, бравый, молодой, нѣсколько сутуловатый унтеръ; показывая рукой на виднѣвшійся вдали Аскольдъ:—Кажется, пальба эта не къ добру: поди, баталія тамъ какая-нибудь была...

— Да можетъ, Петръ Яковлевичъ, хунхузовъ оттелева гнали; вѣдь ихъ тамъ много, почитай набралось—золото промывать? — замѣтилъ неувѣренно рядомъ сидѣвшій солдатъ Пуховъ, красивый рыжій дѣтина, въ заломленной на затылокъ фуражкѣ.

— Что наше судно тамъ, такъ это вполнѣ вѣрно,—вмѣшался другой солдатъ, стоявшій въ дверяхъ съ труб-

кой въ зубахъ:—вѣдь я докладывалъ вамъ, Петръ Яковличъ, что дымъ по утру былъ видѣнъ должно быть судно туда шло.

Свалка на островѣ, видно, жаркая была,—продолжалъ унтеръ задумчиво:—палили страсть какъ...

— Какъ бы и намъ не пришлось за ружья взяться, перебилъ вдругъ Пуховъ, пристально посматривая на горизонтъ:—Глядите-ко братцы, сколько лодокъ сюды идетъ!

— Никакъ это хунхузы съ Аскольда?—тревожно замѣтилъ унтеръ.

— И впрямь хунхузы,—подтвердилъ Пуховъ.

Дѣйствительно, изъ-за ближайшаго острова потянулась къ берегу цѣлая флотилія лодокъ, переполненныхъ безшабашной китайской сволочью. Лодка за лодкой приставала къ низменному песчаному мыску, въ верстѣ отъ поста; хунхузы выходили на берегъ безпорядочной толпой и съ дикимъ ожесточеніемъ махали своимъ оружіемъ, угрожая имъ солдатамъ, безмолвно наблюдавшимъ за шумнымъ приливомъ разбойничьихъ шаекъ. Вотъ пристала къ мысу послѣдняя лодка, и хунхузы двинулись къ одиноко стоящему, заброшенному посту, скрываясь за густымъ кустарникомъ, разросшимся по всѣмъ окрестнымъ холмамъ. Намѣренія хищниковъ были ясны: они собирались атаковать Стрѣлокъ и начать рѣзню съ горсти нашихъ солдатъ, составляющихъ здѣсь гарнизонъ.

— Ну, братцы берись за ружье!—рѣшительно проговорилъ унтеръ-офицеръ, послѣ наблюденія за дѣйствіями хунхузовъ:—Дѣло не чистое: вишь, окаянные, ползутъ сюда. Встрѣтимъ ихъ честью, да пощелкаемъ-ко ихъ по бритымъ головешкамъ свинцовыми орѣшками. Живо, молодцы, не копайся!

Команда бросилась въ казарму и черезъ минуту уже выстроилась во всеоружіи на полуразвалившемся крыльцѣ; каждый захватилъ съ собой столько патроновъ, сколько могло помѣститься не только въ патронной сумкѣ, но и въ широкихъ карманахъ лѣтнихъ брюкъ. Петръ

Яковлевичъ преобразился: сутуловатая фигура его выпрямилась и подтянулась; онъ принялъ молодцоватую осанку начальника, увѣреннаго въ своей командѣ.

— Со сволочью не церемонься, — проговорилъ онъ послѣ осмотра своего крошечнаго отряда: —зря патронами не раскидывайся: бей навѣрняка. Помни, насъ всего шестеро, а тамъ сотъ ихъ восемь будетъ; надо наровить такъ, чтобы пуль на всѣхъ хватило.

— Да ужъ охулку на руку не положимъ, Петръ Яковличъ, — возразилъ Пуховъ съ легкимъ бахвальствомъ: — такъ раскидаемъ, что во второй разъ и не сунутся.

Между тѣмъ, толпы хунхузовъ подбирались къ казармѣ все ближе и ближе, старательно скрываясь за кустами и деревьями, прячась въ высокой травѣ; они ползли въ полной надеждѣ застать постъ врасплохъ и вырѣзать его безъ особенныхъ хлопотъ. Уже стемнѣло, когда хищники приблизились къ открытой полянѣ, раскинувшейся вокругъ поста, и стали вглядываться въ безмолвную, полуразвалившуюся казарму. Нѣтъ сомнѣнія, защитники спятъ, не чуя близкой бѣды; соннаго врага зарѣзать легко, и хищники уже предвкушали сладость близкой кровавой мести. Тихо, осторожно выползли они изъ кустовъ и быстро стали приближаться къ безмолвному посту; вотъ они уже близко: еще полсотни шаговъ, и жертвы будутъ трепетать подъ безпощадными ножами разбойниковъ. Вдругъ блеснули изъ темныхъ оконъ казармы яркія молніи, и вечерній воздухъ огласился глухими раскатами ружейныхъ выстрѣловъ; засвистали пули и врѣзались въ самую гущу наступающихъ хищниковъ. Раздались болѣзненные вопли и крики ужаса; неожиданность поразила до паники, и вся масса хищниковъ стремглавъ бросилась въ кусты, стараясь скрыться отъ мѣткихъ пуль постовой команды. Черезъ нѣсколько минутъ хищники скрылись, выстрѣлы смолкли, и все опять впало въ опасную, таинственную тишину. Если-бы не восемь распластавшихся на полянѣ труповъ, то трудно

было бы сказать, что минуту назадъ разыгралась на этомъ клочкѣ земли кровавая драма. Хищники притаились и, казалось готовились къ новому нападенію.

Защитники зорко оглядывали окружающую мѣстность, ожидая каждую минуту новаго появленія безпощадныхъ враговъ; они сознавали, что должны или умереть славно, съ оружіемъ въ рукахъ, или же позорно погибнуть подъ мучительными ножами кровожадныхъ хунхузовъ; они рѣшились отстаивать постъ до послѣдней капли крови и погребсти подъ своими трупами возможно большую массу враговъ. Помощи ждать было не откуда; ближайшая помощь находилась въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ самой непроходимой дороги, да она и не могла узнать о нападеніи хунхузовъ на Стрѣлокъ. Не было сомнѣнія, что послѣ перваго неудачнаго нападенія послѣдуютъ другія, и, въ результатѣ, слабый гарнизонъ долженъ будетъ изнемочь въ неравной борьбѣ. Только счастливый случай, въ высшей степени удачное отраженіе могло сломить упорство врага и заставить его отказаться отъ ужаснаго замысла—вырѣзать несчастный постъ. Первая атака была отражена съ блестящимъ успѣхомъ, и этотъ временной успѣхъ значительно поднялъ духъ защитниковъ; но тѣмъ не менѣе они ждали слѣдующаго нападенія съ сильнымъ безпокойствомъ, не зная, гдѣ притаился хитрый врагъ и какую минуту выберетъ онъ для новаго нападенія.

Прошло болѣе часа въ тяжеломъ безплодномъ ожиданіи; кругомъ царствовала мертвая тишь, предвѣщавшая что-то недоброе. Наступила темная, іюльская ночь; солдаты начали уже чувствовать изнеможеніе отъ продолжительнаго, напряженнаго вниманія; они съ нетерпѣніемъ ожидали врага, искренно желали, чтобы онъ нарушилъ, наконецъ, эту подавляющую тишину.

Время тянулось невыносимо; каждая минута казалась мучительнымъ часомъ. Тревожно прислушивались солдаты, стараясь уловить въ ночной тиши какой-либо шумъ или шорохъ. Съ напряженіемъ всматривались они въ

окружающую непроницаемую тьму, въ надеждѣ во-время замѣтить приближеніе разбойниковъ. Было уже близко къ полуночи, какъ вдругъ раздался у задней стѣны казармы какой-то подозрительный, легкій шорохъ. Команда встрепенулась, и чутко насторожилась. Пуховъ безъ шума подошелъ къ стѣнѣ и приложилъ ухо.

— Петръ Яковличъ, подите сюды скорѣй,—прошепталъ онъ черезъ четверть минуты съ сильной тревогой въ голосѣ.

Тотъ быстрой тѣнью примкнулъ къ задней стѣнѣ и жадно приложился также къ ней ухомъ; за стѣной кто-то осторожно шевелился и шелестилъ травой; казалось, собирали что-то сухое и складывали въ кучу у самой стѣны. У Петра Яковлевича мелькнула вдругъ въ головѣ страшная мысль.

— Насъ хотятъ живьемъ сжечь! — крикнулъ онъ командѣ:—не робей, молодцы, бери топоры и живо руби въ задней стѣнѣ бойницы! Э... эхъ, недогадались раньше,— добавилъ онъ съ какой-то отчаянной досадой.

Дружно, лихорадочно ударила команда топорами по бревнамъ; работали ощупью, боясь зажечь огонь, чтобы не дать хунхузамъ возможности обстрѣливать внутренность казармы черезъ освѣщенныя окна. Съ первыми ударами топоровъ раздалось за стѣной дикое гиканье и закипѣла не менѣе дѣятельная, лихорадочная работа. Хунхузы не стали уже скрываться и съ дикой рѣшимостью быстро складывали къ стѣнѣ хворостъ и сухую траву; они ясно сознавали, что, если не успѣютъ кончить свою работу раньше, чѣмъ солдаты прорубятъ бойницы, то имъ придется брать казарму съ боя, чего имъ очень не хотѣлось и на что они рѣшились бы только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Съ каждымъ ударомъ топора, куча хворосту и сухой травы росла за стѣной все выше и выше. Внутри казармы работа шла какъ-то невыносимо медленно: острые топоры казались до нельзя тупыми, гнилыя бревна—крѣпкими, какъ чугунъ. Одинъ невидимый врагъ опаснѣе сотни видимыхъ, и команда лихора-

дочію рѣшила разрушить передъ собой непроницаемую стѣну, мѣшающую ей видѣть страшную работу разбойниковъ. Еще нѣсколько отчаянныхъ, богатырскихъ ударовъ, и большая бойница готова; съ шумомъ упали внаружу вырубленныя бревна и внутренность казармы разомъ освѣтилась яркимъ, зловѣщимъ отблескомъ пылающаго костра. Врагъ предупредилъ и успѣлъ уже поджечь большую груду сложенныхъ у стѣны хвороста и сухой травы; пламя подымалось до самой крыши и жадно лизало неровные края только что вырубленнаго командой отверстія; густой дымъ наполнялъ казарму все больше и больше. Солдаты съ ужасомъ смотрѣли на быстро разроставшійся пожаръ, не имѣя возможности отвратить грозящую имъ опасность. Пламя перешло уже на внутреннюю стѣну казармы и широкими языками охватило сухой потолокъ; нестерпимый жаръ заставилъ солдатъ броситься на крыльцо, освѣщенное заревомъ быстро разроставшагося пожара. Хунхузы ждали этого и, въ моментъ появленія на крыльцѣ растерявшейся команды, раздался неровный раскатистый залпъ фитильныхъ ружей. Одинъ изъ защитниковъ, молодецъ Пуховъ, упалъ навзничь, пораженный пулей въ голову; остальные съ рѣшимостью отчаянія рванулись съ позиціи и, преслѣдуемые выстрѣлами хищниковъ, бросились къ проливу Стрѣлокъ, въ надеждѣ скрыться въ прибрежныхъ, густо разросшихся кустахъ. Пули зловѣще свистали надъ головами бѣглецовъ, поощряя ихъ къ болѣе поспѣшному отступленію; быстро и легко прыгали они съ кочки на кочку, черезъ мелкіе кусты и полусгнившіе стволы давно поваленныхъ деревьевъ. Но вотъ и прибрежная заросль; солдаты залегли на самой опушкѣ, вздохнули полной грудью, оправились и дали дружный залпъ по настойчиво преслѣдовавшимъ хищникамъ. Послѣдніе не ожидали отпора и, какъ ошпаренные, бросились назадъ, стараясь скрыться отъ мѣткихъ пуль. Теперь, въ свою очередь хунхузовъ охватила какая-то паника; каждый мечталъ только о своемъ спасеніи, не заботясь объ уча-

сти раненныхъ, сраженныхъ русскими пулями, во время этого безпорядочнаго бѣгства.

Новая позиція храбрыхъ защитниковъ представляла всѣ шансы для упорной обороны; какъ только хунхузы убѣдились въ невозможности овладѣть головами враговъ, безъ потерь съ своей стороны, они уже не рѣшались на новыя нападенія, а предпочли броситься въ близь лежащія долины Сучанъ и Цыму-хэ и начать свою кровавую расправу надъ безоружными русскими крестьянами и мирными инородцами. Жизнь для китайца слишкомъ дорога, чтобы попусту рисковать ею; зарѣзать соннаго, беззащитнаго—въ ихъ характерѣ, но биться съ нимъ лицомъ къ лицу, равнымъ оружіемъ, они никогда не рѣшатся.

Не смотря на видимое отсутствіе хунхузовъ и ихъ безпорядочное бѣгство, нашъ небольшой отрядъ не рисковалъ, опасаясь новой засады, оставить свою позицію и рѣшился ожидать здѣсь разсвѣта. Съ восходомъ солнца солдаты осмотрѣлись: посреди поляны громоздилась еще дымящаяся груда сгорѣвшей казармы; возлѣ лежало раздѣтое, изуродованное тѣло бѣднаго Пухова; далѣе разбросаны были до двадцати непріятельскихъ труповъ, не подобранныхъ товарищами.

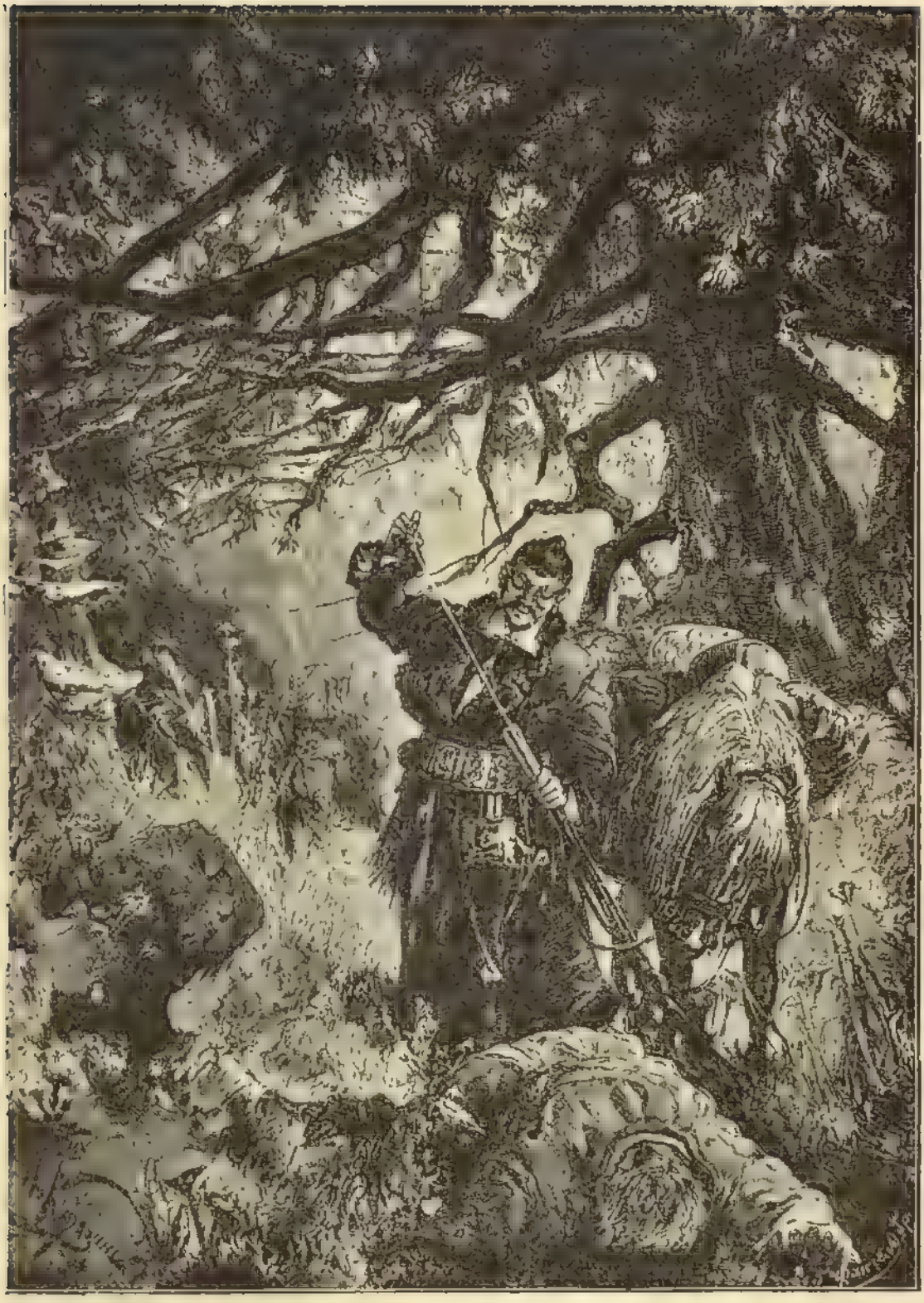
Къ вечеру зашла въ Стрѣлокъ шкуна „Алеутъ“ разузнать объ участи поста, и приняла на бортъ измученныхъ ожиданіемъ помощи героевъ-защитниковъ.

IV.

Потерпѣвъ неудачу въ Стрѣлкѣ, хунхузы бросились въ близь лежащія долины Сучанъ и Цыму-хэ и предались всевозможнымъ неистовствамъ и звѣрствамъ надъ мирнымъ инородческимъ и русскимъ населеніемъ. Запылали деревни и отдѣльныя фермы; затрепетали подъ ножами разбойниковъ женщины и дѣти. Хунхузы рѣзали всѣхъ, кто былъ когда-нибудь противъ нихъ, и щадили только

тѣхъ, кто зарекомендовалъ себя постояннымъ гостепріимствомъ и полной солидарностью съ гнусными извергами. Объятое ужасомъ населеніе искало спасенія въ поспѣшномъ, безпорядочномъ бѣгствѣ, бросая на произволъ разбойниковъ все свое имущество, скопленное годами и неустаннымъ тяжелымъ трудомъ въ чужой, дикой странѣ. Неудержимая паника охватила все мирное инородческое и русское населеніе долинъ Сучанъ, Цыму-хэ; кто успѣвалъ бѣжать изъ-подъ ножей нежданно нахлынувшихъ разбойниковъ, тотъ спѣшилъ скрыться въ непроходимой, таинственной тайгѣ, въ лѣсныхъ трущобахъ и неизвѣданныхъ мѣстахъ. Стоны и болѣзненные вопли терзаемыхъ жертвъ сливались съ дикимъ, безумнымъ гиканьемъ опьянѣвшихъ отъ крови хунхузовъ; густой дымъ отъ пылавшихъ деревень и фермъ разстилался по всему небу и служилъ зловѣщимъ предвѣстникомъ страшнаго нашествія безпощадныхъ разбойниковъ, нашествія, о которомъ многіе слышали, но не довѣряли, какъ чему-то положительно невозможному и небывалому.

Хунхузы, не встрѣчая на своемъ пути никакого препятствія, своевольничали въ краѣ совершенно безнаказанно; съ каждымъ шагомъ увеличивалось число ихъ жертвъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, росло награбленное всюду имущество; длинныя вереницы нагруженныхъ быковъ и лошадей тянулись за шайками и служили признакомъ полной успѣшности дикаго погрома. Хунхузы разлились по краю расплавленной лавой; паника охватила мѣстную администрацію, лишенную возможности двинуть противъ хищниковъ болѣе или менѣе значительную военную силу. Войскъ въ краѣ почти не было; ничтожное количество солдатъ было разбросано небольшими отрядами въ нѣсколько человѣкъ на огромномъ пространствѣ; быстро сосредоточить ихъ въ данномъ, извѣстномъ пунктѣ не было возможности. Недостатокъ путей сообщенія, плохое состояніе телеграфовъ, совершенное отсутствіе какой-либо распоряжающейся власти



было причиной того, что хунхузы безнаказанно переходили отъ деревни къ деревнѣ, отъ фермы къ фермѣ и неудержимой волной разлились наконецъ въ лучшей, плодороднѣйшей части Южно-Уссурійскаго края, въ черноземной богатой степи, раскинувшейся между озеромъ Ханка и рѣкой Суйфунъ. Одно скопище начало угрожать беззащитному Владивостоку, другое сожгло до тла лучшее, богатѣйшее село Никольское и двинулось къ нашему стратегическому пункту, къ посту Камень-Рыболовъ, расположенному на южномъ берегу озера Ханка. Край находился на рубежѣ гибели и полнаго разоренія.

Въ этотъ тяжелый моментъ удалось, наконецъ, мѣстной администраціи, но съ большимъ трудомъ, собрать двѣсти человѣкъ солдатъ, казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ и двинуть ихъ противъ расходившихся хищниковъ. При первомъ извѣстіи объ образовавшемся болѣе или менѣе регулярномъ отрядѣ, хунхузы прекратили свои грабежи и убійства, сгруппировались въ одно многочисленное скопище и быстро двинулись къ манчжурской границѣ, увозя съ собой все награбленное ими имущество. Нашъ отрядъ бросился преслѣдовать утекающихъ хищниковъ и настигъ ихъ недалеко отъ сожженнаго ими села Никольскаго. Завязалось „дѣло“, о которомъ большинство участвовавшихъ вспоминаютъ съ оскорбленнымъ національнымъ самолюбіемъ. Отвага нашихъ военоначальниковъ разомъ улетучилась, какъ только они стали лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ, свирѣпымъ скопищемъ. Потерявъ надежду получить „за храбрость“ ордена, не нюхая пороха, они стушевались и предоставили ввѣренному имъ отряду дѣйствовать „по усмотрѣнію“. Началась безцѣльная перестрѣлка; въ теченіи шести часовъ шелъ какой-то безпорядочный, пассивный, театральный „бой“ на разстояніи, по крайней мѣрѣ, двойнаго ружейнаго выстрѣла. Не смотря на массу выпущенныхъ съ обѣихъ сторонъ пуль, не было ни убитыхъ, ни раненыхъ. Солдаты рвались впередъ, но военоначальники „благоразумно“ сдерживали ихъ воинскій жаръ

и все ждали, что хунхузы, наконецъ, обратятся въ безпорядочное бѣгство и тѣмъ дадутъ необходимый матеріалъ для реляціи о „славной побѣдѣ".

Безцѣльная перестрѣлка, наконецъ, утомила солдатъ, и они рѣшили закончить дѣло на свой страхъ: двадцать человѣкъ болѣе отважныхъ отдѣлились отъ отряда, скрытно зашли во флангъ хищникамъ, дали по нимъ на близкомъ разстояніи опустошительный залпъ и съ крикомъ „ура" бросились въ штыки. Хунхузы не выдержали энергичнаго, смѣлаго натиска горсти отважныхъ и ударились въ безпорядочное, безумное бѣгство, усѣивая поле битвы своими трупами. Побѣда была полная, но, вмѣсто преслѣдованія объятаго паникой непріятеля, военоначальники расположили свои войска бивуакомъ и провели полторы сутокъ въ отдыхѣ. Между тѣмъ, хищники не дремали и безпрепятственно перебрались, со всѣмъ обозомъ награбленной добычи и золота, въ китайскіе предѣлы, и побѣда наша оказалась безрезультатною.

Такъ кончилось памятное для края возстаніе хунхузовъ, извѣстное въ исторіи дальняго востока подъ громкимъ названіемъ „маньцзинской войны".

Среди инородцевъ.

(Разсказъ топографа).

I.

Прежде чѣмъ приступить къ своему разсказу о шести-мѣсячномъ пребываніи среди инородческаго населенія Уссурійскаго края, считаю не лишнимъ дать читателямъ общее понятіе объ этомъ населеніи, чтобы мнѣ не пришлось, во время разсказа, дѣлать весьма неудобныя и длинныя отступленія и разъясненія, безъ которыхъ разсказъ мой можетъ быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе или менѣе неясенъ.

Инородцы Уссурійскаго края подраздѣляются на три, совершенно различныя, народности, какъ по своему характеру и образу жизни, такъ и по нравственнымъ своимъ воззрѣніямъ и качествамъ: китайскую, тунгузскую и корейскую. Самую многочисленную часть инородческаго населенія составляютъ китайцы, подраздѣляющіеся на осѣдлыхъ или постоянныхъ и пришлыхъ или временныхъ. Уссурійскіе китайцы извѣстны подъ названіемъ маньцзи; трудно съ точностью опредѣлить историческое

происхожденіе осѣдлаго китайскаго населенія; когда оно явилось въ край—никто не знаетъ; объ этомъ важномъ, знаменательномъ фактѣ не сохранилось никакихъ преданій. Достовѣрно только можно сказать, что въ былыя, очень давнія времена Уссурійскій край былъ населенъ довольно густо; тутъ были, судя по замѣчательнымъ древнимъ остаткамъ, памятникамъ и развалинамъ, не только обширныя укрѣпленія и военные лагери, но даже правильно построенныя поселенія и города.

Невозможно предположить, что настоящее осѣдлое китайское населеніе—потомки древнихъ обитателей края, потому что положительное отсутствіе женщинъ доказываетъ, что народъ этотъ прибылъ въ край въ позднѣйшее время, при стѣснительныхъ и особенно тяжелыхъ условіяхъ, заставившихъ его отказаться отъ семейной жизни. Съ большей достовѣрностью можно предположить, что маньцзи—это поддонки сыновъ Небесной имперіи, пришедшіе въ суровый край въ надеждѣ на легкую наживу, люди, имѣвшіе какіе-нибудь счеты съ правительствомъ и бѣжавшіе отъ смертной казни или тяжкаго наказанія въ дикій, но богатый золотомъ, соболемъ и дорогимъ корнемъ жинъ-зенъ, край. Къ этому неблагонадежному контингенту надо прибавить ссыльныхъ (лоху), такъ какъ дикій Уссурійскій край служилъ для китайскаго правительства, по общему мнѣнію, ссылочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ преступниковъ; послѣдніе, впрочемъ, тщательно скрываютъ свое происхожденіе и потому невозможно опредѣлить, которыя изъ маньцзи бѣглые и которые ссыльные преступники. Необыкновенное плодородіе почвы заставило многихъ заняться прибыльнымъ хлѣбопашествомъ, безъ права землевладѣнія, и только въ видахъ продовольствія приходящихъ промышленниковъ, торговли хлѣбомъ съ тунгузскими кочевыми племенами и, наконецъ, въ видахъ выдѣлки водки; другія занялись не менѣе выгодными звѣриными и морскими промыслами. Такимъ образомъ создалось въ краѣ осѣдлое, китайское, безсемейное населеніе. Отдѣльныя земледѣльческія, звѣро-

промышленныя и рыболовныя фермы маньцзи разбросаны по всему Уссури и его притокамъ, но особенно много ихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, на рѣкахъ и рѣчкахъ Сучанѣ, Пхусунъ-Тузуши, Та-Уху, Шхипо-хэ и др. Этотъ трудолюбивый народъ извлекаетъ изъ земли и моря разнообразныя, неистощимыя богатства, которыми такъ щедро надѣлила ихъ природа. Добытые маньцзами продукты (хлѣбъ разныхъ породъ, шкуры, рыба, разные морскіе слизняки, трепанги, морская капуста и дубовые грибы) большею частью отправляются на китайскіе рынки и въ Восточную Манчжурію или сухимъ путемъ, или посредствомъ ихъ собственныхъ джонокъ, совершающихъ не рѣдко продолжительные морскіе переходы, въ нѣсколько сотъ миль.

Маньцзи не обложены, со стороны нашего правительства, никакими податями и налогами; они безвозмездно пользуются лучшими землями и обогащаются, не принося государству никакой пользы. Все китайское населеніе края безконтрольно управляется своими старшинами, избираемыми самими маньцзами на извѣстный срокъ и облеченными большою властью. Кромѣ того, извѣстный районъ имѣетъ еще одного главнаго выборнаго старшину, который судитъ особенно важныя преступленія; власть его настолько велика, что онъ можетъ приговаривать виновныхъ въ тяжкихъ проступкахъ, противъ общественой безопасности, даже къ смерти; главному старшинѣ подчинены всѣ остальные старшины его района.

Административныя власти находятся, относительно китайскаго населенія, въ такомъ невѣдѣніи, что не знаютъ даже его численности, не знаютъ даже многихъ укромныхъ мѣстъ, гдѣ крѣпко засѣли маньцзи, не видавшіе до настоящаго времени среди себя ни одного представителя русской власти, между тѣмъ, среди нихъ появляются, время отъ времени, манчжурскіе чиновники для сбора податей и для экзекуцій.

Вторую группу инородческаго населенія Уссурійскаго

края составляютъ корейцы, прибывшіе въ край уже послѣ того, какъ мы въ немъ утвердились. Первое движеніе среди корейской народности началось въ 1863 году, и уже къ 1869 году переселилось въ наши предѣлы болѣе трехъ тысячъ душъ. Чтобы выяснить истинныя причины замѣчательной эмиграціи азіятской, дикой народности въ русскіе предѣлы, слѣдуетъ обратить вниманіе на то тяжелое, исключительное положеніе, въ которомъ находятся корейцы на своей родинѣ. Корейское правительство обращается съ подданными своевольно и безчеловѣчно. Народной собственности къ Кореѣ не существуетъ; все безраздѣльно принадлежитъ владѣющему классу: сбереженія отбираются въ казну. При себѣ разрѣшается имѣть только необходимую пищу, одежду и живность: деньги для народа — запрещенный плодъ. Кореецъ счастливъ, если у него есть горсть рису— утолить голодъ и чашка воды — утолить жажду; онъ радъ отдать все, чтобы только была оставлена ему его жизнь, а также не были бы затронуты жизнь и спокойствіе его семейства.

Не успѣли мы утвердиться на границѣ многолюдной Кореи, какъ въ ней тотчасъ же началось сильное движеніе; бѣдствующій народъ цѣлыми сотнями началъ переходить въ наши предѣлы, не смотря на строгіе законы, карающіе бѣглецовъ смертью, еслибы только они попались въ руки своихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ Уссурійскій край пріобрѣлъ не кочующее, бѣдное, лѣнивое племя, въ родѣ орочоновъ, гиляковъ и тунгузовъ, не безнравственныхъ, черствыхъ эгоистовъ маньчжи, но сильный, здоровый, трудолюбивый и промышленный народъ, народъ осѣдлый и земледѣльческій, съ чистыми правами, съ крѣпко установившейся семьей. Корейцы легко культивируются, легко воспринимаютъ обычаи и порядки того народа, среди котораго живутъ; они легко разстаются съ своими вѣрованіями и принимаютъ болѣе чистыя, лучшія религіозныя начала. Корейцы не китайцы; они не чуждаются русскихъ, напротивъ, любятъ русскую

жизнь, имъ нравятся русскія постройки, обычаи и одежда, они легко подчиняются нашимъ законамъ и властямъ и скоро выучиваются говорить по-русски.

Третью группу инородческаго населенія Уссурійскаго края составляютъ гольды—вѣтвь тунгузскаго племени. Сами себя они называютъ ходзенами и подъ этимъ именемъ извѣстны манчжурамъ. Разсѣянные на обширномъ пространствѣ, орошаемомъ рѣкой Уссури, гольды не образуютъ никакихъ общинъ и связаны между собой только семейными отношеніями. Они стоятъ на самой низкой ступени общественнаго развитія, хотя вполнѣ способны къ усвоенію высшихъ формъ жизни; живутъ они отдѣльными семьями въ фанцзахъ, совершенно подобныхъ китайскимъ; необыкновенно миролюбивый, добродушный нравъ ихъ ведетъ къ самой тѣсной, семейной связи. Гольды вѣчно въ работѣ; зимой на звѣриномъ промыслѣ, а остальное время года на рыбномъ, предоставляя своимъ женамъ заботу о домѣ, дѣтяхъ и хозяйствѣ. Въ семейномъ быту у нихъ царствуетъ полная патріархальность: каждое дѣло рѣшается семейнымъ совѣтомъ, причемъ слову стариковъ отдается предпочтеніе; совѣщаются о времени выхода на рыбную ловлю и звѣриный промыселъ, совѣщаются по поводу всѣхъ семейныхъ переворотовъ: женитьбы парня, выдачи замужъ дѣвушки, болѣзни одного изъ членовъ семейства и т. п. Женщина у гольдовъ—полноправная хозяйка фанцзы и уважаемая мать семейства; она участвуетъ съ правомъ голоса во всѣхъ совѣщаніяхъ мужчинъ, касающихся семейныхъ дѣлъ; о дѣлахъ же общинъ, напримѣръ, объ отправленіи на звѣриный промыселъ, рыбную ловлю и т. п., совѣщаются только мужчины, и совѣты женъ, какъ незнакомыхъ съ обсуждаемымъ предметомъ, совершенно игнорируются. Гольды достойны лучшей участи и нужно сожалѣть, что мы не имѣемъ на нихъ по настоящее время никакого вліянія; они безусловно находятся въ рукахъ мѣстныхъ китайцевъ, эксплоатирующихъ ихъ самымъ безбожнымъ, безсовѣстнымъ образомъ.

Гольды представляютъ для края, по своимъ нравственнымъ качествамъ и трудолюбію, полезное населеніе; каждый гольдъ, даже въ настоящемъ его видѣ, дороже для насъ сотни маньцзи. Наша грубая ошибка заключается въ томъ, что мы до сихъ поръ не обращали на этотъ трудолюбивый народъ рѣшительно никакого вниманія, и съ каждымъ годомъ, все больше и больше, отдаляемъ его отъ нашего вліянія. Гольды такъ привыкли имѣть постоянно дѣло съ китайцами, такъ привыкли ходить на ихъ тугихъ помочахъ, что даже пришли въ странную, дикую увѣренность, что господствующій въ краѣ народъ китайцы, а русскіе—временные пришельцы, которые, не сегодня такъ завтра, уйдутъ туда, откуда пришли, сами не зная зачѣмъ и для кого.

Гольдамъ привилось отчасти отъ китайцевъ ученіе Конфуція, впрочемъ только въ обрядовомъ отношеніи, а не въ нравственномъ смыслѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ они придерживаются шаманства, поклоняются идоламъ и боготворятъ животныхъ, между которыми тигръ и медвѣдь занимаютъ первыя мѣста. Это хаотическая смѣсь разныхъ вѣрованій, изъ которыхъ ни одно не усвоилось вполнѣ положительно, даетъ возможность съ успѣхомъ пропагандировать среди нихъ православіе; эта пропаганда могла бы подѣйствовать на нихъ очень благодѣтельно.

Орочоны или тазы *) представляютъ четвертую группу инородческаго населенія Уссурійскаго края; по образу своей жизни, они дѣлятся на бродячихъ и осѣдлыхъ. Первые находятся на самой низкой ступени умственнаго развитія: даже нельзя сказать, есть-ли у нихъ какія-либо вѣрованія. Полунагіе, грязные, подходящіе по своимъ инстинктамъ ближе къ животному, чѣмъ къ человѣку, они бродятъ со своимъ семействомъ съ мѣста на мѣсто, перенося съ собой свои жалкіе, берестяные, шалаши.

*) Названіе „тазы“ есть простонародная передѣлка слова „данзы“, что означаетъ въ буквальномъ переводѣ „иногородцы“. Такъ называли китайцы монголовъ; вслѣдствіе простонароднаго каприза это названіе привилось и къ орочонамъ.

Переходъ этотъ обусловливается достаткомъ въ извѣстномъ мѣстѣ рыбы или звѣря, составляющихъ главную и единственную пищу дикарей.

Осѣдлые орочоны мало отличаются наружностью отъ маньцзи: они живутъ въ такихъ же фаньцзахъ, носятъ ту же одежду, занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ и скотоводствомъ, а зимой—звѣринымъ промысломъ. Въ умственномъ отношеніи они стоятъ, относительно своихъ бродячихъ собратовъ, на неизмѣримой высотѣ; живутъ семействами, общинъ не имѣютъ; всякое дѣло рѣшается, какъ у гольдовъ, семейнымъ совѣтомъ. Орочоны преимущественно поклоняются животнымъ, изъ которыхъ тигръ занимаетъ первое мѣсто. Здѣсь же кстати замѣтимъ, что всѣ инородцы Уссурійскаго края совершенно свободно объясняются по-китайски и этотъ языкъ въ здѣшнихъ мѣстахъ въ такомъ же ходу, какъ въ Европѣ французскій.

II.

Въ лѣто 187.... года мнѣ предстояла тяжелая, продолжительная работа въ мѣстности малоизвѣстной и почти не посѣщаемой русскими: мнѣ поручено было сдѣлать необходимыя, дополнительныя, топографическія работы вдоль всей богатой, роскошной долины рѣки Сучанъ, пробраться до ея истоковъ и перевалить, затѣмъ, къ малоразслѣдованнымъ истокамъ рѣки Дауби. Я выѣхалъ изъ Иркутска ранней весной, съ цѣлью захватить въ Срѣтенскѣ первый пароходъ. Не буду описывать тяжелую ѣзду на перекладныхъ, по размокшей весенней дорогѣ Забайкалья, пропущу, какъ неидущее къ настоящему разсказу, описаніе нашего плаванія по широкому, многоводному Амуру, на утлыхъ, плохо управляемыхъ и дурно снабженныхъ пароходахъ Амурскаго общества. Скажу только, что плаваніе наше по Амуру много напоминало первыя хожденія по морямъ древнихъ фини-

кіанъ и грековъ, и я отъ души радовался и ликовалъ, когда добрался, наконецъ, послѣ всевозможныхъ мытарствъ и непріятностей, до конечнаго пункта плаванія пароходовъ Амурскаго общества, до поста Камень-Рыболовъ, расположеннаго на южномъ берегу обширнаго, но мелководнаго озера Ханка. До Владивостока оставалось всего полтораста верстъ; я уже радовался окончанію длиннаго путешествія и заранѣе предвкушалъ всю сладость кратковременнаго отдыха въ болѣе цивилизованномъ пунктѣ нашего крайняго востока. Я, съ наивностью новичка, разсчиталъ даже время своего прибытія во Владивостокъ и вполнѣ былъ уже убѣжденъ, что оставшіяся полтораста верстъ не достойны, въ отношеніи трудности пути, никакого вниманія, тѣмъ болѣе послѣ трехъ тысячъ верстъ, только что сдѣланныхъ мною подъ покровительствомъ злополучной и пресловутой Амурской компаніи. Впрочемъ всѣ мои разсчеты и надежды были слишкомъ преждевременны: въ этомъ я убѣдился при первомъ своемъ вступленіи на непривѣтливый, дикій берегъ озера Ханка. Пока я хлопоталъ относительно переправки съ парохода на почтовую станцію моего багажа и инструментовъ, на послѣдней было предъявлено пассажирами, менѣе связанными своими вещами, болѣе десятка подорожныхъ. Благодаря этому печальному для меня обстоятельству, я былъ встрѣченъ на станціи лаконической, непріятной фразой:

— Лошадей нѣтъ!.. Не прикажите-ли самоварчикъ?..

— Да у меня подорожная по казенной надобности,— замѣтилъ я почтосодержателю, сухому, высокому казаку, лелѣя себя легкой надеждой, что казенная надобность вывезетъ.

— Остальные-съ господа тоже по казенной ѣдутъ-съ и раньше васъ подорожныя предъявили,— проговорилъ казакъ, съ легкой усмѣшкой.

— А какъ скоро лошади будутъ?— спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Послѣ завтра,—отвѣтилъ хладнокровно почтосо-

держатель, и, не обращая на меня никакого больше вниманія, сталъ понукать вяло расхаживавшихъ по двору ямщиковъ:—Эй, вы, живо закладайте!..Петруха, чево-жъ ты не ведешь лошадей — раскисъ видно, отъ жары-то, вохлакъ этакой!... Сенька, а ты зачѣмъ опять новые хомуты взялъ?... Положъ сейчасъ на мѣсто: сказано тебѣ разъ, что новая сбруя для начальства припасена, а почта, да мелочь разная и въ старой проѣдутъ.... Чортъ этакой, хозяйскаго добра не бережешь.

Старая-то вся разодранная, да не починенная,—возразилъ угрюмо Сенька и съ какимъ-то глупымъ упорствомъ продолжалъ волочить по землѣ къ миніатюрному, жидкому тарантасу новыя хозяйскія сбруи.

— Вся разодранная да не починенная,—злобно; передразнилъ хозяинъ ямщика:—а ты что до сей минуты думалъ, анафема? Взялъ бы, да и починилъ. Положь, говорятъ, новыя сбруи на мѣсто и поѣзжай въ старыхъ, а то тряхну тобою такъ, что всѣ суставы изъ мѣстъ своихъ выворочу.

— Не выворотишь,—угрюмо огрызнулся ямщикъ и съ сердцемъ бросилъ сбруи около своего тарантаса, прямо въ грязь.

— Выворочу, анафема!—съ азартомъ крикнулъ почтосодержатель, не трогаясь съ мѣста.

— Анъ нѣтъ!

— У, каторжный народъ,—злобно проворчалъ почтосодержатель и, сердито сплюнувъ на сторону, вошелъ въ горницу.

Я послѣдовалъ за нимъ; въ небольшой комнатѣ, не болѣе четырехъ квадратныхъ сажень, лежали, сидѣли и стояли до двадцати человѣкъ пассажировъ; тутъ были военные, моряки, купцы, женщины и, наконецъ, дѣти, изъ которыхъ одинъ даже грудной; всѣ вещи были сложены въ углу, въ одну общую, безобразную кучу. Въ комнатѣ стояла невыносимая духота, не смотря на открытыя настежь окна; всѣ о чемъ-то говорили, спорили и находились въ какой-то ажитаціи; шумный, несдержи-

ваемый споръ мужчинъ смѣшивался съ не менѣе шумнымъ споромъ пассажирокъ, и весь этотъ нервный говоръ покрывался рѣзкимъ крикомъ встревоженнаго грудного ребенка, на плачъ котораго, повидимому, никто не обращалъ никакого вниманія. Съ перваго момента мнѣ показалось что я попалъ на жидовскій кагалъ, но черезъ минуту уже свыкся съ этой своеобразной жизнью и обстановкой плохой, захолустной почтовой станціи и сталъ искать мѣста для себя и своихъ вещей.

При входѣ почтосодержателя, часть проѣзжихъ прекратила свой споръ и обступила раздосадованнаго Сенькой казака; съ устъ каждаго сорвался одинъ и тотъ же безпокойный, нетерпѣливый вопросъ:

— Скоро будутъ намъ лошади?

— Я уже говорилъ вамъ, господа, что у меня всего три тройки—съ ними не разойдешься: прежде почту отправлю, безъ малаго сорокъ пудовъ будетъ; по тремъ подорожнымъ отпущу завтра; послѣ завтра поѣдутъ остальные „по казенной надобности", а „по частной" отпущу не раньше, какъ на четвертый день. Съ тремя тройками не разгонишься при такой дорогѣ: дожди размочили ее такъ, что по ось тарантасы уходятъ, да притомъ, и рѣчка Мо мало-мало что не на версту разметалась. Не въ доброе время попали сюда!

Длинное объясненіе почтосодержателя нисколько не успокоило проѣзжихъ; напротивъ, всѣ пришли въ какое-то возбужденное состояніе; непріятная перспектива прождать нѣсколько дней на станціи, при самой плачевной, крайне стѣснительной обстановкѣ, доводила нѣкоторыхъ чуть-ли не до бѣшеннаго состоянія; посыпались довольно энергичныя проклятія на мѣстные порядки, на ни въ чемъ неповиннаго почтосодержателя, на погоду и, наконецъ, даже на тѣ злосчастныя минуты, въ которыя рѣшена была поѣздка на крайній востокъ обширной Руси. Особенно кипятился одинъ морякъ-механикъ, человѣкъ семейный, рискнувшій на далекое путешествіе съ тремя малолѣтними дѣтьми; онъ злобно

наступалъ на почтосодержателя, махалъ руками и энергично требовалъ лошадей. Казакъ молча отступалъ передъ назойливо насѣдавшимъ морякомъ и, наконецъ шмыгнулъ за двери, видимо опасаясь за свою неприкосновенность.

— Заставлю тебя дать мнѣ лошадей!—кричалъ ему вслѣдъ механикъ, нервно потряхивая головой и потрясая кулакомъ:—не стану я коптиться съ семьей въ этой проклятой конурѣ. Господа, это крайнее безобразіе,—обратился онъ къ проѣзжимъ:—заставлять насъ ждать двое сутокъ въ такой канурѣ!

— Это, чортъ знаетъ что такое! Проклятые порядки! Гнусность! Мерзость! Гадость!—посыпались энергичныя, рѣзкія восклицанія взволновавшихся опять проѣзжихъ. Въ этотъ моментъ послышался дребезжащій звукъ колокольчиковъ и мимо растворенныхъ настежь оконъ пронеслись, одна за другой три тройки съ почтой и скрылись за ближайшими домами поста.

— Почта прошла,—протянулъ кто-то флегматически.

— Вотъ и жди теперь, когда лошади вернутся и отдохнутъ,—проворчалъ механикъ упавшимъ сразу голосомъ:—Маша, давай хоть чай пить,—обратился онъ къ своей женѣ, худой, измученной женщинѣ, старавшейся успокоить громко плачущаго, груднаго ребенка. Черезъ минуту на столѣ стоялъ уже кривобокій, сильно помятый самоваръ; механикъ, вполнѣ примирившійся, повидимому, съ своей участью, усѣлся съ женой и дѣтьми къ столу и принялся за чай; часть проѣзжихъ разбрелась шататься по посту, другая пошла подыскивать себѣ, на предстоящіе два дня, лучшее помѣщеніе. Почтовая станція значительно опустѣла; я воспользовался удобнымъ случаемъ, приказалъ втащить въ комнату свои вещи и инструменты и устроилъ на нихъ довольно сносное ложе.

III.

Во время своихъ прежнихъ продолжительныхъ поѣздокъ по Сибири, я бывалъ во всевозможныхъ передрягахъ; но мытарства вынесенныя мною вблизи нашего аванпоста, на берегахъ Восточнаго океана, превзошли всякую мѣру. Двое сутокъ несноснаго ожиданія лошадей, при самой невыносимой обстановкѣ, отвратительная, въ высшей степени размокшая отъ продолжительныхъ дождей дорога, постоянные броды черезъ широко-разлившіяся рѣчки Южно-Уссурійскаго края — измучили, обозлили меня до такой степени, что я положительно каждую минуту проклиналъ свою злосчастную судьбу, бросившую меня въ такой захолустный, некультивированный край. Я дѣлалъ въ сутки отъ пятнадцати до двадцати верстъ; сто съ небольшимъ верстъ, отдѣляющія Камень-Рыболовъ отъ поста Раздольнаго, расположеннаго на берегу извилистой, мутной рѣки Суйфунъ, я ѣхалъ шестеро сутокъ, и ямщики еще увѣряли меня, что я совершилъ этотъ переѣздъ довольно счастливо.

Въ Раздольномъ я усѣлся на небольшой, казенный, плоскодонный пароходъ, который долженъ былъ доставить всѣхъ собравшихся пассажировъ во Владивостокъ; быстро понесся онъ внизъ по теченію извилистаго Суйфуна; съ обѣихъ сторонъ тянулись плоскіе, монотонные берега, изрѣдка только покрытые небольшими рощами разнообразной древесной растительности. Послѣ нѣсколькихъ часовъ благополучнаго плаванія, мы вышли въ обширный Амурскій заливъ, окаймленный съ двухъ сторонъ холмистыми, едва синѣвшими вдали, берегами. Погода стояла ясная, тихая, теплая; шумно пѣнилъ пароходъ своими колесами зеркальную поверхность залива и быстро шелъ къ отдаленному, темному, крутому мысу, за которымъ таинственно скрывалась одна изъ лучшихъ и красивѣйшихъ бухтъ въ мірѣ—бухта Золотой Рогъ. Съ каждой минутой лѣвый берегъ выяснялся все больше и

больше и, наконецъ, предсталъ передъ нашими глазами во всей своей дикой прелести; непрерывныя цѣпи роскошныхъ, живописныхъ холмовъ создавали фантастическія, разнообразныя картины. Казалось, передъ нами тянулась чудеснѣйшая панорама лучшихъ и грандіознѣйшихъ мѣстъ земнаго шара, высились величественныя волны застывшаго, могучаго моря. Чѣмъ ближе подходили мы къ отдаленному, крутому мысу, тѣмъ ярче и рельефнѣе выдѣлялся на лазуревомъ фонѣ южнаго неба рядъ роскошныхъ холмовъ, окутанныхъ со всѣхъ сторонъ самой разнообразной, почти тропической зеленью. Но вотъ черезъ обширную сѣдловину показались на короткое время разбросанные, веселенькіе домики Владивостока и скрылись опять за крутымъ, высокимъ мысомъ; обогнувъ послѣдній, мы вошли, наконецъ, въ бухту Золотой Рогъ и стали на якорь почти у самаго берега.

Съ моря Владивостокъ представляетъ очень живописную картину; расположенный на сѣверномъ берегу бухты Золотой Рогъ, глубоко вдавшейся въ обширный, лѣсистый полуостровъ Муравьевъ Амурскій, окруженный зеленѣющими, роскошными холмами, нашъ аванпостъ на Великомъ океанѣ имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго, много картиннаго; небольшіе, деревянные дома его, разбросанные въ одномъ направленіи, на протяженіи около трехъ верстъ, замѣтно дѣлятся на три, какъ бы отдѣльные, квартала: собственно городъ, офицерскую слободу, въ которой обстроились морскіе офицеры, и матросскую слободку, заселенную женатыми матросами мѣстнаго экипажа. Благодаря не одинаковому отстоянію цѣпи холмовъ отъ водъ бухты, образовалась неодинаковой ширины мѣстность, болѣе или менѣе удобная для распланированія городскихъ построекъ; такимъ образомъ, въ однихъ мѣстахъ, гдѣ холмы отдалились отъ Золотаго Рога на болѣе значительное разстояніе и спускаются не слишкомъ крутыми отлогостями, тамъ городскія постройки тянутся въ нѣсколько линій, со-

вершенно подчиняющіяся всѣмъ затѣйливымъ изгибамъ окружающихъ бухту возвышенностей. Тамъ же, гдѣ холмы слишкомъ приближаются къ водамъ залива, дома расположены не болѣе какъ въ двѣ линіи.

Вообще наружный видъ города очень привлекателенъ; окружающіе его холмы еще недавно были покрыты самой разнообразной, древесной растительностью, но въ настоящее время, кромѣ приземистаго, кудряваго дубняка, жалкой березы и мелкихъ кустарныхъ растеній, ничего не видно; впрочемъ, и эта зелень среди лѣта, когда она достигаетъ полнаго цвѣта и силы, кажется издали очень богатой и красивой. Дѣйствительно, благодаря тучной почвѣ, каждый небольшой кустарникъ разростается здѣсь къ лѣту до сплошной массы густой, роскошной зелени. Только ранней весной и глубокой осенью можно замѣтить издали, какъ печальна, какъ жалка растительность на холмахъ и ихъ склонахъ, на которыхъ еще очень недавно шумѣли непроходимыя дебри, переполненныя массой самаго разнообразнаго звѣря и дичи. Теперь же до настоящаго лѣса нужно ѣхать нѣсколько верстъ, нужно искать его; между тѣмъ, десять лѣтъ тому назадъ, онъ самъ жаждалъ человѣческихъ рукъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ строительныхъ замыслахъ первыхъ русскихъ піонеровъ дальняго востока. На мѣстѣ, гдѣ возвышался недавно богатый, строевой и даже мачтовый лѣсъ, въ настоящее время одиноко, печально торчатъ безобразные, обгорѣлые пни, поваленныя вершины деревьевъ, простирающія къ небу свои изсохшія, почернѣвшія вѣтви, грудами разбросанные опилки и щепы, заглушили подъ собой всякое произрастаніе. Среди этихъ грустныхъ остатковъ лѣснаго богатства валяются, то тамъ, то здѣсь, когда-то и кѣмъ-то срубленныя и приготовленныя бревна, безслѣдно гніющія и брошенныя на произволъ судьбы жадной, хищнической рукой. Судя по всему, въ окрестностяхъ Владивостока рубили лѣсъ съ плеча, безъ разсчета, безъ разсужденія и дорубились въ настоящее время до того,

что начинаютъ уже нуждаться въ немъ. Печальный обыденный результатъ хищническаго отношенія людей къ богатству природы!

На западномъ берегу бухты Золотой Рогъ расположены портовыя учрежденія Владивостока; распространяться о нихъ не интересно, потому что они не представляютъ ничего особеннаго.

По сѣверному берегу бухты отдѣльныя части порта расположены въ одну линію, въ слѣдующемъ порядкѣ: маньцзинскій кварталъ, упирающійся въ Амурскій заливъ, собственно городъ и, наконецъ, слободки.

Маньцзинскій кварталъ состоитъ изъ значительнаго числа скученныхъ на небольшомъ пространствѣ фаньцзъ, вокругъ которыхъ, благодаря надзору мѣстной полиціи, поддерживается достаточная чистота, что вообще рѣдкость въ китайскихъ кварталахъ.

Постройка фаньцзъ весьма незамысловата: прежде всего дѣлается скелетъ фаньцзы, состоящій изъ нѣсколькихъ бревенъ, врытыхъ въ землю и соединенныхъ между собой толстыми жердями; затѣмъ, скелетъ этотъ забирается гибкими прутьями, на подобіе того, какъ вьются у насъ тыны. Когда это готово, то дѣлается мѣсиво изъ земли, воды и крошенаго сѣна, и имъ замазываются стѣны, какъ снаружи, такъ и съ внутренней стороны. Въ концѣ-концовъ, когда мѣсиво это высохнетъ, стѣны бѣлятъ известкой, что придаетъ фаньцзамъ очень чистенькій и привѣтливый видъ; крышу дѣлаютъ обыкновенно изъ сѣна и, притомъ, весьма искусно. Съ солнечной стороны продѣланы нѣсколько рѣшетчатыхъ оконъ и дверь; какъ окна, такъ и верхняя половина дверей заклеиваются промасленной бумагой, замѣняющей на крайнемъ востокѣ стекла.

Внутреннее убранство каждой фаньцзы, въ общихъ чертахъ, состоитъ изъ ряда прикрытыхъ циновками и расположенныхъ вдоль стѣнъ наръ, подъ которыми обыкновенно проходитъ дымовая труба отъ печки маньцзинскаго издѣлія, не болѣе полутора аршинъ вышины и,

съ вмазаннымъ въ нее большимъ братскимъ котломъ. Въ холодные дни на нарахъ достаточно тепло; но стоитъ только сойти съ нихъ, какъ почувствуешь прохладу нежилаго покоя; зимой-же, температура въ фаньцзахъ, вслѣдствіе оригинальнаго расположенія трубы, распредѣляется весьма неравномѣрно, такъ неравномѣрно, что если лечь на нары, то одинъ бокъ будетъ подвергаться дѣйствію чисто тропической жары, а другой—пронизывающему холоду нашей русской зимы. Маньцзи нисколько не смущаются этимъ; переворачиваясь съ боку на бокъ, они поочередно согрѣваютъ то одну, то другую половину своего тѣла, и такимъ образомъ поддерживаютъ въ себѣ правильное кровообращеніе. Посреди фаньцзы стоитъ обыкновенно небольшая жаровня, на которой почти всегда что-нибудь жарится или варится, распространяя вокругъ себя крайне удушливый чадъ и дымъ; кромѣ того, внутренность фаньцзъ пропитывается невыносимымъ, особеннымъ китайскимъ запахомъ, непріятнымъ, вонючимъ и присущимъ всѣмъ вообще китайскимъ домамъ и, въ нѣкоторыхъ городахъ, даже цѣлымъ кварталамъ.

IV.

Мнѣ пришлось прожить во Владивостокѣ болѣе двухъ недѣль; только послѣ многихъ мытарствъ, бѣготни, хлопотъ и объясненій съ мѣстной администраціей, мнѣ удалось, наконецъ, получить необходимыя средства для предстоящей продолжительной работы. Во-первыхъ, въ мое полное распоряженіе дали десять человѣкъ солдатъ мѣстнаго линейнаго батальона и, наконецъ, обѣщали доставить меня на военномъ суднѣ въ бухту Находка, лежащую вблизи долины Сучанъ. Я былъ терпѣливъ, хотя давно уже наступило самое лучшее время для порученныхъ мнѣ работъ. Наконецъ, мое терпѣніе вознаградилось успѣхомъ, въ началѣ іюня посылалось въ Находку одно изъ судовъ Сибирской флотиліи, и я незамедлилъ

воспользоваться представившимся случаемъ добраться до мѣста своихъ работъ.

Плаваніе было спокойное и непродолжительное; утромъ снялись съ якоря, а вечеромъ были уже въ Находкѣ, много напоминавшей своимъ видомъ бухту Золотой Рогъ. Кругомъ высились живописные холмы, окружавшіе бухту зеленымъ, роскошнымъ вѣнкомъ; на небольшой прогалинѣ виднѣлись полуразрушенныя зданія, вытянувшіяся въ одну линію, перпендикулярную къ берегу — это бывшая резиденція мѣстнаго удѣльнаго начальства, много мечтавшаго о широкой колонизаціи удѣльныхъ земель Южно-Уссурійскаго края. Мечты эти не осуществились; вывезенные изъ Россіи финскіе колонисты оказались вполнѣ негодными для колонизаціи и, послѣ значительныхъ бѣдствій и даже голодовки, бросили отведенныя имъ богатыя земли и разбѣжались по всему краю — искать болѣе подходящихъ заработковъ и занятій. Чиновники возвратились на родину, и оставленная ими резиденція превратилась въ скоромъ времени въ грустныя развалины, ни чѣмъ не напоминающія веселую, широкую жизнь колонизаторовъ, мечтавшихъ больше о личныхъ выгодахъ и интересахъ, чѣмъ объ успѣшномъ ходѣ порученнаго имъ серьезнаго дѣла. Рѣка Сучанъ лежитъ отъ Находки всего въ двадцати верстахъ, которыя я и совершилъ на судовой шлюпкѣ, сдѣлавъ переѣздъ черезъ совершенно открытый заливъ Америка. Поднявшись по Сучану къ русскому поселенію Владимірскому, я разстался съ моряками и тотчасъ-же, не теряя времени, началъ необходимыя приготовленія къ предстоящимъ работамъ. Прежде всего я отыскалъ среди небольшаго русскаго населенія хорошаго проводника, знающаго китайскій языкъ, и нанялъ пару лошадей для перевозки необходимыхъ запасовъ и инструментовъ. Мой проводникъ, молодой крестьянинъ-переселенецъ Семенъ Вороновъ, зналъ наизусть, какъ онъ увѣрялъ, всѣ земледѣльческія и звѣропромышленныя фермы инородцевъ, разбросанныя на всемъ протяженіи Сучанской долины. Зани-

маясь охотой на зубровъ и оленей, онъ исходилъ долину вдоль и поперегъ и подымался до самыхъ истоковъ рѣки Сучанъ. Такой человѣкъ былъ для меня драгоцѣнной находкой и я ухватился за него обѣими руками.

Молодцоватая, красивая фигура Воронова дышала мощью и энергіей; веселый, разбитной, любящій поговорить, онъ съ перваго же вечера привлекъ къ себѣ мои симпатіи. Я съ удовольствіемъ слушалъ его бойкіе разсказы о житьѣ-бытье русскихъ переселенцевъ въ Сучанской долинѣ, среди малообщительныхъ инородцевъ и вдали отъ родины. О послѣдней Вороновъ вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ; онъ оставилъ ее десяти-лѣтнимъ мальчикомъ, совершилъ со своей семьей тяжелое, двухъ-лѣтнее путешествіе черезъ всю Сибирь, побывалъ на Амурѣ, гдѣ отецъ его разорился отъ постоянныхъ наводненій и, наконецъ, перебрался на Сучанъ, обольщенный разсказами о богатствѣ и тучности почвы. И онъ не сожалѣлъ, что повѣрилъ этимъ разсказамъ; черноземная долина превзошла даже всѣ его ожиданія; съ перваго же года, безъ всякаго удобренія, земля дала Воронову баснословный урожай и онъ зажилъ такъ, какъ не жилъ уже очень давно. Не мало давала ему и охота: то добудетъ дорогіе панты, то набьетъ енотовъ и соболей, то наткнется на медвѣдя и сниметъ съ него теплую шубу. Случалось ему не разъ встрѣчаться съ тигромъ, но встрѣчи эти не кончались пока ничѣмъ.

Словоохотливость моего проводника занимала меня; я чувствовалъ, что не буду скучать въ минуты отдыха и перехода съ мѣста на мѣсто, именно въ такое время, когда особенно хочется съ кѣмъ нибудь поговорить. Мы вышли изъ Владимірскаго поселенія 15-го іюня, съ восходомъ солнца; я непремѣнно желалъ добраться, ранѣе наступленія дневнаго жара, до земледѣльческой фермы богатаго маньцзи Ча, лежащей въ десяти верстахъ отъ Владиміровки, остановиться въ ней недѣли на двѣ и произвести въ ея районѣ всѣ необходимыя работы. Вороновъ отрекомендовалъ мнѣ Ча, какъ человѣка суроваго,

непривѣтливаго, грубаго и совѣтовалъ принимать при сношеніяхъ съ нимъ повелительный, начальническій видъ.

— Ча считаетъ себя первымъ богатѣемъ въ краѣ,— разсказывалъ мнѣ Вороновъ:—и думаетъ, что надъ нимъ нѣтъ никакой власти: какъ выбрали его старшиной, такъ даже своего главнаго старшину не признаетъ и вертитъ имъ какъ хочетъ. Что бы Ча ни сдѣлалъ, все ему съ рукъ сходитъ: деньги изъ всякой бѣды его выручаютъ. Вотъ хоть недавно, китайскіе чиновники потребовали его выдачи (убилъ тамъ кого-то, когда еще на своей родинѣ жилъ). Нашъ окружный исправникъ и пишетъ старшинѣ: такъ и такъ, молъ, доставь Ча во Владивостокъ непремѣнно. Старшина поѣхалъ къ нему и съ поклономъ сообщилъ, что начальство приказало ему во Владивостокъ ѣхать; обозлился Ча и приказалъ своимъ работникамъ выгнать старшину со двора да еще пригрозилъ ему, что если явится онъ вторично, то его убьютъ. Старшина струсилъ и отписался во Владивостокъ, что ничего подѣлать съ Ча не можетъ. Прислали тогда сюды двадцать матросовъ съ ружьями и забрали Ча силой! отправили его потомъ въ Хунъ-Чунъ *) на расправу, а черезъ мѣсяцъ онъ былъ уже дома: говорятъ, откупился. Ча возгордился послѣ этого такъ, что знать ничего ни хочетъ; русскихъ терпѣть не можетъ и въ фаньцзу свою ни за что не пуститъ, если силу за собой чувствуетъ. И не одинъ Ча русскихъ не любитъ, а всѣ почти маньцзи, они не хотятъ даже увѣриться, что земля, которую они обработываютъ, наша, а не ихъ. Послушаешь ихъ, такъ оказывается, что мы здѣсь гости, а они хозяева—захотятъ и вытурятъ насъ какъ только силы ихней побольше будетъ.

Я съ большимъ вниманіемъ слушалъ Воронова.

— Насъ на Сучанѣ мало,—продолжалъ словоохотливый Вороновъ:—мы и боимся маньцзи; какъ бы со злости не вырѣзали. Вотъ тазы совсѣмъ другой народъ,

*) Пограничный манчжурскій городъ.

смирный, миролюбивый, добродушный: съ ними и дружбу можно вести. А маньцзѣ не понравилось что, сейчасъ за ножъ хватается и, какъ чортъ, прямо на тебя лѣзетъ. Другъ дружку частенько ножами полосуютъ и нерѣдко убиваютъ даже, особливо когда за картежной игрой повздорятъ. Азартный народъ, нечего говорить: карты въ руки, а ножъ за пазуху.

Развлекаемый веселымъ проводникомъ, я не замѣчалъ, какъ уходили верста за верстой; мои помощники-солдаты шли позади веселой, шумной гурьбой, изрѣдка покрикивая на навьюченныхъ инструментами и провизіей лошадей, постоянно останавливавшихся щипнуть свѣжую, сочную траву, соблазнительно колыхавшуюся по обѣимъ сторонамъ дороги. Мы шли все время по лѣвому берегу рѣки Сучанъ, прихотливо извивавшейся среди богатой, черноземной, пышной долины; роскошная, почти тропическая, растительность склонялась надъ самой рѣкой и скрывала отъ нашихъ взоровъ ея быстрыя, свѣтлыя воды. Справа и слѣва долина окаймлялась двумя непрерывными цѣпями большихъ крутыхъ холмовъ, сплошь покрытыхъ густой шапкой величественныхъ кедровъ, ильмовъ и гигантскихъ дубовъ.

Недоходя еще трехъ верстъ до фермы Ча, потянулись уже передъ нашими глазами прекрасно, образцово обработанныя поля, засѣянныя просомъ, кукурузой, ячменемъ, пшеницей и бобами. Я невольно любовался этими полями, густо покрытыми уже пышной, сочной зелснью хлѣбовъ, безъ всякой примѣси постороннихъ, сорныхъ травъ; послѣднія были выполоты съ удивительнымъ тщаніемъ и терпѣніемъ, вполнѣ характеризующимъ необыкновенное, образцовое трудолюбіе китайскихъ работниковъ. Вслѣдъ за полями потянулись безконечные огороды, засѣянные рѣдькой, чеснокомъ, лукомъ, краснымъ перцемъ, капустой, огурцами, дынями и арбузами; дальше виднѣлись обширныя маковыя и табачныя плантаціи...

— Видно много у Ча работниковъ? — спросилъ я Воронова, шагавшаго возлѣ меня.

— Человѣкъ полтораста будетъ и работники-то все закабаленные: что хочетъ съ ними то и дѣлаетъ. Много живетъ у него только изъ-за хлѣба и одежи, а кто и получаетъ какія деньги, такъ развѣ только на табакъ хватаетъ...

Вотъ показались изъ-за густой рощи орѣховыхъ и пробковыхъ деревьевъ высокія, крутыя, соломенныя крыши большихъ фанцзъ, правильно расположенныхъ вокругъ обширнаго двора и окруженныхъ высокимъ, прочнымъ частоколомъ. Дорога свернула нѣсколько вправо и уперлась въ большія ворота; саженяхъ въ десяти передъ ними выслалась небольшая, ярко и пестро окрашенная молельня. Входъ въ молельню былъ закрытъ тонкими рѣшетчатыми дверями, сквозь которыя ясно можно было разглядѣть намалеванныя божества китайскаго типа, украшенныя разноцвѣтными бумажными лентами, зеленью и цвѣтами. Передъ ними лежали разныя приношенія и тихо теплились китайскія свѣчи, сдѣланныя изъ сердцевины какого-то растенія.

Было уже около полудня, когда мы подошли къ воротамъ; за ними царствовала глубокая тишина, точно высящіяся передъ нами фанцзи вымерли или же оставлены были своими жильцами. Вороновъ взялся за щеколду калитки и отворилъ ее; мы вошли на обширный, чистый, плотно убитый дворъ; прямо передъ нами стояла громадная фанцза съ большими рѣшетчатыми окнами, заклеенными промасленной бумагой; справа и слѣва высились какія-то службы, амбары и тянулись безконечные навѣсы, замѣняющіе конюшни. Кругомъ продолжала царствовать таинственная тишина; никто не вышелъ посмотрѣть на насъ — пришельцевъ; никому, повидимому, не было дѣла до незванныхъ гостей, такъ дерзко нарушившихъ торжественное безмолвіе чужаго жилища.

— Вѣроятно въ полѣ всѣ, на работѣ, — замѣтилъ Вороновъ:—Нечего намъ на дворѣ-то торчать; пойдемте въ фанцзу и будемъ пока хозяевами. А вы, молодцы,— обратился онъ къ солдатамъ:—располагайтесь, какъ дома,

коней развьючивайте и задайте имъ корму: ячменя тутъ не занимать стать. Будете стѣсняться, такъ съ голоду здѣсь помрете и животину заморите; повѣрьте моему слову, такъ будетъ.

Я оставилъ Воронова на дворѣ — распорядиться относительно вещей, а самъ вошелъ къ фаньцзу; она поразила меня своими обширными размѣрами и выглядѣла какимъ-то манежемъ. Вдоль задней стѣны тянулись широкія, деревянныя нары, прикрытыя рваными, соломенными матами; передъ окнами стояли до десятка большихъ столовъ и ряды скамеекъ, плотно врѣзавшихся въ земляной полъ фаньцзы. У двухъ другихъ стѣнъ были разставлены, безъ всякой симметріи, какіе-то деревянные ящики и разная домашняя утварь. Большая глиняная печь, съ вмазаннымъ въ нее гигантскимъ, чугуннымъ котломъ, и очагъ дополняли общую картину; одинъ уголъ фаньцзы былъ отдѣленъ сильно закоптѣвшей и засаленной деревянной перегородкой; не было сомнѣнія, что за этой перегородкой скрывались незатѣйливые покои богатѣя хозяина.

Потолка въ фаньцзѣ не было, но крыша едва была замѣтна изъ-за оленьихъ шкуръ, одежды, рваной обуви, мочальныхъ веревокъ и циновокъ, развѣшанныхъ на тонкихъ жердяхъ, положенныхъ поперегъ фаньцзы.

Только что я успѣлъ ознакомиться съ внутреннимъ убранствомъ фаньцзы, какъ за перегородкой кто-то старчески кашлянулъ и зашевелился; скрипнули нары и въ дверяхъ показался маленькій, нѣсколько сгорбленный старикъ, одѣтый въ длинополый халатъ изъ синей дабы *) и сѣрыя бумажныя панталоны; на головѣ его красовалась сѣрая, войлочная ермолка, изъ подъ которой едва виднѣлась сѣдая, тощая косичка, а на ногахъ — башмаки съ очень узкими и загнутыми вверхъ носками.

Старикъ сердито смотрѣлъ на меня изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей и, повидимому, недоумѣвалъ, что я

*) Бумажная матерія домашняго приготовленія.

за человѣкъ и зачѣмъ прибылъ въ его фаньцзу. Онъ оглядывалъ меня съ ногъ до головы какъ-то злобно и въ тоже время чутко прислушивался къ шумнымъ возгласамъ и прибауткамъ солдатъ, успѣвшихъ уже развести на дворѣ большой костеръ и развѣсить надъ нимъ на треногахъ свои походные котелки съ кашей. Это, повидимому, озадачивало старика и онъ смотрѣлъ на меня вопросительнымъ взглядомъ; я начиналъ чувствовать какую-то неловкость и отъ души досадовалъ на своихъ помощниковъ за слишкомъ шумливое ихъ настроеніе.

Старикъ перешагнулъ черезъ порогъ и приблизился ко мнѣ; его мѣсто въ дверяхъ заняли какія-то три женскія, безобразныя фигуры и съ дикимъ любопытствомъ уставились въ меня своими темными, косыми, но въ то же время добрыми, глазами. Казалось, онѣ недоумѣвали вмѣстѣ съ хозяиномъ относительно появленія въ фаньцзѣ незнакомца и выражали это недоумѣніе торопливымъ, лихорадочнымъ шушуканьемъ.

— Что твоя надо? — обратился ко мнѣ старикъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, продолжая осматривать меня съ той же непривѣтливостью.

Я по возможности короче объяснилъ ему причину своего посѣщенія и попросилъ его гостепріимства, причемъ предупредилъ, что за гостепріимство это будетъ ему уплачено.

— Моя фаньцза гостинница нѣтъ,—сердито перебилъ меня старикъ:—иди вонъ... Иди вонъ!..—злобно крикнулъ онъ, увидя, что я не двигаюсь съ мѣста:—Вонъ, вонъ, вонъ!..—кричалъ старикъ, напирая на меня своимъ тщедушнымъ, сгорбленнымъ тѣломъ.

Я опѣшилъ отъ такого пріема и положительно недоумѣвалъ, что дѣлать съ этимъ старикомъ, почти обезумѣвшимъ отъ злости. Послѣдній, поощряемый моимъ молчаніемъ, дошелъ до такого нахальства, что схватилъ меня за рукавъ и назойливо началъ толкать меня къ дверямъ. Тутъ я вспомнилъ добрый совѣтъ Воронова и рѣшился на практикѣ примѣнить его теорію относи-

тельно необходимости суроваго обращенія съ мѣстными китайцами. Дѣйствительно, только что я принялъ на себя начальническій, суровый видъ, только что я придалъ своему голосу внушительный, строгій тонъ, какъ старикъ сразу присмирѣлъ и заискивающимъ голосомъ сталъ извиняться въ своей, будто бы, ошибкѣ. Я съ усиленнымъ высокомѣріемъ принялъ его извиненія и потребовалъ, чтобы онъ распорядился относительно припасовъ. Ча (такъ звали старика) тотчасъ же отвелъ въ мое полное распоряженіе часть нары въ общей фаньцзѣ и приказалъ своимъ орочонкамъ устроить мнѣ изъ оленьихъ шкуръ довольно удобное ложе; рядомъ со мной отведены были мѣста для Воронова и моихъ помощниковъ. Такимъ образомъ я вполнѣ обезпечилъ себѣ двухъ-недѣльное пребываніе на фермѣ маньцзы Ча и могъ спокойно приняться за работы.

Въ разборкѣ инструментовъ и вещей время прошло незамѣтно и наступили сумерки; въ огромной печи давно уже трещалъ яркій огонь, и высокій, рябой, грязный маньцза, исполнявшій у Ча обязанности повара, хлопоталъ около гигантскаго котла и мѣшалъ узкой, длинной лопаткой варившееся просо; другой маньцза, повидимому, помощникъ повара, усердно крошилъ на грязномъ столѣ любимѣйшія приправы китайцевъ: лукъ, чеснокъ и черемшу. Фаньцза была еще пуста; работники находились еще въ полѣ и съ нетерпѣніемъ ждали условленнаго зова, безъ котораго Ча не позволялъ имъ, чтобы не терять времени, являться домой.

Но вотъ ужинъ готовъ; на столахъ разставлены маленькія глиняныя чашки и около каждой положено по парѣ тоненькихъ палочекъ. Поваръ еще нѣсколько разъ съ усиліемъ помѣшалъ круто сварившееся просо, попробовалъ его и вышелъ за двери. Черезъ минуту на дворѣ раздался его пронзительный призывной крикъ: „Чуфанъ, чуфанъ, чуфанъ!..“ *). „Чуфанъ, чуфанъ, чу-

*) Чуфанъ—ѣсть, обѣдать.

«Фанъ!..“ послышался передаточный крикъ, прежде громкій, но, затѣмъ, все слабѣе и, наконецъ, онъ замеръ на другомъ концѣ обширнаго поля; это ближайшіе работники передавали радостный призывъ тѣмъ, кто работалъ въ отдаленіи отъ фаньцзы.

Черезъ нѣсколько минутъ фаньцза начала наполняться полуодѣтыми, грязными, уставшими работниками; каждый изъ нихъ молча входилъ, молча и непривѣтливо оглядывалъ насъ и садился за столъ, терпѣливо ожидая, когда подадутъ вареное просо избранные отъ каждаго стола артельщики. Не смотря на полтораста почти душъ, порядокъ и благочиніе соблюдалось полное; по всему было видно, что надъ ними тяготѣла желѣзная рука и заставляла ихъ вполнѣ подчиняться стѣснительнымъ условіямъ подначальнаго, закабаленнаго житья. По мѣрѣ прибытія работниковъ, въ фаньцзѣ дѣлалось все удушливѣе, не смотря на настежь отворенныя двери; атмосфера пропитывалась нестерпимымъ чадомъ, распространяемымъ разведеннымъ очагомъ и, наконецъ, оригинальнымъ, противнымъ запахомъ, свойственнымъ всѣмъ китайцамъ безъ исключенія, какъ чесночный запахъ жидамъ.

Работники пожирали просо въ необъятномъ количествѣ, приправляя его ѣдкимъ соусомъ изъ стручковаго перца, чеснокомъ, лукомъ и черемшой и постоянно запивая его изъ миніатюрныхъ чашечекъ, съ наперстокъ величиной, нагрѣтой водкой (сули), приготовляемой маньцзами изъ ячменя.

Ча и его орочонки ужинали за отдѣльнымъ маленькимъ столомъ; хозяйскій ужинъ былъ разнообразнѣе: кромѣ проса съ необходимыми приправами, подавались пильмени, оленье мясо и, наконецъ, чай, завариваемый прямо въ чашкахъ.

Работники сидѣли за столомъ около часу, и мнѣ начало уже сильно надоѣдать ихъ постоянное чавканье.

Но вотъ ужинающіе стали одинъ за другимъ подыматься изъ-за стола, громко протягивали непзмѣнное,

„чубойлда“ *) (сытъ) и отходили къ очагу, около котораго закуривали свои миніатюрныя трубки. Черезъ нѣсколько минутъ фаньза наполнилась ѣдкимъ, непріятнымъ дымомъ махорки; за трубкой развязались языки, и маньцзи затараторили о чемъ-то на своемъ гортанномъ, непріятномъ нарѣчіи.

Было уже довольно поздно, когда маньцзи начали отходить ко сну, посвящая предварительно нѣкоторое время на истребленіе собственныхъ паразитовъ, которыхъ они отвратительно казнили на переднихъ зубахъ. Казнь эта произвела на меня такое подавляющее впечатлѣніе, что я поспѣшилъ выйти на время казни изъ фаньзи—подышать чистымъ воздухомъ.

Едва горизонтъ озолотился первыми лучами восходящаго солнца, Ча вышелъ изъ своей конуры и сердито началъ будить разоспавшихся работниковъ; маньцзи нехотя подымались съ жесткихъ наръ и съ какой-то сонной вялостью натягивали на свое грязное тѣло еще болѣе грязныя рубища. Завтракъ, неизмѣнное вареное просо, былъ уже готовъ; не умываясь, маньцзи садились за столы и начали употреблять подаваемое незатѣйливое кушанье, запивая его неизмѣнной сули.

Я поднялся вмѣстѣ съ маньцзами; напился чаю, собралъ свои инструменты и вышелъ изъ фаньзи на работу, чтобы успѣть выполнить ее до полуденнаго жара. Солнце только что поднялось изъ-за хребтовъ и золотило густую щетину гигантскихъ кедровъ, ильмовъ и дубовъ и безконечныя, роскошныя поля, едва колыхавшіяся отъ утренняго прохладнаго вѣтерка. Въ воздухѣ чувствовалась необычайная сырость; дороги были мокры, точно цѣлую ночь шелъ сильный дождь; поля и деревья были обсыпаны крупными каплями росы, переливавшимися на солнцѣ самыми яркими, блестящими красками.

Большинство работниковъ уже разбрелось по полямъ и съ образцовымъ трудолюбіемъ принялось за свою тя-

*) Чубойлда—въ буквальномъ переводѣ значитъ «нажрался».

желую работу; другіе только что выходили еще изъ воротъ и медленной, перевалистой походкой, съ лопатами, кайлами на плечахъ пробирались къ отведеннымъ имъ участкамъ; нѣкоторые, болѣе набожные, маньцзи останавливались передъ маленькой молельной и со смиреніемъ ставили передъ размалеваннымъ божествомъ утреннія приношенія, просо и воду, въ небольшихъ деревянныхъ чашкахъ, а также плескали въ растрескавшееся лицо божества сули и ханшиномъ (крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ картофеля).

Послѣ сдѣланныхъ приношеній, маньцзи становились передъ идоломъ на колѣни, вздымали къ небу руки и съ умиленіемъ бормотали свою утреннюю молитву; окончивъ ее, они спѣшили догнать, далеко опередившихъ ихъ, товарищей и шли дальше тою же переваливающейся, лѣнивой походкой.

Въ работѣ, переходя съ мѣста на мѣсто, мы незамѣтно подошли къ подошвѣ холмовъ, окаймлявшихъ долину Сучанъ съ лѣвой стороны, и сѣли отдохнуть въ тѣни роскошной орѣховой рощи; не вдалекѣ отъ насъ притаилась въ зелени небольшая, слегка покосившаяся уже, фаньцза съ полусгнившей соломенной крышей; часть немного волнистой полянки, примыкавшей съ правой стороны фаньцзы, была разработана и засѣяна почти сплошь просомъ; только на одномъ ея концѣ тянулось нѣсколько грядокъ съ лукомъ и чеснокомъ; съ десятокъ куръ копошились среди грядокъ и энергично разрывали ногами рыхлую, сочную землю, спѣша добраться до какого-нибудь вкуснаго зерна или червячка.

Не смотря на окружающій порядокъ и чистоту, было видно, что фаньцза принадлежитъ какому-то бѣдняку, пріютившемуся подъ бокомъ богатой фермы маньцзи Ча и пользующемуся, повидимому, покровительствомъ своего сосѣда богатѣя. Зная черствую, эгоистическую натуру Ча, зная его стремленіе закабалить въ свои, почти даровые, работники бѣдняковъ, я невольно поинтересовался узнать у Воронова о причинѣ видимой са-

мостоятельности бѣдняка, скромная фаньцза котораго такъ привѣтливо выглядывала изъ за густой роскошной зелени.

— Видѣли вы въ фаньцзѣ у Ча молодую, некрасивую орочонку?—спросилъ меня Вороновъ въ отвѣтъ на мой вопросъ.

Я вспомнилъ грязную, почти безобразную, молодую женщину, повидимому, пользовавшуюся особеннымъ расположеніемъ Ча; среди другихъ двухъ женщинъ, она отличалась большой претензіей на кокетство и необъятнымъ количествомъ всевозможныхъ украшеній. Голова ея и все платье были украшены множествомъ различныхъ побрякушекъ-бубенчиковъ, желѣзными и мѣдными пластинками, издававшими, при малѣйшемъ движеніи молодой орочонки, негармоничные звуки. Въ ушахъ ея были продѣты толстыя серебряныя кольца, съ висящими на нихъ металлическими бляхами, величиной отъ гривенника до двугривеннаго; пальцы ея сплошь были украшены мѣдными и серебряными кольцами, а на кистяхъ рукъ красовались стеклянные зеленые браслеты.

— Такъ вотъ эта орочонка, любимѣйшая наложница маньцзи Ча,—продолжалъ Вороновъ:—была женой орочона Лозы, что живетъ въ той фаньцзѣ, а теперь она уступлена Ча въ полное и безспорное владѣніе за покровительство, клочекъ земли, да за десятокъ серебряныхъ рублей. Лоза, пока жена его еще не надоѣла Ча, пользуется расположеніемъ своего сосѣда богатѣя, тотъ не притѣсняетъ его и даже иногда награждаетъ кое-чѣмъ.

— Съ добраго согласія пошла къ Ча жена Лозы?—спросилъ я у Воронова, сильно заинтересованный.

— Какое тутъ согласіе? Его у бабы здѣсь и не спрашиваютъ, сдѣлка помимо ея. Понравилась богатому маньцзѣ орочонка—идетъ онъ къ отцу или мужу, смотря замужемъ она или нѣтъ, и прямо требуетъ ее, за извѣстное вознагражденіе, къ себѣ. Согласится орочанъ—хорошо ему будетъ, а не согласится то маньцза въ та-

кую кабалу его загонитъ, что тотъ хуже животнаго сдѣлается, обнищаетъ и самъ потомъ жену свою приведетъ, чтобы только съ голоду не помереть. Впрочемъ и случая, кажется, не было, чтобы орочонъ отказался отдать дочь или жену богатому маньцзѣ: для орочона совсѣмъ не обидно и для жены все равно—онѣ здѣсь точно животныя какія. Часто бываетъ и то, что мужъ перебирается въ фанызу своего благодѣтеля и продолжаетъ сожительствовать со своей женой по старому.

Мы возвратились въ фанызу около двухъ часовъ, голодные и въ концѣ измученные продолжительной ходьбой по вязкой, черноземной почвѣ долины; моя работа оказалась не такой легкой, какъ я предполагалъ и съ перваго же дня я вынужденъ былъ уменьшить ежедневную программу, чтобы не доводить до изнеможенія данную въ мое распоряженіе команду. Такимъ образомъ, вмѣсто двухъ недѣль мнѣ предстояло пробыть гостемъ у Ча по крайней мѣрѣ три, что меня крайне смущало, потому что положеніе мое въ общей фанызѣ было рѣшительно невыносимое.

Первыя двѣ недѣли моего пребыванія въ фанызѣ Ча прошли крайне однообразно: ничто не нарушало обычнаго теченія общей жизни; въ извѣстный часъ маньцзи вставали, завтракали, уходили на работу, возвращались и опять принимались за скромную, малопитательную ѣду, затѣмъ начинались отвратительныя приготовленія ко сну. Наступала ночь и... но тутъ я бралъ свою подушку, захватывалъ съ собой нѣсколько оленьихъ шкуръ и спѣшилъ выбраться на чистый воздухъ, на дворъ, гдѣ и устраивалъ себѣ импровизированную постель прямо на землѣ, подъ открытымъ небомъ. Ночи стояли обыкновенно довольно прохладныя и сырыя; я кутался насколько могъ и засыпалъ чуткимъ, тревожнымъ сномъ. Я проводилъ ночи безпокойно: то подойдетъ страдающій безсонницей боровъ и ткнетъ меня въ спину тупымъ рыломъ, то начнетъ обнюхивать съ головы до ногъ высвободившійся изъ подъ навѣса быкъ,

то слетитъ съ насѣста прямо на меня растревоженный кѣмъ то пѣтухъ и, энергично махая крыльями, затянетъ надъ самымъ ухомъ рѣзкое, несвоевременное: „кукуреку“! Невольно проснешься отъ всѣхъ этихъ неожиданныхъ сюрпризовъ, треснешь съ досады ногой назойливаго борова, укнешь на флегматическаго быка и спугнешь съ себя неугомоннаго, наглаго крикуна. И только что забудешься опять немного, уже начинаютъ стучать воротами, подымается рѣзкій крикъ очередныхъ маньцзъ, выгоняющихъ изъ подъ навѣсовъ на утренній водопой рабочій скотъ, гремятъ на мосту сотни копытъ, раздается дикое, протяжное мычанье и пронзительное ржанье разигравшихся на утреннемъ холодкѣ лошадей. Черезъ нѣсколько минутъ, все это ревущее и ржущее населеніе фермы возвращается подъ навѣсы, гдѣ и получаетъ дачу ячменя и бобовъ; слышится усердная, дружная работа сотни здоровыхъ челюстей. Тутъ ужь не до сна, тѣмъ болѣе, что солнце уже выглянуло изъ за высокой крыши амбара и бьетъ прямо въ глаза яркими, утренними лучами. Встанешь, одѣнешься, умоешься, какъ попало, напьешься чаю и отправишься опять на свою обыденную работу, почти одновременно съ маньцзами. И такъ изо дня въ день, всѣ двѣ недѣли. Въ началѣ третьей недѣли случилось въ фаньцзѣ довольно оригинальное происшествіе, достаточно характеризующее общественный бытъ мѣстныхъ китайцевъ и нѣсколько нарушившее однообразіе нашей жизни среди инородцевъ.

V.

Былъ праздничный день, установленный въ память какого-то китайскаго божества; работъ не было, и цѣлое утро маньцзи провели безъ дѣла, сидя вокругъ очага и покуривая миніатюрныя трубки. Всѣ сидѣли молча, въ терпѣливомъ ожиданіи болѣе разнообразнаго, сытнаго, праздничнаго обѣда и любимаго ханшина, отпущеннаго

хозяиномъ, по случаю особеннаго торжественнаго дня, не въ мѣру.

Около полудня обѣдъ былъ готовъ; на столы поставили громадныя туши зажареной свинины, чашки съ неизмѣннымъ просомъ, груды пильменей и большіе глиняные кувшины съ ханшиномъ. Маньцзи чинно усѣлись на скамьи и принялись за свою праздничную трапезу; свинину и пильмени они ѣли прямо руками и съ такимъ удивительнымъ обжорствомъ, точно это купанье отдано въ ихъ распоряженіе въ первый разъ въ жизни. Ханшина было разливанное море; пили уже не наперсточками, какъ въ будній день, а прямо чашками, изъ которыхъ ѣдятъ маньцзи просо. По мѣрѣ уничтоженія ханшина, маньцзи дѣлались все разговорчивѣе и разговорчивѣе и, наконецъ, къ концу обѣда, когда большая часть работниковъ значительно охмѣлѣла, поднялся такой говоръ, что я каждую минуту ожидалъ серьезной драки. То съ того, то съ другаго стола раздавался пьяный ревъ, дикое требованіе наполнить уже изсякшіе кувшины: „ханшинъ, ханшинъ"! Поваръ спѣшилъ исполнять требованія пьяницъ, наполнялъ одуряющимъ напиткомъ пустые кувшины и ставилъ ихъ на столъ; большинство маньцзъ едва сидѣло на скамьяхъ; дрожащей, невѣрной рукой подносили они ко рту до краевъ наполненныя чашки съ ханшиномъ, обливали одежду, лили за воротъ куртокъ и, по мѣрѣ высасыванія изъ чашекъ водки, неистово взывали: „ханшинъ, ханшинъ"! хотя передъ ними стояли почти полные кувшины ядовитаго, одуряющаго напитка.

Пьянство достигло крайнихъ предѣловъ; напивались за всѣ трезвые дни. Нѣсколько маньцзъ, одурманенныхъ ханшиномъ, что-то выкрикивали съ пѣной у рта, стучали по столу ослабѣвшими, пьяными кулаками и злобными, налившимися кровью глазами посматривали на окружающихъ товарищей; повидимому, ханшинъ довелъ ихъ до скотскаго остервенѣнія и они искали только случая затѣять какую-нибудь ссору. Вдругъ одинъ изъ нихъ схва-

тилъ стоявшій передъ нимъ кувшинъ съ ханшиномъ и, безъ всякой видимой причины, пустилъ имъ въ голову сидѣвшему напротивъ маньцзѣ. Кувшинъ разбился, и разлившійся ханшинъ смѣшался съ цѣлымъ потокомъ крови: голова безпричинно пострадавшаго маньцзи оказалась разсѣченной отъ виска до подбородка. Завязалась безобразная, душу потрясающая, драка; окровавленный маньцза схватилъ за косу своего врага, притянулъ его черезъ столъ къ себѣ и безпощадно началъ бить кулакомъ по пьяной физіономіи. Къ двумъ дерущимся присоединились остальные; съ разныхъ концовъ вскочили опьянѣвшіе китайцы и, не разбирая въ чемъ дѣло, кто кого бьетъ и кто виноватъ, затѣяли между собой общую дикую потасовку. Маньцзи дошли вдругъ до звѣрскаго бѣшенства: съ пѣной у рта, съ налившимися кровью глазами, блѣдные, какъ смерть, они неистово колотили другъ друга кулаками, кусались, таскали за косы, валяясь на грязномъ, залитомъ ханшиномъ, полу. Въ общемъ дикомъ гамѣ различались какіе-то хриплые крики и рѣзкіе визги. Напрасно Ча унималъ дерущихся: онъ уже не имѣлъ значенія въ настоящую минуту. Расходились животныя страсти. Драка принимала все болѣе и болѣе серьезные размѣры; въ рукахъ нѣкоторыхъ дерущихся сверкнули откуда-то появившіеся ножи. Немедля ни минуты, я приказалъ солдатамъ разогнать маньцзъ во что бы то ни стало; отважно бросились мои молодцы въ самую гущу дерущихся, привычной рукой схватили за косы наиболѣе разсвирѣпѣвшихъ китайцевъ и вытащили ихъ на дворъ—провѣтриться. Драка была прекращена; но ругань, самая рѣзкая, китайская ругань, продолжалась съ той же силой. Насильно оторванные другъ отъ друга, враги долгое время не могли успокоиться и съ пѣной у рта ругались во все горло, стараясь, повидимому, перекричать одинъ другаго. Наконецъ, смолкли и угомонились: болѣе пьяные завалились спать на нары, а другіе начали развлекаться музыкой и пѣніемъ; появились трехструнные инструменты, напоминающіе своей формой японскіе самсины, бубны и гонги.

Китайская мелодія имѣетъ нѣчто странное и неуловимое для европейскаго уха; музыкальная система, на которой она основана, настолько оригинальна, что нельзя подвести ее ни къ одной системѣ европейскаго міра. Китайская музыка изобилуетъ полутонами и нерѣдко переходитъ въ одной и той же фразѣ изъ мажорнаго тона въ минорный и заканчивается совсѣмъ не въ тонъ. Маньцзи пѣли, или, лучше сказать, завывали не грудью, а горломъ и притомъ старались выводить ноты самымъ высокимъ, отчаяннымъ фальцетомъ, вслѣдствіе чего пѣніе ихъ имѣло какой-то рѣзкій, непріятный оттѣнокъ. Аккомпаниментъ на струнныхъ инструментахъ чрезвычайно однообразенъ и состоитъ только изъ нѣсколькихъ рѣзкихъ отдѣльныхъ нотъ, безъ всякихъ аккордовъ. Мотивы пѣсенъ отличались дикимъ, заунывнымъ характеромъ и наводили на меня грусть и тоску. Маньцзи пѣли и играли чуть не-до полуночи. Я искалъ спасеніе въ окружающихъ фаньцзу рощахъ и возвратился домой не раньше, какъ гуляки успокоились и заснули.

На слѣдующее утро, не смотря на будній день, всѣ маньцзи остались въ фаньцзѣ и на работу не выходили; съ опущенными головами, точно чувствующіе свою вчерашнюю вину, усѣлись они за нензмѣнное просо и угрюмо, молча, какъ-то нехотя, принялись за свой незатѣйливый завтракъ; многіе были сильно изцарапаны, съ опухшими, подбитыми глазами и крупными волдырями и синяками. Маньцза, съ разсѣченной кувшиномъ головой, лежалъ на нарахъ, прикрытый халатомъ и, повидимому, находился въ тяжеломъ забытьѣ; голова его была обвязана грязной, окровавленной, бумажной тряпкой, изъ подъ которой едва видиѣлось испитое, блѣдное, какъ бы безжизненное, лицо. Всѣ находились въ ожиданіи чего-то и съ смущеніемъ поглядывали на хозяйскую, плотно припертую, дверь. Ча еще не выходилъ и замѣтно медлилъ; рано утромъ прибылъ въ фаньцзу призванный имъ главный старшина, жившій въ десяти верстахъ отъ фермы, и прямо вошелъ въ хозяйское помѣ-

щеніе. За перегородкой слышался сдерживаемый шопотъ нѣсколькихъ голосовъ; о чемъ-то совѣщались, и это таинственное совѣщаніе, повидимому, очень смущало всѣхъ маньцзъ и въ особенности виновника вчерашней драки, высокаго, рябаго маньцзу, сидѣвшаго въ сторонѣ, со связанными назадъ руками. Не было сомнѣнія, что предстояло судбище, основанное на мѣстномъ народномъ обычаѣ, освященномъ временемъ и преданіями; результатъ этого судбища былъ такъ интересенъ для меня, что я на работу не вышелъ и остался въ фаньцзѣ.

Около восьми часовъ утра, вышли изъ хозяйской коморки орочонки Ча и начали устраивать на нарахъ для судей почетное сѣдалище изъ оленьихъ шкуръ и циновокъ. Когда все было готово, вышелъ въ фаньцзу, въ сопровожденіи Ча, главный старшина Сучанскаго округа, Чин-Пан-Чинъ, низенькій, толстый, внушительнаго вида, маньцза, одѣтый въ шелковый, голубой, опушенный соболемъ, полухалатъ и сѣрыя, шелковыя же, стеганныя штаны; на головѣ у него красовалась соболья шапочка, изъ подъ которой висѣла, почти до самыхъ пятъ, толстая, черная коса *). Ча былъ одѣтъ съ той же роскошью и имѣлъ серьезный, внушительный видъ. Маньцзи встрѣтили главнаго старшину съ подобострастіемъ и низкими поклонами. Чин-Пан-Чинъ важно усѣлся на приготовленное ему мѣсто и пытливо оглядѣлъ почтительно стоявшихъ вокругъ маньцзъ; Ча, какъ старшина, сѣлъ рядомъ съ Чин-Пан-Чиномъ. Послѣдній наклонился къ нему и сказалъ на ухо нѣсколько словъ.

— Привести Ланхау! — повелительно проговорилъ Ча, гордо выслушавъ приказаніе главнаго старшины.

Нѣсколько маньцзъ подвели связаннаго работника, разбившаго наканунѣ голову своему товарищу; Ланхау, блѣдный какъ смерть, остановился передъ судьями и упалъ на колѣни.

---

*) Китайскія косы обыкновенно не очень длинны, но люди богатые искусно вплетаютъ въ волосы крученый черный шелкъ, чѣмъ и придаютъ своимъ косамъ желаемую длину.

— Встань, — строго, сурово проговорилъ Чин-Пан-Чинъ. Ланхау едва поднялся на ноги и съ совершенно убитымъ видомъ опустилъ на грудь голову.

— Ты совершилъ, Ланхау, — продолжалъ главный старшина: — страшное преступленіе: ты изуродовалъ своего товарища, и онъ можетъ умереть. Что тебя понудило на такое зло? Обидѣлъ онъ тебя чѣмъ?

— Нѣтъ, не обидѣлъ, — проговорилъ Ланхау едва понятнымъ голосомъ.

— За что же ты изуродовалъ его? Говори! — настаивалъ Чин-Пан-Чинъ.

— Не помню ничего... Не знаю... — едва пролепеталъ Ланхау совсѣмъ упавшимъ голосомъ.

— Кто изъ васъ видѣлъ, какъ изуродовалъ Ланхау несчастнаго Сеотокви? — обратился старшина къ внимательно слѣдившимъ за допросомъ маньцзамъ. Кто видѣлъ, выйди и скажи всю правду, какъ было дѣло. Помните, небо строго накажетъ тѣхъ, у кого лживый языкъ и кто позволитъ себѣ утаить хоть одно слово.

Изъ толпы вышли пять маньцзъ и, поочереди, подробно начали разсказывать о вчерашней катастрофѣ; показанія ихъ были точны и опредѣлительны; всѣ видѣли, какъ Ланхау, безъ всякой причины, схватилъ кувшинъ съ ханшиномъ и бросилъ имъ въ сидѣвшаго напротивъ Сеотокви, какъ послѣдній схватилъ Ланхау за косу и началъ бить его и какъ завязалась, наконецъ, общая драка. Чин-Пан-Чинъ слушалъ свидѣтелей съ большимъ вниманіемъ и когда они кончили, сдѣлалъ имъ знакъ удалиться; затѣмъ, онъ обратился къ Ча и вступилъ съ нимъ въ довольно продолжительныя разсужденія, которыя велись, однако, такъ тихо, что не могли быть слышны даже ближайшимъ маньцзамъ. Но вотъ совѣщаніе старшинъ кончилось, и Чин-Пан-Чинъ обратился къ Ланхау.

— Ланхау, мы признали тебя виновнымъ въ страшномъ преступленіи, но не наложимъ наказанія до тѣхъ поръ, пока Сеотокви не выздоровѣетъ настолько, чтобы

могъ сказать свое слово; отъ слова его зависитъ твое наказаніе: проститъ онъ тебя, — ты будешь наказанъ легко, не проститъ—тебя ждетъ кара, достойная твоего преступленія. Но горе тебѣ, если Сеотокви не выздоровѣетъ и умретъ отъ руки твоей — тогда умрешь и ты: мы рѣшили закопать тебя за убійство живымъ въ землю *). До выздоровленія Сеотокви, ты будешь содержаться связаннымъ въ заперти, чтобы не могъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія.

Судъ кончился; Ланхау увели и заперли въ амбарѣ; маньцзи разбрелись по работамъ, и все опять вошло въ обычную колею, точно ничего и не свершилось; главный старшина выѣхалъ домой послѣ сытнаго, разнообразнаго угощенія, и Ча нарядился опять въ свой поношенный синій халатъ и войлочную ермолку. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ результата оригинальнаго судбища; Сеотокви замѣтно поправлялся, и черезъ нѣсколько дней могъ дать необходимыя показанія. Дали объ этомъ знать главному старшинѣ, и онъ тотчасъ-же прибылъ на ферму Ча. Судъ начался при той же обстановкѣ и съ той-же торжественностью. Когда привели Ланхау, то Чин-Пан-Чинъ обратился къ Сеотокви со слѣдующими вопросами:

— Прощаешь-ли ты Ланхау за нанесенную тебѣ обиду?

— Прощаю,— твердо отвѣтилъ Сеотокви.

— Не будешь-ли ты искать случая отомстить ему за свое увѣчье?

— Не буду.

— Твердо-ли ты рѣшилъ простить Ланхау?

— Твердо.

— Помни, Сеотокви, свое слово, не забудь его,— проговорилъ старшина убѣдительно. Можешь идти!.. Ланхау,—обратился онъ къ просіявшему сразу преступнику: — ты достаточно наказанъ и теперь свободенъ;

*) Подобное наказаніе не разъ примѣнялось въ Уссурійскомъ краѣ раньше.

усердной работой своему хозяину постарайся загладить свою вину... Ступай! . .

Такъ кончилось это любопытное разбирательство, основанное на обычномъ правѣ.

VI.

Я оставилъ ферму Ча около половины іюля и перемѣстилъ центръ своихъ работъ на пятнадцать верстъ вверхъ по долинѣ Сучанъ, въ довольно богатую ферму маньцзи Ху-Чау, расположенную въ дикой, прелестной мѣстности. Поля Ху-Чау лежали въ сторонѣ, на нѣсколько возвышенномъ берегу рѣки Сучанъ; наибольшая ихъ часть была засѣяна макомъ и ячменемъ.

Фаньцзы Ху-Чау были окружены гигантскими, столѣтними дубами, и почти совсѣмъ скрывались въ роскошной, густой зелени орѣховыхъ и пробковыхъ деревьевъ; цѣпкій виноградъ ползъ по частоколу и сплошь покрывалъ его пышнымъ, зеленымъ ковромъ; въ десяткѣ саженъ отъ фаньцзъ вздымались къ небу крутые холмы, покрытые густой щетиной дѣвственныхъ лѣсовъ, не тронутыхъ еще всеразрушающей рукой человѣка.

Ху-Чау занимался земледѣліемъ съ исключительной цѣлью винокуренія и изготовленія опіума, доставляемаго имъ сухимъ путемъ въ сосѣднюю Манчжурію. Кромѣ того, онъ занимался искусственнымъ разведеніемъ дорогаго корня жень-шень, которому китайская медицина приписываетъ удивительныя цѣлебныя свойства, даже въ такихъ болѣзняхъ, какъ истощеніе силъ и чахотка. Стоимость его доходитъ до баснословной цифры: за каждый фунтъ дико растущаго корня платятъ отъ двухъ до трехъ тысячъ серебряныхъ рублей; искусственно же разводимый жень-шень, необладающій всѣми цѣлебными свойствами, цѣнится несравненно дешевле, но продается, однако, все же отъ сорока до пятидесяти серебряныхъ рублей за фунтъ; цѣна эта настолько еще велика, что

маньцзи составляютъ себѣ громадныя состоянія отъ продажи своихъ плантацій съ жень-шень. Разведеніе цѣлебнаго корня требуетъ особеннаго труда и тщательнаго ухода; онъ разводится обыкновенно въ большихъ грядахъ, около сажени шириной и десяти саженъ въ длину. Земля для этихъ грядъ должна быть чистый черноземъ, просѣянный сквозь особыя частыя сита.

Въ дикомъ состояніи корень жень-шень растетъ въ самыхъ глубокихъ, тѣнистыхъ падяхъ, въ мѣстахъ, куда никогда не проникаетъ солнечный лучъ, очень нелюбимый цѣлебнымъ корнемъ. На плантаціяхъ его защищаютъ отъ солнечныхъ лучей особыми деревянными или холщевыми навѣсами; съ наступленіемъ зимы, навѣсы эти снимаютъ, и всѣ гряды засыпаются снѣгомъ. Жень-шень растетъ очень медленно, и только на четвертый годъ дѣлается годнымъ къ употребленію; чѣмъ старѣе корень, тѣмъ онъ обладаетъ большей цѣлебной силой, тѣмъ дороже цѣнится. Жень-шень служитъ предметомъ довольно обширной и чрезвычайно выгодной торговли; Ху-Чау увѣрялъ меня, что его двадцать грядъ дадутъ ему, по истеченіи четырехъ—пяти лѣтъ, болѣе двадцати тысячъ серебряныхъ рублей чистаго барыша.

Опіумъ изготовлялся на фермѣ Ху-Чау въ значительномъ количествѣ; каждый вечеръ наиболѣе зажиточная часть работниковъ, съ хозяиномъ во главѣ, занималась куреніемъ этого яда, и я наблюдалъ за этими курильщиками съ глубокимъ отвращеніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ состраданіемъ. Въ теченіи почти мѣсячнаго пребыванія на фермѣ Ху-Чау, я убѣдился, насколько разрушительно дѣйствуетъ опіумъ не только на весь организмъ человѣка, но даже на его нравственную, духовную сторону. Пристрастіе къ страшному яду наблюдаемыхъ мною маньцзъ было настолько велико, что они не могли дня пробыть безъ куренія, не могли заснуть, если какое-либо обстоятельство не позволяло имъ затянуться ядовитой трубкой опредѣленное число разъ; всѣ курильщики выглядѣли положительно стариками,

окончательно разслабленными, какъ физически, такъ и умственно, не смотря на то, что многимъ изъ нихъ едва минуло двадцать съ небольшимъ лѣтъ. Подъ вечеръ, они уходили обыкновенно въ предназначенную для куренія каморку и предавались въ ней, въ сторонѣ отъ постороннихъ глазъ, своимъ гнуснымъ наслажденіямъ. Разъ, только одинъ разъ, мнѣ удалось быть случайнымъ свидѣтелемъ процесса куренія опіума, и до сихъ поръ я не могу забыть этой тяжелой картины медленнаго отравленія ядомъ, разрушающимъ жизнь милліонамъ китайцевъ, благодаря содѣйствію *просвѣщенныхъ* англичанъ. Представьте себѣ полутемную, грязную каморку, съ душной атмосферой, пропитанной наркотическими испареніями; на широкихъ нарахъ, покрытыхъ полусгнившими циновками, лежали до двухъ десятковъ любителей опіума; подлѣ каждаго изъ нихъ горѣла небольшая лампочка съ кокосовымъ масломъ, служащая для закуриванія трубки. Курильщики-работники имѣли видъ самый отвратительный: мутные, неподвижные глаза ихъ были устремлены въ одну точку съ какимъ-то скотскимъ, неестественнымъ выраженіемъ, губы отвисли, грудь судорожно вздымалась и опускалась; по всей раскинутой позѣ ихъ было замѣтно, что они предавались какимъ-то невѣдомымъ наслажденіямъ, золотымъ грезамъ и обманамъ чувствъ. Курильщики походили скорѣе на скелеты, обтянутые кожей, чѣмъ на живыхъ людей; осунувшіяся лица любителей опіума были настолько мертвенно-блѣдны, что ихъ можно было принять, еслибы не судорожное вздыманіе и опусканіе груди, за людей, давно уже сведшихъ послѣдніе счеты съ здѣшнимъ міромъ. Я съ отвращеніемъ оставилъ гнусную каморку и пошелъ освѣжиться въ близь лежащую дубовую рощу; вечеръ былъ теплый и тихій; полная луна смотрѣла съ яснаго, темносиняго, усѣяннаго звѣздами, неба и обливала своими мягкими, будто согрѣвающими, лучами окружающіе холмы и поля; величественные дубы бросали на роскошный коверъ травы причудливыя, фантастическія тѣни; густая

листва ихъ точно заснула. Кругомъ было какъ-то пустынно и дико; никто и ничто не нарушало мертвой, вечерней тишины; только небольшой ключъ тихо журчалъ съ вершины ближайшаго холма и пѣлъ свою мелодичную, игривую пѣсню; затѣйливо вился онъ среди трепетно прильнувшей къ нему листвы и роскошной зелени, прыгалъ съ уступа на уступъ, съ камня на камень, разсыпаясь блестящей, мелкой пылью. Луна играла своими лучами въ водахъ этого ниспадающаго ручья и точно замерла въ выси неба, любуясь этой волшебной игрой... Никто не оживлялъ этой дивной картины! Казалось, весь окружающій міръ погрузился въ глубокій, непробудный сонъ; я боялся нарушить, голосомъ или лишнимъ движеніемъ, эту мертвую тишину, боялся уничтожить обаяніе этого дивнаго спокойствія. Я легъ подъ тѣнь развѣсистаго дуба и любовался широко раскинувшимся надо мной небеснымъ сводомъ, усѣяннымъ милліонами звѣздъ, любовался высящимся передъ моими глазами темнымъ, мрачнымъ, неизвѣданнымъ горнымъ хребтомъ.

Не было силъ оторваться отъ блещущихъ яркимъ свѣтомъ созвѣздій, и я смотрѣлъ въ темное, глубокое небо, словно очарованный. Темный небосклонъ иногда прорѣзывался свѣтлой дугой, —путемъ летящаго метеора; невольно взоръ слѣдилъ за быстрымъ полетомъ раскаленнаго тѣла, невольно зарождалась мысль: откуда несется оно и куда, въ какое невѣдомое пространство направляетъ свой блестящій путь?

Не помню, сколько времени провелъ я въ подобномъ чудномъ созерцаніи; я уже началъ забываться; невольно клонило меня ко сну, подъ вліяніемъ окружающей тишины, какъ вдругъ надъ моей головой, на вершинѣ таинственнаго хребта, раздался продолжительный, громкій, грозный ревъ; гулко пронесся онъ въ ночномъ воздухѣ и замеръ гдѣ-то вдали, на другомъ концѣ широкой долины. Я вздрогнулъ, точно меня пронизала электрическая искра, и быстро вскочилъ на ноги, первое время

недоумѣвая: гдѣ я и чей грозный ревъ слышу? Черезъ минуту я собрался съ мыслями и бросился къ фаньцзѣ, точно преслѣдуемый по пятамъ сонмомъ злыхъ духовъ; тамъ уже господствовалъ полный переполохъ; работники съ крикомъ „ламаза, ламаза!“ *) выбѣгали на дворъ съ фитильными ружьями, ломами и топорами; всѣ услышали грозный ревъ и спѣшили защитить отъ посяганія хищника домашній скотъ и лошадей. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ съ цѣлью напугать тигра, и поднялись съ той же цѣлью, невообразимые крики и визги выбѣжавшихъ за частоколъ работниковъ. Послѣ получасоваго гама и десятка пущенныхъ на вѣтеръ выстрѣловъ, всѣ успокоились и возвратились въ фаньцзу, въ полной увѣренности, что хищникъ удалился, напуганный выстрѣлами и чертовскимъ визгомъ сотни голосовъ.

Уснули не скоро; неожиданное посѣщеніе тигра разогнало сонъ почти у всѣхъ; велись безконечные разсказы о той или другой встрѣчѣ съ грознымъ хищникомъ, пока, наконецъ, Морфей не осилилъ развязавшихся языковъ разскащиковъ и не закрылъ ихъ глаза своей мягкой, снотворной рукой. Уснули всѣ; въ фаньцзѣ наступила мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая или дикимъ бредомъ чрезмѣрно опьяненнаго опіумомъ работника, или же тяжелымъ, грузнымъ ворочаніемъ съ боку на бокъ маньцзи, отлежавшаго себѣ бока на жесткихъ нарахъ.

Въ самую глубокую ночь, когда всѣ спали особенно сладко и крѣпко, раздался на дворѣ пронзительный, рѣзкій, болѣзненный крикъ какого-то домашняго животнаго, но трудно было разобрать, какого именно, и вслѣдъ затѣмъ послышалось встревоженное топанье, стоявшаго подъ навѣсами, рабочаго скота. Всѣ маньцзи вскочили съ наръ, какъ ошпаренные, и съ крикомъ „ламаза, ламаза!“ начали въ полутемнотѣ разбирать находившееся подъ руками оружіе. Встревоженные криками, вскочили и мы; солдаты вооружились имѣвшимися при нихъ

*) Ламаза—Тигръ.

винтовками; я схватилъ свою двустволку; Вороновъ снялъ со стѣны длинное, заплатанное ружье, и всѣ бросились, полуодѣтые, къ дверямъ и окнамъ. Переполохъ въ фаньцзѣ царствовалъ невообразимый; всѣ суетились безъ толку и не знали, что предпринять: выйти на дворъ никто не рѣшался, опасаясь непріятной встрѣчи съ голоднымъ хищникомъ. Прорвавъ промасленную бумагу, замѣняющую въ окнахъ стекла, я быстро оглядѣлъ обширный дворъ и первое время ничего не могъ разобрать, но слышалъ только суетливый топотъ домашняго скота, забившагося въ самые отдаленные углы навѣсовъ. Луна склонилась уже за хребетъ и на дворѣ царствовала таинственная полутемнота іюльской ночи; не смотря на то, что мои глаза уже привыкли къ этой полутемнотѣ, я все-таки не могъ разглядѣть виновника ночнаго переполоха, хотя тщательно осматривалъ самые затаенные углы обширнаго двора. Слѣдуя моему примѣру, маньцзи, солдаты и Вороновъ прорвали бумагу во всѣхъ окнахъ и съ тревогой высматривали притаившагося гдѣ-то тигра. Было несомнѣнно, что хищникъ на дворѣ; сотни глазъ искали его съ самымъ упорнымъ вниманіемъ; послѣ долгаго всматриванья во всѣ закоулки застроеннаго фаньцзами пространства, нѣкоторые маньцзи разглядѣли въ самомъ отдаленномъ углу двора, за большой рабочей телѣгой, какую-то неподвижную, темную массу; не долго думая, направлено было въ эту массу болѣе десятка винтовокъ и фитильныхъ ружей, раздался гремучій, неровный залпъ, тотчасъ же заглушенный болѣзненнымъ, дикимъ, грознымъ рычаніемъ; темная масса оживилась, сдѣлала на средину двора нѣсколько гигантскихъ, неровныхъ прыжковъ и упала въ десяти шагахъ отъ фаньцзы; удачный залпъ смертельно ранилъ ночнаго хищника, и онъ корчился передъ нашими глазами въ послѣднихъ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

Вполнѣ убѣдившись, что грозный звѣрь бездыханенъ, мы вышли на дворъ и вытащили окровавленный трупъ тигра за ворота, чтобы нѣсколько успокоить сильно

встревожившійся домашній скотъ. Жертвой хищника сдѣлался годовалый теленокъ, найденный нами еще непочатымъ въ томъ углу двора, гдѣ лежалъ притаившійся звѣрь.

VII.

Наканунѣ одного изъ праздничныхъ дней, Вороновъ предложилъ мнѣ сходить съ нимъ на охоту, обѣщая указать мѣста, особенно богатыя фазанами и козами. Я съ удовольствіемъ принялъ это соблазнительное предложеніе и съ вечера уже началъ готовиться къ предстоящей охотѣ.

Мы вышли съ фермы съ восходомъ солнца; намъ предстояло перебраться на другой берегъ рѣки Сучанъ, въ этомъ мѣстѣ довольно узкой, мелководной и перерѣзанной частыми, широкими, перекатами. При помощи послѣднихъ, мы перешли Сучанъ, едва замочивъ голенища сапогъ. Мелкая галька, собранная быстрымъ теченіемъ въ плоскія гряды, образовала прекрасные броды, удобные для переѣзда даже въ рессорныхъ экипажахъ. Гряды эти почти ежегодно мѣняютъ свое положеніе, перемѣщаясь то вверхъ, то внизъ по теченію рѣки; перемѣщенія эти происходятъ во время полноводья, когда массы гальки, песку и глины несутся быстрымъ потокомъ къ устью рѣки и нерѣдко образуютъ перекаты въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ прошлый годъ глубина мѣрилась саженями.

Перебравшись на другой берегъ Сучана, мы пошли слегка волнистой мѣстностью къ едва виднѣвшейся вдали темной пади; въ послѣдней, по словамъ Воронова, производилась хищническая разработка богатой золотой розсыпи и не менѣе хищническая добыча дубовыхъ грибовъ, имѣющихъ очень хорошій сбытъ на китайскихъ рынкахъ. Грибной промыселъ производился мѣстными маньцзами, не смотря на неоднократныя запрещенія администраціи, видѣвшей въ этомъ промыслѣ нещадное

истребленіе прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ. Благодаря отдаленности сучанскихъ маньцзъ отъ административнаго ока, нѣтъ физической возможности прекратить вредный грибной промыселъ *), и съ каждымъ годомъ постепенно оголяются скаты хребтовъ и холмовъ, еще недавно покрытые великолѣпными дубовыми рощами. Когда мы подошли къ пади, то я положительно ужаснулся представившейся мнѣ картиной хищнаго истребленія лѣсовъ; всѣ скаты холмовъ были буквально завалены срубленными роскошными дубами, простиравшими къ небу свои изсохшія, почернѣвшія вѣтви; всюду торчали одинокіе, безобразные, обгорѣлые пни. Видно было, что, кромѣ хищническихъ человѣческихъ рукъ, недавно свирѣпствовалъ здѣсь другой бичъ лѣсныхъ богатствъ края—лѣсной пожаръ.

Въ самой глубинѣ пади тихо журчалъ быстрый, золотоносный ручей, на высокихъ, обрывистыхъ берегахъ котораго были разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ до десятка дырявыхъ шалашей; до полсотни китайцевъ рылись въ отвѣсныхъ берегахъ ручья и промывали золотоносную землю тутъ же, стоя по колѣна въ водѣ. При нашемъ приближеніи, хищники-золотоискатели нѣсколько встревожились; но замѣтивъ, что насъ только двое, тотчасъ же успокоились и опять принялись за прерванныя золотопромышленныя работы. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на грязныхъ, до нельзя загорѣлыхъ, копошившихся въ ручьѣ, хищниковъ, вся одежда

*) Грибной промыселъ состоитъ въ томъ, что ежегодно валятъ громадное число дубовыхъ деревьевъ, на которыхъ, какъ только они начинаютъ гнить, появляются слизистые, безформенные, тонкіе, чернаго цвѣта наросты (мурръ). Наросты эти срѣзаютъ и сушатъ въ особо устроенныхъ сушильняхъ; они считаются у китайцевъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ и лакомыхъ кушаньевъ и цѣнятся довольно дорого; за каждый пудъ подобныхъ высушенныхъ грибовъ платятъ на китайскихъ рынкахъ отъ десяти до пятнадцати серебряныхъ рублей. Маньцзи, уничтоживъ въ теченіи пяти-шести лѣтъ, въ окрестностяхъ своихъ фаньцзъ, всѣ дубовыя рощи, обыкновенно перекочевываютъ на новыя мѣста, еще богатыя дубомъ. Такимъ образомъ роскошныя дубовыя рощи истребляются въ Уссурійскомъ краѣ методически и безъ всякой пощады.

которыхъ состояла только изъ короткихъ холщевыхъ штановъ и большихъ, грубыхъ, соломенныхъ шляпъ; растрескавшіяся, обвѣтренныя, сухія лица ихъ смотрѣли сосредоточенно-угрюмо, непривѣтливо и недовольно; медленно, какъ-то вяло, двигали они своими небольшими граблями, зорко наблюдая, какъ скоплялись у порога промывнаго желоба мелкія золотыя крупинки, постепенно очищаемыя водой отъ разной мути и песка. Повидимому, золотопромывныя работы начались здѣсь недавно и производились на очень незначительномъ протяженіи ручья; вѣроятно, розсыпи не были на столько богаты, чтобы привлечь большее число золотоискателей, чтобы возбудить въ окрестности живущихъ маньцзахъ болѣе или менѣе сильную золотую лихорадку.

Подымаясь вверхъ по пади, мы дошли, наконецъ, до мѣста, особенно излюбленнаго фазанами. Высокая, густая трава покрывала медленно возвышавшіеся скаты холмовъ роскошнымъ, мягкимъ ковромъ; то здѣсь, то тамъ стояли одинокіе, пышные дубы, окруженные густымъ, трудно проходимымъ подлѣскомъ, состоящимъ изъ разнообразныхъ, широко разросшихся, кустарниковъ.

Мы были безъ собакъ, этихъ крайне необходимыхъ помощниковъ при охотѣ на фазановъ, и съ перваго же момента стали испытывать большія неудачи, не смотря на то, что мѣстность положительно кишѣла фазанами. Осторожная, чуткая птица таилась отъ насъ со всѣми задатками трусливой куриной породы; забравшись въ густую траву, фазаны положительно замирали, запрятавъ головы въ какое-нибудь особенно укромное мѣстечко; спугнуть подобно затаившуюся птицу было возможно только въ томъ случаѣ, когда приходилось чуть-ли не наступать на нее. Въ эти исключительные случаи, фазаны вылетали изъ подъ самыхъ ногъ, цѣлыми выводками, съ такимъ оглушительнымъ крикомъ и шумомъ, съ такой неожиданностью, что я невольно останавливался въ недоумѣніи: по которому стрѣлять? Благодаря этому недоумѣнію, фазаны успѣвали до выстрѣла

отлетать на значительное разстояніе и опять прятаться въ густой травѣ. Съ трудомъ освоился я съ оригинальными деталями фазаньей охоты безъ собаки и сталъ относиться къ этимъ неожиданнымъ вылетамъ съ должнымъ хладнокровіемъ. Охота пошла успѣшнѣе, и уже черезъ часъ висѣли у меня на поясѣ восемъ штукъ прелестнѣйшихъ фазановъ. Вполнѣ довольные результатами охоты и сильно утомившись тяжелой ходьбой по высокой, густой травѣ, среди разросшихся кустарниковъ, мы рѣшили расположиться на отдыхъ, закусить и, послѣ спада жары, возвратиться домой. Высматривая съ вершины холма наиболѣе привлекательное, удобное мѣсто для отдыха, я замѣтилъ у его подошвы остроконечный, берестяной шалашъ, пріютившійся подъ роскошнымъ, широко раскинувшимся дубомъ, вблизи небольшаго, быстраго, горнаго ручья. Не было сомнѣнія, что передъ нами стоялъ убогій шалашъ бродячихъ орочонъ. Я давно искалъ случая познакомиться съ этими дикарями, стоящими на самой низкой ступени умственнаго развитія, а потому, не долго думая, началъ сходить съ холма къ легкому, жалкому жилищу орочонъ. При нашемъ приближеніи, на насъ бросились съ сердитымъ лаемъ двѣ мохнатыя, тощія собаки, до того времени лѣниво грѣвшіяся на солнцѣ. Мы были принуждены отбиваться отъ нихъ прикладами. Наконецъ, онѣ угомонились и опять улеглись на прежнее мѣсто, вполнѣ повидимому, удовлетворенныя, какъ полученными отъ насъ ударами, такъ и своимъ непстовымъ, ожесточеннымъ извѣщеніемъ хозяевъ о прибытіи незнакомыхъ гостей.

Я вошелъ въ шалашъ и засталъ орочонское семейство, состоящее изъ отца, матери и трехъ до нельзя грязныхъ, совершенно голыхъ дѣтей, за приготовленіемъ своей незатѣйливой ѣды. Посреди шалаша пылалъ костеръ, наполняя его удушливымъ, густымъ дымомъ; орочоны жарили на угольяхъ, каждый для себя большіе куски свѣжей оленины. При входѣ моемъ, всѣ

что-то забормотали на своемъ непонятномъ языкѣ, мелькомъ взглянули на меня и, затѣмъ, нисколько не интересуясь уже мной, продолжали свою грязную стряпню. Повидимому, мы произвели на дикарей еще меньшее впечатлѣніе, чѣмъ на ихъ собакъ.

Глядя на крайне нечистоплотныхъ, забитыхъ орочонъ, едва прикрытыхъ какими-то вонючими рубищами, я невольно ужасался, какая незначительная разница между этими несчастными, тупыми дикарями и ихъ собаками. Живя въ душныхъ, смрадныхъ, дымныхъ шалашахъ, чуждаясь всякаго общенія съ подобными себѣ и не имѣя никакихъ человѣческихъ стремленій и чувствъ, орочоны подходятъ скорѣе къ животнымъ, чѣмъ къ человѣку. Всѣ ихъ умственныя способности сосредоточены только на ѣдѣ и снѣ. Обыкновенно, орочонъ, убивъ какого-нибудь звѣря, перекочевываетъ со всѣмъ семействомъ къ тому мѣсту и не выходитъ изъ своего жалкаго шалаша до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ всей своей добычи. Онъ идетъ опять на охоту не раньше, какъ самъ захочетъ ѣсть, нисколько не заботясь о своемъ семействѣ; послѣднее нерѣдко полуголодаетъ по нѣсколько дней и, поджидая главу семейства съ добычей, питается только протухлой сушеной рыбой, заготовляемой обыкновенно на цѣлый годъ, или-же ягодами и грибами. За то какой праздникъ для всѣхъ, когда отецъ принесетъ кабана или оленя; все семейство немедленно распластываетъ звѣря и каждый для себя начинаетъ поджаривать на угольяхъ любой кусокъ. Полусырое мясо поглощается въ страшной пропорціи; ѣдятъ безъ мѣры, до тѣхъ поръ, пока куски начнутъ останавливаться въ горлѣ. Наѣвшись, всѣ ложатся спать и спятъ до того времени, пока не захотятъ опять ѣсть. Какъ только добыча съѣдается, мужъ уходитъ на охоту, а мать съ дѣтьми остается въ шалашѣ безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій. Отношенія родителей къ дѣтямъ чисто животныя; послѣднія ростутъ въ невообразимой грязи, безъ всякаго присмотра и ухода.

Особенныхъ потребностей у бродячихъ орочонъ нѣтъ; они, какъ всѣ дикари, имѣютъ сильное пристрастіе только къ крѣпкимъ напиткамъ; за водку они готовы отдать все, что у нихъ есть, даже жену и дѣтей; только водка заставляетъ ихъ заниматься соболинымъ промысломъ, чтобы имѣть предметъ для мѣновой торговли. Изъ этой страсти дикарей маньцзи извлекаютъ для себя громадныя выгоды: они эксплоатируютъ ихъ еще съ большей недобросовѣстностью, чѣмъ гольдовъ. Каждый маньцза, имѣющій въ карманѣ нѣсколько рублей, именуетъ уже себя купцомъ и прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы обобрать неразвитаго, довѣрчиваго дикаря. За каждую бутылку водки, собственнаго изготовленія онъ требуетъ соболя, а при случаѣ и двухъ.

Невыносимый смрадъ подгорѣлаго мяса и ѣдкій дымъ костра заставили меня выйти изъ шалаша и расположиться для отдыха на открытомъ воздухѣ. Вороновъ уже успѣлъ развести костеръ и повѣсить надъ нимъ свой походный чайникъ. Мы пробыли подъ дубомъ болѣе трехъ часовъ, и во все это время ни одинъ изъ обитателей шалаша не выглянулъ на свѣтъ Божій, не поинтересовался, что подѣлываютъ возлѣ нихъ непрошенные гости. Поѣвши всѣ легли спать въ повалку, на какую-то вонючую рухлядь и звѣриныя шкуры. Даже собаки оставили свои мѣста на солнцѣ, забрались въ шалашъ и улеглись рядомъ съ хозяевами. Въ жалкомъ жилищѣ наступила мертвая тишина. Съ тяжелымъ чувствомъ смотрѣлъ я на это переносное убѣжище и невольно представлялась мнѣ зима, съ ея стужей, выогами и непогодой. Трудно даже представить, что испытываютъ дикари, едва прикрытые звѣриными шкурами, въ зимнее время, въ своихъ легкихъ, берестяныхъ шалашахъ, черезъ каждую щель которыхъ бьетъ струя сильнаго мороза. Грустно становится, что мы, владѣя краемъ болѣе двадцати лѣтъ, ничего не сдѣлали для этихъ несчастныхъ, жалкихъ людей; мы не выполнили своей цивилизаторской, культурной миссіи, хотя нрав-

ственно были обязаны это сдѣлать. Надо помнить, что бродячіе орочоны способны къ усвоенію высшихъ формъ жизни; осязательнымъ доказательствомъ этой способности служитъ то обстоятельство, что часть дикарей уже подчинилась цивилизующему вліянію мѣстныхъ китайцевъ, бросила свою бродячую жизнь и занялась дѣломъ болѣе культурнымъ, чѣмъ звѣриная охота. Осѣдлые орочоны настолько уже культивировались, что ихъ нерѣдко смѣшиваютъ съ китайцами, у которыхъ они восприняли способъ обработки полей, постройку жилищъ, одежду, языкъ, даже нѣкоторые обычаи и вѣрованія.

Мы двинулись въ обратный путь около шести часовъ, когда дневной жаръ значительно спалъ. Вороновъ повелъ меня кратчайшимъ путемъ, въ обходъ громоздящихся передъ нами холмовъ. На полпути мы наткнулись на длинную, высокую (до двухъ аршинъ вышиной) засѣку, устроенную маньцзами изъ массы поваленныхъ деревьевъ для ловли звѣрей при помощи ямъ *); послѣднія были вырыты на всемъ протяженіи засѣки, черезъ каждыя десять саженъ. Я нарочно полюбопытствовалъ, насколько богата въ нихъ добыча, и положительно ужаснулся тому страшному вреду, который приносятъ краю звѣровыя ямы. Почти въ каждой ямѣ сидѣлъ какой-нибудь пойманный звѣрь: коза, кабанъ, олень, енотъ или лисица. Въ одной изъ ямъ большой олень, упавшій, вѣроятно, послѣднимъ, сильно придавилъ молодую лисицу, которая лежала на днѣ совсѣмъ распластавшись и заявляла о своемъ существованіи только едва слышнымъ, жалобнымъ стономъ.

---

*) Звѣровыя ямы роются обыкновенно отъ 10 до 14 ф. глубиной съ широкимъ основаніемъ и менѣе широкимъ отверстіемъ, такимъ образомъ бока ямы наклонны, что дѣлаетъ выходъ изъ нихъ положительно невозможнымъ. Отверстіе закладывается сухой травой, такъ что ловушка совсѣмъ незамѣтна; передъ ямой вбиваютъ, сверхъ того, рядъ кольевъ, на которые кладется жердь для того, чтобы заставить звѣря сдѣлать скачекъ, вслѣдствіе котораго пробивается покрышка ямы, и звѣрь падаетъ на дно.

Я насчиталъ болѣе пятидесяти ямъ, а сколько тысячъ ихъ разбросано по всему краю. Маньцзи-звѣропромышленники эксплоатируютъ животное богатство края съ такой безстыдностью, что въ мѣстахъ, еще недавно богатыхъ разнообразнымъ звѣремъ, начинаютъ уже отсутствовать представители той или другой породы. Ради пары пантовъ *), маньцзи готовы истребить тысячу головъ самаго разнообразнаго звѣря; на всѣхъ звѣровыхъ тропинкахъ они роютъ несмѣтное количество ямъ, занимающихъ иногда площадь въ сотню квадратныхъ верстъ.

Трудно даже вообразить, какое необъятное количество звѣря пропадаетъ даромъ въ этихъ звѣровыхъ ямахъ; звѣроловъ ищетъ только самцовъ пятнистыхъ оленей и изубровъ **); все остальное не удостоивается его вниманія. Маньцзи постоянно роютъ все новыя и новыя ямы, причемъ старыя не зарываются и безслѣдно губятъ массу звѣрей.

VIII.

Наступила осень, заставшая меня при истокахъ рѣки Сучанъ. Фаньцзы начали наполняться пришлымъ сбродомъ, окончившимъ свои лѣтнія, промысловыя работы; прежде прибыли ловцы морской капусты, прекратившіе свой промыселъ по случаю наступившихъ вѣтряныхъ дней; за ними начали постепенно прибывать, съ болѣе или менѣе богатой добычей, хищники-золотоискатели, самые отчаянные китайскіе бродяги, готовые за деньги

*) Пантами (по китайски Лу-жцимъ) русскіе называютъ молодые оленьи и изубровые рога; китайцы изготовляютъ изъ нихъ оживляющее, крѣпительное лекарство для слабыхъ и разстроенныхъ организмовъ. Пара пантовъ цѣнится, смотря по достоинству, отъ полутораста до трехъ сотъ серебряныхъ рублей.

**) Пойманныхъ въ ямахъ самцовъ пятнистыхъ оленей и изубровъ маньцзи приводятъ домой живыми, держатъ ихъ въ особыхъ стойлахъ и кормятъ сѣномъ до тѣхъ поръ, пока не спадутъ у нихъ старыя рога и замѣнятся новыми (пантами).

на всякое дѣло и преступленіе. Неспособные ни къ какому честному и постоянному труду, развращенные низкой страстью къ золоту, хунхузы внесли въ фаньцзы праздную, разгульную жизнь, полную всевозможнаго разврата и дикихъ оргій. Большую часть времени золотоискатели проводили за картежной игрой, которой они предавались съ грубой, дикой страстью невѣжественныхъ, глубоко развращенныхъ натуръ. Играли всѣ, кто только имѣлъ въ карманѣ хотя крупинку золота или серебряный рубль, играли дни и ночи, почти безъ отдыха. Дикая жажда легкой наживы охватила всѣхъ въ такой сильной степени, что для картъ забыта была даже ѣда. Картежная игра уравняла всѣхъ; играли богатые хозяева, играли поденьщики, заработавшіе въ теченіи лѣта всего нѣсколько рублей, играли, наконецъ, нищіе, все имущество которыхъ, заключалось въ грязныхъ, отвратительныхъ рубищахъ. Къ общей игрѣ допускались всѣ безъ исключенія; принималась всякая ставка, начиная отъ горсти золота и кончая свободой человѣка, начиная отъ богатой фаньцзы и кончая вонючимъ, пятнымъ рубищемъ. Золото, серебро, фаньцзы со всѣмъ имуществомъ, хозяйственныя принадлежности и рубища переходили изъ рукъ въ руки съ дьявольской быстротой; въ сутки богачъ дѣлался нищимъ и закабаливалъ себя чуть-ли не въ вѣчные работники, нищіе дѣлались счастливыми обладателями тысячнаго имущества, золота, рабочихъ, а въ слѣдующую ночь опять одѣвали свои грязныя рубища и ставили на карту свою свободу съ той же дикой страстью, съ той же необузданной жаждой вернуть бывшія въ ихъ рукахъ богатства... Въ фаньцзахъ день и ночь гремѣла неумолкаемая, дикая ругань картежниковъ, нерѣдко переходившая въ безобразную драку. Положеніе мое при подобныхъ условіяхъ было крайне невыносимо; я отдыхалъ только въ тѣ часы, когда ходилъ съ работой по окрестностямъ. Какъ былъ я радъ, когда наступилъ счастливый день окончанія моихъ работъ на Сучанѣ, и я двинулся со своимъ небольшимъ

отрядомъ къ истокамъ рѣки Дауби-хе, заселеннымъ лучшимъ послѣ корейцевъ контингентомъ инородческаго населенія края — гольдами.

Я попалъ къ гольдамъ въ самое горячее для нихъ время промысловыхъ работъ. Всѣ мужчины ушли на звѣриный промыселъ и рыбную ловлю; въ фаньцзахъ остались только женщины, дѣти и старики, неспособные къ тяжелой промысловой работѣ. Я остановился въ фаньцзѣ довольно зажиточнаго гольда Кучана, рекомендованнаго мнѣ Вороновымъ, какъ человѣкъ въ высшей степени гостепріимный, радушный и привѣтливый. Самъ Кучанъ былъ на промыслѣ съ остальными гольдами деревни; тѣмъ не менѣе, я былъ встрѣченъ его семействомъ съ радушіемъ, глубоко тронувшимъ меня. Больше всѣхъ хлопоталъ о моихъ удобствахъ отецъ Кучана, высокій, сгорбленный старикъ, немного объяснявшійся по-русски и чувствующій, повидимому, къ русскимъ большую симпатію.

— Руска, руска, — радостно шамкалъ онъ своимъ беззубымъ ртомъ, встрѣчая меня въ дверяхъ фаньцзы и кланяясь мнѣ низко, но безъ подобострастія и заискиванія: — Руска хорошъ, шибко хорошъ... Кучанъ радъ будетъ, что руска въ наша фаньцза пришелъ. Мой видитъ — ты найянъ (начальникъ) и добрый найянъ... Иди въ фаньцза и сдѣлайся гость нашъ... Спасибо, другъ Вороновъ, — обратился старикъ къ моему проводнику, къ своему старому знакомому: — что свой найянъ къ намъ привелъ; наши всѣ рады и Кучанъ радъ будетъ. Онъ тоже твоя благодарить будетъ.

Я вошелъ въ чистую, большую фаньцзу, совершенно подобную китайской, какъ своимъ внутреннимъ расположеніемъ, такъ и архитектурой. Она отличалась отъ послѣдней только домовитостью, чистотой и полнымъ отсутствіемъ того непріятнаго, кислаго запаха, присущественнаго всѣмъ китайскимъ жилищамъ вообще. Въ фаньцзѣ я былъ встрѣченъ женой Кучана, еще молодой, довольно симпатичной женщиной, не смотря на наискось про-

рѣзанныя глаза и сильно выдающіяся скулы. На полу фаньцзы играли съ большой, мохнатой собакой четверо смуглыхъ, быстроглазыхъ дѣтей; при нашемъ входѣ послѣднія прекратили на время свою возню и начали осматривать насъ съ дѣтскимъ, наивнымъ любопытствомъ, нисколько, повидимому, не смущаясь оригинальной наружностью пришельцевъ. Жена Кучана проговорила на китайскомъ языкѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ и просила меня расположиться въ фаньцзѣ ея мужа какъ у себя дома.

Черезъ нѣсколько минутъ внесли мои вещи, и я началъ доставать изъ своего походнаго, парусиннаго чемодана всѣ необходимые аксессуары для предстоящаго чаепитья. Прежде всего я вытащилъ чай и сахаръ, затѣмъ стаканы, ложки и, наконецъ, американскіе бѣлые сухари. Дѣти, замѣтивъ мою возню съ чемоданомъ, оставили въ покоѣ свою мохнатую, добрую собаку и окружили меня съ дѣтской, наивной довѣрчивостью; они слѣдили за всѣми моими движеніями быстрыми, блестящими глазенками; они стояли молча, полуоткрывъ свои маленькіе рты, съ какимъ-то милымъ недоумѣніемъ; ихъ, видимо, поражала каждая новая вещица и они внимательно старались прослѣдить, что я буду съ нею дѣлать. Нѣсколько разобравшись, я далъ каждому ребенку по куску сахару и бѣлому сухарю; смѣло принявъ изъ моихъ рукъ лакомые подарки, дѣти взглянули на меня съ недоумѣніемъ, словно удивляясь моей неожиданной щедрости, и бросились вдругъ къ хлопотавшей у печи матери, оглашая фаньцзу веселыми криками. Каждый изъ нихъ что-то лепеталъ матери, стараясь поднести къ ея рту полученные отъ меня сухари и сахаръ; мать съ ласковой улыбкой гладила дѣтей по головѣ и съ нѣжностью говорила каждому: „Ѣшьте, ѣшьте, сами—мать не хочетъ"!

Отъ матери дѣти бросились къ дѣду, починявшему на нарахъ рыболовную снасть, отъ дѣда—къ мохнатой собакѣ, развалившейся передъ открытой дверью. Пови-

димому, они желали подѣлиться своей радостью, по случаю полученія вкуснаго подарка, со всѣми обитателями фаньцзы. Эта искренняя, дѣтская радость, этотъ нѣжный дѣлежъ полученныхъ сухарей съ матерью, дѣдомъ и даже съ собакой, обратили мое вниманіе на семейныя отношенія гольдовъ, и я долженъ сказать, что лучшихъ отношеній требовать положительно нельзя. Между родителями и дѣтьми существуетъ самая тѣсная связь, поддерживаемая горячей любовью. Гольдъ счастливъ только тогда, когда жена и дѣти его пользуются извѣстнымъ достаткомъ; онъ готовъ отказать себѣ во всемъ, чтобы доставить своей семьѣ какой-нибудь лакомый кусокъ. Въ сношеніяхъ съ дѣтьми у гольдовъ замѣчается искренняя теплота, добродушіе, кротость и заботливость. За все это дѣти отвѣчаютъ родителямъ, до самой ихъ смерти, не менѣе горячей любовью и полнымъ уваженіемъ. Сынъ считаетъ себя нравственно обязаннымъ обставлять жизнь своихъ престарѣлыхъ родителей всѣми необходимыми удобствами, не требуя за то отъ нихъ никакой, даже самой легкой, работы. Старикъ-гольдъ живетъ на полномъ покоѣ нерѣдко десятки лѣтъ и умираетъ, какъ патріархъ, окруженный любящими и искренно огорченными его смертью дѣтьми, внуками и нерѣдко правнуками.

IX.

— Петръ Александровичъ, хотите посмотрѣть, какъ тутъ одинъ гольдъ шаманитъ?—спросилъ меня разъ вошедшій въ фаньцзу Вороновъ, когда я сидѣлъ передъ своимъ неизмѣннымъ планшетомъ и дѣлалъ необходимые наброски моей суточной работы.

Предложеніе моего проводника было настолько соблазнительно, что я тотчасъ же отложилъ въ сторону сильно надоѣвшій мнѣ планшетъ и изъявилъ полное согласіе слѣдовать за Вороновымъ.

Мы вышли на дворъ и стали пробираться къ отдѣльно стоявшей небольшой фаньцзѣ, въ которой, по словамъ Воронова, жилъ гольдъ-шаманъ. Солнце уже зашло и наступилъ ясный, осенній вечеръ; полная луна величественно плыла по темно-синему небосклону, усѣянному милліонами блестящихъ звѣздъ.

— Настоящій шаманъ твой гольдъ? — спросилъ я Воронова.

— Говорятъ, что настоящій, а Богъ его знаетъ, — отвѣтилъ онъ:—Одно скажу, что не всегда онъ шаманитъ, какъ захотятъ, а шаманитъ случаемъ, когда найдетъ на него стихъ такой, какое-то одурѣніе. Въ такую минуту онъ дѣлается самъ не свой; со стороны смотрѣть—настоящій сумасшедшій.

— Съ чего же онъ началъ сегодня шаманить?

— Не могу этого сказать. Вышелъ это я изъ фаньцзы, вдругъ слышу кто-то выкрикиваетъ: то звѣремъ всякимъ, то птицей, то волкомъ завоетъ, то пѣтухомъ закричитъ, то медвѣдемъ зарычитъ. Смотрю, спѣшатъ къ той фаньцзѣ всѣ бабы деревни; за ними старики поплелись, а впереди всѣхъ ребятишки, словно на представленіе какое торопятся. Ну, думаю, вѣрно Иванъ шаманитъ (я зналъ, что шаманъ Иванъ здѣсь съ коп вѣковъ живетъ), да и пошелъ посмотрѣть. Поглядѣлъ это я въ окошко: дѣйствительно, Иванъ шаманилъ, ну и поспѣшилъ за вами, можетъ и интересно вамъ покажется. Пойдемте, пока не кончилъ.

Мы вошли въ фаньцзу, почти биткомъ набитую старикамп-гольдами, женщинами и дѣтьми; всѣ окружили высокаго сухого гольда, наряженнаго въ полный шаманскій костюмъ, и съ суевѣрнымъ ужасомъ внимательно слѣдили за его кривляніями и дикими скачками вокругъ разведеннаго на земляномъ полу костра. Шаманъ находился въ высшей степени въ возбужденномъ состояніи; съ распущенными длинными волосами онъ метался передъ костромъ, словно угорѣлый, дико потрясая бубнами, увѣшанными бубенчиками и металличе-

скими изображеніями рыбъ, змѣй и птицъ; изрѣдко онъ ударялъ въ бубны деревяннымъ валькомъ, причемъ начиналъ завывать волкомъ, шипѣть змѣей, кричать пѣтухомъ, филиномъ и вороной. При каждомъ движеніи шамана, одежда его, состоящая изъ узкихъ, длинныхъ ремешковъ съ нанизанными на нихъ желѣзками, въ видѣ змѣй, птицъ и рыбъ, издавала странный металлическій звукъ, вполнѣ гармонировавшій дикому воплю изступленнаго гольда. Я все время наблюдалъ за шаманомъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что передо мной былъ не шарлатанъ, пользующійся суевѣріемъ своихъ собратовъ, а дѣйствительно больной человѣкъ, съ громадной впечатлительностью и крайней раздражительностью всей нервной системы.

Иванъ дошелъ, въ концѣ-концовъ, до такого неистовства и бѣшенства, что присутствующіе должны были сдерживать его, чтобы онъ не спалилъ себя на кострѣ; онъ вопилъ, прыгалъ, кружился, билъ въ бубны съ какимъ-то не человѣческимъ изступленіемъ; черные глаза его бросали молніи и горѣли такимъ сильнымъ, лихорадочнымъ огнемъ, что не было возможности выдержать его пронизывающіе насквозь взгляды.

Но вотъ шаманъ началъ замѣтно утомляться; вопли сдѣлались хриплыми; грудь вздымалась судорожно и высоко; съ зеленовато-блѣднаго лица его падали крупныя капли пота. Прошла еще минута, и Иванъ остановился въ изнеможеніи передъ костромъ, бросилъ на землю свой валекъ и, вперивъ въ него дикіе, воспаленные глаза, началъ что-то бормотать. Въ этомъ дикомъ бормотаніи присутствующіе ловили всевозможныя предсказанія, какъ относительно скораго возвращенія съ промысла мужей, братьевъ и сыновей, такъ и объ ожидающихъ то или другое гольдское семейство напастяхъ или благѣ.

Я вернулся въ фаньцзу въ сильно возбужденномъ состояніи; напрасно старался я уснуть, напрасно силился забыть только что видѣнное мною религіозное

изступленіе несчастнаго фанатика. Далеко за полночь мнѣ все чудились дикія кривлянья шамана, слышались его раздирающіе душу вопли и заклинанія, его нечеловѣческія рычанія и вой. Первое время эти кривлянія и заклинанія казались мнѣ какой-то непріятной комедіей, разыгрываемой передъ невѣжественной, суевѣрной толпой; но, вникнувъ хорошенько въ религіозныя воззрѣнія послѣдователей шаманства и разобравъ подробнѣе всѣ дѣйствія шамана, я долженъ былъ сознать, что во всемъ, видѣнномъ мною, нѣтъ и признака какого-либо физіологическаго и патологическаго явленія. Напротивъ, все говорило за то, что шаманство Ивана было явленіемъ исключительно психологическимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что среди шамановъ не мало шарлатановъ, морочащихъ невѣжественныхъ собратовъ, но нельзя отрицать, что истинный шаманъ совершаетъ свои заклинанія, дѣлаетъ всевозможныя предсказанія помимо своей воли, подъ давленіемъ своей впечатлительности и раздраженія нервной системы. Вѣдь наука до сихъ поръ еще не опредѣлила, гдѣ граница вліяній внѣшней природы на человѣческій организмъ, гдѣ предѣлъ впечатлительности и раздражительности нервной системы, вызывающихъ проявленія, кажущіяся нерѣдко чудесными и сверхъ естественными. Вся шаманская религія основана на сверхъ естественныхъ явленіяхъ, недоступныхъ для человѣческаго ума; по мнѣнію послѣдователей шаманства, весь міръ, воздухъ, горы, лѣса, планеты, воды и внутренность земли переполнены легіонами злыхъ и добрыхъ духовъ, ведущихъ между собой вѣчную, неустанную борьбу. Не смотря не всю силу и могущество добрыхъ духовъ, послѣдніе не могутъ побороть вліяніе злыхъ духовъ, всюду первенствующихъ, благодаря своему численному превосходству. Куда бы послѣдователь шаманства ни пошелъ, за какое бы дѣло ни взялся, всюду онъ видитъ вліяніе злыхъ духовъ, противъ котораго можно бороться только при помощи людей, обладающихъ извѣстнымъ знаніемъ, недоступнымъ

для обыкновеннаго человѣческаго ума. Такихъ необходимыхъ людей олицетворяютъ въ себѣ шаманы, мѣстные жрецы кудесники, могущіе, при помощи волшебства и заклинаній, не только охранить послѣдователей шаманства отъ воображаемыхъ злыхъ духовъ, но даже предугадать ихъ пагубныя дѣйствія. Впрочемъ, сила шамана въ борьбѣ со злыми духами имѣетъ свои предѣлы; иногда духи ужасаются заклинаній и оставляютъ въ покоѣ тѣхъ, кого начали мучить своими темными происками, но чаще всѣ эти заклинанія не приносятъ желаемой пользы, и тогда послѣдователи шаманства обращаются съ мольбой о заступничествѣ къ добрымъ духамъ. Послѣдніе только уменьшаютъ вліяніе злыхъ духовъ на человѣка, но уничтожить его совсѣмъ — не въ силахъ.

Такимъ образомъ послѣдователь шаманства проводитъ свою жизнь въ вѣчной борьбѣ со злыми духами, силу которыхъ онъ осязаетъ не только во всѣхъ явленіяхъ природы, но даже въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ жизни. Заблудился, напримѣръ, шаманистъ, онъ увѣряетъ, что его завелъ злой духъ — хозяинъ лѣса; опрокинуло волной оморочку *), ему кажется, что на него обозлился другой злой духъ—хозяинъ воды, загорѣлась его фаньцза, видитъ онъ дурной сонъ, промахнулся-ли на охотѣ по оленю или козѣ,—во всемъ виноваты злые духи, хозяева различныхъ предметовъ природы.

Такимъ образомъ каждое явленіе природы, каждая форма міровой жизни имѣютъ, по мнѣнію шаманиста, своего духа-хозяина, которому необходимо поклоняться и умилостивлять его разными жертвами.

Духи преслѣдуютъ шаманиста не только въ настоящей, но даже и въ загробной жизни; душа каждаго умершаго непремѣнно должна попасть въ адъ, гдѣ ее будутъ терзать и мучить легіоны злыхъ духовъ; другой

*) Оморочку—легкая берестянная лодка.

загробной, счастливой жизни, по мнѣнію послѣдователей шаманства, не существуетъ. Кромѣ хозяевъ различныхъ предметовъ природы, шаманисты чуствуютъ еще души умершихъ людей и идоловъ, естественныхъ и искуственныхъ. Первые представляются обыкновенно живыми существами (медвѣдь, тигръ и другія животныя), а послѣдніе воздвигаются въ видѣ различныхъ изображеній, служащихъ только вмѣстилищемъ извѣстныхъ духовъ; такимъ образомъ шаманисты имѣютъ возможность входить съ духами въ непосредственныя сношенія черезъ идоловъ.

X.

Благодаря сразу наступившимъ морозамъ, я долженъ былъ прекратить свои работы и спѣшить на Уссури, чтобы не зазимовать въ захолустной, гольдской деревнѣ. По Дауби-хе пошла уже шуга, и со дня на день можно было ждать снѣга и настоящей зимы. Я оставилъ семейство Кучана съ искреннимъ сожалѣніемъ; въ теченіи двухъ-недѣльнаго пребыванія среди гольдовъ, я свыкся съ ихъ мирной, скромной жизнью, я нравственно отдохнулъ послѣ долгихъ, тяжелыхъ мѣсяцевъ; проведенныхъ мною среди китайскаго населенія края, оставившаго во мнѣ въ высшей степени дурное впечатлѣніе.

Я вышелъ изъ гольдской деревни въ ясное, морозное утро, провожаемый всей семьей Кучана, начиная со старика отца и кончая трехъ-лѣтней, бойкой, быстроглазой дочерью. Отецъ Кучана разстался съ нами съ особеннымъ сожалѣніемъ и передъ разлукой обратился ко мнѣ съ довольно оригинальной рѣчью.

— Зачѣмъ русска не любятъ гольдовъ? — спрашивалъ онъ меня, держа мою руку въ своихъ морщинистыхъ, мозолистыхъ рукахъ:—Вона, наши вашихъ и не видятъ совсѣмъ: ни купеца ни ходятъ, ни найяны знать насъ не хочутъ, а маньцзи, черти этакіе, шибко обижаютъ нашихъ и грабятъ... Что купишь у нихъ, за

все на грошь рубль барышъ имъ дай... Спроси любого гольда, каждый въ вѣчномъ долгу у маньцзи и никакъ выбиться не можетъ, а зарабатываютъ наши много: и соболей бьютъ, и рыбку ловятъ, и звѣря стрѣляютъ... Наши вотъ все думаютъ, что ваши найяны нарочно насъ въ кабалу маньцзи дали, потому гольды — бѣдный народъ и денегъ у нихъ мало... Правда-ли все это?..

Я постарался разъувѣрить добраго старика въ этомъ дикомъ предположеніи.

— И моя думаетъ, что неправду наши говорятъ— продолжалъ старикъ какъ-то неувѣренно:—такъ зачѣмъ ваши найяны въ обиду насъ маньцзи даютъ?.. Э... эхъ другъ Петра Александрычъ, скажи ты тамъ наибольшему найяну, чтобы о гольдахъ подумалъ, а то пропадутъ они совсѣмъ... Ты видалъ наше богатство, а Кучанъ самый богатый, а посмотрѣлъ бы ты, какъ другіе гольды живутъ: нищіе, совсѣмъ нищіе... Что ни заработаютъ на промыслѣ—все черту маньцзи несутъ за хлѣбъ, а сами голые, да фаньцзы на боку... Ловкіе, скажу тебѣ, эти маньцзи: сколько ни плати имъ— все гольды въ долгу у нихъ, и все-то этотъ долгъ растетъ. Умретъ, наконецъ, гольдъ—дѣти выплачивай долгъ и такъ, другъ Петра Александрычъ, безъ конца... Скажи ты, другъ, своимъ купецамъ, да найянамъ, чтобы о гольдахъ подумали; наши вѣдь народъ добрый и торговать умѣютъ честно... Прощай, другъ Петра Александрычъ, путь тебѣ хорошій; а какъ подойдешь къ Уссури, Кучана можетъ встрѣтишь—такъ скажи ему, что всѣ здоровы и ждутъ его домой... Э... эхъ!.. Прощай, другъ!...

Старикъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и, грустно поникнувъ сѣдой головой, заковылялъ къ своей фаньцзѣ. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ съ тяжелымъ чувствомъ; его простая, правдивая, грустная рѣчь произвела на меня удручающее впечатлѣніе; я услыхалъ отъ него тихую покорную жалобу на безъисходное положеніе его собратовъ; онъ высказалъ мнѣ простую, но трогатель-

ную, просьбу напомнить кому слѣдуетъ о гольдахъ и былъ, кажется, вполнѣ увѣренъ, что слово мое создастъ его собратамъ лучшую жизнь... „Бѣдный, добрый старикъ,—грустно думалъ я, пускаясь въ свой тяжелый путь:—не придется тебѣ испытать лучшей жизни!.. Умрешь ты въ кабалѣ, умрутъ въ кабалѣ твои дѣти, внуки, правнуки, и, можетъ быть, тогда только осуществится твоя теплая надежда на лучшія условія жизни твоихъ собратовъ... Ты унесъ, кажется, съ собой надежду, что я, былинка среди мощныхъ камней, могу пересоздать своимъ словомъ грустный, тяжелый строй жизни твоего закабаленнаго, забытаго народа... Надѣйся, добрый старикъ!.. Надежда поддержитъ тебя въ твои послѣдніе старческіе годы; надежду эту ты унесешь въ свою холодную, убогую могилу“...

Я шелъ за своимъ небольшимъ отрядомъ въ самомъ грустномъ настроеніи духа; меня волновали тяжелыя мысли я думалъ о закабаленныхъ гольдахъ, достойныхъ гораздо лучшей участи и будущности. Неужели мѣстная администрація не обратитъ должнаго вниманія на этотъ угнетенный народъ, не выведетъ его изъ дикаго, первобытнаго состоянія, не избавитъ его отъ хищнической эксплоатаціи мѣстныхъ китайцевъ?.. Характеръ гольдовъ, ихъ нравственныя и религіозныя воззрѣнія говорятъ за то, что они вполнѣ способны къ воспріятію лучшихъ формъ жизни; между тѣмъ, мы, владѣя этимъ народомъ болѣе двадцати лѣтъ, даже не приступили еще къ выполненію своей цивилизаторской, культурной миссіи. Мы до настоящей минуты далеки отъ этой міровой задачи и смотримъ на гольдовъ, какъ на народъ, недостойный нашихъ заботъ и нашего вниманія...

На второй день мы встрѣтили большую партію, гольдовъ, возвращавшихся съ промысла на своихъ утлыхъ оморочкахъ. Я вспомнилъ просьбу старика гольда и рѣшился развѣдать о Кучанѣ, чтобы передать ему теплый привѣтъ его семьи.

— Нѣтъ-ли здѣсь Кучана? — крикнулъ я гольдамъ.

— Вотъ Кучанъ, что твоя надо? — добродушно отвѣтилъ высокій, здоровый гольдъ, и ловкимъ взмахомъ весла поворотилъ свою оморочку къ самому берегу.

— Я жилъ въ твоей фаньцзѣ двѣ недѣли, и спасибо тебѣ за то... Всѣ здоровы и просили тебѣ кланяться...

— И жена, и дѣтки, и старикъ здоровъ?—радостно переспросилъ Кучанъ, весело, добродушно смотря мнѣ въ глаза.

— Всѣ здоровы, и тебѣ кланяются, — повторилъ я.

— Спасибо, другъ, спасибо!.. Гайда домой!..—крикнулъ онъ весело, и энергично, сильно ударилъ весломъ по водѣ. Оморочка полетѣла стрѣлой и вскорѣ скрылась за поворотомъ рѣки.

ЛѢСНОЕ ЧУДОВИЩЕ.

Уссурійскій край поражаетъ путешественника красотой и живописностью мѣстностей, необыкновеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ животнаго и растительнаго царства. Непрерывныя цѣпи холмовъ создаютъ роскошныя, разнообразнѣйшія картины, то ласкающія взоры мягкостью, плавностью линій, то восторгающія ихъ величественными скалами и спусками, то поражающія страшными обрывами, мрачными, неизвѣданными пропастями и таинственными падями.

Подымешься-ли на ту или другую вершину холма, спустишься-ли въ ту или другую таинственную падь—всюду представляются глазамъ новыя и новыя картины, одна прелѣстнѣе другой, описать которыя не хватитъ силъ, не хватитъ человѣческой мощи. Вверху и внизу шумятъ безконечные, темные лѣса, поражающіе взоры своимъ дивнымъ разнообразіемъ; съ вершины холма они словно бѣгутъ въ пади и овраги и опять подымаются на другую вершину, покрывая ее роскошной шапкой вѣчно зеленѣющихъ елей, кедровъ и сосенъ; негдѣ развернуться могучей растительности на гордыхъ верши-

нахъ и она опять сбѣгаетъ внизъ, заполняя пади широковѣтвистыми, гигантскими ильмами, стройными орѣшниками и пальмовидными диморфантами...

Чѣмъ дальше проникаетъ взоръ, тѣмъ большее и большее открывается разнообразіе: пальмовидный диморфантъ смѣняетъ пробковое дерево со своими перистыми листьями; стройный орѣшникъ и гигантская ильма уступаютъ мѣсто столѣтнему дубу и липѣ, порожающимъ взоръ своими размѣрами, своими дуплистыми, болѣе саженъ въ обхватѣ стволами; величественная пихта и крѣпкій тисъ вытѣсняютъ сосну и ель; ясень, черная береза, кленъ, кажется, хотятъ выжить тополь, граббъ, акацію и черешню. Вся эта масса деревъ напрасно жмется одно къ другому, напрасно силится не дать дороги своей младшей братіи: изъ каждаго свободнаго клочка земли вздымаются къ небу бузина, жасминъ, колючая азалія, шиповникъ, калина, боярка, лещина и образуютъ непроходимую, таинственную заросль.

И, кажется, нѣтъ больше мѣста; но цѣпкій виноградъ прокладываетъ себѣ дорогу по всѣмъ направленіямъ и перекидывается съ одного дерева на другое, съ одного куста на другой; то стелется онъ по землѣ, покрывая ее сплошнымъ ковромъ роскошной зелени, то пробиваетъ себѣ путь среди непролазной заросли и жадно обхватываетъ ель, кедръ, лиственницу, диморфантъ, пробковыя и орѣховыя деревья. Онъ не разбираетъ сорта растенія, беззастѣнчиво пользуется каждой встрѣтившейся опорой и лезетъ все выше и выше, раскидываетъ свои цѣпкія объятья все шире и шире, свѣшиваясь къ землѣ роскошными гирляндами.

Нѣтъ возможности пробраться сквозь эту чащу кустарниковъ и винограда, образующихъ одну сплошную, непроходимую, цвѣтущую стѣну. Страшно ввѣриться этой таинственной, зеленой трущобѣ; войдешь въ нее, сдѣлаешь только нѣсколько шаговъ и уже теряешься, точно въ дивномъ, обширномъ лабиринтѣ; солнечные лучи не проникаютъ сквозь густую, роскошную листву

и затериваются гдѣ-то высоко, надъ головой. Темно, глухо въ этой цвѣтущей пещерѣ, и становится жутко и въ то-же время какъ-то хорошо. Чего-то боишься невѣдомаго, боишься этой зловѣщей тишины и въ то-же время съ наслажденіемъ вдыхаешь полной грудью упоительный ароматъ распустившейся листвы. Сыро на землѣ — солнце не въ силахъ пробиться сквозь эту таинственную, непроницаемую завѣсу зелени. Въ самый жаркій лѣтній день здѣсь — прохладное убѣжище отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Вся эта непроницаемая чаща кустарниковъ, эти тысячи гигантскихъ, разнообразныхъ деревьевъ образуютъ роскошную тайгу, поражающую человѣка своимъ торжественнымъ величіемъ и какой-то таинственной, невозмутимой тишиной. Кажется, все вымерло въ этой непроходимой заросли; нѣтъ ни звука, ни проблеска человѣческой или животной жизни...

Не вѣрьте предательской тишинѣ; эту непроходимую для человѣка трущобу населяетъ разнообразное звѣрье и птица, и вы, войдя подъ эту таинственную сѣнь, находитесь уже среди многочисленныхъ представителей животнаго царства, которое притаилось, приникло, услыша ваши тяжелые, непривычные шаги. Кругомъ кипитъ необъятная жизнь; въ густой, роскошной листвѣ притаились тысячи птицъ, начиная съ воробья и чернаго ворона и кончая кохинхинской иволгой и бенгальскимъ зимородкомъ. Въ высокой, сочной травѣ прячутся лоси, олени, изубры и кабаны; барсъ, дикая кошка и рысь таятся въ широковѣтвистыхъ, гигантскихъ деревьяхъ и готовы кинуться на пробирающихся внизу антилопу, кабаргу или косулю; гималайская куница и соболь рыщутъ по пнямъ и колодамъ, взбѣгаютъ на вершины кедра, орѣшника, ели и ловятъ лакомую для нихъ сибирскую бѣлку; трусливый медвѣдь зарылся отъ жары въ сырую листву и чутко прислушивается къ каждому подозрительному хрусту, крику или шороху, готовый бѣжать при первой опасности...

Надъ всѣмъ этимъ животнымъ царствомъ господ-

ствуетъ бенгальскій тигръ *), бичъ и гроза края: смѣлый, ловкій и сильный, онъ наноситъ крестьянамъ и казакамъ значительный вредъ, давя лошадей, быковъ, коровъ. Иногда тигры крадутъ скотину прямо со двора и даже изъ хлѣва; при этомъ прыгаютъ съ коровой или лошадью черезъ тыны и загороди. Особенно недолюбливаютъ хищника охотники, у которыхъ онъ нерѣдко рѣжетъ собакъ, пущенныхъ за уходящимъ, раненымъ звѣремъ. Собака для тигра—лакомое мясо.

Спеціальной охоты на тигровъ почти не существуетъ: каждому жизнь дорога—не рискуютъ ею жертвовать ради пріобрѣтенія шкуры; но, во всякомъ случаѣ, охотники бьютъ тигра часто, мстя за задавленныхъ ранѣе собакъ, которыя здѣсь нерѣдко цѣнятся очень дорого.

Уссурійскій тигръ нападаетъ на человѣка въ исключительныхъ случаяхъ; на это его можетъ принудить только или сильный голодъ или рана; раненый хищникъ въ бѣшенствѣ рветъ все встрѣчное.

* *
*

Солнце только что поднялось изъ за окружающихъ холмовъ и плавно вздымается въ глубокую синеву іюльскаго неба. Извилистой, узкой, проложенной дикимъ звѣремъ, тропинкой пробираются два охотника-крестьянина: впереди идетъ едва вышедшій изъ дѣтства юноша, а позади, въ нѣсколькихъ шагахъ, высокій, здоровый дѣтина, открытое, энергичное лицо котораго дышетъ отвагой и мужествомъ; глаза его, небольшіе, но яркіе, зорко всматриваются въ окружающіе предметы и стараются проникнуть сквозь зеленыя стѣны чащи. Молодцоватая, смѣлая, увѣренная походка его показываетъ, что это человѣкъ уже бывалый и хорошо знакомый съ таинственной тайгой. Все вооруженіе охотниковъ состоитъ изъ плохихъ, казенныхъ, бракованныхъ ружей, съ легкими сошками, и небольшихъ ножей,

*) Мѣстные русскіе зовутъ его «тигра» или просто «она».

заткнутыхъ въ кожанныя ножны, висящія на поясѣ, за спиной.

По поразительному сходству лицъ, легко угадать, что они родные братья; нерѣшительная, робкая походка младшаго заставляетъ думать, что онъ вышелъ на охоту въ первый, много во второй разъ. Охотники идутъ молча, съ трудомъ пробираясь къ небольшому, таинственно журчащему, ручью—любимому мѣстопребыванію косули; чѣмъ ближе подходятъ они къ намѣченному мѣсту, тѣмъ шаги ихъ становятся осторожнѣе и неслышнѣе. Еще нѣсколько минутъ, и они поползли, безъ шума раздвигая высокую густую траву... Но вотъ и ручей: быстро бѣгутъ прозрачныя воды подъ густымъ сводомъ разнообразной зелени и съ таинственнымъ журчаніемъ омываютъ и полируютъ торчащіе со дна камни; ни одно существо, кажется, не оживляетъ эту глухую благоуханную заросль. Напрасно всматриваются охотники въ чащу—косуль не видно и не слышно ихъ легкой, осторожной поступи.

Нетерпѣливый, молодой охотникъ хотѣлъ уже встать, но съ силой былъ удержанъ братомъ, чуткое, привычное ухо котораго разслышало въ глуши знакомые звуки—шаги осторожно пробирающагося звѣря. Охотники притаили дыханіе и пригнулись къ самому корню травы, чтобы скрыть свое присутствіе... Вотъ раздался легкій трескъ раздвигаемой заросли, и на крутомъ, обрывистомъ берегу ручья ясно обрисовалась стройная, изящная фигура косули. Высоко поднявъ голову, она жадно втягивала воздухъ; приподнятыя, навостренныя уши ея шевелились нервно, точно стараясь уловить, раздавшійся въ чащѣ едва замѣтный, подозрительный шелестъ; большіе, темные, прекрасные глаза косули зорко всматривались въ густую заросль. Вдругъ она вздрогнула и усиленно стала втягивать въ себя воздухъ; розовыя ноздри ея раздулись и слегка затрепетали. Еще моментъ, и она быстрымъ движеніемъ повернулась отъ ручья и была уже готова сдѣлать

сильный скачекъ, какъ раздались одновременно два выстрѣла и замерли подъ густымъ сводомъ зелени... Косуля сдѣлала отчаянный прыжокъ, перевернулась въ воздухѣ и съ жалобнымъ стономъ упала съ крутого берега въ ручей, окрашивая прозрачныя воды алой кровью. Охотники бросились къ раненому звѣрю; косуля силилась подняться на ноги и опять падала въ холодную воду; жалобно смотрѣла она на приближающихся враговъ ласковыми, кроткими глазами, точно моля о пощадѣ. Старшій охотникъ соскочилъ въ ручей выхватилъ ножъ и всадилъ его по самую рукоять въ граціозную шею косули; та судорожно встрепенулась и вытянулась: изъ полузакрытыхъ, отуманенныхъ глазъ скатились двѣ крупныя слезы и смѣшались съ окровавленной водой ручья...

— Ну, Петя, славно поддѣли,— проговорилъ старшій, отирая ножъ о бокъ косули: — еще немного и ушла бы... А звѣрь-то какой—безъ малаго пуда три будетъ!

— А попалъ я?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Петръ, оглядывая съ берега звѣря:—Посмотри-ка, Митрій, куды я закатилъ: наровилъ-то я прямо подъ лопатку...

Дмитрій поднялъ косулю и внимательно осмотрѣлъ ее.

— Одна пуля, вишь, въ правый бокъ вошла, а въ лѣвый вышла,—проговорилъ онъ:—а другая въ задней ляшкѣ сидитъ.

— Въ боку-то это моя пуля,—замѣтилъ Петръ съ самохвальствомъ молодаго охотника.

— Пускай будетъ твоя, а звѣря возьми, да надо распотрошить его...

Дмитрій подалъ косулю на берегъ и вылѣзъ самъ; привычной рукой снялъ онъ окровавленную шкуру, выпотрошилъ звѣря и распластовалъ.

— Отдохнемъ, да и домой съ добычкой,—проговорилъ Дмитрій, окончивъ свою работу.

Черезъ полчаса охотники двинулись той же тропинкой въ обратный путь; впереди шелъ, по старому, Петръ,

а позади его Дмитрій; послѣдній несъ на плечахъ убитую косулю.

На одномъ изъ поворотовъ Дмитрій остановился и сталъ закуривать трубку; Петръ отошелъ отъ брата шаговъ тридцать, прежде чѣмъ замѣтилъ его отсутствіе; ничего не подозрѣвая, онъ остановился и сталъ поджидать... Вотъ послышались за поворотомъ знакомые шаги; только что Петръ хотѣлъ окликнуть брата, какъ раздался вдругъ въ чащѣ сильный трескъ, и что-то тяжелое упало на тропинку; по зарости пронесся раздирающій душу крикъ и сразу оборвался на хриплomъ стонѣ, точно кричавшему кто-то сдавилъ горло... Петръ вздрогнулъ, поблѣдиѣлъ, какъ полотно, и бросился назадъ; не успѣлъ онъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ глазамъ его представилась ужасная картина... Братъ его лежалъ ничкомъ на тропинкѣ, а на немъ, вцѣпившись зубами въ затылокъ, сидѣлъ большой тигръ и съ глухимъ клокотаніемъ пилъ горячую кровь... Петръ дико вскрикнулъ, выронилъ изъ рукъ винтовку и бросился къ брату, не не сознавая вполнѣ своихъ дѣйствій; тигръ оторвался отъ своей жертвы, взглянулъ налившимися кровью глазами на быстро приближавшагося Петра и... отскочилъ въ сторону; онъ, казалось, былъ пораженъ безумной смѣлостью человѣка и побоялся вступить съ нимъ въ открытую борьбу...

Петръ наклонился къ брату и приподнялъ его обезображенную голову; онъ впалъ въ какое-то тупое состояніе; онъ не видѣлъ передъ собой ничего и никого, кромѣ окровавленнаго трупа Дмитрія; съ какой-то лихорадочностью сорвалъ онъ съ своей шеи платокъ и безсознательно началъ обвязывать имъ голову брата, не обращая вниманія на тигра, притаившагося всего въ пяти шагахъ отъ своей жертвы. Обезумѣвшій Петръ перевязалъ голову Дмитрія, поцѣловалъ его окровавленное лицо и, шатаясь, въ какомъ-то помраченномъ состояніи, сталъ уходить; онъ шелъ по тропинкѣ не оглядываясь, спотыкался, падалъ, вставалъ и шелъ опять

дальше и дальше, ничего не чувствуя, не сознавая, не понимая... Ему казалось, что онъ сдѣлалъ все, что было возможно...

Петръ пришелъ домой такимъ растеряннымъ, безумнымъ, что всѣ были поражены его видомъ и тотчасъ же явилось у всѣхъ тяжелое предчувствіе какого-то несчастья.

— Гдѣ Митрій?.. Гдѣ братъ?..—спрашивали его съ тревогой отецъ, мать, жена Дмитрія.

Петръ молчалъ и обводилъ всѣхъ тупымъ, дикимъ взглядомъ, точно не узнавая окружающихъ его родныхъ лицъ.

Напрасно забрасывали его вопросами собравшіеся въ избѣ любопытные; онъ точно одервенѣлъ и сосредоточенно во что-то вдумывался; изрѣдка онъ проводилъ по лбу рукой, точно стараясь о чемъ-то вспомнить; все лицо его выражало какую-то неизъяснимую муку...

— Вишь, парень-то совсѣмъ одурѣлъ,—проговорилъ кто-то въ толпѣ:—видно, тигру повстрѣчалъ!?

— Тигра, тигра!!—вдругъ вскрикнулъ Петръ и безъ чувствъ повалился со скамьи на полъ...

Всѣмъ стало ясно, всѣ тотчасъ же догадались, что охотники встрѣтили тигра и Дмитрій остался въ могучихъ лапахъ хищника.

— Добрые христіяне, спасите сына!—стоналъ отецъ, шестидесятилѣтній старикъ, и тяжело поклонился въ ноги односельчанамъ, собравшимся въ избѣ.

— Спасите кормильца нашего!—судорожно проговорили сквозь неудержимыя слезы мать и жена Дмитрія, повалившись въ ноги „міру“.

Поднялось все село; ополчились на хищника старъ и младъ: кто вооружился винтовкой, кто топоромъ, а кто и просто дубиной; для развѣдокъ захватили съ собой всѣхъ наличныхъ собакъ.

Уже солнце стало скрываться за окрестными холмами, когда рать подошла къ мѣсту, гдѣ оставилъ Петръ своего окровавленнаго брата; трава была примята и окроплена кровью; вокругъ ясно отпечатлѣлись

круглые слѣды могучихъ тигровыхъ лапъ; тутъ же валялись двѣ винтовки и окровавленный платокъ Петра которымъ послѣдній повязалъ голову своего брата и... больше ничего... Дмитрія точно не существовало; хищникъ успѣлъ затащить его въ невѣдомую, таинственную тайгу.

— Пойдемте, братцы, по слѣдамъ, — предложилъ одинъ:—Дмитрія не найдемъ, такъ хоть тигру подлую изведемъ.

— Идемъ, идемъ! — гудѣла толпа, охваченная чувствомъ злобы къ звѣрю.

Крестьяне двинулись въ густую зарость, съ трудомъ шагая черезъ поваленныя деревья и едва пробираясь сквозь чащу сплетшихся кустарниковъ и винограда; науськанныя собаки усиленно обнюхивали каждый кустъ и съ неутомимымъ рвеніемъ старались розыскать своего злѣйшаго врага.

Не прошло и получаса, какъ собаки вдругъ бросились разомъ подъ ноги охотникамъ и слабымъ визгомъ начали выражать сильный испугъ; онѣ почуяли тигра и ихъ воинственный пылъ сразу охладѣлъ.

— Тигра близко,—прошептали передніе заднимъ и остановились въ нерѣшительности.

Остановились и остальные, опасаясь неожиданнаго нападенія лѣсного чудовища; рисковать никому не хотѣлось; крестьяне сгруппировались на крутомъ берегу ручья; каждый чувствовалъ близкое присутствіе могучаго, кровожаднаго врага, каждому дѣлалось страшно у многихъ явилась мысль убраться по добру по здорову домой и оставить хищника спокойно доканчивать свою страшную трапезу,

— Валяй камнемъ въ зарость то: она и выпрыгнетъ,—предложилъ одинъ изъ крестьянъ, вооруженный заржавѣлой винтовкой:—а мы ее тутъ и прихлопнемъ... Смотри, братцы, держи ухо востро.

Нѣсколько человѣкъ начали бросать въ зарость каменьями; съ глухимъ шелестомъ прорѣзали камни густую листву и терялись въ таинственной чащѣ, гдѣ залегъ, по

общему предположенію, кровожадный звѣрь. Тигръ притаился и не подавалъ признака жизни; повидимому, собаки подняли фальшивую тревогу и страхъ крестьянъ былъ напрасный.

Охотники хотѣли уже перейти ручей, какъ одинъ изъ нихъ предложилъ сдѣлать по чащѣ выстрѣлъ. Послѣдній произвелъ магическое дѣйствіе: въ зарости вдругъ что-то страшно затрещало и передъ глазами охотниковъ появился громадный тигръ, въ самой сильной степени ярости. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, направленныхъ оторопѣвшими крестьянами почти наугадъ... Тигръ яростно зарычалъ и однимъ гигантскимъ прыжкомъ очутился возлѣ охотниковъ; на секунду онъ остановился и присѣлъ, осматривая враговъ своими налитыми кровью глазами; казалось, онъ выбиралъ жертву... Вдругъ онъ сдѣлалъ отчаянный скачекъ, точно подъ нимъ развернулась внезапно могучая пружина и смялъ подъ собой одного изъ ратниковъ; раздался глухой стонъ, который тотчасъ же былъ заглушенъ дружнымъ залпомъ винтовокъ... Тигръ оторвался отъ своей жертвы, судорожно подскочилъ и растянулся среди торжествующихъ крестьянъ: пули поразили его наповалъ... Смятый охотникъ отдѣлался сильными царапинами и испугомъ.

Раздѣлавшись съ хищникомъ, крестьяне двинулись на розыски Дмитрія. Черезъ четверть часа собаки привлекли вниманіе охотниковъ къ какой-то окровавленной массѣ, въ которой трудно было узнать сильнаго, краснваго охотника; голова была почти оторвана, кости объѣдены, руки и ноги изломаны и истерзаны... Крестьяне сложили печальные останки на носилки изъ древесныхъ сучьевъ и двинулись въ обратный путь; процессія прибыла въ село около полуночи. Отецъ, мать и жена Дмитрія, казалось, обезумѣли, при видѣ своего истерзаннаго, обезображеннаго „кормильца“...

А за толпой по улицѣ торжественно волокли огромный трупъ пестраго чудовища.

УДОЧКА.

(Разсказъ случайнаго охотника).

Безсрочно-отпускной рядовой Перегоновъ считался лучшимъ охотникомъ во всей Приморской области; нѣтъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ мѣста, которое онъ не исходилъ бы вдоль и поперегъ, которое не было бы извѣстно ему, какъ свои пять пальцевъ. Никто не зналъ лучше его, гдѣ любятъ отдыхать косули, олени и кабарги, въ какихъ трущобахъ таятся кабаны и медвѣди, гдѣ можно навѣрняка наткнуться на многочисленные выводки фазановъ. Въ самую глухую тайгу Перегоновъ входилъ, какъ къ себѣ въ домъ, и выходилъ изъ нея, послѣ недѣльнаго иногда шатанія, такъ же легко; не было случая, чтобы онъ когда-нибудь заблудился и пошелъ бы не той тропинкой, не смотря на то, что подобныхъ тропинокъ, извилистыхъ, пересѣкающихся, проложенныхъ дикимъ звѣремъ по всѣмъ направленіямъ — необъятное число. У него были свои примѣты, по которымъ онъ всегда находилъ то укромное, непосѣщаемое человѣкомъ мѣсто, гдѣ таился тотъ или другой звѣрь. Въ извѣст-

ныхъ пунктахъ были построены Перегоновымъ небольшіе шалаши, въ которыхъ обыкновенно онъ проводилъ ночь, если только она застигала его вблизи подобныхъ ночевокъ; въ противномъ случаѣ, онъ располагался на открытомъ воздухѣ, разводилъ костеръ и спалъ до разсвѣта, какъ убитый, нисколько не опасаясь, что тигръ, барсъ или рысь могутъ вздумать полакомиться его жесткимъ и довольно уже старымъ мясомъ.

Перегоновъ былъ охотникъ не только по профессіи, но и по призванію; три четверти своей жизни онъ провелъ въ лѣсу и былъ счастливъ только въ немъ; онъ навѣдывался домой изрѣдка, приносилъ болѣе или менѣе цѣнную добычу и уходилъ черезъ нѣсколько часовъ опять, въ свою любимую тайгу; даже зимой, въ самую сильную стужу, его не видали дома по нѣсколько дней.

Перегоновъ составилъ себѣ охотой небольшое состояніе, и семья его жила въ полномъ довольствѣ; спеціальность его охоты состояла въ добываніи, такъ называемыхъ, „пантовъ“ — молодыхъ оленьихъ и зубровыхъ роговъ, цѣнящихся китайцами очень дорого, отъ полутораста до трехъ сотъ серебряныхъ рублей пара. Китайцы приготовляютъ изъ пантовъ особое оживляющее и крѣпительное питье для слабыхъ и разстроенныхъ нервами людей.

Перегоновъ былъ непримиримый врагъ тигровъ и не упускалъ случая бить ихъ при каждой встрѣчѣ; прежде онъ мстилъ за задавленныхъ хищникомъ охотничьихъ собакъ, а затѣмъ, когда самъ попалъ разъ тигру въ зубы, мстилъ уже за себя. Перегоновъ десятки разъ былъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ и избѣгалъ опасности только благодаря своему удивительному хладнокровію и находчивости. Про него ходили какіе-то легендарные разсказы; онъ былъ настолько популяренъ, что разсказы эти повторялись чуть-ли не на другой окраинѣ обширной Сибири. Давно уже я искалъ случая познакомиться съ Перегоновымъ, но все какъ-то не удавалось; два раза я даже ѣздилъ нарочно къ нему на заимку

(онъ жилъ верстахъ въ тридцати отъ Владивостока), но оба раза онъ былъ на охотѣ, и мнѣ такъ и не пришлось увидѣть его. Я потерялъ уже всякую надежду встрѣтиться когда-нибудь съ легендарнымъ охотникомъ Уссурійскаго края, какъ вдругъ неожиданный случай столкнулъ меня съ нимъ, почти наканунѣ моего отъѣзда изъ Владивостока. Дѣло было такъ: служебныя обязанности заставили меня ѣхать въ село Никольское ранней весной, когда пароходы еще не ходили; поневолѣ пришлось мнѣ совершить семидесятиверстную поѣздку верхомъ, поѣздку довольно утомительную для меня, моряка, почти непробовавшаго садиться на лошадь. Я выѣхалъ изъ Владивостока рано утромъ, въ сопровожденіи проводника, такъ какъ дорога была мнѣ совсѣмъ незнакома; она шла большей частью лѣсистыми холмами; намъ приходилось то подыматься, то спускаться по узкой, усѣянной мелкими, острыми камнями, тропѣ, нерѣдко завалённой обгорѣлыми стволами повалившихся деревъ; изрѣдка тропа выходила на берегъ моря, и наши лошади вязли въ глубокомъ, мелкомъ пескѣ и путались въ выброшенной приливомъ длинной, морской травѣ. Дорога была очень утомительная; на десятой верстѣ я уже былъ разбитъ до такой степени, что едва сидѣлъ на лошади; мнѣ необходимъ былъ отдыхъ, и я рѣшился сдѣлать первый привалъ на пятнадцатой верстѣ, на рѣкѣ Лянчи-хе *), въ построенномъ матросами и давно заброшенномъ зимовьѣ.

Къ Лянчи-хе мы подъѣхали около полудня; на самомъ берегу стоялъ плохенькій срубъ, заложенный на мху, безъ крыши, съ маленькимъ, криво прорубленнымъ окномъ, заклееннымъ дырявымъ пузыремъ, и низенькой, почернѣвшей отъ дыма дверью. Я слѣзъ съ лошади и передалъ поводъ проводнику; только что я дотронулся до заржавѣлаго гвоздя, вбитаго въ дверь вмѣсто ручки,

*) Слово „хе“ по-китайски означаетъ слово „вода“ и часто прикладывается къ собственному имени рѣкъ.

и немного пріотворилъ ее, какъ тотчасъ же раздался въ зимовьѣ сильный, хриплый лай, и ко мнѣ бросилась большая, мохнатая собака, рѣшившаяся, повидимому, не впускать чужого. Я испугался внушительнаго вида собаки и быстро приперъ дверь. Лай продолжался и слышно было, какъ собака бросалась къ выходу и сердито потягивала носомъ воздухъ черезъ узкую щель, оставшуюся между косякомъ и кромкой двери. Я стоялъ въ нерѣшительности, не зная, что дѣлать: входить-ли, не смотря на разсвирѣпѣвшаго пса, или же продолжать свой тяжелый путь?

— Цыцъ, Шарикъ, полно!—раздался вдругъ въ зимовьѣ густой, заспанный голосъ. Собака смолкла.

— Кой дьяволъ тамъ шатается? Входи, коли надо, нечего таиться; собака не укуситъ, коли ты съ добромъ идешь,—послышалось опять въ зимовьѣ.

Я отперъ дверь, пригнулся и вошелъ въ низенькую, полутемную, почернѣвшую отъ копоти конуру; съ перваго момента я не могъ ничего разобрать, но постепенно глаза привыкли къ полумраку, и я разглядѣлъ вдоль стѣны нешпрокія, грязныя нары, на которыхъ лежала какая-то длинная, сухая фигура. Изъ подъ наръ злобно посматривалъ на меня Шарикъ, каждый моментъ готовый, повидимому, вцѣпиться въ мои икры.

— Здравствуй, — проговорилъ я осмотрѣвшись: — можно здѣсь отдохнуть немного?

— Зимовье не мое, — проворчала фигура: — хочешь коптиться—коптись вмѣстѣ: мѣста хватитъ... А ты наперво скажи, куда путь держишь и что за человѣкъ?.. Подъ одной крышей отдыхать будемъ, такъ все же знать надо...

Я назвалъ себя. Незнакомецъ приподнялся и пристально осмотрѣлъ меня.

— Ээ... эхъ, ваше благородіе, а я принялъ васъ за нашего брата, не въ обиду будь вашему благородію, потому и среди нашего брата хорошихъ людей найдется... А куда путь держите, ваше благородіе?

— Въ село Никольское.

— Далеконько—нечего сказать... Что-жъ, дѣло какое есть, иль просто на охоту? Вишь, ружье-то какое славное! — проговорилъ бородатый незнакомецъ и взялъ въ руки, приставленную мною къ стѣнѣ, магазинную винтовку Винчестеръ: — Ишь ты, заморская штука, — бормоталъ онъ про себя, разсматривая мое ружье: — скорострѣлка магазинная—видали, видали, да нашему брату она не година: много пуль въ запасѣ, ну и бросаешь ими зря, горячишься и пуделяешь, а какъ одна въ дулѣ, то выпустишь ее во время, да безъ промаха, потому она дорога!.. А много заплатили за скорострѣлочку!—обратился ко мнѣ незнакомецъ послѣ тщательнаго осмотра моей винтовки.

— Сто рублей.

— Гм... сто рублей?.. Деньги большія... А много звѣрья убили ею?

— Да пока, ни одного.

— Гм... сто рублей и ни одного... А моя винтовка пятнадцать стоитъ, да я ею безъ малаго на полторы тысячи въ годъ заработываю,—проговорилъ незнакомецъ, указывая головой на солдатскую, семилинейную винтовку съ легкими сошками.

— Да ты кто же такой? — спросилъ я, сильно заинтересованный.

— Я-то?.. Безсрочно-отпускной, ваше благородіе, рядовой Архипъ Перегоновъ,— отвѣтилъ тотъ, продолжая разсматривать мое ружье.

— Такъ вотъ онъ каковъ этотъ Перегоновъ,—мелькнуло у меня въ головѣ:—этотъ чуть-ли не легендарный охотникъ Уссурійскаго края.

Я пристально всмотрѣлся въ сухую, высокую фигуру Архипа, думая найти въ ней что-нибудь замѣчательное, особенное, оригинальное, но ничего необыкновеннаго не нашелъ: передо мной стоялъ старый, хорошо выправленный служака, съ самой обыкновенной солдатской физіономіей, обросшей давно небритой, жесткой бородой.

Глядя на это простое лицо, на эту жилистую, длинную и, повидимому, неповоротливую фигуру, трудно было предположить, что этотъ, неказистый на видъ человѣкъ, выходилъ на тигра одинъ на одинъ и всегда оказывался побѣдителемъ. Только одинъ разъ тигръ успѣлъ, въ предсмертной агоніи, слегка смять подъ собой Перегонова. За то почти пятнадцать хищниковъ поплатились жизнью за свою отвагу вступить съ Перегоновымъ въ бой; Архипъ билъ обыкновенно звѣря съ одного выстрѣла; билъ большей частью наповалъ.

Я смотрѣлъ на Перегонова съ какимъ-то чуть ли не благоговѣніемъ и ждалъ только случая заговорить съ нимъ объ его охотничьихъ подвигахъ.

— А что, — спросилъ я его, когда онъ поставилъ мое ружье къ стѣнѣ: — много убилъ ты тигровъ на своемъ вѣку?

— Богъ ихъ знаетъ — не считалъ, — отвѣтилъ онъ просто: — штукъ, я полагаю, пятнадцать будетъ, а можетъ мало-мало и болѣ...

Въ это время вошелъ въ зимовье мой проводникъ.

— Эге, и третій гость къ намъ, — проговорилъ весело Перегоновъ, — что-это за съѣздъ сегодня такой на Ляпчи-хе? Только что передъ вами трое проѣхали купцы-ли, чиновники-ли — Богъ ихъ знаетъ, но народъ веселый — водкой меня подчивали...

— А ты давно на зимовьѣ? — спросилъ я.

— Да вотъ ночевалъ здѣсь, да думаю скоро и выходить!

— Куда?

— Да все на охоту... Куды мнѣ больше ходить?,. Тутъ, ваше благородіе, бродятъ, вишь, олени, такъ вотъ жду, когда солнышко немного склонится.

— А долго думаешь ходить?

— Да какъ Господь приведетъ, а все-таки думаю на ночь сюды придти.

— Возьми меня съ собой, Перегоновъ, проговорилъ я: — у меня время есть, проводника съ лошадьми здѣсь оставимъ.

— Отчего не взять, ваше благородіе, да только опасно: тутъ же и тигра поблизости ходитъ—какъ бы вы не нарвались на нее... Вонъ лонись-лонской *) манзу тутъ удавила бестія...

— Ничего, — возразилъ я съ разгорѣвшимся сразу охотничьимъ пыломъ:—и тигра пулями встрѣтимъ...

Перегоновъ посмотрѣлъ на меня какъ-то особенно, точно добрая нянька смотритъ на расшалившагося мальчишку, и слегка усмѣхнулся.

— Пойдемте, ваше благородіе, — проговорилъ онъ, послѣ короткаго раздумья, какъ-то снисходительно: — попытаемъ счастье—можетъ на тигру и не наткнемся?

Къ тремъ часамъ мы снарядились и вышли изъ зимовья, Шарикъ бѣжалъ на ременномъ поводкѣ, привязанномъ къ поясу Перегонова. Меня волновали разнообразныя чувства я и хотѣлъ встрѣчи съ тигромъ и въ то же время боялся этой встрѣчи, не довѣряя своимъ нервамъ и хладнокровію. Не успѣли мы войти въ небольшой дубовый лѣсъ раскинувшійся на вершинѣ куполообразнаго холма, какъ я началъ уже чувствовать легкое волненіе и безпокойство; я едва поспѣвалъ за быстро шагавшимъ Перегоновымъ, опасаясь отстать отъ него. Онъ шелъ молча, не обращая на меня никакого вниманія, и только зорко оглядывалъ растилавшуюся у ногъ долину рѣки Лянчи-хе. Въ теченіи двухъ часовъ онъ только разъ обратился ко мнѣ съ короткимъ замѣчаніемъ: „Вотъ, ваше благородіе, она прошла!“ И небрежно указалъ мнѣ на большіе, круглые, тигровые слѣды, ясно отпечатлѣвшіеся на глинистой, сырой почвѣ тропинки. Я взглянулъ на эти слѣды съ какимъ-то волненіемъ; съ этого момента мнѣ стало вдругъ какъ-то жутко и непріятно; близкое сосѣдство хищника безпокоило меня и я не могъ пройти десяти шаговъ, чтобы не оглянуться, чтобы не прислушаться къ таинственному шелесту едва

*) „Лонись-лонской“---сибирское выраженіе означаетъ „въ прошлый разъ“.

распустившейся листвы. Перегоновъ продолжалъ идти съ тѣмъ же безпечнымъ, спокойнымъ видомъ, совершенно, повидимому не думая о тигровыхъ слѣдахъ. Прошло еще съ полчаса; мы уже взобрались на другую вершину, какъ вдругъ Перегоновъ остановился и, прикрывъ глаза ладонью, въ видѣ зонта, сталъ во что-то всматриваться...

— Вотъ олени,—проговорилъ онъ, послѣ быстраго осмотра окрестностей, указывая рукой на отдаленную, едва замѣтную поляну:—намъ надо обойдти, да зайти съ подвѣтру, а то услышатъ...

Какъ я ни всматривался, никакихъ оленей не видѣлъ: ихъ могъ разглядѣть только привычный, зоркій глазъ такого бывалаго охотника... Мы начали спускаться съ холма и осторожно обходить то мѣсто, на которомъ замѣтилъ Перегоновъ пасущихся оленей; съ тропинки пришлось намъ сойти, и мы пробирались черезъ довольно густую чащу сплетшихся кустарниковъ и винограда. Перегоновъ шелъ увѣренно, точно по торной дорогѣ; ловко обходилъ онъ наименѣе проницаемую заросль и безъ шума, какъ тѣнь, протискивалъ свою высокую, неуклюжую фигуру въ едва пролазныя щели. Я слѣдовалъ за нимъ съ большимъ трудомъ, не смотря на мою, сравнительно, небольшую фигуру; вѣтви и прутья цѣплялись за мое платье и ружье, хлестали по лицу, царапали руки; я постоянно запутывался въ виноградникѣ, покрывавшемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землю частой, цѣпкой сѣтью. Сколько времени шли мы тайгой — не могу опредѣлить, но я уже чувствовалъ крайнее утомленіе, когда Перегоновъ остановился и чутко сталъ прислушиваться.

— Близко, ваше благородіе,—проговорилъ онъ шепотомъ:—сейчасъ выйдемъ къ полянѣ, гдѣ олени... Идите тише, не шелестите...

И Перегоновъ осторожно пошелъ дальше, время отъ времени останавливаясь и прислушиваясь... Еще нѣсколько шаговъ, и мы остановились окончательно. Перегоновъ осторожно раздвинулъ только что распустив-

шуюся листву и молча указалъ мнѣ на обширную поляну, по которой было разбросано нѣсколько десятковъ толстыхъ широковѣтвистыхъ дубовъ. Шагахъ во ста отъ насъ безпечно паслись четыре рослыхъ, красивыхъ оленя; граціозныя животныя не подозрѣвали грозящей опасности и спокойно щипали едва пробивающуюся молодую травку.

— Я буду бить лѣваго, — прошепталъ мнѣ едва слышно Перегоновъ и осторожно выдвинулъ ружье; — а вы стрѣляйте въ того, что ходитъ особнякомъ...

Выстрѣлы загремѣли и раскатились эхомъ по всей окружающей чащѣ; одинъ изъ оленей, лѣвый, упалъ на колѣни, постоялъ въ такомъ положеніи нѣсколько секундъ и медленно, безъ стона, безъ звука, склонился на траву, словно подкошенный: мѣткая пуля сразила его на повалъ. По своему оленю я далъ, одинъ за другимъ, пять выстрѣловъ, и только послѣдняя пуля настигла его уже на бѣгу: онъ споткнулся, упалъ на колѣни, но черезъ нѣсколько секундъ поднялся опять и сталъ уходить за далеко опередившими его товарищами. Повидимому, олень былъ раненъ, но раненъ легко; я сдѣлалъ вслѣдъ еще нѣсколько выстрѣловъ, но безъ успѣха. Быстро отвязалъ Перегоновъ отъ поводка своего Шарика и пустилъ его за медленно уходившимъ, замѣтно хромавшимъ звѣремъ. Шарикъ рванулся и вихремъ понесся по мягкой полянкѣ; мы побѣжали вслѣдъ за нимъ, стараясь не упустить изъ вида уходящаго звѣря. Шарикъ настигалъ уже раненаго оленя, какъ изъ чащи, шагахъ въ полутораста отъ насъ, выскочилъ огромный тигръ и тремя прыжками настигъ оторопѣвшую и бросившуюся въ сторону собаку... Раздался жалобный, протяжный вой и все смолкло...

Безотчетно приложилъ я къ плечу ружье и сдѣлалъ по тигру два послѣднихъ выстрѣла; хищникъ оторвался отъ собаки, яростно зарычалъ и, взмахнувъ своимъ длиннымъ хвостомъ, бросился на насъ: не было сомнѣнія, что одна изъ пуль ранила его и привела въ дикое, всесо-

крушающее остервенѣніе. Мы находились въ сильной опасности; ружья наши не были заряжены и зарядить ихъ не было возможности. Я растерялся до такой степени, что не могъ вложить въ магазинъ винтовки ни одного патрона; я точно одервенѣлъ...

— На дерево, живо!—крикнулъ мнѣ Перегоновъ, спѣша зарядить свое ружье, но было уже поздно. Тигръ приближался къ намъ гигантскими страшными прыжками...

Безсознательно бросился я къ ближайшему дубу и судорожно ухватился за первую вѣтвь, бросивъ ружье у самаго дерева; я хотѣлъ подняться и не могъ: мои силы были парализованы; въ глазахъ у меня помутилось, по тѣлу пробѣжалъ лихорадочный ознобъ... Мнѣ казалось, что черезъ секунду я буду въ лапахъ грознаго хищника, и страхъ, непреодолимый, охватившій все мое существо, отнималъ у меня способность движенія; секунды казались мнѣ долгими, томительными годами... Собравшись, наконецъ, съ силами, сбросивъ съ себя усиліемъ воли охватившее меня оцѣпенѣніе, я приподнялся на ослабѣвшихъ рукахъ и взобрался на дубъ въ тотъ моментъ, когда тигръ находился отъ меня всего въ двадцати шагахъ, въ разстояніи двухъ прыжковъ... Я былъ въ такомъ изнеможеніи, что едва держался на деревѣ; меня била сильная лихорадка... Озлобленный неудачей, хищникъ яростно ударилъ лапой по дубу и бросился на Перегонова; послѣдній былъ у дерева, когда тигръ почти настигъ его. Я съ ужасомъ увидѣлъ, что Перегонову не успѣть влѣзть на дерево, что смерть его неминуема... Еще секунда и, мнѣ казалось, онъ окончитъ свою жизнь во всеразрушающихъ зубахъ и лапахъ хищника; мнѣ сдѣлалось невыносимо страшно; я ждалъ катастрофы съ острой, щемящей болью въ сердцѣ... Вотъ тигръ сдѣлалъ послѣдній, гигантскій прыжокъ; первый моментъ мнѣ показалось, что Перегоновъ смятъ, но, всмотрѣвшись хорошенько, я увидѣлъ его невредимымъ, крѣпко прильнувшимъ къ толстому суку... Хищникъ промахнулся и, не разсчитавъ силы своего прыжка,

попалъ грудью между двумя дубами, развѣтвлявшимися въ видѣ вилы, отъ одного корня. Нѣсколько секундъ онъ оставался заклиненнымъ; съ яростнымъ ревомъ бился тигръ въ этихъ случайныхъ тискахъ, обдирая съ деревьевъ кору своими могучими лапами. Перегоновъ воспользовался этими секундами и быстро поднялся по дубу выше. Наконецъ, тигръ высвободился и съ ужасающимъ рычаніемъ бросился на дубъ, точно думая вырвать его съ корнемъ, чтобы только добраться до ненавистнаго врага. За первой безумной атакой послѣдовала вторая, третья, наконецъ, видя свое безсиліе сломить столѣтнее дерево, хищникъ отошелъ отъ дуба, легъ на траву и началъ зализывать свою рану; безумный гнѣвъ смѣнился разомъ какимъ-то ужасающимъ спокойствіемъ... Не было сомнѣнія, что тигръ рѣшился терпѣливо ждать, когда обстоятельства заставятъ насъ слѣзть съ деревьевъ и вступить съ нимъ въ послѣдній, смертный бой; онъ повидимому, рѣшился отмстить намъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось долго ждать этой минуты. Наше положеніе было почти безъисходное; вдали отъ человѣческаго жилья, мы не могли надѣяться на постороннюю помощь, между тѣмъ ружья остались во власти тигра. Мы были безоружны намъ оставалось или спуститься внизъ и вступить съ хищникомъ въ рукопашный бой, или же умереть съ голода въ нашихъ воздушныхъ позиціяхъ.

— Ваше благородіе,—крикнулъ мнѣ вдругъ Перегоновъ:—ружье при васъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—обронилъ какъ лѣзъ на дубъ.

— И я обронилъ, да только далече, сажени двѣ будетъ; а ваше близко?

— Близко, у самаго почти корня.

— Достать можете?

— Нѣтъ.

— А надо бы—безъ ружья мы пропали, ваше благородіе; я ее знаю, она ни за что теперь не уйдетъ, сильно обозлилась. Постойте, ваше благородіе,—проговорилъ

Перегоновъ послѣ короткаго размышленія: —я придумалъ: мы ружья сейчасъ выудимъ... Дѣлайте удочку!..

Перегоновъ снялъ съ себя парусинную рубаху, началъ разрѣзывать ее ножемъ на длинныя полосы; затѣмъ онъ сломилъ тонкую вѣтвь и привязалъ къ ней свою импровизированную лесу, на другой конецъ которой прикрѣпилъ деревянный крючекъ. Я послѣдовалъ его примѣру и сдѣлалъ такую удочку изъ носоваго платка.

— Господи, благослови! — проговорилъ Перегоновъ, окончивъ свою работу, и забросилъ свою удочку, стараясь ухватить крючкомъ за ружейный погонъ.

Тигръ слѣдилъ за нашими дѣйствіями, не спуская глазъ; онъ инстинктивно догадался о хитромъ замыслѣ своихъ враговъ, однимъ гигантскимъ скачкомъ приблизился къ заброшенной удочкѣ и съ яростнымъ рычаніемъ оборвалъ ее.

— Стойте, ваше благородіе, она хитра, бестія—ее не проведешь такъ:—крикнулъ мнѣ Перегоновъ:—я ее приманю къ себѣ, а вы, тѣмъ временемъ, ружье свое и доставайте... Съ Богомъ.

Перегоновъ спустился на нижнюю вѣтвь и сдѣлалъ видъ, что хочетъ сойти съ дуба; тигръ бросился къ нему съ глухимъ рычаніемъ и началъ лапами обдирать съ дуба кору, силясь добраться до своего врага. Перегоновъ досталъ изъ мѣшечка пули, хладнокровно перегнулся надъ хищникомъ и со всего розмаху пустилъ ему въ лобъ кусокъ свинца; вслѣдъ за первой пулей полетѣла такъ же мѣтко вторая, третья и т. д. Тигръ дошелъ до высшей степени ярости; онъ оглашалъ воздухъ дикими, страшными рычаніями, какъ безумный бросался на дубъ, точно желая вырвать его съ корнемъ, грызъ его зубами, рвалъ лапами и билъ о бока своимъ длиннымъ, гибкимъ хвостомъ. Нѣсколько разъ онъ подскакивалъ и былъ такъ близко отъ Перегонова, что я невольно содрагался за участь отважнаго охотника; но послѣдній, казалось, забавлялся безсильной яростью хищника и по прежнему систематично, хладнокровно про-

должалъ мѣтко пускать, пулю за пулей, въ его широкій крѣпкій лобъ.

Я воспользовался этой оригинальной борьбой человѣка съ тигромъ, осторожно забросилъ вновь удочку и благополучно приподнялъ на дубъ свою винтовку. Я вздохнулъ съ облегченіемъ и ухватился за ружье съ какой-то лихорадочностью; я чувствовалъ, что у меня въ рукахъ находится единственный якорь спасенія и боялся лишиться его вторично.

Перегоновъ тотчасъ же замѣтилъ мою удачу и немедленно ретировался на свою позицію.

— Ну, полно, поигралъ и довольно, — проговорилъ онъ весело, обращаясь къ своему неугомонному бойцу, все еще бросавшемуся въ слѣпой ярости на дерево: — ступай, поиграй теперь съ ихъ благородіемъ: у него игрушки получше будутъ.

Я быстро зарядилъ ружье, съ какимъ-то безотчетнымъ волненіемъ прицѣлился въ огромную массу хищника и спустилъ курокъ. Гулко пронесся выстрѣлъ по дубовой рощѣ и тотчасъ же замеръ въ болѣзненномъ, яростномъ рычаніи раненаго звѣря... Въ нѣсколько прыжковъ онъ очутился возлѣ меня; я невольно содрогнулся отъ ужаснаго вида разсвирѣпѣвшаго животнаго; изъ праваго бока его струилась черная кровь и орошала молодую, весеннюю траву... Я приложился опять и въ пяти шагахъ сдѣлалъ по тигру, одинъ за другимъ, четыре выстрѣла... Хищникъ глухо застоналъ, конвульсивно подпрыгнулъ и грузно упалъ на обагренную кровью траву... Предсмертная агонія его произвела на меня подавляющее впечатлѣніе: съ какой-то безсильной яростью рылъ онъ лапами землю и страшно щелкалъ своими крѣпкими зубами; изо рта его клубилась кровавая пѣна; съ сильнымъ хрипѣніемъ опрокинулся онъ, наконецъ, на спину, два раза повернулся, судорожно пошевелилъ своими ослабѣвшими лапами и... вытянулся... Мы сошли съ дубовъ: тигръ былъ уже мертвъ...

Бродяга Митька Грѣшный.

(Разсказъ изъ быта каторжныхъ).

I.

Первое знакомство.

О каторгѣ, Митька Грѣшный былъ извѣстенъ подъ именемъ Дмитрія Лопухова, крестьянина Орловской губерніи. Прозвище „Грѣшный“ онъ получилъ уже на каторгѣ отъ товарищей „по несчастью“, за его постоянный, однообразно лаконическій отвѣтъ на всѣ спросы начальства и любопытныхъ кандалышковъ относительно обстоятельствъ, вырвавшихъ Лопухова изъ родного Ольхина и пустившихъ его въ тяжелыхъ кандалахъ „по широкой, владимірской дорогѣ“, на безсрочную каторгу.

— За что попалъ ты въ каторгу? — нерѣдко спрашивали по дорогѣ Лопухова разные чиновники и любопытные проѣзжіе купцы, пораженные открытымъ, честнымъ лицомъ каторжнаго, рѣзко выдѣлявшимся изъ цѣлой серіи звѣрскихъ лицъ.

— За грѣхи! — угрюмо, рѣзко обрывалъ обыкновенно любопытныхъ Лопуховъ, глянувъ на нихъ своими черными, глубокими, блестящими глазами.

Любопытные отходили отъ Лопухова съ сознаніемъ неумѣстности своего щекотливаго вопроса и переходили къ другимъ „несчастнымъ“ *), отъ которыхъ выслушивали необыкновенно бойкіе, иногда даже въ высшей степени цинничные отвѣты на свои беззастѣнчивые, грубые вопросы.

Каторжные, любящіе надѣлять другъ друга всевозможными прозвищами, не замедлили воспользоваться лаконическимъ, угрюмымъ отвѣтомъ Лопухова и стали звать его не иначе, какъ Митькой Грѣшнымъ. Прозвище это не замедлило привиться къ Лопухову настолько сильно, что уже въ концѣ перваго года каторги онъ успѣлъ забыть свою настоящую фамилію и съ большой охотой сталъ откликаться на прозвище. Прошло еще нѣсколько времени, и прозвище окончательно поглотило фамилію, поглотило до такой степени, что даже въ оффиціальныхъ бумагахъ Лопуховъ началъ значиться не иначе, какъ подъ именемъ Дмитрія Грѣшнаго.

Сосланный на каторгу за убійство жены и ея любовника, Митька Грѣшный, раньше чѣмъ попасть на островъ Сахалинъ, побывалъ и въ Нерчинскомъ заводѣ, и на Нижне-Карійскихъ казенныхъ промыслахъ, и даже на частныхъ золотыхъ пріискахъ, находящихся на рѣкѣ Зеѣ, въ глухой, непроходимой тайгѣ, почти въ тысячѣ верстахъ отъ жилого мѣста. Митька Грѣшный переходилъ изъ одного мѣста въ другое не по своей охотѣ, а по волѣ неумолимаго начальства, желавшаго загнать его въ такую непролазную трущобу, изъ которой онъ могъ бы уйти развѣ только во чревѣ какого-нибудь хищнаго, голоднаго звѣря. Такое нерстное желаніе острожнаго начальства было вызвано необыкновенной, какой-то болѣзненной страстью Митьки къ бродяжничеству... Каждую весну, съ первой пѣсней кукушки, Митька дѣлался задумчивымъ, начиналъ тосковать, прятался отъ товари-

*) „Несчастнымъ“ нашъ народъ обыкновенно зоветъ всякаго преступника, идущаго въ тюрьму, въ ссылку или на каторгу.

щей и отказывался отъ заплеснѣвѣлаго куска казеннаго хлѣба и пустыхъ, острожныхъ, купоросныхъ щей, по поводу которыхъ у каторжныхъ сложилась даже поговорка: „Наши щи хоть кнутомъ хлещи: пузыря не вскочитъ и брюха не окормятъ“.

Потоскуетъ, потоскуетъ Митька и вдругъ, неожиданно для всѣхъ, не только для острожнаго начальства, но даже и для товарищей, скрывается изъ мѣста заключенія или работы, захвативъ съ собой кое-какія пожитки и скопленную заранѣе въ хоронушкахъ *) провизію. Всѣ поиски, самые энергичные и быстрые, не приводили обыкновенно ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, словно Митька проваливался въ землю или заносился за облака. Онъ пропадалъ безъ слѣда и пропадалъ обыкновенно до глубокой осени, до полнаго спада листа. Съ первыми же холодными днями онъ также неожиданно, какъ и бѣжалъ, являлся въ какой-нибудь сибирскій острогъ съ повинной, являлся обыкновенно въ страшно оборванной, измызганной одеждѣ, съ исхудалымъ, исцарапаннымъ лицомъ, съ руками и ногами въ ссинякахъ и занозахъ, но, тѣмъ не менѣе, болѣе веселымъ и здоровымъ духомъ. Лѣтнее бродяжничество дѣйствовало на Митьку Грѣшнаго въ высшей степени благотворно. Молча выносилъ онъ положенное число ударовъ розгами или плетьми и покорно возвращался къ мѣсту своихъ работъ, отъ котораго нерѣдко уходилъ за тысячу верстъ и болѣе. Гдѣ пропадалъ Митька, что дѣлалъ во время своего шестимѣсячнаго бродяжничества, чѣмъ питался — оставалось тайной не только для острожнаго начальства, но даже и для его товарищей, не смотря на ихъ ловкое выпытываніе о таинственныхъ похожденіяхъ неутомимаго бѣглеца. Въ одномъ только всѣ

*) Хоронушка — потайное мѣсто, устраиваемое обыкновенно въ подпольѣ, около печей, за печками, подъ половицами, въ стѣнахъ острога или каторжной казармы. На устройство таинственныхъ хоронушекъ обыкновенно расходуется вся необыкновенная изобрѣтательность каторжныхъ.

были убѣждены, что Митька не жилъ въ наймахъ по заимкамъ, а прятался отъ людского глаза въ непроходимой тайгѣ, въ лѣсной, заповѣдной чащѣ и все лѣто проводилъ только въ томъ, чтобы хоронить свои слѣды отъ всякаго, будь онъ такой же бродяга или поимщикъ — все равно. Самъ Митька обыкновенно упорно отмалчивался на всѣ .спросы товарищей, а тѣмъ болѣе своего начальства. Вообще онъ держался отъ всѣхъ въ сторонѣ, особнякомъ, и старался даже избѣгать заводить съ товарищами по заключенію самые обыденные разговоры, изъ боязни, чтобы тѣ не воскресили своими разспросами былыхъ, страшныхъ воспоминаній... Митька Грѣшный никогда никому не разсказывалъ о подробностяхъ своего преступленія и вообще старался даже избѣгать намека на невыносимыя обстоятельства, вырвавшія его изъ семейной обстановки и бросившія въ тяжелую жизнь безсрочнаго каторжника... Обыкновенно смирный и скромный, Митька Грѣшный дѣлался звѣремъ, если кто-нибудь позволялъ себѣ, въ шутку или серьезно, напомнить ему о его преступленіи. Онъ дѣлался положительно неузнаваемымъ: небольшая тщедушная фигура его словно внезапно выростала и принимала упругость стальной пружины; черные, обыкновенно тусклые, смотрящіе какъ бы внутрь, глаза загорались зловѣщимъ огнемъ и наливались кровью; на поблѣднѣвшихъ губахъ Митьки появлялась кровавая пѣна; все его тѣло приходило въ какое-то страшное содраганіе, точно пронизывалось электрической искрой... Не проходило и минуты, какъ онъ съ дикимъ, нечеловѣческимъ ревомъ бросался на того, кто позволилъ себѣ разбередить его душевныя раны. Въ этотъ моментъ Митька Грѣшный не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. У него вдругъ являлось ненасытное желаніе утолить себя кровью того, кто осмѣлился растравить его раны. Подъ невыносимымъ впечатлѣніемъ ужасныхъ воспоминаній, Митька два раза бросался на должностныхъ лицъ и нѣсколько разъ на своихъ товарищей по заключенію. Только счастливый

случай, благодаря которому у него не оказывалось подъ рукой никакого оружія, спасалъ чиновниковъ отъ смерти или увѣчья. За то изъ числа каторжныхъ, позволившихъ себѣ поглумиться надъ кровавымъ дѣломъ Митьки, одинъ былъ убитъ имъ на повалъ, а двое отдѣлались тяжкими увѣчьями.

Начальство взглянуло на выходки преступника настолько серьезно, что едва не предало его полевому суду; но, благодаря вмѣшательству острожнаго врача, объяснившаго дѣйствія Митьки, какъ теперь принято, „аффектомъ", послѣдній отдѣлывался за свои страшныя вспышки жестокими плетьми и тяжелой цѣпью, которою обыкновенно его приковывали или къ тачкѣ, или же къ стѣнѣ на болѣе или менѣе продолжительное время... Наказаніе плетьми Митька выносилъ съ удивительнымъ стоицизмомъ. Бывало, куски окровавленнаго мяса летятъ съ его плечъ подъ неумолимо-жестокими ударами палача, а онъ себѣ лежитъ на кобылѣ, словно деревянный чурбанъ, и не издаетъ даже слабаго стона. Только сильное вздрагиваніе тщедушнаго его тѣла, да закушенная до крови губа показывали, какія страшныя страданія выноситъ этотъ изможденный, несчастный преступникъ.....

Всю зиму обыкновенно Митька Грѣшный болѣлъ и залечивалъ рубцы отъ полученныхъ плетей. Съ первыми же теплыми днями онъ разомъ становился на ноги и, не смотря на самое зоркое вниманіе острожнаго начальства, при первомъ же удобномъ случаѣ, убѣгалъ и пропадалъ обыкновенно опять до глубокой осени. Положительно выбивались изъ силъ, какія предпринять бы мѣры противъ постоянныхъ, періодическихъ побѣговъ Митьки: ни цѣпь, ни запоры, ни плети не помогали. Съ наступленіемъ каждой весны всѣ мѣры обыкновенно оказывались недѣйствительными. Только что пахнетъ въ воздухѣ свѣжимъ, молодымъ, березовымъ листомъ, только что донесется до душнаго острога призывная пѣснь злодѣйки-кукушки, какъ Митька сбрасывалъ съ ногъ са-

мые прочные кандалы, ухитрялся выползать на свободу изъ подъ самыхъ крѣпкихъ запоровъ и безслѣдно исчезать въ невѣдомыхъ для всѣхъ мѣстахъ и трущобахъ... Острожное начальство теряло голову, переводило Митьку съ одного пріиска на другой, изъ одного завода въ другой, все дальше и дальше отъ родного Ольхина, и, наконецъ, препроводило его на самую отдаленную окраину безконечно раскинувшейся матушки Россіи, на уединенный, суровый Сахалинъ, съ котораго, казалось бы, бѣгство положительно было невозможно.

II.

Наступленіе весны.

Зима на исходѣ... Величественный, многоводный Амуръ уже взломалъ свою ледяную броню и несетъ ее въ милліонахъ разбитыхъ, раздробленныхъ кусковъ на песчаныя отмели острова Сахалина, ревниво заслонившаго устье великой рѣки, этой грандіозной, столбовой дороги Восточной Сибири. Сильнымъ теченіемъ льдина нажимаетъ на льдину и сплошной массой лѣзутъ онѣ на отмели, уже загроможденныя безобразными глыбами наноснаго льда, изнывающаго подъ первыми теплыми лучами солнца, только что прошедшаго точку весенняго равноденствія...

Вотъ подулъ легкій, южный вѣтеръ и принесъ съ собой густой, солоноватый туманъ—предвѣстникъ быстро приближающейся, давно ожидаемой, весны. Сплошнымъ, непроницаемымъ покровомъ насѣдаетъ онъ на роскошныя, живописныя, базальтовыя скалы, діориты и діоритовые порфиры, далеко выступившіе въ море, въ видѣ въ высшей степени грандіозныхъ, фантастическихъ кекуръ *), еще не сбросившихъ со своихъ голыхъ вершинъ

*) Кекура — отдѣльно стоящая, далеко выступившая въ море скала.

блестящихъ, пышныхъ, сверкающихъ на солнцѣ снѣжныхъ шапокъ... Медленно, сплошной стѣной наступаетъ туманъ на отвѣсный берегъ угрюмаго, непривѣтливаго Сахалина, обнажившаго въ своихъ высокихъ обрывахъ неистощимыя залежи минеральнаго угля, со всѣми ихъ уклоненіями и перерывами. Туманъ упорно ползетъ все дальше и дальше, все выше и выше... Постепенно окутываетъ онъ хребтовыя, лѣсныя трущобы, спускается въ многочисленныя, таинственныя пади и стелется надъ потемнѣвшей уже поверхностью безчисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ, несущихъ свои быстрыя, свѣтлыя воды на западъ и востокъ, въ Японское море и Тихій океанъ.

Солнце постепенно начинаетъ входить въ свои права и медленно, но безповоротно разрушаетъ обаяніе продолжительной, суровой зимы. Чаще и чаще проглядываетъ оно на ясномъ небѣ и обдаетъ угрюмый, застывшій за зиму Сахалинъ своими теплыми, яркими, словно ласкающими лучами... Въ воздухѣ начинаетъ пахнуть весной... Быстро таютъ снѣжные сугробы и пышныя, снѣговыя шапки фантастическихъ кекуръ, выдвинутыхъ съ морскаго дна вулканической, могущественной силой... Многочисленныя рѣчки и ручьи быстро вздуваются и энергично рвутъ свои ледяные покровы... Всюду слышится то бурливый ропотъ, то веселое журчанье освобожденныхъ водъ... Изъ отвѣсной стѣны острова, изъ глубокихъ расщелинъ крутыхъ, разорванныхъ утесовъ ниспадаютъ, съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ, небольшіе, пѣнящіеся каскады, разсыпаясь въ воздухѣ на милліоны блестящихъ радужныхъ брызгъ.

До сихъ поръ безмолвный, пустой лѣсъ оглашается рѣзкими криками первыхъ вѣстниковъ весны—грачей... Величественные кедры и стройныя лиственницы, мохнатыя ели и крѣпкіе, горные вязы, ольха и береза постепенно сбрасываютъ съ себя фантастическія кружева, навѣшанныя на нихъ недавними морозами, и начинаютъ расправлять свои закоченѣвшія вѣтви... Оттаявшіе корни усиленно втягиваютъ изъ отогрѣтой земли живи-

тельные соки и гонятъ ихъ къ вершинамъ деревьевъ, слегка покачиваемыхъ легкимъ, южнымъ вѣтеркомъ... Постепенно наливаются почки и лопаются подъ животворнымъ вліяніемъ теплаго, весенняго солнца... Въ воздухѣ слышится чудный, смолистый запахъ быстро распускающейся листвы... Хребты, пади, долины рѣчекъ и ручьевъ покрываются нѣжнымъ ковромъ ярко зеленыхъ побѣговъ молодой травы... Лѣса и рощи оживляются все больше и больше... Звонче и разнообразнѣе становятся голоса птицъ, вернувшихся изъ теплыхъ краевъ на родныя мѣста... Прошла еще недѣля, и весна въ полномъ разгарѣ, весна животворная, радостная, съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидаемая несчастными, преступными обитателями грязныхъ, душныхъ остроговъ и не менѣе грязныхъ арестантскихъ, каторжныхъ казармъ, разбросанныхъ въ самой дикой глуши необъятной Сибири... Среди разнообразныхъ, веселыхъ звуковъ животной жизни, охватившей самыя заповѣдныя, таинственныя мѣста обновленной тайги, слышится въ лѣсной чащѣ призывный голосъ чародѣйки кукушки... Звонко раздается онъ подъ душистымъ сводомъ молодой, только что распустившейся листвы и несется дальше и дальше, за крѣпкія стѣны и запоры туда, гдѣ тысячи заключенниковъ трепетно ждутъ этого, давно желаннаго призыва вѣщей цтицы... Жадно вслушивается, Митька Грѣшный въ звонкій, однообразный, тянущій за сердце крикъ кукушки. Крѣпко прижалъ онъ свое поблѣднѣвшее лицо, покрытое крупными каплями холоднаго пота, къ крѣпкой, желѣзной рѣшеткѣ и всматривается лихорадочными глазами въ темнѣющую вдали лѣсную чащу, изъ которой несутся радостные, столько мѣсяцевъ ожидаемые, звуки: „Ку-ку!.. Ку-ку!.. Ку-ку!..“ И слышится ему въ этихъ холодныхъ, однообразныхъ звукахъ горячій призывъ къ желанной свободѣ... „Пора, пора!“—чудится Митькѣ въ пѣснѣ кукушки:—„Сбрасывай кандалы, бѣги въ тайгу!.. Она не заморозитъ тебя!.. Тепло, хорошо въ тай-

гѣ!.. Она пропитаетъ тебя—не умрешь съ голода!.. Чего задумываться? Бѣги!.. Худая воля лучше хорошей неволи"!..

„Какъ проберусь я съ острова, куда пойду?.."—тѣснятся въ воспаленной головѣ Митьки тревожные вопросы:—„Все новыя мѣста, незнакомыя"!..

„Пора, пора!" — чудится ему опять въ однообразномъ кукованіи затаившейся въ чащѣ птицы.—„Не задумывайся!.. Ты опытный бродяга!.. Не ты первый, не ты послѣдній бѣглецъ съ Сахалина! Бѣги, бѣги"!.. — Энергично тряхнулъ стриженной головой Митька и отошелъ отъ окна, побрякивая тяжелыми кандалами... Забился онъ въ самый отдаленный уголъ опустѣвшей казармы, присѣлъ на грязныя нары и впалъ въ глубокое, тяжелое раздумье...

Въ казармѣ царствовала необычайная тишина. Почти всѣ каторжные ушли на работу въ угольныя копи, остались только тѣ, кто былъ избавленъ на время отъ работы по мнимой *) или дѣйствительной болѣзни.

Думы занесли Митьку Грѣшнаго далеко, въ таежныя, привольныя мѣста... Не замѣтилъ онъ, какъ подошелъ къ нему первый силачъ въ Дуэ, каторжникъ Бажинъ, по прозванью Майданщикъ **). Это былъ мужикъ необыкновенныхъ размѣровъ, съ воловьей, короткой шеей и большой, угловатой головой. Лицо Майданщика было изрыто оспой; маленькіе, свиные глазки смотрѣли зорко, постоянно перебѣгая съ предмета на предметъ; выдавшаяся впередъ нижняя челюсть, съ крѣпкими, острыми зубами, придавала лицу Майданщика какое-то непріятное, въ высшей степени хищное выра-

*) Каторжные, желая избавиться отъ тяжелой работы, часто прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ и мастерски создаютъ разныя мнимыя болѣзни; растравливаютъ раны, производятъ воспаленіе глазъ, стягиваютъ сухожилья и т. п.

**) Въ каждомъ острогѣ и арестантской казармѣ существуетъ такъ называемый „майданъ". Это, въ тѣсномъ смыслѣ, очищенное на нарахъ мѣсто, на которомъ производится игра въ карты, кости и около котораго группируются всѣ игроки. Майданщикъ—откупщикъ майдана, обыкновенно наиболѣе зажиточный каторжникъ.

женіе. Бажинъ пользовался на Сахалинѣ репутаціей кровожаднаго звѣря, для котораго жизнь человѣческая—трынъ трава, играетъ-ли она въ холенномъ, дряблomъ тѣлѣ богатаго купчины, или же едва влачитъ свое печальное существованіе въ изможденномъ исполосованномъ плетью и розгами тѣлѣ такого-же каторжнаго, какимъ былъ самъ Майданщикъ...

Долго всматривался Бажинъ въ сильно исхудавшее блѣдное лицо Митьки Грѣшнаго, словно стараясь отгадать его затаенныя мысли...

— Ты что задумалъ?—проговорилъ онъ, наконецъ, сиплымъ, сильно испитымъ голосомъ.

Митька вздрогнулъ и поднялъ свои черные, глубоко впавшіе, глаза на Майданщика.

— Сказывай безъ обману,—продолжалъ послѣдній, подсаживаясь на нары: — ты что задумалъ: кукушку слушать *) или только простокишки поѣсть **)?.. Говори безъ обману: я не ябедникъ и не доносчикъ... Самъ съ тобою уйду, коли дѣло задумалъ, а не дурь какую...

— Кукушку слушать пойду! — твердо отвѣтилъ Митька Грѣшный: — Уйду въ таежныя мѣста!.. Не въ терпежъ мнѣ стало!.. Уйти бы только съ острова, а тамъ поминай какъ звали...

— Была-бы охота!..— проговорилъ Бажинъ весело:— На то и голова намъ въ плечи ввинчена, чтобы дорогу къ кукушкѣ сыскать!.. Слушай, другъ,—продолжалъ Майданщикъ таинственнымъ голосомъ, послѣ короткой паузы: — Полюбился ты мнѣ... Бѣжимъ вмѣстѣ!.. Ты бродяга опытный—мы не затеряемся... У тебя уже все должно, припасено?.. У меня также въ хоронушкѣ запасецъ есть, да змѣйка (пилка): живо ею ножные брушлеты перехватимъ...

---

*) Кукушку слушать—техническое выраженіе арестантовъ. Значитъ: „бѣжать на продолжительное время".

**) Простокишку (простоквашу) ѣсть—бѣжать на короткое время и вернуться въ тюрьму.

— Ладно, по рукамъ! — согласился Митька, польщенный тѣмъ, что Бажинъ причислилъ его къ опытнымъ бродягамъ.

— Молодецъ! —похвалилъ Майданщикъ таварища! — Пойдемъ теперь хамло (водку) пить... У меня въ хоронушкѣ припасено довольно... А тамъ и гайда къ генералу Кукушкину на вѣсти!..

III.

Въ казармѣ.

Арестанты только что поужинали—съѣли по куску черстваго, плохо пропеченнаго хлѣба съ кирпичнымъ чаемъ, безъ сахару... Въ каторжной казармѣ, едва освѣщенной чадными ночниками, царитъ какое-то дикое оживленіе, граничащее съ вакхическимъ разгуломъ... Стономъ стонетъ казарма... Точно стараются всѣ какъ можно рѣзче выказать отвратительнѣйшія стороны человѣчества: здѣсь спорятъ, тамъ ругаются, забрасывая другъ друга самыми отборными, арестантскими, донельзя циничными, словами; дальше идетъ какая-то безобразная свалка изъ-за гроша или прогнившей онучи... Еще дальше, съ десятокъ человѣкъ окружили майданъ и съ какой-то дикой страстью играютъ въ карты, до невозможности засаленныя и обмочаленныя. Ставка самая разнообразная: болѣе зажиточные пускаютъ въ игру на конъ пятаки, заработанные или краденные; другіе за неимѣніемъ денегъ ставятъ на карту казенную одежду, отъ куртки до онучи, паекъ до послѣдней крошки, хлѣбъ и даже соль... Если было бы возможно, то приняли бы на конъ и человѣческую душу!..

Въ одномъ углу казармы, не смотря на хаосъ и шумъ, поютъ хоромъ пѣсни, но, Боже, какъ поютъ!.. Это не пѣніе, а какой-то хриплый ревъ дикихъ звѣрей,

старающихся перерѣвѣть одинъ другаго, старающихся заглушить дикимъ воплемъ гнетущую душу тяжесть..

Бывало у соколика времячко:
Леталъ-то соколъ высокохонько,
Высокохонько леталъ по поднебесью!..
Ужь-то онъ билъ-побивалъ гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, утокъ сѣрыихъ...

ревутъ нѣсколько десятковъ арестантовъ, силящихся вылить въ пѣснѣ свое тяжелое, тюремное горе...

Въ другомъ концѣ казармы идетъ пляска... Плясуны, гремя кандалами, стараются перещеголять одинъ другаго, и съ какимъ-то дикимъ азартомъ отбиваютъ закованными ногами дробь по до нельзя загаженному, загрязненному полу... Пляшутъ подъ аккомпанементъ лихой, острожной пѣсни:

Что за шутова коляска
Показалась въ городу?
Коней пару запрягаютъ,
Подаютъ ее сейчасъ,
Подаютъ эту коляску
Ко парадному крыльцу:
Сажаютъ бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу...
Палачъ Федька разбѣжался,
Меня за руки беретъ;
Становитъ меня, мальчишку,
У траурнаго столба...

бойко выводятъ каторжные своими хриплыми, испитыми голосами. Каторжникъ Рощинъ, по прозвищу Нырокъ, первый плясунъ на дуйской каторгѣ, отплясываетъ подъ звуки острожной пѣсни такой трепакъ, что любо-дорого смотрѣть. Грязный полъ стонетъ подъ бойко выбивающими дробь ногами; здоровенныя посвистыванья Нырка слышатся во всѣхъ концахъ обширной казармы... Подобравъ кандалы и заломивъ на гладко стриженный затылокъ сѣрую, арестантскую шапку, Рощинъ ловко выкидываетъ ногами самыя замысловатыя, отчаянныя колѣнца, то ходитъ гоголемъ, то лихо кружится въ удалой пляскѣ...

Палачъ Федька разбѣжался—
Рубашенку разорвалъ,
На машину меня клалъ.
На машину меня клали,
Руки, ноги привязали
Сыромятнымъ ремнемъ...
Береть Федька кнутья въ руки,
Закричалъ: «братъ, берегись!..»
Онъ ударилъ въ первый разъ—
Полились слезы изъ глазъ!..

гремитъ доморощенная пѣсня среди невообразимаго гама и крика остальныхъ каторжныхъ.

Толпа арестантовъ съ видимымъ удовольствіемъ любуется лихимъ Ныркомъ и невольно семенитъ ногами, какъ бы желая сейчасъ пуститься съ нимъ въ присядку и вспомнить веселые, деревенскіе хороводы... Со всѣхъ сторонъ слышатся поощренія и одобренія...

— Ай, лихо, Нырокъ!.. Молодчина!.. Ишь, шельмецъ, какъ онъ того, ногами-то перебираетъ!—слышится съ одной стороны.

— Прибавь жару!—кричатъ съ другой: - Валяй! Позванивай кандалами бойчѣе!

Какъ-то дико гудитъ среди хаотическаго шума, ругани и спора плясовая пѣсня, перебиваемая заунывнымъ воплемъ, несущимся съ другого конца казармы:

А нонѣ соколу время нѣту:
Сидитъ-то соколъ во поимани,
Во той во золотой клѣточкѣ,
На серебряномъ сидитъ на шесточкѣ,
Рѣзвы его ноженьки во опуточкахъ!..

Не слышитъ Нырокъ этого вопля и не хочетъ слышать!.. Лихо отбиваетъ онъ трепакъ въ тактъ гремящей вокругъ него плясовой пѣсни, носится вихремъ, а кругомъ все еще слышатся поощрительные возгласы „Прибавь жару!.. Махни во всю удалую!.. Не жалѣй ногъ!.. Побрякивай брушлетами бойчѣе“!..

Въ самомъ отдаленномъ, темномъ углу казармы сидятъ на нарахъ наши знакомцы Майданщикъ и Митька Грѣшный, намѣренно уединившіеся отъ товарищей.

— Помни уговоръ,—шепчетъ Майданщикъ Митькѣ:— Какъ только наши угомонятся и я потушу ночникъ, сбрасывай подпиленные брушлеты на нары и ползи къ угловому окну.,. Захвати свой маршрутъ (буракъ съ припасами) да жуликъ (ножъ)... Рѣшотку я уже подпилилъ, стоитъ нажать легонько и въ пиляпѣ дѣло... Только бы подъ пулю не нарваться,—прибавилъ онъ съ легкой тревогой.

—Ладно,—самоувѣренно отвѣтилъ Митька Грѣшный:—не въ первой бѣгать!.. Я тебя выведу.. Только помни: внизъ не прыгай, а то какъ разъ на штыкъ наткнешься, а лѣзь, какъ я сказалъ, по угловому срубу-то вверхъ, на крышу... А тамъ выберемъ мѣстечко и спустимся: у меня и веревка есть... Скрутилъ я ее изъ суконныхъ полосъ— всю куртку казенную на полосы изрѣзалъ, да штаны...

— Молодчина, я вижу, ты!—похвалилъ Майданщикъ Митьку:—Все-то ты видишь... Не даромъ я, видно, почуялъ въ тебѣ опытнаго бродягу...

— Бѣгалъ не разъ—не привыкать стать!—самодовольно прошепталъ Митька, польщенный похвалой товарища:—А теперь слушай: наши тамъ разыгрались въ картишки, пожалуй всю ночь проиграютъ, намъ помѣшаютъ. Надо бы ихъ пугнуть!..

— Какъ пугнешь-то?—съ сомнѣніемъ спросилъ Майданщикъ.

— Экой ты недогадливый! Поди да и предложи имъ встать на стражу, а какъ заиграются—ты и крикни: „стрема“ *) (идутъ!) Угомонятся!

— И то правда!—весело прошепталъ Майданщикъ:— Ловкачъ-же ты, доложу я тебѣ!

— А ты думалъ что!—съ самодовольствіемъ проговорилъ Митька Грѣшный и направился къ своей койкѣ.

---

*) Картежная игра въ арестантскихъ казармахъ запрещена, а потому игроки всегда ставятъ на стражѣ одного изъ каторжныхъ, который обязанъ оповѣщать товарищей о приближеніи опасности. Для этого служитъ условное выраженіе: „стрема!“ По этому крику майданъ немедленно исчезаетъ, свѣча гасится, карты быстро прячутся и всѣ ложатся спать, какъ ни въ чемъ не бывало.

IV.

Бѣгство.

Близко полуночи. Пѣсни, ругань, безобразный шумъ и крики въ казармѣ прекратились. Большинство арестантовъ угомонилось послѣ тяжелой, двѣнадцати часовой работы и широко разметались они на грязныхъ, измызганныхъ блинахъ—тюфякахъ. Очень немногіе, не смотря на позднее время, сидятъ у майдана и играютъ въ карты.

Въ казармѣ, не смотря на настежь открытыя окна, ужасная духота и запахъ; поставленная на ночь параша (кадка) распространяетъ вокругъ себя нестерпимое, ѣдкое зловоніе—источникъ многихъ арестантскихъ болѣзней.

Ночь темная, непроглядная. Въ казармѣ, тускло освѣщенной дымными ночниками, распространяющими вокругъ ѣдкій чадъ, царствуетъ полумракъ. У майдана нѣсколько свѣтлѣе: вставленная въ бутылку сальная, сильно нагорѣвшая, свѣча бросаетъ на суровыя, разгорѣвшіяся отъ страсти, лица игроковъ неровный, колеблющійся свѣтъ. Играютъ молча, лихорадочно; изрѣдка слышится сдержанный споръ изъ-за ставки и затѣмъ опять раздается только звонкій хлястъ засаленныхъ картъ.

— Стрема! — неожиданно раздался оповѣщающій крикъ стоявшаго на стражѣ Майданщика.

Майданъ мигомъ исчезъ, и игроки разбѣжались по своимъ койкамъ. Майданщикъ быстро потушилъ ночники и въ казармѣ наступила непроницаемая тьма.

Митька Грѣшный, все время не спавшій, безшумно сползъ съ своего тюфяка, оставивъ на немъ перепиленные кандалы, ощупью добрался до своей хоронушки, досталъ изъ нея что надо и осторожно сталъ пробираться къ намѣченному имъ угловому окну.

Тамъ уже ждалъ его Майданщикъ, расшатывавшій своими богатырскими руками подпиленную рѣшетку.

— Ну, что?—едва слышно спросилъ Митька.

— Сейчасъ готово! — тѣмъ-же шопотомъ отвѣтилъ Майданщикъ, налегая на рѣшетку и безъ шума вытаскивая три подпиленныя заранѣе желѣзныя полосы.

Какъ кошка проползъ Митька Грѣшный въ образовавшееся въ рѣшеткѣ отверстіе, осторожно добрался до угловаго сруба и ловко полѣзъ по выдавшимся концамъ бревенъ на крышу. Майданщикъ не замедлилъ послѣдовать за товарищемъ. Черезъ минуту, оба бѣглеца были уже на крышѣ и безшумно ползли къ наименѣе охраняемой стѣнѣ казармы. Митька доползъ первымъ и чутко сталъ прислушиваться, стараясь уловить въ ночномъ воздухѣ малѣйшій подозрительный шорохъ, который свидѣтельствовалъ бы о близкомъ присутствіи часоваго. Кругомъ господствовала таинственная, мертвая тишина. Повидимому, часовые сладко дремали въ своихъ полосатыхъ будкахъ и не подозрѣвали о бѣгствѣ изъ казармы двухъ каторжниковъ, притаившихся теперь на крутомъ скатѣ острожной, тесовой крыши. Митька быстро досталъ изъ своего маршрута свитую изъ суконныхъ полосъ веревку; одинъ конецъ ея онъ привязалъ къ ближайшей дымовой трубѣ, а другой — осторожно спустилъ съ крыши на землю. Въ этотъ моментъ раздался внизу, почти подъ ногами бѣглецовъ, глухой кашель часоваго. Бѣглецы плотно прижались къ крышѣ и затаили дыханіе. Черезъ минуту Митька Грѣшный, какъ болѣе смѣлый и рѣшительный, свѣсился съ крыши и зорко началъ всматриваться въ ночную тьму, въ надеждѣ опредѣлить точное положеніе часового. Напрасно напрягалъ Митька свои зоркіе глаза. Темень была непроглядная, и онъ едва только разсмотрѣлъ верхній косякъ ближайшаго окна; всѣ предметы, расположенные ниже, были, казалось, прикрыты чернымъ сукномъ. Тѣмъ не менѣе, Митька инстинктивно чувствовалъ, что часовой стоитъ на мѣстѣ и чѣмъ-то занятъ. Мало того, бродягѣ вдругъ показалось, что въ ночной тьмѣ засвѣтились вдругъ упорно обращенные на него глаза. Митьку обдало холодомъ; сердце его замерло и, казалось, ушло

куда-то отъ страха; жадно вперилъ онъ расширенные зрачки въ пространство и, какъ очарованный, не можетъ оторвать своихъ глазъ отъ глазъ невидимаго человѣка. Вотъ, онъ уже начинаетъ разглядывать, что упорно направленные на него страшные глаза принадлежатъ усатому, корявому лицу Корнева—самаго суроваго и жестокаго солдата изъ всей дуйской команды. Митька отлично уже видитъ заломленную на затылокъ кепку, изъ подъ прямаго козырька которой выглядываетъ Корневъ на бѣглеца съ злобнымъ, неумолимымъ выраженіемъ. Вотъ блеснулъ въ ночной тьмѣ стволъ ружья. Видитъ Митька, ясно видитъ, что Корневъ приложился и направилъ дуло своего ружья прямо въ его свѣсившуюся съ крыши голову. Въ глазахъ его заходили красные круги. Едва, едва онъ не скатился съ крыши кубаремъ и не смѣрилъ спиной высоту каторжной казармы. Съ трудомъ удержался бродяга на крышѣ своими обезсилѣвшими отъ страха руками и съ секунды на секунду ожидалъ смертельнаго выстрѣла. Прошло нѣсколько мгновеній. Вдругъ чуткое ухо Митьки Грѣшнаго уловило въ ночной тишинѣ усиленное чирканье спички совсѣмъ въ другой сторонѣ отъ страшнаго Корнева. Инстинктивно повернулъ онъ голову въ ту сторону и черезъ секунду увидѣлъ красноватое пламя зажженной спички, освѣтившее худое, безбородое лицо солдата Невѣрова, закуривающаго только что набитую подмоченной махоркой носогрѣйку. Митька Грѣшный быстро повернулъ голову на Корнева: послѣдняго какъ не бывало. Отлегло у бродяги отъ сердца, и онъ почувствовалъ въ себѣ опять прежнія силы.

— Ишь ты, почудилось!—подумалъ онъ и сталъ слѣдить за Невѣровымъ.

Послѣдній не спѣша закурилъ трубку, и черезъ секунду раздались въ ночной тишинѣ его мѣрные, спокойные шаги. Нѣсколько разъ блеснулъ во тьмѣ вспыхивающій огонекъ трубки и, наконецъ, скрылся за угломъ казармы. Шаги Невѣрова уже слышались въ отдаленіи и, наконецъ, замолкли.

— Спускайся! Живо!—шепнулъ Митька притаившемуся у дымовой трубы Майданщику.

— Полѣзай первымъ!—отвѣтилъ трусливый Майданщикъ.

Митька не заставилъ себя упрашивать. Не теряя дорогаго времени, онъ ловко ухватился за самодѣльную веревку, быстро, безшумно спустился съ крыши на землю и сталъ пробираться къ ближайшимъ кустамъ.

Не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ услышалъ позади себя глухой ударъ упавшаго съ высоты тѣла и затѣмъ сдержанный стонъ: повидимому, суконная веревка не выдержала грузнаго Бажина и оборвалась... Митька, не задумываясь, бросился назадъ — на выручку товарища. Взвалить на плечи ошеломленнаго паденіемъ Бажина — было ему дѣломъ одной секунды: страшная, смертельная опасность удесятерила его силы. Въ этотъ моментъ блеснула въ ночной тьмѣ яркая молнія... Загремѣлъ пущенный наугадъ выстрѣлъ часоваго и глухо разнесся по окрестнымъ холмамъ... Митька Грѣшный, какъ бѣшенный, рванулся со своей тяжелой ношей къ кустамъ, спѣша скрыться отъ поднявшаго тревогу часоваго. Близкая опасность окрылила его и придала ему нечеловѣческую мощь; бойко шагалъ онъ по кочковатой землѣ съ Бажинымъ на плечѣ, точно по хорошо убитой, шоссейной дорогѣ. Но вотъ и кусты!.. Клиномъ врѣзался въ нихъ Митька и быстро сталъ пробираться въ самую чащу... Гибкія вѣтви калины и лещины хлестали по его глазамъ; колючая азалія и шиповникъ царапали лицо, шею, руки и въ клочья рвали арестантское, гнилое платье. Но онъ шелъ все дальше и дальше, словно вылитый изъ стали гигантъ, не чувствующій боли, усталости и изнеможенія... Митька Грѣшный отлично слышалъ, что ихъ уже ищутъ! Слышалъ позади себя громкій разговоръ, ругательства и споры сбѣжавшагося на выстрѣлъ караула, а онъ безъ устали шелъ со своей тяжелой ношей все глубже и глубже въ кусты, дальше и дальше отъ суетящихся

солдатъ... Сколько онъ прошелъ, Митька не могъ, отдать себѣ отчета. Но вотъ голоса преслѣдующихъ смолкли и кругомъ опять наступила мертвая тишина... Солдаты поискали, для очищенія совѣсти, въ ближайшихъ кустахъ и возвратились въ казарму съ увѣренностью, что бѣглецы далеко не уйдутъ.

Какъ только опасность миновала. Митька Грѣшный вдругъ почувствовалъ страшное изнеможеніе. Бажинъ лежалъ на его плечѣ сто-пудовой гирей и до нестерпимой боли ломилъ тонкую ключицу. Съ нечеловѣческимъ трудомъ прошелъ Митька еще нѣсколько шаговъ и остановился; идти дальше стало уже не въ моготу... Только что онъ опустилъ Бажина на мягкую траву, какъ у него закружилась голова, въ глазахъ пошли огненные круги и онъ безъ чувствъ грохнулся рядомъ со своимъ товарищемъ.

V.

Въ тайгѣ.

Солнце только что поднялось изъ-за горизонта, скользнуло своими мягкими, ласкающими лучами по зеркальной поверхности словно заснувшаго океана и озолотило мохнатыя, щетинистыя вершины крутаго, сахалинскаго, водораздѣльнаго хребта, дикаго, неизвѣданнаго и таинственнаго. Въ глубокихъ долинахъ и заповѣдныхъ падяхъ лежитъ еще темная тѣнь. Въ глухой, едва проходимой заросли только что распустившейся, душистой листвы, господствуетъ таинственный полумракъ, среди котораго едва можно разглядѣть осторожно пробирающихся къ сѣверу бѣглыхъ: Митьку Грѣшнаго и Бажина Майданщика. Вотъ уже пятый день бредутъ они по самымъ дикимъ, таежнымъ мѣстамъ, непролазными чащами, съ увала на увалъ. Арестантскіе ихъ куртки и штаны, сшитые изъ сѣраго, толстаго сукна, уже превратились въ жалкія лохмотья, сквозь которыя просвѣ-

чиваетъ худое, исцарапанное колючимъ кустарникомъ тѣло... Ихъ избитыя, покрытыя кровавыми пузырями и ранами ноги обуты въ какую-то неопредѣленную рвань въ какую-то измочаленную смѣсь гнилой кожи, сѣраго сукна и грязныхъ тряпокъ. Исцарапанныя лица и руки бродягъ запачканы грязью и кровью.

За истекшія четверо сутокъ бродяги вынесли много невзгодъ, испытали много лишеній, страха и страданій, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ. Пятый день пробираются они по самымъ заповѣднымъ, таежнымъ мѣстамъ, по извилистымъ, звѣровымъ тропамъ, таясь отъ человѣческаго взора, избѣгая встрѣчи съ людьми и хищнымъ звѣремъ въ одинаковой степени. Они знаютъ, что обѣ встрѣчи могутъ быть для нихъ одинаково гибельными. Нѣтъ, они даже предпочитаютъ встрѣчу съ медвѣдемъ, чѣмъ съ человѣкомъ. Первый, пожалуй, еще раздумаетъ ѣсть сухое, жилистое мясо изможденныхъ каторжныхъ, но человѣкъ навѣрняка угоститъ бѣглецовъ свинцовымъ орѣшкомъ. Особенно хоронятся бродяги отъ инородцевъ, косоглазыхъ гиляковъ и грязныхъ орочонъ, любящихъ поохотиться на горбачей *) (бѣглыхъ), въ надеждѣ поживиться кое-какой рванью и ошметками.

„Худенькій бѣглый лучше доброй козы—съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣглаго двѣ и три", говорятъ сибирскіе инородцы, и, сообразуясь съ этой поговоркой, пользуются каждымъ случаемъ, чтобы подстрѣлить двуногаго звѣря—горбача и захватить его лопатину **). Знаютъ это наши бѣглецы и берегутъ свою рвань, хоронятъ ее отъ зоркаго глаза инородца и далеко обходятъ жалкія юрты гиляковъ и берестяные шалаши бродячихъ орочонъ, обходятъ, чтобы вѣчно голодныя собаки дикарей не почуяли бродягъ и не навели на ихъ слѣдъ своихъ хозяевъ. Митька, какъ старый, болѣе опытный, бродяга, служитъ проводникомъ Май-

*) Горбачемъ зовутъ инородцы бѣглыхъ каторжниковъ съ непзмѣнной котомкой на спинѣ.

**) Лопатина—носильное платье бродяги.

данщику, который, какъ собака, покорно бредетъ по пятамъ своего неутомимаго товарища, едва волоча вывихнутую, сильно распухшую лѣвую ногу—ушибъ отъ неожиданнаго паденія съ острожной крыши. Съ каждымъ шагомъ Бажинъ морщитъ свое широкое, скуластое лицо и крѣпко стискиваетъ острые зубы. Невыносимая, острая боль въ ногѣ выжимаетъ изъ мощной груди глухой, съ трудомъ сдерживаемый, стонъ... Крѣпится, бодрится Майданщикъ... Совѣстно ему выказать передъ хилымъ товарищемъ свою слабость, немощь своего богатырскаго тѣла. Опираясь на свѣже вырѣзанный, березовый костыль, безропотно ковыляетъ онъ за опытнымъ вожакомъ и даже не думаетъ о томъ, скоро-ли кончится тяжелое шатанье по глухой тайгѣ... Да и зачѣмъ думать объ этомъ, когда свобода каторжника вся и заключается именно въ этомъ безцѣльномъ шатаніи по таежнымъ мѣстамъ, въ неизвѣстную даль, все впередъ и впередъ, пока онъ не сложитъ своей головы отъ истощенія, либо болѣзни въ какой-нибудь дикой непросвѣтной трущобѣ, пока не попадетъ на острые зубы какого-нибудь лѣснаго хищника или-же не пронижетъ его тѣло мѣткая пуля встрѣчнаго дикаря. Страшна эта свобода, но все таки каторжная жизнь страшнѣе, и выбора быть не можетъ. Лучше смерть на волѣ, чѣмъ жизнь въ тяжкой неволѣ, въ душномъ острогѣ...

Не обращая вниманія на свои избитыя ноги, Митька Грѣшный бойко шагаетъ по извилистой, звѣриной тропѣ, чутко прислушиваясь къ малѣйшему шороху и шелесту, зорко всматриваясь своими черными глазами въ окружающую таинственную чащу. Грудь его дышетъ свободно и легко... Съ какимъ то неизъяснимымъ блаженствомъ втягиваетъ онъ расширенными ноздрями душистый, смолистый запахъ недавно распустившейся листвы... Свобода преобразила Митьку до неузнаваемости... Его тщедушная, болѣзненная фигура словно выросла и дышетъ какой-то мощью... Въ его темныхъ,

глубокихъ глазахъ горитъ неуловимый огонь вполнѣ удовлетвореннаго желанія бродяжничества во что бы то ни стало, какой бы то ни было цѣной.

Солнце поднимается выше и выше... Вотъ оно уже надъ самымъ островомъ и щедро обдастъ его своими горячими, яркими лучами... Бѣглецы, въ особенности Майданщикъ, начинаютъ чувствовать большую усталость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и волчій аппетитъ.

— Не пора-ли отдохнуть? — рѣшился напомнить Майданщикъ неутомимому товарищу.

— Отдохнемъ, коли замаялся, — отвѣтилъ Митька, продолжая шагать по извилистой, истоптанной звѣремъ тропѣ.

— Поѣсть не мѣшало-бы; брюхо-то у меня съ голодухи такъ и выворачиваетъ, словно рукавицу,—продолжалъ Майданщикъ нерѣшительно.

— Поѣсть?—переспросилъ Митька:—А развѣ не помнишь, что вчера послѣдній кусокъ хлѣба слопали...

— Хоть-бы ягоды какой покушать... Животъ вишь, свело, все тоскуетъ и ворчитъ, — проговорилъ Майданщикъ и вздохнулъ, да такъ тяжело вздохнулъ, что Митькѣ Грѣшному даже жалко его стало.

— А гдѣ ее возмешь, ягоду-ту эту! — началъ онъ урезонивать товарища: — Время еще не приспѣло для ягодъ, а вотъ погоди немного, всего вдосталь будетъ... Брусница, малина, боярка приспѣетъ, а тамъ грибы разные... А таперича окромя кореньевъ ничего не найдешь.

— Лопать-то голодному брюху все равно что: ягоды либо коренья, — согласился Майданщикъ, выходя, вслѣдъ за товарищемъ, на небольшую лужайку, покрытую густой, ярко зеленой травой.

— Садись тутъ, а я поищу чего-нибудь пожрать, — проговорилъ Митька Грѣшный и юркнулъ въ чащу,

Майданщикъ тяжело опустился на мягкую, душистую траву, легъ на спину и съ наслажденіемъ вытянулъ свои, сильно уставшія, ноги. Яркое весеннее солнце бро-

сало на лужайку снопы ласкающихъ лучей, обдавая бродягу нѣжащимъ теплomъ. Хорошо Майданщику, такъ хорошо, какъ никогда раньше не бывало. Даже голодъ его какъ будто успокоился, пересталъ желудокъ тосковать и требовать пищи. Заложивъ руки за голову, смотритъ бродяга въ глубокое, синее небо и слѣдитъ слегка прищуренными глазами за высоко бѣгущимъ, бѣлымъ облачкомъ. Оно сверкаетъ на солнцѣ снѣжной бѣлизной и заставляетъ щурить глаза все больше и больше... Нѣсколько секундъ Майданщикъ слѣдитъ еще за облачкомъ сквозь тѣнь опущенныхъ рѣсницъ... Но вотъ глаза его невольно сомкнулись, и, убаюкиваемый окружающей таинственной тишиной, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ сильно уставшаго человѣка.

VI.

Погоня.

Спитъ Майданщикъ и видитъ дивный сонъ... Блестящее облачко, уже коснувшееся однимъ краемъ вершинъ, вздымающихся вдали холмовъ, вдругъ остановилось и быстро понеслось въ обратную сторону. Несется оно по синему, глубокому небу и вмѣстѣ съ тѣмъ спускается все ниже и ниже, словно хочетъ придавить собой распластавшагося на мягкой травѣ бѣглаго. Вотъ облачко уже совсѣмъ близко... Чувствуетъ бродяга, какъ оно рѣжетъ ему глаза своимъ нестерпимымъ блескомъ и пышетъ на него палящимъ жаромъ... Облако спускается все ниже и ниже. Вдругъ оно превратилось изъ бѣлаго, блестящаго, въ кровавокрасное, окутало бродягу съ ногъ до головы и вмѣстѣ съ нимъ медленно стало подыматься... И страшно ему, и хорошо... Поднялось облако высоко-высоко и понеслось въ неизвѣстную даль, куда-то впередъ, понеслось съ такой быстротой, что духъ захватило... Повѣяло прохладой... Облако постепенно начало терять свой кровавый цвѣтъ, блѣднѣть, рѣдѣть и,

наконецъ, исчезло... Майданщикъ очутился вдругъ въ чистой просторной избѣ... На бѣломъ, выскобленномъ столѣ стоитъ большой горшокъ съ дымящимися, жирными щами. Рядомъ съ горшкомъ лежатъ толстые ломти только что испеченнаго хлѣба... Никого нѣтъ въ избѣ но все прибрано, приготовлено... И кажется ему, что все это припасено для него, что онъ хозяинъ этой избы. Сановито распоясываетъ онъ кушакъ, сбрасываетъ на скамью новенькій тонкаго сукна армякъ и важно усаживается за столъ... Дивится Майданщикъ, видя на себѣ еще немытую, новую ситцевую рубаху, драповый жилетъ, плисовые шаровары и блестящіе сапоги съ высокими, бутылко-подобными, крѣпкими голенищами. По жилету ползетъ толстая, бронзовая цѣпочка... „Ишь, и часы ужъ завелъ,—самодовольно подумалъ онъ... Хотѣлъ онъ было и часы сейчасъ-же разсмотрѣть, да раздумалъ: ѣсть такъ захотѣлось, что не въ терпежъ стало.

Взялъ онъ со стола новенькую, деревянную, ярко расписанную ложку и глубоко запустилъ ее въ горшокъ со щами... Слюнки потекли у бродяги при видѣ жирныхъ сочныхъ кусковъ мяса, ловко захваченныхъ развалистой, ушистой ложкой... Взялъ Майданщикъ лѣвой рукой самый большой ломоть хлѣба, подставилъ его подъ ложку, чтобы не закапать стола щами, и осторожно сталъ подносить ее ко рту. Только что онъ приблизилъ свои губы къ ложкѣ, какъ вдругъ дверь распахнулась и въ избу влетѣлъ какой-то здоровенный, свирѣпый мужичина... Подскочилъ мужичина къ столу, ложку изъ рукъ Майданщика вышибъ, щи опрокинулъ, хлѣбъ раскидалъ, да вдобавокъ началъ еще въ бока бродяги здоровенными кулачищами тыкать... Тычетъ мужичина кулаками, да приговариваетъ: „Ты что тутъ развалился? Нашелъ время, да мѣсто... Вставай живо да улепетывай“... Ошалѣлъ Майданщикъ—глазамъ своимъ не вѣритъ... Протеръ ихъ хорошенько, смотритъ—склонился надъ нимъ Митька Грѣшный и что есть силы тычетъ въ его бока кулаками.

— Ишь разоспался!.. Насилу добудился!.. Вставай, живо, да духомъ въ самую чащу! — кричалъ Митька, продолжая трясти еще не пришедшаго въ себя Майданщика:—Облава близко!..

При этой фразѣ Бажинъ вскочилъ, словно ужаленный, и съ какимъ-то безотчетнымъ ужасомъ, забывъ о своей вывихнутой ногѣ, бросился въ чащу... Цѣпкій кустарникъ рвалъ съ него послѣднія лохмотья, хлесталъ по глазамъ, царапалъ лицо и оголенное тѣло... Митька Грѣшный отъ товарища не отставалъ и ловко пользовался проторенной имъ въ чащѣ тропой.

Гдѣ-то вдали, въ одномъ мѣстѣ, слышались громкіе крики преслѣдующихъ и отрывистый собачій лай. Повидимому, преслѣдующіе напали на слѣдъ бѣглецовъ и старались охватить ихъ со всѣхъ сторонъ.

Бродяги съ какой-то дикой, отчаянной рѣшимостью пробирались въ самую чащу густо разросшагося, сплетшагося кустарника, стараясь уйти какъ можно дальше отъ неутомимыхъ преслѣдователей. Напрасно; съ каждой минутой голоса слышались все ближе и ближе... Кругъ преслѣдователей все съуживался и съуживался... Майданщикъ началъ замѣтно приуставать... Вывихнутая нога отказывалась служить и причиняла невыносимыя страданія. Облава была между тѣмъ близко. Бродяги уже слышали позади трескъ раздвигаемыхъ кустовъ и тяжелые шаги преслѣдователей, рѣшившихся, повидимому, захватить бѣглыхъ во что бы то ни стало. Майданщикъ и Митька бѣжали быстро, что было мочи, спотыкались, падали, поднимались съ неестественной быстротой и бѣжали дальше, не обращая вниманіе на то, что ихъ лица и тѣло были уже покрыты почти сплошными кровавыми ссадинами и глубокими царапинами. Словно загнанные звѣри бросались они въ почти сплошную стѣну густо разросшейся листвы, пробивали дорогу головами, очищали себѣ путь къ спасенію руками и ногами, даже зубами... Напрасно! Съ каждой минутой преслѣдователи все ближе и ближе... Бѣжавшему позади Митькѣ Грѣш-

ному казалось, что онъ уже слышитъ тяжелое порывистое дыханіе и щелканье собачьихъ зубовъ... Еще минута, и онъ долженъ будетъ отдаться въ руки преслѣдователей... Ужасъ окрылилъ Митьку, окрылилъ и Майданщика. Это былъ послѣдній порывъ донельзя напряженныхъ нервовъ. Бродяги начали уже задыхаться отъ спѣшнаго бѣга, но преслѣдователи не отставали и продолжали гнать ихъ безъ устали, энергично и настойчиво. Это была настоящая охота, страшная травля!

— Измаялся!.. Не могу дальше бѣжать!—прохрипѣлъ Майданщикъ, едва переводя духъ.

— Полѣзай въ дупло этого дуба и сиди въ немъ, пока не приду,—быстро проговорилъ Митька, указывая на стоявшій впереди толстый, старый, дуплистый дубъ.

Утопающій хватается за соломинку!.. Майданщикъ энергично сталъ пробивать себѣ дорогу къ спасительному дубу. Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже скрылся въ дуплѣ, а Митька бросился дальше, увлекая за собой своихъ настойчивыхъ преслѣдователей... Вотъ постепенно кустарникъ началъ рѣдѣть, и черезъ минуту бродяга выбѣжалъ на болотистый берегъ небольшой рѣчки. Не долго размышляя, Митька бросился въ рѣчку, и забрался по вязкому дну на ея середину и погрузился въ холодную воду по самый подбородокъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ на берегъ выскочили изъ чащи три солдата и зорко начали осматривать берега рѣчки. Митька Грѣшный быстро спряталъ голову въ воду... Черезъ минуту стало ему не вмоготу и онъ осторожно высунулъ голову чтобы надышаться. Солдатъ уже не было видно. Митька продолжалъ сидѣть въ водѣ и чутко прислушиваться къ раздающимся въ разныхъ мѣстахъ крикамъ преслѣдователей. При каждомъ подозрительномъ шорохѣ или шелестѣ онъ быстро погружалъ голову въ воду и сидѣлъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока хватало силы.... Надышется немного и опять подъ воду.

Прошло не мало времени, когда крики преслѣдователей заглохли въ отдаленіи. Солнце уже сѣло, и на

рѣчку легли темныя тѣни... Быстро темнѣло... Митька осторожно вышелъ изъ рѣчки. Его трясла сильная лихорадка. Зубъ не попадалъ на зубъ... Нижняя челюсть прыгала такъ сильно, что бродягѣ каждую минуту казалось, что она выскочитъ изъ своего мѣста. Чтобы немного согрѣться, Митька сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ движеній, затѣмъ осторожно вошелъ опять въ чащу и направился къ дубу, въ дуплѣ котораго притаился Майданщикъ.

До глубокой ночи пробродилъ бродяга по чащѣ, пока розыскалъ намѣченный, дуплистый дубъ и розыскалъ-то онъ его только благодаря своему чутью, изощренному за время былыхъ, долгихъ похожденій по таинственной тайгѣ.

— Майданщикъ, — позвалъ Митька товарища: — выходи! Потеряли слѣдъ, утомились.

Никто не отозвался на окликъ бродяги. Еще раза три позвалъ Митька товарища, громче, и громче, напрасно,—отвѣта не было. Съ тревогой началъ онъ шарить въ дуплѣ и наткнулся на полуголое тѣло Майданщика, холодное, неподвижное. Первый моментъ Митьку пронизала страшная мысль: „не мертвый-ли?!“ Онъ быстро приблизилъ свою руку къ лицу Майданщика и почувствовалъ теплое дыханіе.

— Ишь-ты, уснулъ:—подумалъ Митька съ облегченнымъ вздохомъ:—Славное мѣстечко указалъ я ему: однако, и для двоихъ, кажись, мѣста хватитъ... Другъ дружку грѣть будемъ.

И Митька, не долго думая, забрался въ широкое дупло и расположился рядомъ со своимъ крѣпко спавшимъ товарищемъ. Черезъ нѣсколько минутъ бродяга забылъ холодъ и голодъ и уже спалъ мертвымъ сномъ человѣка, донельзя измученнаго.

VII.

Бѣдствуютъ.

Упорная погоня страшно измучила бѣглецовъ. Солнце стояло уже высоко въ небѣ, когда они проснулись и

рѣшились выползти изъ своего логовища. Наружность, бродягъ за послѣдніе сутки измѣнилась до неузнаваемости... Исможденныя, исцарапанныя лица ихъ носили отпечатокъ крайняго истощенія; глубоко впавшіе глаза, окруженные синевой, горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Грязное, сильно изцарапанное тѣло бродягъ едва было прикрыто какой-то рванью, безобразными клочьями холста и толстаго сукна. Отъ казенныхъ, гнилыхъ сапогъ остались одни только голенища, да и тѣ расползлись уже по швамъ и издырявились.

Первымъ выползъ изъ дупла Майданщикъ и съ трудомъ началъ подниматься на затекшія за ночь ноги. Вздумалъ было онъ немного размяться, да не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ съ глухимъ стономъ повалился на траву.

Ползетъ изъ дупла Митька Грѣшный и дивится, что сталось съ товарищемъ. Кажись, могъ бы отдохнуть за ночь!

Выползъ Митька и бойко вскочилъ на ноги, хотѣлъ онъ показать передъ товарищемъ свою удаль да молодечество. Хотѣлъ шагнуть Митька къ Майданщику, да вмѣсто того только сморщился и быстро присѣлъ, словно кто ударилъ его по ногамъ здоровенной палкой.

— Эхъ-ма! дрянь дѣло...— подумалъ онъ и молча, сосредоточенно началъ осматривать свои ноги, чернѣвшія изъ-подъ отрепьевъ казенныхъ голенищъ. Смотритъ бродяга на ноги и глазамъ не вѣритъ... Ступни превратились въ какія-то безобразныя, толстыя, безформенныя копыта... Запекшаяся кровь, смѣшанная съ грязью, залила пальцы, покрыла толстымъ слоемъ подошвы и пятки и придала ступнямъ бродяги подобіе слоновыхъ ногъ. Поскоблилъ Митька около пятки—словно ножемъ рѣзнулъ... Началъ осторожно ощупывать сильно распухшіе пальцы—закололо въ ступнѣ такъ, что бродяга едва не застоналъ и тотчасъ же прекратилъ дальнѣйшее освидѣтельствованіе израненныхъ ногъ.

Взглянулъ Митька на притихшаго Майданщика, да

такъ и обмеръ... Передъ нимъ лежалъ на спинѣ не краснощекій, плотный Бажинъ, первый силачъ дуйской каторги, а какой-то словно незнакомый, страшно исхудавшій бродяга, съ мертвенно блѣднымъ лицомъ. Глубоко впавшіе, обведенные черными кругами, глаза Майданщика были закрыты; зубы крѣпко стиснуты; блѣдныя, безкровныя губы плотно сжаты, словно прикушены... Если бы не судорожное вздыманіе груди, то обезпамятѣвшаго отъ невыносимыхъ страданій бродягу можно было бы принять за человѣка, давно сведшаго всѣ счеты съ здѣшнимъ міромъ.

— Не по силѣ, видно, молодцу варнацкая воля!— прошепталъ Митька, угрюмо посматривая на распластавшагося товарища.

Черезъ нѣсколько минутъ Майданщикъ открылъ глаза и простоналъ:

— Все нутро жжетъ... Дай водицы испить!..

Митька молча всталъ на четверинки и поползъ къ знакомой рѣчкѣ, накалывая свои ладони и голыя колѣна объ острые камни и колючки. До рѣчки не болѣе ста сажень, но эти сто сажень показались Митькѣ длиннѣе сотни верстъ, до того онѣ были мучительны и невыносимы. Онъ ползъ до рѣчки не менѣе часа. Съ трудомъ содралъ онъ съ ближайшей березы бересту и мастерски сдѣлалъ огромный черпакъ. Добравшись до воды, Митька прежде всего осторожно обмылъ свои ноги и тогда только разсмотрѣлъ, отчего свершилось съ ними такое страшное, наожиданное превращеніе. Подошвы, пальцы и пятки были положительно изрѣзаны острыми камнями, во время безпорядочнаго, поспѣшнаго бѣгства отъ настойчво насѣдавшихъ солдатъ. Въ мягкихъ частяхъ оказалось до десятка глубоко вонзившихся занозъ, вокругъ которыхъ уже образовалась болѣзненная опухоль. Въ раны набился мелкій камень, грязь и песокъ. Вытащивъ занозы и употребивъ остатки штановъ на подвертки, Митька зачерпнулъ въ берестяной ковшъ воды и поползъ обратно, къ нетерпѣливо ожидавшему его товарищу.

Майданщикъ, оставшись одинъ, предался самымъ чернымъ думамъ. Ему казалось, что Митька бросилъ его на произволъ судьбы. Въ его болѣзненно настроенномъ воображеніи начали рисоваться страшныя картины мучительной смерти въ тайгѣ, вдали отъ человѣческаго взора, картины смерти отъ голода и жажды. Онъ проклиналъ часъ, когда вздумалъ бѣжать съ каторги, начиналъ раскаиваться, что соблазнился страшной варнацкой волей, казавшейся ему въ настоящую минуту страшнѣе самой ужасной, тяжелой каторги. Нѣсколько разъ онъ порывался бѣжать, ползти, самъ не зная куда, но не могъ и пошевелиться. Страшно распухшая, вывихнутая нога приковала его къ мѣсту и при малѣйшемъ движеніи вызывала невыносимо-мучительную, острую боль. Прошелъ часъ, другой—Митьки нѣтъ какъ нѣтъ Майданщикъ пришелъ уже къ положительному убѣжденію, что онъ коварно брошенъ на произволъ судьбы и страшная, нечеловѣческая злоба охватила вдругъ все его существо. Въ немъ проснулся во всей силѣ звѣрь, проснулись его кровожадные инстинкты, явилось неутолимое желаніе, страсть растерзать своими острыми зубами вѣроломнаго товарища... Въ безсильной злобѣ онъ скрежеталъ зубами, метался по травѣ, рвалъ на себѣ волосы, одежду, кусалъ свои руки... Онъ уже начиналъ приходить въ дикое изступленіе, какъ вдругъ въ кустахъ раздался шорохъ, и черезъ минуту на лужайку выползъ крайне утомленный, блѣдный Митька Грѣшный. Въ одной рукѣ онъ держалъ берестяный ковшъ съ водой, замѣтно убавившейся за время перехода. Майданщикъ разомъ успокоился и вперилъ въ товарища воспаленные глаза.

— А я ужъ думалъ, ты оставилъ меня издыхать, какъ собаку, — проговорилъ онъ прерывающимся отъ волненія и страданія голосомъ.

— Напрасно!.. Вмѣстѣ бѣжали — вмѣстѣ и умремъ, коли смерть наша придетъ,—просто отвѣтилъ Митька, подползая съ водой къ Майданщику.

Тотъ съ трудомъ приподнялся, схватилъ поданный берестяной ковшъ и жадно прильнулъ къ оживляющей влагѣ... Черезъ минуту ковшъ былъ уже пустъ...

— Эхъ-ма!—укоризненно проговорилъ Митька: — А ноги-то твои чѣмъ обмою?

— Жрать хочу,— простоналъ Майданщикъ, опрокидываясь опять на спину:—Хоть корешочекъ какой!?

— Припасены были корешки, да вишь, все вчера растеряли, — отвѣтилъ Митька: — Подожди, я поищу здѣсь—можетъ и розыщу черемшу *), либо сарану **)...

И онъ, не смотря на утомленіе, поползъ опять въ чащу.

Черезъ часъ Митька вернулся, держа въ рукѣ пучекъ какихъ-то кореньевъ.

— Нако-сь, покушай, — проговорилъ онъ, суя въ руки товарища принесенный пучекъ:—Кушай, кушай!.. Я уже погрызъ, когда искалъ, — добавилъ Митька, замѣтивъ, что Майданщикъ желаетъ подѣлиться: — Черемши и сараны я не нашелъ, а вотъ покушай два корешка мангиря (родъ дикаго чеснока), да козьяго звѣробоя (такъ называемый бѣлый корень)... Отдохну маленько — еще поищу, да за водой схожу, чтобы было чѣмъ ноги твои обмыть, а то гляди страсть какая!.. Съ такими ногами и шагу дальше не сдѣлать... Надо отдохнуть, да полечиться...

---

*) Черемша—дикій чеснокъ, растетъ въ низкихъ мѣстахъ. Его легко розыскать по перу малиноваго цвѣта, длиной около полуаршина, съ половины расширяющемуся въ зеленый, полосатый листъ, шириною въ вершокъ. Черемша—лучшій овощъ для сибиряковъ; ее солятъ, квасятъ и въ избыткѣ заготовляютъ въ прокъ, какъ лекарство, излечивающее цингу и предохраняющее отъ зараженія этой болѣзнею. Ягоды черемши темныя съ большими косточками и терпкія.

**) Сарана—луковица дикихъ лилій, мучнистаго свойства, очень пріятная на вкусъ и крайне питательная. Сарана представляетъ предметъ постоянныхъ исканій и заботливости полевой мыши-эконома. Послѣдняя обыкновенно запасаетъ на зиму въ гнѣздахъ до полупуда этихъ луковицъ. Инородцы розыскиваютъ норки этихъ мышей и пользуются ихъ запасами. Сарану сушатъ и истираютъ въ мучной порошокъ, изъ котораго сибиряки, готовятъ кисель, кашу, соуса и лепешки.

Майданщикъ не слушалъ. Онъ съ жадностью грызъ принесенные сладкіе коренья мангиря и козьяго звѣробоя. Въ эту минуту онъ даже забылъ о недавно рисовавшихся въ его воспаленномъ воображеніи мрачныхъ картинахъ и сталъ опять мечтать о варнацкой волѣ...

Между тѣмъ неутомимый Митька взялъ свой берестяный черпакъ и поползъ опять къ ручью за водой.

Солнце склонилось уже за окрестные холмы, когда возвратился онъ къ дубу, измученный и до нельзя обезсиленный. Майданщикъ, утоливший свой голодъ кореньями, крѣпко спалъ, раскинувшись на душистой, пышной травѣ... Осторожно стащилъ Митька съ опухшихъ ногъ Майданщика обрывки казенныхъ сапогъ и началъ обмывать израненныя, заноженныя ступни. Трудно было представить что-нибудь ужаснѣе этихъ ногъ, сплошь покрытыхъ ранами и болѣзненными опухолями, образовавшимися вокругъ глубоко вонзившихся, едва видимыхъ, полудюймовыхъ занозъ. Какъ ни осторожно обмывалъ Митька раны товарища, послѣдній при каждомъ прикосновеніи болѣзненно стоналъ и инстинктивно отдергивалъ свои ноги. Повидимому, самое легкое прикосновеніе причиняло Майданщику невыносимую, острую боль.

Обмывъ ноги, Митька приступилъ къ самой мучительной операціи—выдергиванію занозъ... Майданщикъ проснулся съ глухимъ, болѣзненнымъ стономъ...

— Больно?—заботливо спросилъ Митька, выдергивая самую большую занозу.

— И не говори!..—простоналъ Майданщикъ:—Точно кто тупыми ножами ноги рѣжетъ...

— Ну, потерпи малость!.. — шутливо проговорилъ импровизированный операторъ:—Вѣдь знаешь нашу острожную поговорку: хочешь варнакомъ быть—сдѣлайся звѣремъ, умѣй голодать, холодать, терпѣть муку — невзгоду, холодъ и непогоду. Для варнака звѣрь не страшенъ, потому онъ самъ двуногій звѣрь, а страшенъ человѣкъ... Со звѣремъ варнакъ сживется, либо сладитъ,

а человѣкъ только и думаетъ о томъ, какъ бы душу варнацскую загубить.

Слова Митьки придали Майданщику бодрости. Онъ отдался въ полное распоряженіе опытнаго товарища и терпѣливо старался сносить мучительную операцію выдергиванія занозъ. Стонать ему стало совѣстно. За то вдвойнѣ онъ морщился, когда Митька начиналъ слишкомъ неосторожно ковырять въ страшно наболѣвшихъ ранахъ.

Очистивъ ноги Майданщика отъ занозъ, Митька разодралъ остатки своей рубахи и сдѣлалъ необходимую перевязку, да съ такимъ искусствомъ, что ему могъ бы позавидовать любой фельдшеръ.

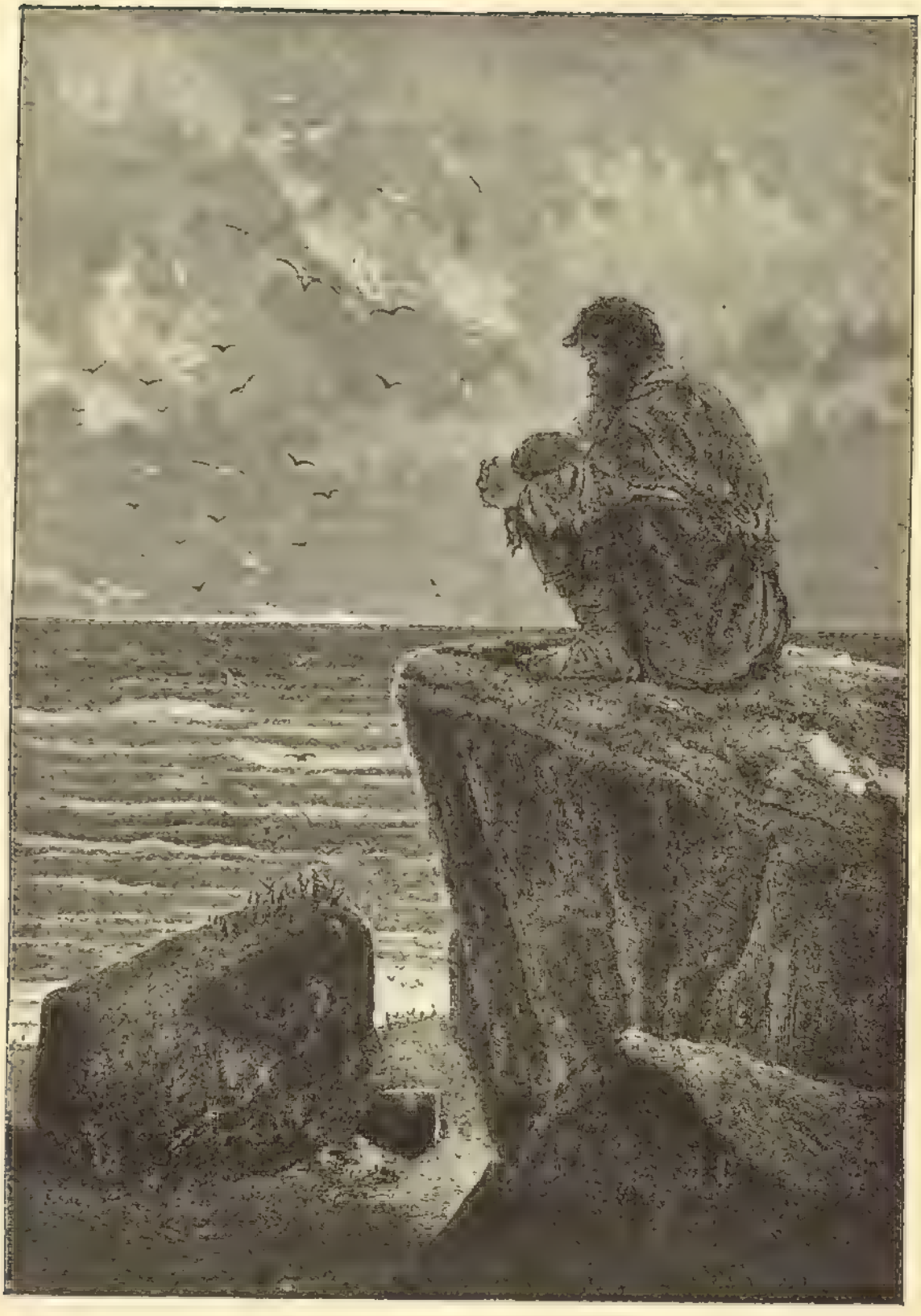
— Готово!.. — торжественно проговорилъ Митька, сдѣлавъ послѣдній узелъ:— А таперича ползи въ нашу избу на отдыхъ... Придется пожить въ ней, пока ногъ не залечимъ,— прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

Бродяги поползли къ дубу, залезли въ обширное дупло, прижались одинъ къ другому, чтобы было теплѣе, и уже черезъ минуту опять спали мертвымъ сномъ.

VIII.

На морѣ.

Бурная, темная, іюньская ночь. Бѣшено гудитъ вѣтеръ въ заповѣдной чащѣ столѣтнихъ, могучихъ кедровъ и сосенъ и съ какой-то демонской злобой качаетъ ихъ гордыя, пышныя вершины. Дико завываетъ онъ въ прибрежныхъ утесахъ и кекурахъ и пригибаетъ до самой земли растущій изъ расщелинъ цѣпкій кустарникъ. Стонетъ, реветъ море... Непогода оживила его, вдунула въ него дикую, страшную, необузданную жизнь, создала изъ него тысячеглавую, стихійную гидру... Грозно ползетъ это стихійное чудовище на скалистое, неровное прибрежье материка и, встрѣчая непреодолимую преграду, съ яростнымъ ревемъ вздымается къ небу, словно



силясь преодолѣть нагроможденныя на дорогѣ громады камней. Массы пѣнящейся воды съ ужасающей быстротой бросаются на крутое прибрежье, вскидываются отвѣсно вверхъ на огромную высоту, и, обрушившись съ грохотомъ внизъ, съ безсильной злобой отпрядываютъ назадъ... Яростно сталкиваются эти отброшенныя волны со вновь прибывающими и, накопляясь новыми, страшными громадами, опять обрушиваются на берегъ съ поражающимъ грохотомъ и ревомъ... Море представляетъ картину самаго грознаго, потрясающаго душу волненія... Разорванныя массы облаковъ несутся со страшной быстротой почти надъ самой поверхностью разбушевавшагося моря и ежесекундно скрываютъ только что народившуюся, блѣдную луну. Едва успѣваетъ она бросить слабый лучъ на пѣнящуюся водяную поверхность, едва успѣваетъ этотъ лучъ скользнуть по смоченнымъ, морской водой, отвѣснымъ стѣнамъ скалистаго прибрежья, какъ надвигаются уже съ демонской быстротой новыя громады темныхъ, грозныхъ тучъ, и прикрываютъ только что открывшійся на небѣ просвѣтъ непроницаемымъ, мрачнымъ завѣсомъ... Въ этотъ моментъ дѣлается темно, сыро и мрачно, словно въ глубокой пещерѣ, вѣчно лишенной благодѣтельнаго, теплаго, солнечнаго луча, дѣлается невыносимо душно, точно вмѣстѣ съ исчезновеніемъ слабаго, луннаго свѣта прекращается притокъ свѣжаго воздуха.

Тяжелыя, точно налитыя свинцомъ, тучи опускаются все ниже и ниже, словно хотятъ придавить своей поражающей громадой двухъ отважныхъ, безумно смѣлыхъ бродягъ, крѣпко прильнувшихъ къ большой корчагѣ... Тяжело покачивается корчага среди шумящаго, клокочущаго моря и медленно ползетъ, подъ напоромъ волнъ и вѣтра, все ближе и ближе къ мрачному, темному берегу. Одна волна за другой, одна выше и злѣе другой, обрушиваются на корчагу съ какимъ-то зловѣщимъ шумомъ, обдавая захолодѣвшихъ, полунагихъ бродягъ массой искрящейся воды, и несутся дальше, бурча и кло-

коча, словно досадуя и сожалѣя, что слабыя жертвы выскользнули изъ ихъ хищническихъ объятій, словно сердясь, что не удалось еще поглотить дерзкихъ бѣглецовъ, осмѣлившихся довѣриться дикому произволу измѣнчиваго моря.

Вотъ луна бросила черезъ образовавшійся просвѣтъ свой блѣдный лучъ и на минуту освѣтила корчагу съ ея отважными пловцами. Трудно узнать въ этихъ до нельзя изможденныхъ и исхудавшихъ бѣглецахъ здороваго Майданщика и неутомимаго Митьку Грѣшнаго.

Трехъ-недѣльное прозябаніе въ тайгѣ, въ которой кровомъ имъ служилъ дуплистый дубъ, а пищей — коренья сараны, козьяго звѣробоя и черемша, да четырехъ-суточное мотанье впроголодь среди коварнаго моря, положили на эти сильныя натуры свою страшную, рѣзкую печать... Въ теченіи трехъ недѣль бродяги залечивали свои изранепныя ноги, страшно тощая на малопитательныхъ кореньяхъ. Не смотря на всѣ невзгоды, имъ и въ голову не приходило вернуться на каторгу, подъ розги, на казенныя, пустыя щи и затхлый хлѣбъ. Молча, твердо переносили они физическія страданія, мечтая только, какъ бы добраться до материка, могущаго дать имъ больше средствъ для ихъ бродячей жизни и представляющаго меньше условій попасться въ руки ненавистныхъ преслѣдователей.

Прошло три недѣли... Бродяги поправились и рѣшились пуститься въ дальнѣйшій путь, рѣшились совершить невѣроятную переправу на материкъ. Предусмотрительный, опытный Митька прежде всего сдѣлалъ запасъ съѣдобныхъ кореньевъ, затѣмъ смастерилъ изъ остатковъ сѣраго сукна и голенищъ что-то въ родѣ ошметокъ, какъ для себя, такъ и для своего товарища. Одно смущало бродягъ—это почти полное отсутствіе одежды, пополнить которую не представлялось возможности. Плечи Майданщика едва были прикрыты грязными, перетлѣвшими клочьями холщевой рубахи, едва доходившей до колѣнъ. Этотъ костюмъ дополнялся берестян-

ной, остроконечной шапкой собственнаго издѣлія и ошметками. Митька былъ одѣтъ нѣсколько лучше: кромѣ ошметокъ и берестяной шапки, на его исхудавшихъ ногахъ красовались сѣрыя, суконныя штаны, правда съ многочисленными прорѣхами сзади и спереди, но тѣмъ не менѣе штаны, отсутствіе которыхъ такъ сильно смущало Майданщика. Спину, плечи и отчасти грудь Митьки защищала отъ непогоды рваная, арестантская куртка; правда, куртка была коротка и ея измызганные края далеко не доходили до штановъ, но бродяга нисколько не смущался образовавшеюся на его корпусѣ нейтральной, довольно широкой полосой, и считалъ свой костюмъ достаточно полнымъ, тѣмъ болѣе сравнительно съ костюмомъ товарища.

Бродяги, изготовившись въ дорогу, выбрались на западный берегъ Сахалина и берегомъ направились къ сѣверу, къ проливу Невельскому, отдѣляющему островъ отъ материка водянымъ пространствомъ не болѣе трехъ верстъ шириной. Этотъ пунктъ былъ удобнѣйшимъ для переправы на материкъ.

Розыскавъ выброшенную Амуромъ на берегъ огромную корчагу, бродяги сдѣлали нѣчто въ родѣ веселъ, перекрестились, усѣлись на свою допотопную, неуклюжую ладью и, пользуясь тихой погодой, пустились въ крайне опасный путь. Довѣряясь бурной стихіи, бродяги и не думали объ ожидавшихъ ихъ впереди опасностяхъ. Противуположный берегъ казался такъ близко, что бѣглецы уже къ вечеру надѣялись быть на материкѣ. Однако, надежды ихъ далеко не оправдались. Тяжелая корчага, не смотря на дружныя усилія бродягъ, подвигалась впередъ невыносимо медленно. За то довольно сильное теченіе относило ее къ югу, въ открытое море, дальше и дальше отъ узкаго пролива.

Только къ вечеру увидѣли пловцы всю безъисходность своего положенія. Вернуться на островъ не было уже возможности и они рѣшились отдаться на произволъ моря. Страшно обезсиленные почти полусуточной,

непрерывной греблей и томимые жаждой, бродяги съ ужасомъ смотрѣли, какъ относило ихъ корчагу все дальше и дальше отъ берега.

Утромъ подулъ, къ счастью, восточный вѣтеръ. Постепенно крѣпчая, онъ достигъ, послѣ полудня, до степени умѣреннаго шторма. Забурлило, заволновалось море... Заходили пѣнистыя волны и каждую минуту начали окачивать бродягъ съ головы до ногъ. Тяжело запрыгала корчага по поверхности разбушевавшагося моря. Бродяги съ надеждой на спасеніе, съ радостью стали замѣчать, какъ постепенно стало прибивать корчагу все ближе и ближе къ завѣтному берегу. Съ этой минуты они начали смотрѣть на бурю, какъ на единственную спасительницу въ ихъ отчаянномъ положеніи. Они молили Бога только о томъ, чтобы вѣтеръ не перемѣнилъ направленія или не стихъ. Прошли еще мучительныя сутки. Берегъ былъ недалеко, но все-таки не такъ еще близко, чтобы можно было быть увѣреннымъ въ спасеніи. Запасъ кореньевъ вышелъ. Начались мучительныя страданія жажды. Пробовали бродяги пить морскую воду, но она жгла внутренность, вызывала мучительную рвоту, и въ результатѣ страданія отъ жажды все увеличивались и увеличивались. Обоихъ бродягъ трясла сильная лихорадка. Окоченѣлые, измученные и донельзя истощенные, они едва держались на корчагѣ и воспаленными глазами пожирали темный контуръ берега, на которомъ они уже различали отдѣльныя группы деревьевъ и даже морскихъ птицъ, вьющихся надъ песчанымъ побережьемъ. Надежда на спасеніе согрѣвала ихъ и придавала имъ силу выносить страданія.

Прошли еще сутки. Къ страданіямъ жажды присоединились страданія голода. Берегъ былъ совсѣмъ близко, такъ близко, что бродягамъ казалось, что стоитъ сдѣлать хорошій прыжокъ и они будутъ на материкѣ. Корчагу то относило еще ближе къ берегу, то отбрасывало капризными волнами въ море. Въ теченіи цѣлаго дня

каждую минуту имъ казалось, что вотъ-вотъ корчагу выброситъ, наконецъ, на песчаное прибрежье; но между тѣмъ она только металась то впередъ, то назадъ и медленно ползла вдоль берега, словно выбирая болѣе удобное мѣсто для высадки измученныхъ бѣглецовъ. Наконецъ, наступила только что описанная ночь, страшная и мучительная.

IX.

Спасеніе.

Гудитъ и ревetъ вѣтеръ, вздымаетъ, гонитъ передъ собой пѣнистыя горы, искрящейся воды. Зловѣще шумятъ гигантскія волны своими закрученными впередъ вершинами, и стройными рядами, словно грозная рать, бѣгутъ на приступъ скалистаго, мрачнаго берега. Волна за волной хлещутъ въ фантастическія, базальтовыя скалы. Встрѣчая непреодолимую преграду, онѣ взлетаютъ къ небу и съ грохотомъ падаютъ на вновь прибывшіе ряды водяныхъ громадъ. Каждую минуту слышатся глухіе, громовые удары, словно гдѣ-то вдали, подъ землей, раздаются могучіе залпы сотни орудій—это бьютъ волны въ глубокія фантастическія пещеры и гроты, созданные неутомимымъ, грознымъ моремъ въ базальтовыхъ скалахъ.

Со страхомъ смотрятъ изможденные бродяги на темный, отвѣсный берегъ и возносятъ къ Богу отъ всей полноты размягченнаго страданіями сердца молитвы, чтобы капризный валъ не разбилъ ихъ корчагу объ острыя скалы. Молча, твердо ждутъ они или спасенія, или смерти. Они сознаютъ, что ихъ спасеніе слишкомъ еще призрачно, а смерть уже смотритъ на нихъ своими грозными глазами, уже протягиваетъ къ нимъ свои цѣпкія, холодныя объятья. Съ тоской ждутъ они разсвѣта и съ надеждой смотрятъ на постепенно проясняющійся востокъ, словно убѣждены, что первый лучъ благодѣтельнаго солнца принесетъ имъ страстно желаемое спасеніе.

Ночь кажется имъ безконечной. Окружающій непроницаемый мракъ наводитъ уныніе.

Но вотъ востокъ зарумянился и запылалъ. Цѣлый снопъ яркихъ лучей разсыпался по просвѣтлѣвшему небу, скользнулъ по пѣнистой, изборожденной волнами, поверхности моря и заигралъ на смоченныхъ морской водой прибрежныхъ скалахъ. Черезъ минуту показалась на горизонтѣ золотая макушка солнца. Гордо плавно поднялось дневное свѣтило съ своего ночного ложа и щедро разсыпало на всѣ стороны снопы яркихъ, ласкающихъ лучей!

Обдало солнце бродягъ нѣжащими, теплыми лучами, и кажется имъ, что непогода смягчилась, море бурлитъ не такъ ужъ грозно и страшно.

Корчагу между тѣмъ несло вѣтромъ и волной все дальше и дальше, вдоль отвѣснаго берега, покрытаго густой, мохнатой шапкой еловыхъ, сосновыхъ, кедровыхъ и дубовыхъ лѣсовъ. Жадно всматривались бродяги въ мрачный берегъ. Вотъ онъ началъ постепенно понижаться и образовалъ, въ саженяхъ стахъ дальше, далеко выдающійся въ море, низменный мысъ, преградившій путь корчагѣ. По песчаному прибрежью ходили грозные буруны. Море вокругъ мыса клокотало, какъ въ котлѣ, и зловѣще шумѣло. Волны, встрѣчая на мелкомъ мѣстѣ преграду своему поступательному движенію, вздувались и съ страшной быстротой неслись къ мысу, въ видѣ крутыхъ, пѣнистыхъ горъ. Чѣмъ ближе прибивало корчагу къ этому опасному мѣсту, тѣмъ сильнѣе крутило ее, тѣмъ неистовѣе прыгала она съ одной волны на другую, трепетала и трещала. Съ отчаянной силой вцѣпились бродяги въ дерево и съ трепетомъ ждали смерти или чудеснаго спасенія.

Вотъ корчага вздрогнула, словно задѣла за морское дно и исчезла въ страшномъ омутѣ пѣнящихся, рокочущихъ волнъ. Бродягамъ стало не по силамъ держаться на неистово прыгавшей въ бурунахъ корчагѣ, и они отдались на произволъ грозныхъ валовъ. Началась страш-

ная борьба слабыхъ людей съ разсвирѣпѣвшей, могучей стихіей. Съ отчаянной энергіей пробиваются они къ спасительному мысу. Съ зловѣщимъ ревомъ крутятъ буруны изможденныхъ страдальцевъ и стремительно несутъ ихъ исхудалыя, измученныя тѣла на песчаное прибрежье.

Черезъ нѣсколько минутъ страшной, неравной борьбы, волны выбросили на берегъ безчувственныхъ, ошеломленныхъ бродягъ и съ глухимъ рокотомъ отхлынули назадъ, словно досадуя, что жертвы выскользнули изъ ихъ холодныхъ, мертвенныхъ объятій.

Высоко поднялось солнце по прояснившемуся небу и сыплетъ на изможденныя тѣла бродягъ снопы яркихъ, теплыхъ лучей. Разметали бродяги свои исхудалыя руки по песку. Лежатъ они — не шелохнутся, словно угасла въ нихъ послѣдняя искра жизни. На ихъ обросшихъ, блѣдныхъ лицахъ лежитъ печать невыразимыхъ страданій. Безкровныя губы крѣпко сжаты. Глубоко ввалившіеся глаза окружены синевой и рѣзкими, лучистыми морщинами.

Волна за волной съ рокотомъ и зловѣщимъ шумомъ набѣгаютъ на мысъ и обессиленныя разсыпаются почти у самыхъ ногъ страдальцевъ. Вотъ идетъ съ моря гигантскій, девятый валъ. Бѣшено вздулся онъ на мелководьѣ и, завернувъ впередъ свою пѣнистую, зловѣще шумящую вершину, стремительно, грозно бѣжитъ на мысъ, словно желая вторично поглотить только что выброшенныхъ имъ отважныхъ бѣглецовъ.

Открылъ Майданщикъ свои воспаленные глаза и тупо смотритъ на набѣгающій съ грознымъ ревомъ валъ. Близкая, страшная опасность возвратила ему самообладаніе и чувство самосохраненія. Собравъ послѣднія силы, поползъ онъ дальше отъ коварнаго моря, дальше отъ бѣшено набѣгающей волны. Въ этотъ моментъ взоръ его остановился на безчувственномъ тѣлѣ товарища. Еще моментъ, и волна безвозвратно поглотитъ Митьку Грѣшнаго; съ отчаянной рѣшимостью поползъ Майданщикъ назадъ и схватилъ товарища за руку.

Съ глухимъ рокотомъ набѣжалъ на бродягъ грозный девятый валъ и покрылъ ихъ своимъ холоднымъ, мертвящимъ покровомъ. Судорожно вцѣпился Майданщикъ въ рыхлую почву прибрежья и смѣло встрѣтилъ послѣдній напоръ разсвирѣпѣвшаго моря. Набѣжала волна и отхлынула назадъ. Майданщикъ поползъ дальше отъ моря, волоча за собой безчувственное тѣло товарища.

Не успѣлъ Майданщикъ проползти и сотню шаговъ, какъ его слухъ поразило мелодичное, нѣжное журчанье ручейка. Бродяга встрепенулся, и, словно пронизанный электрической искрой, вскочилъ на ноги. Невыносимыя страданія жажды пробудились въ немъ съ новой, страшной силой. У бродяги позеленѣло въ глазахъ и ему вдругъ показалось, что освѣжающая влага льется прямо на него широкой, блестящей, шумящей струей. Близость прѣсной воды едва не свела его съума, его глаза загорѣлись какимъ-то горячечнымъ огнемъ и онъ, шатаясь и скрипя зубами, побѣжалъ къ прыгающему съ камня на камень, съ уступа на уступъ, нѣжно журчащему ручью. На каждомъ шагу онъ спотыкался, падалъ, опять поднимался и съ какой-то дикой яростью бѣжалъ къ роскошному своду густой, древесной зелени, подъ которымъ быстрый ручей мелодично пѣлъ свою безконечную пѣснь. Подрубленнымъ деревомъ свалился Майданщикъ на пышный коверъ ярко зеленой травы, прямо лицомъ въ ручей, и, чуть не зарывшись въ него головой, жадно началъ глотать холодную, живительную влагу. Въ этотъ моментъ онъ забылъ всѣхъ и все на свѣтѣ. Подъ вліяніемъ благодѣтельной влаги, нестерпимая боль во всемъ его разбитомъ тѣлѣ словно утихла, мысль сдѣлалась свѣтлѣе и въ немъ затихло то невыносимо тягостное чувство тупаго озлобленія, не покидавшее его въ теченіи двухъ послѣднихъ дней мучительнаго странствованія по коварному, бурному морю.

Майданщикъ пилъ не отрываясь и ему казалось

что онъ въ состояніи выпить весь ручей. Кругомъ его царила таинственная тишина. Густо разросшіеся жасминъ, сирень и колючая азалія склонили свои пышныя вершины надъ ручьемъ и, казалось, съ удивленіемъ смотрѣли на изможденнаго, полунагаго страдальца, осмѣлившагося нарушить покой таинственной заросли.

Вотъ въ чащѣ, на противуположномъ берегу ручья раздался трескъ съ силой раздвигаемыхъ вѣтвей. Послышались чьи-то тяжелые, медленные шаги, сильный храпъ... и на берегъ ручья вышелъ громадный, черный медвѣдь. Увидѣвъ распластавшагося Майданщика, лѣсное чудовище остановилось въ нерѣшительности, подняло морду и, вытянувъ толстую, мохнатую шею, сильно начало втягивать въ себя воздухъ. Майданщикъ услышавъ трескъ и храпъ, на минуту оторвался отъ оживляющей влаги, какъ-то апатично взглянулъ на стоящаго въ десяти шагахъ страшнаго звѣря и опять прильнулъ къ ручью. Подъ давленіемъ мучительной жажды, бродяга отнесся къ появленію чудовища равнодушно; въ тотъ моментъ онъ даже не сознавалъ всей опасности неожиданно близкаго сосѣдства съ хищникомъ.

Медвѣдь, мучимый жаждой, также склонился, послѣ минутной нерѣшительности, къ ручью и жадно началъ втягивать холодную влагу. Звѣрь и человѣкъ пили изъ одного ручья, не обращая одинъ на другаго никакого вниманія; ихъ отдѣляло всего только нѣсколько шаговъ, но хищникъ не выказывалъ къ человѣку враждебныхъ чувствъ, и человѣкъ, съ своей стороны, не пугался присутствія страшнаго хищника. Каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ—утоленіемъ жажды.

Майданщикъ пилъ безъ мѣры. Его животъ уже раздулся, а онъ продолжалъ пить, пить безъ конца. Но вотъ ему стало уже не вмоготу. Глотка устала глотать холодную воду. Майданщикъ нехотя оторвался отъ ручья, лѣниво поднялся, потянулся и, едва взглянувъ на утолявшаго жажду хищника, пошелъ отъ ручья въ

чащу съ непреодолимымъ желаніемъ хорошо выспаться на пышномъ коврѣ густой, ярко зеленой травы. Въ этотъ только моментъ онъ вдругъ вспомнилъ, что оставилъ на берегу моря почти бездыханное тѣло товарища, умирающаго отъ мучительной жажды. Майданщику сдѣлалось страшно совѣстно за свою страшную забывчивость и онъ, не теряя ни минуты, бросился къ Митькѣ Грѣшному, безпомощно, распластавшемуся на горячемъ пескѣ морскаго прибрежья. Осторожно приподнялъ онъ товарища и отнесъ къ ручью, гдѣ и положилъ на мягкую траву, подъ прохладную тѣнь густолиственныхъ деревьевъ.

Медвѣдя уже не было. Утоливъ жажду, онъ скрылся въ таинственной заросли.

Съ трудомъ раскрылъ Майданщикъ крѣпко стиснутые зубы Митьки и прямо изъ ладони влилъ ему въ ротъ нѣсколько горстей холодной воды. Черезъ минуту Митька открылъ мутные глаза и безсознательно началъ осматриваться. Майданщикъ склонился надъ нимъ и принялся растирать ему грудь и смачивать голову водой. Постепенно, Митька Грѣшный началъ приходить въ сознаніе. Въ мутныхъ глазахъ, обращенныхъ къ небу, мелькнулъ огонекъ; на губахъ заиграла слабая улыбка. Тяжело приподнялъ онъ правую руку и сотворилъ крестное знаменіе.

— Да, братъ, чуднымъ манеромъ добрались мы до земли,—проговорилъ Майданщикъ: — Накось, испей теперь, а тамъ поищемъ чего-нибудь поѣсть,—прибавилъ онъ, придвигая товарища къ ручью.

Митька не замедлилъ прильнуть къ оживляющей влагѣ. Тѣмъ временемъ Майданщикъ отправился на поиски за пищей. Тутъ же, на берегу, онъ наткнулся на малиновыя перья черемши и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ цѣлымъ пучкомъ вкуснаго, питательнаго овоща. Утоливъ голодъ, бродяги забрались въ густую заросль, раскинулись на пышной травѣ и уснули мертвымъ сномъ.

X.

Мошкара.

Солнце только что скрылось за мрачнымъ, неизвѣданнымъ хребтомъ Сихотъ-Алиня. Всюду легли темныя, длинныя тѣни. Изъ падей и съ низменныхъ мѣстъ потянуло сыростью и прохладой. Въ вечернемъ воздухѣ появились, неизвѣстно гдѣ таившіяся весь день, миріады мошекъ и комаровъ; безчисленными массами носятся они надъ низменными мѣстами, то суетливо сбиваясь въ подвижныя, теряющіяся въ выси, колонны, то разстилаясь почти надъ самой поверхностью земли неправильными, волнующимися тучами. Безшумно носятся въ воздухѣ милліоны микроскопическихъ, но страшно злыхъ насѣкомыхъ, зорко высматривающихъ жертву для утоленія своихъ кровожадныхъ инстинктовъ.

Смѣлость и дерзость этихъ миніатюрныхъ, кровожадныхъ разбойниковъ тайги превышаютъ всякую мѣру. Съ безумной отвагой аттакуютъ они каждое живое существо, осмѣливающееся появиться въ ихъ могучемъ царствѣ, и съ одинаковымъ успѣхомъ обращаютъ въ позорное бѣгство и грознаго, мускулистаго тигра, и мохнатаго, прикрытаго толстой шубой медвѣдя, и быстроногую козулю, и полевую мышь...

Долго волновались въ воздухѣ мошки и комары надъ крѣпко спящими бродягами и, наконецъ, стремительно опустились на ихъ исхудавшія, почти совершенно голыя тѣла. Черезъ минуту бродяги были обсыпаны такой массой кровожадныхъ насѣкомыхъ, что не было на ихъ тѣлахъ живаго мѣста, въ которое не вонзилось бы острое, жгучее жало разбойниковъ тайги. Первымъ вскочилъ, словно обожженный, Майданщикъ и судорожно началъ скрести ногтями тѣло, стараясь избавиться отъ нестерпимаго, жгучаго зуда. Мошки и комары окружили бродягу сплошными тучами и съ какимъ-то озлобленіемъ

аттаковали его со всѣхъ сторонъ, забивались въ уши, носъ и ротъ, обсыпали сплошной массой спину, грудь, плечи, руки и ноги. Бродягѣ казалось, что его облили съ головы до ногъ какой-то горячей, жгучей массой. Нестерпимый зудъ распространился по всему тѣлу съ невѣроятной быстротой и приводилъ Майданщика въ бѣшенство и ожесточеніе. Съ остервенѣніемъ скребъ онъ себя обѣими руками, терся о дерево, валялся по травѣ и, наконецъ, увидя безполезность борьбы съ этими ядовитыми полчищами мошекъ и комаровъ, завылъ съ отчаянія дикимъ, неестественнымъ голосомъ.

Въ этотъ моментъ въ ближайшихъ кустахъ кто-то шарахнулся въ сторону. Послышались быстро удаляющіеся, тяжелые шаги и черезъ минуту все смолкло.

Майданщикъ не обратилъ вниманія на этотъ подозрительный шорохъ и продолжалъ выть самымъ отчаяннымъ голосомъ. Болѣе терпкій и лучше прикрытый своими рубищами, Митька Грѣшный проснулся отъ дикаго воя своего товарища. Въ первый моментъ ему показалось, что Майданщикъ воетъ подъ крѣпкими, всеразрушающими зубами какого-нибудь лѣснаго хищника. Но черезъ секунду онъ догадался объ истинной причинѣ отчаяннаго вопля своего товарища.

Не успѣлъ Митька вскочить на ноги, какъ и самъ былъ аттакованъ мошками и комарами съ такимъ ожесточеніемъ, что мгновенно почувствовалъ во всемъ тѣлѣ нестерпимый зудъ.

— Ахъ, дьяволы рестреклятые! Гнусы *) ненасытные—съ озлобленіемъ крикнулъ онъ и принялся скрестись съ неменьшей энергіей.

— Смерть моя, смерть моя! — вопилъ Майданщикъ, видя полное свое безсиліе бороться съ несмѣтными полчищами микроскопическихъ враговъ.

— Живо къ водѣ! — крикнулъ болѣе опытный Митька и сталъ быстро пробираться изъ чащи къ морю.

---

*) Сибиряки зовутъ гнусомъ мошекъ, комаровъ и оводовъ.

Майданщикъ бросился вслѣдъ за товарищемъ. Мріады мошекъ и комаровъ назойливо преслѣдовали бѣглецовъ, тѣла которыхъ были уже покрыты крупными, жгучими, почти сплошными опухолями. Вотъ постепенно чаща стала рѣдѣть, и черезъ минуту бродяги выскочили, словно ошпаренные, на берегъ моря, значительно уже успокоившагося послѣ послѣдней, жестокой бури. Дулъ ровный восточный вѣтеръ. Ясное, глубокое небо мерцало милліонами блестящихъ звѣздъ. Недавно народившаяся луна обдавала землю ровнымъ, блѣднымъ свѣтомъ, придавшимъ всѣмъ окружающимъ предметамъ и деревьямъ странный фантастическій видъ. Волны съ шумомъ набѣгали на песчаное прибрежье, окаймляя его бѣлоснѣжной пѣной и разсыпаясь на камняхъ на тысячи блестящихъ искръ — микроскопическія самосвѣтящіяся инфузоріи.

На берегу моря положеніе бродягъ значительно облегчилось. Мошки и комары постепенно оставили своихъ жертвъ и скрылись отъ ненавистнаго морскаго вѣтра въ заповѣдной чащѣ. Только болѣе отважные продолжали назойливо кружиться вокругъ бѣглецовъ, уловляя удобный моментъ вонзить въ нихъ свои острыя, жгучія жала. Впрочемъ, и эти враги вскорѣ прекратили свои аттаки одни изъ нихъ присоединились къ своимъ отступившимъ въ чащу товарищамъ, другіе пали жертвой своей излишней смѣлости отъ рукъ остервенившихся бродягъ.

— А—ахъ, жалость какая, что при насъ спичекъ нѣтъ,— проговорилъ Митька Грѣшный, въ изнеможеніи опускаясь на желтый, сырой песокъ:—Развели бы костеръ, такъ ни одинъ гнусъ не сунулся бы, да и отъ звѣря бы схоронились. Да и теплѣе было бы,—добавилъ онъ, начиная чувствовать на сыромъ, морскомъ вѣтрѣ пронизывающій холодъ.

— Безъ одежи-то плохо бродяжить, да безъ хлѣба,— началъ жаловаться Майданщикъ, неистово скребя свое тѣло обѣими руками:—Право, какое тутъ бродяжество, коли и холодно, и голодно, да еще и гнусы поѣдомъ ѣдятъ.

— А по мнѣ и одежды не будь, и хлѣба не будь— лишь бы жить на свободѣ птицей вольной, да спины не гнуть на каторгѣ подъ розгами, палками, да тычками,— резонерствовалъ Митька:—Все вытерплю—лишь бы шататься по таежнымъ, привольнымъ мѣстамъ. До холодка самъ чортъ изъ тайги меня не выживетъ!

— Полюбился, братъ, ты мнѣ и я останусь съ тобой въ тайгѣ до той же поры, какъ и ты. А что жаловаться сталъ опять, такъ все отъ гнуса проклятаго—вишь зудитъ шкура, словно кто крапивой меня ожогъ!—проговорилъ Майданщикъ, продолжая скрести, то лицо, то грудь, то спину.

— Да ты не скребись,—посовѣтывалъ Митька Грѣшный:—Потерпи малость, и зудъ самъ собой пройдетъ. Знаю я это дѣло тонко—не первый гнусъ-то меня жретъ. А ты лягъ рядомъ со мной, одинъ другаго грѣть будемъ, да продремлемъ до утра.

Майданщикъ принялъ совѣтъ товарища и растянулся на сыромъ пескѣ, рядомъ съ Митькой Грѣшнымъ.

XI.

Нападеніе медвѣдя.

Страшно томимый жаждой, медвѣдь не обратилъ особеннаго вниманія на близкое сосѣдство человѣка; но какъ только жажда была утолена, въ хищникѣ проснулись его кровожадные инстинкты и онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе полакомиться рѣдкимъ человѣческимъ мясомъ. Притаившись въ чащѣ, медвѣдь зорко слѣдилъ за неожиданными пришельцами, нарушившими величественное спокойствіе тайги, и ждалъ удобнаго момента, чтобы удовлетворить свой алчный аппетитъ. Напасть засвѣтло — хищникъ не рѣшался. Солнечный блескъ отнималъ у него смѣлость. Онъ терпѣливо ждалъ ночи для нападенія на давно намѣченную жертву. Зарывшись въ траву и прошлогодніе листья, медвѣдь впалъ

въ полудремоту. Изрѣдка поднималъ онъ тупую морду, раздувалъ ноздри и жадно втягивалъ въ себя струю воздуха, пропитанную соблазнительнымъ запахомъ сладко спавшихъ въ десяти саженяхъ бродягъ. Голодъ ворочалъ его внутренности, но осторожный звѣрь терпѣливо переносилъ жестокія спазмы своего пустаго желудка. Но вотъ солнце зашло, и наступила, наконецъ, давно ожидаемая тьма. Хищникъ осторожно вылѣзъ изъ подъ листьевъ и безшумно направился къ спящимъ бродягамъ. Черезъ каждые три-четыре шага медвѣдь останавливался, вытягивалъ мохнатую шею и съ силой вшивалъ въ себя сырой, ночной воздухъ. Въ ночной тьмѣ глаза его искрились зловѣщимъ блескомъ. Острые зубы хищника невольно скрипѣли и щелкали. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бродягъ медвѣдь опять пріостановился и сталъ чутко прислушиваться. Въ этотъ моментъ Майданщикъ, аттакованный мошками и комарами, вскочилъ, какъ ошпаренный, и завылъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Хищникъ, испуганный этимъ неожиданнымъ, дикимъ крикомъ, шарахнулся въ сторону и бросился бѣжать во всѣ лопатки. Пробѣжавъ порядочное разстояніе, медвѣдь остановился и сталъ снова прислушиваться. Вой прекратился и вокругъ господствовала опять невозмутимая тишина. Послѣ непродолжительнаго колебанія, голодный хищникъ вернулся на прежнюю позицію и осторожно началъ пробираться къ тому мѣсту, съ котораго только что были согнаны бродяги кровожадными разбойниками тайги—мошкарой. Обнюхавъ сильно помятую траву, хищникъ пошелъ по слѣдамъ дальше.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на опушку чащи и остановился. Зоркіе глаза его тотчасъ-же замѣтили на желтомъ прибрежномъ пескѣ темный, безформенный предметъ, слегка освѣщенный блѣдными лучами мѣсяца. Медвѣдь рѣшительно направился къ этому неподвижному предмету, жадно втягивая расширенными ноздрями ночной воздухъ. Безшумно, мягко ступалъ онъ по сырому песку, все ближе и ближе подходилъ къ

крѣпко спящимъ, нечующимъ близкой опасности, бродягамъ. Искрящіеся зловѣщимъ огнемъ глаза хищника упорно были направлены въ одну точку морскаго прибрежья, на которомъ довѣрчиво расположились для отдыха бѣглые. Близость лакомой добычи донельзя разожгла кровожадные инстинкты голоднаго хищника. Отъ осторожнаго шага перешелъ онъ въ нетерпѣливую рысь и быстро сталъ приближаться къ беззащитнымъ жертвамъ... Черезъ минуту раздался въ ночномъ воздухѣ пронзительный, страдальческій крикъ, и затѣмъ страшное хрипѣнье и урчанье. Хищникъ зарылъ свою тупую морду въ затылокъ Майданщика и съ жадностью пилъ горячую кровь. Митька Грѣшный проснулся отъ страшнаго крика товарища и съ безумнымъ ужасомъ ударился бѣжать, самъ не зная куда, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что случилось. Во время бѣгства онъ почувствовалъ, что по его груди течетъ что-то горячее. Безсознательно приложилъ онъ къ ней руку, взглянулъ на ладонь и обмеръ: при лунномъ свѣтѣ онъ ясно разсмотрѣлъ, что ладонь была выпачкана чѣмъ-то темнымъ, похожимъ на кровь. Въ первый моментъ Митькѣ показалось, что кровь течетъ изъ раны на груди, но, ощупавъ себя, убѣдился, что невредимъ. Ясно, что онъ омоченъ кровью товарища, попавшагося въ зубы неизвѣстнаго кровожаднаго хищника.

Только тутъ Митька вспомнилъ, что когда онъ вскочилъ отъ пронзительнаго, страдальческаго крика товарища, то наткнулся съ просонья на какое-то громадное, мохнатое чудовище, склонившееся надъ хрипѣвшимъ Майданщикомъ. При этомъ воспоминаніи кровь застыла въ жилахъ у Митьки Грѣшнаго, волоса зашевелились на головѣ и встали дыбомъ. Невыразимо жалко сдѣлалось ему товарища. Онъ остановился и началъ чутко прислушиваться. Въ воздухѣ стояла невозмутимая тишина: ни звука, ни крика, ни шороха. Только волны шумѣли у прибрежья, да въ груди Митьки Грѣшнаго глухо, сильно стучало встревоженное сердце. Напрасно всматривался

Митька въ темную даль, напрасно силился уловить хотя бы слабый стонъ, хрипѣніе или крикъ. Видно все уже свершилось; Майданщикъ покончилъ свои счеты съ здѣшнимъ міромъ и каторгой и избавился отъ всѣхъ дальнѣйшихъ случайностей бродячей, тяжелой жизни.

Долго стоялъ Митька Грѣшный на одномъ мѣстѣ, тупо, упорно глядя въ одну точку мутными глазами, потерявшими, повидимому, жизнь и огонь. Его трясла лихорадка. Онъ чувствовалъ, что къ его груди подступаетъ что-то давно невѣдомое. Давно зачерствѣвшее сердце его словно размякло и сбросило съ себя толстую кору, наросшую за время тяжелой каторги. Изъ воспаленныхъ глазъ Митьки выкатилась крупная, горячая слеза и затерялась въ окровавленной, изорванной одеждѣ. Что-то давно невѣдомое подступало все выше и выше, къ горлу. Въ глазахъ Митьки Грѣшнаго пошли красные круги, онъ зашатался и, какъ подкошенный, упалъ на песокъ.

Нѣсколько секундъ лежалъ онъ въ какомъ-то неизъяснимомъ, страшномъ онѣмѣніи и вдругъ разразился неожиданными, раздирающими душу, невыносимо страшными рыданіями. Казалось, многими годами накопившееся горе, безысходная, тяжкая тоска наболѣвшаго сердца изливались въ этихъ нечеловѣческихъ рыданіяхъ—такъ были они ужасны и отчаянны. Это были даже, не рыданія, а какой-то дикій вопль возмущенной, оскорбленной души. Въ этомъ воплѣ одновременно звучали: и безысходное, страшное горе, и горькая жалоба на злосчастную судьбу, такъ жестоко исковеркавшую молодую, сильную, здоровую жизнь.

— Эхъ, Марѳуша, Марѳуша! И чего ты меня и себя загубила?!—вдругъ застоналъ Митька, прижимая горячее лицо къ сырому песку:—Я-ли не любилъ тебя, да не баловалъ!... Я-ли не берегъ тебя, словно голубку! Я-ли не миловалъ тебя, да не холилъ! Загубила ты наше счастье, продала его за фальшивую ласку какому-то проходимцу. Ахъ, я извергъ! Кровопійца!

Мрачныя воспоминанія охватили Митьку. Отчетливо, съ ужасающей ясностью представились ему мельчайшія подробности совершеннаго преступленія. Вотъ онъ возвращается поздно вечеромъ изъ города домой, возвращается совершенно неожиданно, не въ указанное время. Подъѣзжаетъ къ своей избѣ — темно. Торопится онъ осторожно открыть ворота, распречь коня и подбросить ему охапку недавно скошенной травы, торопится къ Марoушѣ, порадовать ее неожиданнымъ пріѣздомъ. Осторожно идетъ онъ въ избу. Вотъ, думаетъ, обрадуется-то Марoуша: небось тосковала, да ждала! Не успѣлъ онъ войти въ сѣни, какъ вдругъ услышалъ въ избѣ тревожный, незнакомый шепотъ: „Никакъ Дмитрій пріѣхалъ!!“ „Ахъ, бѣда!... Бѣда!..“ — застонала Марoуша, охваченная безумнымъ ужасомъ. Потемнѣло у Дмитрія въ глазахъ, зашатался онъ и едва не упалъ, да успѣлъ удержаться за какую-то кадушку. Въ этотъ моментъ рука его нащупала топорище, случайно положеннаго на кадушку топора. Безсознательно сжалъ онъ топорище рукой и съ безумнымъ крикомъ бросился въ горницу. Передъ нимъ стояли, оцѣпеневъ отъ ужаса, Марoуша и парень изъ сосѣдней деревни. Взмахнулъ Дмитрій тяжелымъ топоромъ и погрузилъ его по самый обухъ во что-то мягкое, взмахнулъ еще разъ и еще, и при каждомъ ударѣ хлестала въ его лицо горячая кровь. Дмитрій обезумѣлъ. Онъ безсознательно наносилъ удары топоромъ безъ счета и разбора, наносилъ до тѣхъ поръ, пока не устала рука. Онъ не слышалъ страшнаго стона своихъ жертвъ, не слышалъ даже, какъ вбѣжали въ избу сосѣди, и продолжалъ съ необъяснимымъ бѣшенствомъ крошить топоромъ трепетавшія въ предсмертной агоніи жертвы преступной любви.

Страшно сдѣлалось Митькѣ отъ этихъ воспоминаній. Волосы встали на его головѣ дыбомъ; по всему тѣлу выступилъ холодный потъ. Съ безумнымъ ужасомъ вскочилъ онъ на ноги и вперилъ воспаленный взоръ въ темную даль. И кажется ему, что съ самаго края потемнѣвшаго

моря несутся къ нему два страшныхъ, окровавленныхъ призрака. Несутся они съ демонской быстротой. Вотъ они ближе, ближе, ясиѣе и ясиѣе. Вотъ они уже протягиваютъ къ Митькѣ свои изрубленныя, окровавленныя руки, словно хотятъ схватить. Дико вскрикнулъ Митька и въ безумномъ ужасѣ бросился бѣжать.

XII.

Конецъ Митьки Грѣшнаго.

Ясный, теплый день. Въ воздухѣ невозмутимая тишина. Зеркальная поверхность моря словно замерла подъ ласкающими лучами блестящаго солнца. Пользуясь тихой погодой, медленно пробираясь вдоль берега на неуклюжей лодкѣ *) гилякская семья, прiискивающая подходящее мѣсто для рыбной ловли. Перегруженная лодка, заваленная сложенной юртой, рыболовными снарядами и разнымъ домашнимъ хламомъ, едва ползетъ, не смотря на дружную греблю младшихъ членовъ гилякской семьи. На четырехъ короткихъ, лопатообразныхъ веслахъ сидятъ двѣ дѣвочки, не старше двѣнадцати лѣтъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати и пожилая, некрасивая гилячка, повидимому мать семейства. На кормѣ сидитъ и правитъ веломъ бородатый гилякъ, отецъ семейства, съ маленькими, гноющимися глазами, одѣтый въ оригинальный, узорчатый костюмъ, сшитый изъ искусно выдѣланной рыбьей кожи и состоящiй изъ прямой, доходящей ниже колѣнъ, рубахи съ широкими рукавами, и узкихъ штановъ, схваченныхъ у лодыжекъ ремешками. На головѣ гиляка красовалась коническая, берестяная шляпа, съ различными узорами; ноги были обуты въ чарки **), сшитыя изъ лосиной кожи. Изъ подъ берестяной шляпы ползла, по широкой спинѣ гиляка, толстая коса.

*) Гилякская лодка сколачивается деревянными гвоздями изъ четырехъ широкихъ досокъ; двѣ образуютъ борта, и двѣ—плоское дно.

**) Чарки—въ родѣ туфель, сшитыхъ изъ сыромятной кожи.

Одежда остальныхъ членовъ гилякской семьи, безъ различія пола, состояла изъ тѣхъ же неизмѣнныхъ рубахъ изъ рыбьей кожи и коническихъ берестяныхъ шляпъ. Лица дѣтей можно было бы назвать симпатичными, если бы не портили ихъ воспаленные, гноящіеся глаза. Вообще среди гиляковъ трудно встрѣтить здоровые глаза. Всѣ почти инородцы страдаютъ глазной болѣзнью, которая нерѣдко усложняется настолько, что глаза ихъ превращаются въ отвратительныя гноючки. Катарральное воспаленіе глазъ обусловливается особенностями быта дикарей. Проводя все время или въ дымной, чадной юртѣ, или созерцая постоянно необъятныя, снѣжныя пустыни, гиляки портятъ свое зрѣніе такъ сильно, что нерѣдко воспаленіе дѣлается положительно неизлечимымъ.

Медленно ползетъ лодка вдоль берега, слегка возмущая чистую, зеркальную поверхность моря. Зорко смотритъ старый гилякъ впередъ и старается высмотрѣть удобное мѣсто для рыбной ловли. Вотъ онъ замѣтилъ хорошо знакомую бухточку, прикрытую съ моря двумя далеко выдающимися, песчаными мысами. Лучше этой бухточки трудно найти, и гилякъ, ловко загребнувъ весломъ, направилъ лодку прямо въ берегъ, къ знакомому, широковѣтвистому дубу, склонившемуся надъ небольшимъ, быстрымъ ключемъ. Черезъ нѣсколько минутъ дно лодки заскрипѣло по мягкому песку, и она остановилась, упершись тупымъ носомъ въ песчаное, ровное прибрежье. Первыми выскочили на берегъ все время дремавшія на носу лодки, двѣ мохнатыя, остромордыя собаки, съ торчащими, остроконечными ушами, и съ громкимъ лаемъ забѣгали по прибрежью, словно обрадовались, что наконецъ-то спустили ихъ на берегъ, на которомъ онѣ могутъ размять свои затекшія ноги.

Вслѣдъ за собаками выскочила гилякская семья и, дружно ухватившись за борта лодки, втащили ее на берегъ. Старикъ осмотрѣлся и выбралъ мѣсто подъ юрту, подъ тѣнью развѣсистаго дуба, вблизи ключа. Черезъ

нѣсколько минутъ подъ дубомъ уже стоялъ конусообразный остовъ юрты, изъ тонкихъ, крѣпкихъ жердей. Въ то время, когда младшіе члены семьи клали снаружи остова, кромкой на кромку, большія пластины, состоящія изъ сшитыхъ оленьими жилами кусковъ бересты, старикъ устраивалъ внутри юрты мѣста *), для размѣщенія семьи, и очагъ, на которомъ и развелъ огонь, которому дикари оказываютъ большое уваженіе.

Гиляки говорятъ, „когда огонь на очагѣ хорошъ, гилякъ живетъ хорошо, когда-же огонь малъ—гилякъ хвораетъ и умираетъ". По ихъ понятію, огню очага должно оказывать уваженіе. Напримѣръ, отъ этого огня нельзя зажигать свѣчу; около него нельзя просушивать онучи; каждый, закуривъ трубку отъ очага, не имѣетъ права выходить съ нею изъ юрты, а долженъ выкурить ее у того же очага, въ который выбрасывается обыкновенно пепелъ.

Гилякская семья работала молча, сосредоточенно, не развлекаясь разговорами. Работа подходила уже къ концу, какъ вдругъ раздался гдѣ-то вдали бѣшенный, неистовый лай собакъ.

— Шайтанъ ихъ съѣшь! — сердито проворчалъ старикъ:—Чего онѣ разлаялись!?

— Ты вѣдь знаешь, что наши собаки даромъ не лаютъ,—замѣтила старуха: —Вѣрно звѣрь какой, либо чужой человѣкъ.

Дѣти присмирѣли и стали прислушиваться къ бѣшенному, яростному лаю собакъ.

— Можетъ абай **)— тихо спросила одна изъ дѣвочекъ, съ любопытствомъ выглядывая изъ юрты.

— Абай днемъ не полѣзетъ, — резонно замѣтилъ мальчикъ:—Это вѣрно на падаль какую-нибудь лаютъ!?

— Ты-бы посмотрѣлъ, — рѣшилась замѣтить жена мужу.

*) Мѣста въ юртѣ устраиваются вокругъ очага, на разстояніи двухъ или трехъ футъ отъ него. Они выложены обыкновенно травой, перемѣшанной съ мелкими древесными вѣтками, и покрываются звѣриными шкурами.

**) Абай—медвѣдь.

Старикъ молча взялъ старое, кремневое ружье и вышелъ изъ юрты. Не успѣлъ онъ сдѣлать по направленію лая и сотни шаговъ, какъ увидѣлъ своихъ собакъ, бѣшенно бросающихся на какой-то висящій на деревѣ, скорченный предметъ. Старикъ подошелъ ближе и остановился въ нерѣшительности. На сукѣ громаднаго дуба висѣлъ на суконной тесьмѣ, страшно худой, совершенно сѣдой мужчина, судя по остаткамъ одежды, бѣглый каторжникъ. Сукъ нагнулся подъ тяжестью трупа и, казалось, повѣшенный стоялъ на колѣнахъ, крѣпко сжавъ у груди донельзя исхудалыя руки. Голова его какъ-то неестественно склонилась на грудь; полуоткрытые тусклые глаза смотрѣли въ землю съ какимъ-то страшнымъ выраженіемъ.

Молча оглядѣлъ трупъ гилякъ, словно прикидывая стоитъ-ли снимать съ него лопатину. Повидимому, осмотръ привелъ старика къ отрицательному заключенію, и онъ, отозвавъ бѣшено лающихъ собакъ, направился къ юртѣ.

— На кого лаяли?—съ любопытствомъ спросила старуха мужа.

— Горбачъ тамъ... на деревѣ — видно съ голодухи, — хладнокровно проговорилъ гилякъ, присаживаясь къ очагу и набивая табакомъ свою трубочку.

— Чтожъ лопатину-то?!...

— Не стоитъ! Самъ онъ воняетъ, а отъ лопатины только клочья остались,—отвѣтилъ гилякъ, закуривая трубку. Скоро гилякская семья усѣлась за свой незатѣйливый обѣдъ, совершенно забывъ о несчастномъ самоубійцѣ. И будетъ онъ висѣть до тѣхъ поръ, пока не расклюютъ его вороны, пока не растащутъ его лѣсные хищники....

ЗАНЕСЕННЫЙ СНѢГОМЪ.

I.

Ома Игнатьевичъ Березкинъ, крестьянинъ Московской губерніи, былъ извѣстенъ цѣлому уѣзду, какъ мужикъ очень зажиточный, умный, сметливый и энергичный. Въ то время, когда другіе крестьяне, богатѣя, превращались въ черствыхъ кулаковъ и міроѣдовъ, онъ, разбогатѣвъ, остался на высотѣ своего нравственнаго превосходства и справедливо считался кормильцемъ бѣдняковъ и смѣлымъ защитникомъ угнетенныхъ. Благодаря всегда своевременной, щедрой помощи или разумному совѣту, Березкинъ многихъ изъ бѣдняковъ спасалъ не только отъ сумы, но даже отъ тюрьмы. Угнетенные не чаяли въ немъ души и по всему уѣзду разносили о Ѳомѣ Игнатьевичѣ добрую молву, возбуждавшую въ однихъ удивленіе, въ другихъ зависть, а въ нѣкоторыхъ даже подозрѣніе, впрочемъ, довольно неопредѣленнаго характера. Помимо всѣхъ своихъ достоинствъ, Березкинъ былъ набоженъ безъ ханжества, заботился о благолѣпіи сельскаго храма и всегда первымъ являлся на помощь къ бѣдному сельскому духовенству, часто нуждавшемуся въ самомъ не-

обходимомъ пропитаніи. Щедрость Березкина подкупила сельскаго священника, отца Іоанна, до такой степени, что послѣдній выхлопоталъ Ѳомѣ Игнатьевичу почетную должность церковнаго старосты, чѣмъ очень досадилъ волостному старшинѣ и писарю. Березкинъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему отличіе и довѣріе. Благодаря его щедрой помощи и разумной энергіи, небольшая сельская церковь смотрѣла всегда чисто и весело. Все было въ ней прибрано; церковное имущество содержалось въ образцовомъ порядкѣ. Ризы, подсвѣчники, лампады своевременно золотились и серебрились, а сама церковь подновлялась и подкрашивалась. Мало того, Ѳома Игнатьевичъ замѣнилъ маленькій, давно надтреснутый дребезжащій колоколъ большимъ, басистымъ, выписаннымъ имъ на собственныя средства изъ Москвы. Вообще онъ очень заботился о полномъ благолѣпіи ввѣреннаго ему храма. Отецъ Іоаннъ былъ отъ него въ восторгѣ и всегда выставлялъ его всѣмъ, какъ образецъ истиннаго и ревностнаго христіанина. Какъ семьянинъ Ѳома Игнатьевичъ былъ примѣрный. Свою жену онъ любилъ крѣпко и обращался съ нею необыкновенно ласково и мягко, чѣмъ очень выдѣлялся изъ среды односельчанъ, привыкшихъ учить своихъ женъ уму-разуму при помощи здоровыхъ кулаковъ и безобразныхъ потасовокъ. Восьмилѣтняго сына своего, Петю, Березкинъ положительно обожалъ, но не баловалъ. Онъ хорошо сознавалъ, что баловство къ путному не приведетъ.

Среди своихъ односельчанъ Ѳома Игнатьевичъ имѣлъ большое значеніе. Его разумныя рѣчи всегда слушались съ большимъ вниманіемъ. На мірскихъ сходкахъ онъ игралъ видную роль вожака честныхъ, трезвыхъ мужиковъ и всегда энергично ратовалъ противъ кулаковъ, кабатчиковъ и другихъ міроѣдовъ. Онъ велъ противъ нихъ неустанную борьбу, исходъ которой, къ сожалѣнію, оказался для него самый печальный и неожиданный. Міроѣды боялись Березкина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно ненавидѣли его. Они пользовались каждымъ удобнымъ

случаемъ, не пренебрегали никакими средствами, чтобы подгадить чѣмъ-нибудь своему злѣйшему врагу, но все безуспѣшно, хотя волостной старшина и писарь, озлобленные справедливыми нападками Березкина, держали руку міроѣдовъ и, съ своей стороны, вели противъ неугомоннаго Ѳомы Игнатьевича подпольную интригу. Особенно недолюбливали волостныя власти Березкина за то, что тотъ не разъ указывалъ своимъ односельчанамъ на разныя, продѣлываемыя старшиной и писаремъ, мошенничества, указывалъ на наглое обкрадываніе ими мірскихъ денегъ. Благодаря подобному, вполнѣ понятному озлобленію кулаковъ, кабатчиковъ и волостныхъ властей, Березкинъ пользовался исключительнымъ неразположеніемъ не только мѣстнаго урядника, но даже становаго пристава. Въ глазахъ этихъ административныхъ лицъ, Березкинъ былъ человѣкомъ въ высшей степени безпокойнымъ и даже вреднымъ. Становой приставъ и урядникъ даже утверждали, что Ѳома Игнатьевичъ не признаетъ властей, потому что не гнетъ передъ ними подобострастно спины, не приглашаетъ ихъ въ свой домъ и не угощаетъ, какъ то дѣлаютъ другіе зажиточные мужики. Дѣйствительно, Березкинъ держалъ себя въ отношеніи этихъ административныхъ лицъ въ высшей степени самостоятельно: раскланивался важно, безъ подобострастія, говорилъ съ ними сановито, безъ лести и не смущался высказывать имъ горячую правду. Бывало придутъ власти описывать, у какого-нибудь бѣдняка-мужика за недоимки, послѣднюю коровенку или лошадь, Ѳома Игнатьевичъ уже тутъ и резонно, смѣло убѣждаетъ не разорять мужика, не продавать за безцѣнокъ послѣдней опоры крестьянскаго благосостоянія, а обождать немного и дать бѣдняку время поправить свое, случайно разстроенное хозяйство. При этомъ не преминетъ указать, что недоимки числятся также на томъ или другомъ, болѣе зажиточномъ, мужикѣ, да у него не продаютъ съ молотка крестьянскаго имущества, Богъ вѣсть почему; что только бѣдняки-горемыки от-

дѣлываются своими спинами, именно тѣ бѣдняки, у которыхъ нѣтъ защиты въ лицѣ извѣстныхъ сельскихъ властей, нѣтъ средствъ усыпить слишкомъ большое, неразумное рвеніе урядника и становаго пристава. Эти смѣлыя, правдивыя рѣчи часто производили желаемое дѣйствіе, и бѣдняка-мужика оставляли въ покоѣ. Становой приставъ, урядникъ и волостныя власти стушевывались и отправлялись къ мѣстному, очень гостепріимному, кабатчику, у котораго и заливали неудачу нѣсколькими бутылочками живительной влаги разнаго наименованія. Кабатчикъ питалъ къ безпокойному Березкину глубокую ненависть. Съ каждымъ годомъ ненависть эта росла все больше и больше, слилась съ такой-же поступленной ненавистью мѣстнаго лавочника-кулака и, наконецъ, разразилась неожиданной для Березкина катастрофой.

II.

Въ одинъ лѣтній, жаркій день, въ самую горячую рабочую пору, когда все здоровое населеніе было въ полѣ, стремительно влетѣлъ въ село, на обывательской тройкѣ, становой приставъ, въ сопровожденіи гарцующаго на лошади урядника. Старики и старухи, грѣвшіеся на завалинкахъ, кряхтя вставали и, тяжело опираясь на свои палки, пренизко кланялись неожиданно пожаловавшимъ властямъ. Игравшіе на улицахъ ребятишки, увидя скачущаго сломя голову становаго пристава, испуганно попрятались за ворота; изумленными глазами слѣдили они за бѣшенной тройкой сквозь щели воротъ, увидѣли, какъ легкій тарантасъ пристава переѣхалъ двухъ зазѣвавшихся поросятъ, раздавилъ пѣтуха, беззаботно выкрикивавшаго посреди улицы свое протяжное „кукуреку“, и понесся дальше. Деревенскія собаки, до того времени лѣниво грѣвшіяся на солнцѣ, встрепенулись отъ пронзительнаго визга искалѣченныхъ поросятъ и понеслись съ неистовымъ лаемъ вслѣдъ за тройкой, остановившейся

черезъ минуту передъ заново выкрашеннымъ крыльцомъ волостнаго правленія. Изъ тарантаса лѣниво выползъ, поддерживаемый подъ руку расторопнымъ урядникомъ, небольшой, толстенькій человѣкъ, сильно ожирѣвшій, съ заплывшими, свиными глазками и краснымъ лицомъ. Становой приставъ былъ немного выпивши и слегка покачивался на своихъ короткихъ, толстыхъ ногахъ. Очевидно, что передъ пріѣздомъ въ село, онъ былъ у кого-то въ гостяхъ и принесъ должное приношеніе Бахусу. Урядникъ, молодцоватый парень съ наглымъ выраженіемъ лица, былъ также навеселѣ.

— Живо волостнаго старшину, писаря и понятыхъ!— пробурчалъ становой приставъ пьянымъ голосомъ и грузно полѣзъ въ узкія двери волостнаго правленія.

— Слушаюсь, ваше высокородіе!—отчеканилъ урядникъ, лихо вскочивъ на коня. Черезъ секунду онъ уже несся, сломя голову, по селу, преслѣдуемый назойливыми деревенскими собаками, повидимому не понимавшими различія между начальствомъ и простымъ смертнымъ.

Въ дверяхъ волостнаго правленія, пристава встрѣтила молодая, красивая женщина, жена волостнаго писаря.

— А, здравствуй, Наталья Семеновна, здравствуй!— пробурчалъ приставъ, фамильярно похлопывая женщину по румяной щекѣ. Наталья Семеновна покраснѣла и потупилась. Повидимому, подобная, фамильярная ласка была для нея крайне непріятна.

— Гдѣ мужъ?—спросилъ приставъ, съ трудомъ усаживаясь въ кожанное, сильно потертое кресло.

— Сейчасъ будутъ-съ,—проговорила Наталья Семеновна и скрылась за дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ приставомъ, на столѣ, уже стоялъ шибко шипящій самоваръ, изъ за котораго привѣтливо выглядывали графинъ съ водкой и бутылка коньяку—любимый напитокъ пристава.

Прошло съ полчаса, которые приставъ провелъ въ дружной, хотя и безмолвной, бесѣдѣ съ графиномъ водки

и бутылкой коньяку. Въ комнату вошли, въ сопровожденіи урядника, волостной старшина, тучный мужикъ съ окладистой бородой и хитрыми глазами, писарь, молодцоватый, красивый парень, смахивающій на ловкаго прикащика, и двое понятыхъ: мѣстный кабатчикъ, сильно ожирѣвшій мужикъ, съ хищнымъ выраженіемъ лица, и лавочникъ—кулакъ, вертлявый, тщедушный, съ рѣдкой, рыжей бородой и съ проницательными, постоянно бѣгающими съ предмета на предметъ глазами.

— Наше вамъ почтеніе,—проговорили старшина и писарь, фамильярно протягивая приставу руки.

— Здорово, Иванъ Силычъ, здорово, Николай Николаевичъ,—пробурчалъ косящимъ языкомъ становой приставъ, дружески пожимая протянутыя руки:—А, и вы здѣсь Савва Ильичъ, Пахомъ Пахомычъ?—обратился онъ къ кабатчику и лавочнику.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Павелъ Александровичъ,—проговорилъ заискивающимъ голосомъ кабатчикъ, осторожно пожимая жирную руку пристава.

— Что заставило васъ, достоуважаемый, добрѣйшій Павелъ Александровичъ, осчастливить наше село своимъ присутствіемъ,—отчеканилъ лавочникъ, постоянно щеголявшій передъ другими лоскомъ петербургскихъ прикащиковъ.

— Садитесь, садитесь, наливайте по рюмочкѣ,—пробурчалъ приставъ, придвигая къ себѣ бутылку съ коньякомъ и наливая уемистую рюмку.

Всѣ чинно усѣлись вокругъ стола, молча налили по рюмочкѣ и выпили, причемъ кабатчикъ поперхнулся своей разсыропленной водкой и сплюнулъ.

— Иванъ Силычъ,—началъ приставъ чрезъ минуту серьезнаго молчанія: — я къ вамъ по очень важному дѣлу.

— Тэкъ-съ,—невозмутимо протянулъ волостной старшина, поглаживая свою окладистую бороду.

— Чтобъ дѣла не затягивать, я приказалъ уряднику пригласить понятыхъ,—Савву Ильича и Пахомъ Пахо-

мыча, — продолжалъ приставъ, наливая себѣ рюмку коньяку.

— Точно-съ, — поддакнули кабатчикъ и лавочникъ, переглянувшись. Повидимому, они очень хорошо знали, зачѣмъ приглашены приставомъ.

— До моего свѣдѣнія дошло, что Березкинъ занимается поддѣлкой кредитныхъ билетовъ. Необходимо произвести у него неожиданный, немедленный обыскъ и накрыть съ поличнымъ.

— Понимаемъ-съ,—такъ-же невозмутимо протянулъ волостной старшина, поглаживая бороду.

— Пречистая Дѣва Марія?—удивился писарь:—Ужъ не съ этого-ли дѣла и богатѣть онъ сталъ?

— Конечно съ этого дѣла,—отвѣтилъ кабатчикъ:— По всему было видно, что деньги у него не трудовыя. Вспомни-ка, какой возъ денегъ онъ на одну церковь просадилъ.

— Экой стыдъ какой!—добавилъ лавочникъ съ лицемѣрнымъ вздохомъ: — Фальшивыя деньги, да Господу Богу въ даръ. Послѣднія времена пришли, послѣднія.

— Да-съ, кто могъ думать, что Березкинъ такимъ дѣломъ занимается,—съ напускнымъ соболѣзнованіемъ проворчалъ приставъ:—Однако же, нечего терять дорогое время, приступимъ лучше къ дѣлу,—добавилъ онъ, тяжело подымаясь съ кресла и направившись къ выходу.

За нимъ молча потянулись: урядникъ, волостной старшина, писарь, кабатчикъ — плутъ и лавочникъ— кулакъ. Торжественная процессія двинулась пѣшкомъ, по пыльной улицѣ, къ красивому, новому дому Березкина, стоявшему въ десяти саженяхъ отъ волостнаго правленія. Старики, старухи и дѣти съ любопытствомъ глазѣли на торжественное шествіе начальства и сбивались позади его, на почтительномъ разстояніи, въ нестройную, шумливую толпу. Старухи тараторили и трещали, словно сороки, стараясь объяснить одна другой причину неожиданнаго шествія начальства и понятыхъ къ дому Березкина. Старики молча, угрюмо качали своими сѣдыми

головами и съ соболѣзнованіемъ чмокали беззубыми ртами.

Какъ люди пожившіе и опытные, они сознавали, что становой идетъ къ Березкину не въ гости и что послѣдняго, навѣрное, ждетъ бѣда неминуемая.

Но вотъ становой со свитой скрылся за тесовыми воротами дома Березкина и величественно направился черезъ просторныя, чистыя сѣни въ избу. Въ сѣняхъ кабатчикъ нѣсколько замѣшкался и незамѣтно сунулъ что-то за стоявшія у стѣны пустыя кадушки.

Войдя въ избу, становой приставъ грузно опустился на бѣлую скамью и уперъ свой пьяный взоръ на Петю, испуганно высматривавшаго съ палатей на сердитаго пристава.

— Гдѣ тятька?—пробурчалъ Павелъ Александровичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Въ полѣ,—едва слышно отвѣтилъ Петя.

— А мамка гдѣ?

— И мамка въ полѣ,—протянулъ Петя, и въ голосѣ его прозвучала слезливая нотка.

— Потаповъ,—обратился становой къ урядинку!—скачи живо въ поле и скажи Березкину, чтобъ немедля, шелъ домой, нуженъ, молъ, по важному дѣлу.

Урядникъ рванулся съ мѣста и черезъ полминуты уже скакалъ, сломя голову, за околицей!

— Дѣлать нечего, подождемъ, Садитесь!—проворчалъ Павелъ Александровичъ, закуривая папиросу.

Старшина, писарь и понятые молча усѣлись на лавку, поодаль отъ пристава.

III.

Съ небольшимъ черезъ полчаса въ сѣняхъ заскрипѣли половицы, и въ избу вошелъ въ сопровожденіи урядника, Березкинъ, высокій, красивый мужикъ, съ черной, какъ смоль, окладистой бородой. Изъ подъ густыхъ немного насупленныхъ бровей глядѣли живые, умные

проницательные глаза. Увидя у себя нежданныхъ гостей, Березкинъ на секунду пріостановился въ недоумѣніи у порога. Особенно поразило его присутствіе двухъ заклятыхъ враговъ, кабатчика и лавочника, противъ которыхъ онъ велъ многолѣтнюю, ожесточенную борьбу. Быстро оправившись, Березкинъ просто, безъ подобострастія поклонился становому и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Зачѣмъ изволили требовать меня, Павелъ Александрычъ?

Приставъ смутился отъ этого простаго вопроса и запоролъ чепуху;

— Вотъ видишь-ли что. У меня есть до тебя дѣло. Прислалъ меня исправникъ. Тамъ жалоба какая-то получена, такъ вотъ и прислалъ онъ меня разобрать. Ну если ничего не найдется, мы тебя оставимъ въ покоѣ. Служба-братецъ мой, служба. Да, служба!..

Съ недоумѣніемъ слушалъ Березкинъ безсвязную рѣчь станового и молча ждалъ дальнѣйшихъ разъясненій.

— Видишь-ли что, Березкинъ, обыскъ надо у тебя сдѣлать,—продолжалъ Павелъ Александровичъ, нѣсколько оправившись.

— Если надо, въ чемъ-же дѣло?—спокойно проговорилъ Березкинъ:—Вамъ приказано—вы и исполняйте свою службу. Только желательно знать, зачѣмъ понадобился этотъ обыскъ?

— Да видишь-ли, на тебя донесли, что ты фальшивыя бумажки фабрикуешь.

Кровь бросилась въ голову Березкина отъ послѣднихъ словъ станового. Онъ не ожидадъ подобнаго тяжкаго обвиненія; оно ошеломило его, словно кто ударилъ его по головѣ обухомъ топора.

— На меня донесли, что я фальшивыя бумажки фабрикую?—переспросилъ подавленнымъ голосомъ Березкинъ, окинувъ всѣхъ присутствующихъ проницательнымъ, страшнымъ взоромъ.

Кабатчикъ и лавочникъ-кулакъ не выдержали этого неотразимаго взгляда и потупились.

— Я знаю доносщиковъ! Обыскивайте, а потомъ ихъ, уличу, — добавилъ Березкинъ глухимъ голосомъ, едва сдерживая заклокотавшій въ его груди гнѣвъ.

Приступили къ обыску. Перерыли въ избѣ все, что могли перерыть. Лазили въ печь, подъ печь, на полати, перешарили по всѣмъ угламъ, приподнимали половицы, запускали руки въ квашню. Все напрасно. Березкинъ торжествовалъ и съ глубокимъ презрѣніемъ оглядывалъ своихъ враговъ. Становой приставъ, староста и писарь съ каждой минутой приходили все въ большее и большее смущеніе. Они начали убѣждаться въ ложности доноса; имъ дѣлалось совѣстно за слишкомъ опрометчивое довѣріе къ безымянному доносу. Кабатчикъ и лавочникъ-кулакъ злорадно ухмылялись и терпѣливо лазили всюду, куда посылалъ ихъ приставъ.

Послѣ долгихъ, безъуспѣшныхъ поисковъ, всѣ перешли изъ избы въ сѣни, гдѣ и приступили къ самому тщательному обшариванію всѣхъ угловъ. Вотъ урядникъ отодвинулъ отъ стѣны большую кадушку, и всѣ увидѣли на полу какую-то подозрительную связку. Хищной птицей набросился волостной писарь на связку и поднесъ ее къ приставу и старшинѣ.

— Ага, вотъ и улика! — радостно проговорилъ становой приставъ, разсмотрѣвъ поданную писаремъ связку.

— Какая улика!?—страшнымъ голосомъ закричалъ Березкинъ, рванувшись съ мѣста къ становому. Глаза его горѣли зловѣщимъ огнемъ; побѣлѣвшія губы тряслись и трепетали.

— Связать его!—крикнулъ сильно испугавшійся Павелъ Александровичъ, отшатнувшись отъ наскочившаго, обезумѣвшаго Березкина.

Урядникъ, старшина, писарь и понятые набросились на Березкина. Въ сѣняхъ произошла безобразная свалка и черезъ минуту Ѳома лежалъ на полу, связанный по рукамъ и ногамъ.

— Наконецъ-то ты попался, голубчикъ,—злорадно, шептали кабатчикъ и лавочникъ-кулакъ:—Не миновать тебѣ теперь каторги. Подѣломъ, анафема!

Березкинъ, страшно блѣдный, лежалъ молча. Казалось, онъ потерялъ, подъ давленіемъ страшнаго открытія, сознаніе и волю. Только одни глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ и дико уставились на пристава, хладнокровно разсматривавшаго найденныя улики: связку фальшивыхъ рублей, гравировальный камень и кое какіе инструменты.

Павелъ Александровичъ немедленно составилъ соотвѣтствующій протоколъ, далъ подписать его присутствовавшимъ при обыскѣ, и черезъ часъ уже везъ Березкина, въ своемъ тарантасѣ, въ острогъ.

Вѣсть объ арестѣ Березкина быстро разнеслась по всему селу и, наконецъ залетѣла въ поле, гдѣ работала жена Ѳомы, Анна. Какъ безумная, бросилась Анна домой, не смѣя вѣрить страшному слуху объ арестѣ мужа, не смѣя вѣрить ужасному обвиненію его въ фабрикаціи фальшивыхъ билетовъ. Ей казалось, что произошла какая-то глупая ошибка, какое-нибудь дикое недоразумѣніе, раздутое неугомонными, деревенскими сплетницами до чего-то невозможнаго. Анна застала Петю въ горькихъ слезахъ. Мальчикъ рыдалъ и на всѣ вопросы обезумѣвшей матери только и отвѣчалъ, сквозь неудержимыя слезы, судорожнымъ голосомъ:

— Связали тятьку и увезли! Тятьку били! Становой билъ! Всѣ били и увезли!

Бросилась Анна къ волостному старшинѣ, и тотъ словно молніей, поразилъ ее, сказавъ, что найдены всѣ улики, доказывающія, что Березкинъ дѣйствительно занимался фабрикаціей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Это неожиданное извѣстіе едва не свело ее съ ума. Она была твердо убѣждена въ невинности мужа, и вдругъ волостной старшина обстоятельно разъяснилъ, что дѣло Березкина пропащее, что каторги ему не миновать. Иванъ Силычъ отнесся къ страшному горю бѣд-

ной женщины жестоко и черство, не выказалъ ни малѣйшаго соболѣзнованія. Онъ словно глумился надъ Анной, словно издѣвался надъ Березкинымъ, надъ головой котораго разразилась вдругъ такая неожиданная бѣда. Иванъ Силычъ не старался скрывать, что арестъ Березкина только удовлетворилъ давно накипѣвшую злобу противъ неугомоннаго радѣтеля мірскихъ интересовъ.

Отъ озлобленнаго старшины Анна бросилась къ отцу Іоанну. Послѣднему уже было все извѣстно. Онъ встрѣтилъ обезумѣвшую отъ горя женщину съ теплымъ участіемъ и старался влить въ ея истерзанное сердце хотя каплю живительной, отрезвляющей надежды. Отецъ Іоаннъ былъ твердо убѣжденъ, что Березкинъ сдѣлался жертвой чьей-то гнусной интриги. Онъ не сомнѣвался, что все дѣло о фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ подведено нарочно тѣми, кто имѣлъ основаніе быть озлобленнымъ противъ Ломы. Отецъ Іоаннъ обѣщалъ Аннѣ немедля ѣхать въ городъ и ходатайствовать за ея мужа, обѣщалъ разъяснить, насколько возможно, дѣло и спасти несчастнаго отъ ожидающей его горькой участи.

Анна вернулась домой разбитая, душевно и физически, и тотчасъ же слегла: ее сразила нервная горячка.

IV.

Не смотря на хлопоты и ходатайство отца Іоанна, дѣло о фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ приняло для Березкина быстрый, тяжелый оборотъ. Въ виду представленныхъ вещественныхъ доказательствъ, присяжные признали Лому виновнымъ, но дали снисхожденіе, и судъ приговорилъ его къ четырехъ-лѣтней каторжной работѣ. Приговоръ этотъ Березкинъ выслушалъ твердо и отчасти съ фатализмомъ.

— Да будетъ святая воля Твоя,—проговорилъ онъ набожно крестясь:—Отъ судьбы, видно не уйдешь!

Наступили тяжелые дни ожиданія отправки на каторгу. Оторванный отъ дорогой, любимой семьи, брошенный въ среду людей, нравственно растлѣнныхъ, Березкинъ, не смотря на всю силу своего характера, затосковалъ и затосковалъ сильно. Не желая высказать передъ всевозможными бродягами, ворами и убійцами свое малодушіе, онъ невольно сосредоточился въ себѣ, страдалъ скрытно, молча, безъ жалобъ. Подъ давленіемъ этихъ неотразимыхъ душевныхъ страданій, Березкинъ страшно исхудалъ, осунулся и преждевременно состарился. Трехъ мѣсячное заключеніе въ острогѣ оставило неизгладимые слѣды. Въ черной, густой бородѣ Ѳомы серебрились сѣдые волосы. На лбу появились рѣзкія, страдальческія морщины. Глаза потеряли свой блескъ, ввалились и были окаймлены подозрительной синевой. Ожидая со дня на день отправки на каторгу, Ѳома страстно желалъ повидаться съ женой и сыномъ. Свиданіе это казалось ему невозможнымъ, въ виду тяжкой болѣзни Анны, и тѣмъ страстнѣе, горячѣе онъ жаждалъ этого послѣдняго свиданія, жаждалъ прижать къ своей груди ненаглядную Аннушку и милаго Петрушу. Съ наступленіемъ каждаго дня, сердце Ѳомы наполнялось неизъяснимой надеждой увидѣть жену и сына; невозможное казалось возможнымъ. Онъ проводилъ цѣлый день въ тревожномъ, болѣзненномъ ожиданіи, трепеталъ при каждомъ появленіи въ камерѣ сторожа или конвойныхъ. Ему все казалось, что вотъ-вотъ его вызовутъ въ пріемную комнату, и онъ встрѣчалъ всѣхъ входящихъ въ камеру лихорадочнымъ взоромъ. Проходилъ день, наступала ночь, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала, испарялась въ сердцѣ Ѳомы живительная надежда. Онъ проводилъ ночи въ невыразимыхъ душевныхъ терзаніяхъ и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія разсвѣта. И такъ изо дня въ день.

Наканунѣ отправленія на каторгу, Березкина неожиданно потребовали въ пріемную комнату. Гремя кандалами, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, вошелъ онъ въ мрачную, загаженную коморку для посѣтителей и въ

глубокомъ волненіи остановился на порогѣ. У одной изъ стѣнъ, на скамьѣ, сидѣла блѣдная, сильно исхудавшая, Анна съ Петей и отцемъ Іоанномъ. Увидавъ Ому, Анна встрепенулась, словно пронизанная электрической искрой, вскочила со скамьи и съ страдальческимъ воплемъ бросилась мужу въ ноги. Обхвативъ его колѣна, она начала безумно цѣловать кандалы, словно поцѣлуями думала сбросить ихъ съ ногъ.

— Страдалецъ ты мой, кормилецъ, родной!..—причитала Анна разбитымъ голосомъ, обливаясь слезами:—На кого ты, родной, насъ покидаешь! Голубчикъ, ненаглядный!

Увидѣвъ отца въ арестантскомъ армякѣ и кандалахъ, Петя словно опѣшилъ и съ какимъ-то дикимъ недоумѣніемъ оглядывалъ конвойныхъ и изможденную фигуру отца. Черезъ нѣсколько секундъ онъ опомнился, съ воплемъ бросился къ отцу и обхватилъ руками его шею.

— Петя, голубчикъ, родной мой,—судорожно шепталъ Березкинъ, покрывая поцѣлуями русую головку дорогаго Пети и стараясь правой рукой приподнять съ пола прильнувшую къ ногамъ Анну:—Аннушка, не убивайся, ненаглядная!.. Не гнѣвай Господа Бога!.. Судьбы его неисповѣдимы!...

Не выдержалъ Ома. Неудержимыя слезы текли по его ввалившимся щекамъ и обильно смачивали посѣдѣвшую бороду. Конвойные отвернулись и старались незамѣтно смахнуть обшлагомъ шинели произвольно набѣгавшія, туманившія глаза, слезы. Отецъ Іоаннъ плакалъ, словно ребенокъ.

— Петя, голубчикъ, не плачь, не тоскуй, мамку побереги! — шепталъ Березкинъ обливаясь слезами: — Аннушка, не терзай, родная, меня. Перестань!

Обезпамятѣвшая Анна словно замерла.

— Тятя, пойдемъ домой!... Домой!... Видишь, мамка больна. Скучно намъ безъ тебя,—приговаривалъ Петя сквозь рыданія.

— Нельзя, голубчикъ, домой,—утѣшалъ отецъ: нельзя, родной! Видишь, солдаты не пущаютъ!....

— Кабы наша воля, такъ мы бы тебя на всѣ четыре стороны пустили,—прошепталъ одинъ изъ конвойныхъ.

— Пойдемъ, пойдемъ,—твердилъ обезумѣвшій Петя, судорожно сжимая руками шею отца: —мнѣ боязно здѣсь!..

— Батюшка, обратился Березкинъ къ отцу Іоанну:— поберегите жену и сына!.. Вѣчно буду Бога молить... Одному Ему извѣстно, что страдаю безвинно!..

— Не убивайся, Ѳома, поберегу... Будь мужественъ, уповай на милосердіе Господа Бога...

— Пора, братецъ, въ камеру,—какъ-то нерѣшительно замѣтилъ Березкину старшій конвойный:—А то начальство заругается, что долго...

— Прощай, Петруша, родной мой!.. — прошепталъ Ѳома, разнимая руки сына:—Побереги мамку...

Крѣпко поцѣловалъ онъ Петю и передалъ на руки отцу Іоанну. Петя рыдалъ и рвался къ отцу.

— Аннушка, прощай, ненаглядная!

Обезпамятѣвшая Анна ничего не слыхала и только все судорожнѣе и судорожнѣе сжимала руками колѣна мужа. Наклонился Ѳома и страстно прильнулъ къ головѣ жены, обливая ее слезами. Осторожно разжалъ онъ ея руки, еще разъ крѣпко поцѣловалъ ее, опустилъ на полъ и, шатаясь, вышелъ изъ пріемной комнаты.

Въ этотъ моментъ Анна словно пробудилась, вскочила на ноги и съ безумнымъ воплемъ бросилась за мужемъ... Съ какимъ-то дикимъ недоумѣніемъ остановилась она на секунду передъ только что захлопнувшейся дверью и, какъ снопъ, повалилась безъ чувствъ на грязный полъ...

V.

На другой день Березкина отправили на каторгу... Этапная тяжелая прогулка, на протяженіи многихъ тысячъ верстъ, создала ему массу физическихъ и нравственныхъ страданій. Этапная пересылка была для него тяжелой пыткой, безконечной, позорной выставкой, съ цѣлымъ рядомъ унизительныхъ церемоній, обысковъ и

осмотровъ. Будучи окруженъ самыми развязанными преступниками, убійцами, разбойниками, ворами и растлѣвателями, требующими постояннаго напоминанія о прикладѣ, штыкѣ и пулѣ, Березкинъ не упалъ, однако, духомъ и съумѣлъ поставить себя въ отношеніи этого каторжнаго сброда на высокій уровень. Благодаря природному уму и теплому отношенію ко всѣмъ „несчастнымъ“ безъ исключенія, онъ вскорѣ пріобрѣлъ уваженіе и любовь почти всѣхъ арестантовъ партіи, которые и не замедлили выбрать его партіоннымъ старостой.

Въ этой отвѣтственной, щекотливой обязанности онъ съумѣлъ, благодаря природному такту и безукоризненной честности, угодить не только арестантамъ, но даже партіонному начальнику и конвойнымъ. Послѣдніе, познакомившись короче съ Березкинымъ, начали оказывать ему особенное отличіе. Честная, сановитая наружность Ѳомы подкупила ихъ и они относились къ нему съ нѣкоторой даже предупредительностью. Особенно подкупало пересыльныхъ и конвойныхъ въ пользу Березкина то обстоятельство, что онъ ни разу никому не жаловался на безвинныя страданія и наказаніе, не плакался на свою злосчастную судьбу, не вспоминалъ о врагахъ, безжалостно толкнувшихъ его на тяжелую каторгу. Всѣ хорошо знали, что Березкинъ сосланъ въ каторгу безвинно; народная молва давно уже оправдала его и забѣжала впередъ. Березкинъ переносилъ всю нравственную тяжесть ошельмованнаго каторжника съ необыкновеннымъ мужествомъ и замѣчательной твердостью. Онъ черпалъ неистощимыя силы въ сознаніи своей невинности и бодро переносилъ неизбѣжныя при этапной пересылкѣ физическія и нравственныя страданія. Въ сердцѣ его не было мѣста для озлобленія противъ виновниковъ его страданій. Съ замѣчательнымъ христіанскимъ смиреніемъ онъ простилъ всѣмъ: „не вѣдали бо, что творили“! Разразившееся надъ головой Березкина несчастье если не озлобило его, то и не сдѣлало ханжой. Въ арестантскомъ армякѣ, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ и въ тя-

желыхъ кандалахъ, онъ остался тѣмъ же саповитымъ, только сильно постарѣвшимъ, Омой Игнатьевичемъ, тѣмъ же примѣрнымъ христіанпномъ, которымъ справедливо восхищался добрый отецъ Іоаннъ. Въ печально сложившихся обстоятельствахъ онъ видѣлъ не злые козни людей, а перстъ Божій, тяжелое испытаніе, и несъ свой крестъ безропотно, мужественно и молча. Онъ вѣрилъ въ лучшее будущее, и эта вѣра много утоляла нестерпимую тоску по любимой, дорогой семьѣ.

Послѣ многомѣсячной этапной прогулки и тяжелыхъ мытарствъ по острогамъ, Березкина водворили, наконецъ, на Усть-Карійской каторгѣ. Потянулись, дни за днями, тяжелая, каторжная жизнь, не поддающаяся никакому описанію. Съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе охватывала Ому гнетущая тоска по семьѣ и родинѣ. Онъ сдѣлался задумчивымъ и постоянно сосредоточивался на одной мысли: что-то подѣлываютъ ненаглядная Аннушка и дорогой Петруша? Эта неотвязчивая мысль не давала ему покоя. Воображеніе рисовало ему самыя неприглядныя, иногда мрачныя картины жизни родной семьи. Не получая изъ деревни никакого извѣстія, онъ началъ тревожиться, и эта тревога съ каждымъ днемъ охватывала его все больше и больше. Ома сдѣлался раздражительнымъ. Нервы его были въ постоянномъ, сильномъ напряженіи. Онъ жаждалъ уединенія и не находилъ его въ каторжной казармѣ, набитой, словно бочепокъ сельдями, всевозможными поддонками обширной Руси. Единственнымъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ Ѳомы была молитва. Онъ не забывалъ Бога ни на минуту, и въ горячей молитвѣ черпалъ мужество для перенесенія нравственныхъ и физическихъ страданій. Мыслимое-ли дѣло молиться въ каторжной казармѣ, но тѣмъ не менѣе Ома молился и какъ еще горячо молился. Бывало стонетъ казарма. Въ вонючемъ, пропитанномъ всевозможными возмутительными испареніями, воздухѣ стоитъ невообразимый хаосъ самыхъ невозможныхъ звуковъ. Во всѣхъ углахъ слышится громкая, площадная ругань. Здѣсь

неистово пляшутъ, безумно топоча ногами по загаженному полу. Тамъ дерутся изъ за какого-нибудь рваного онуча. Въ третьемъ мѣстѣ изливаютъ свое тюремное горе въ дикой, заунывной, хватающей за сердце пѣснѣ. Уткнется Ѳома лицомъ въ свою просалившуюся подушку, словно спитъ, а самъ шепчетъ горячую молитву. Не слышитъ онъ окружающаго хаоса, невозможныхъ звуковъ, крика и площадной ругани. Душа его гдѣ-то далеко. Изъ глазъ текутъ неудержимыя слезы и смачиваютъ грязную подушку. Выплачется Ѳома, помолится и словно полегчаетъ ему. На время утихнетъ въ сердцѣ острая, необъяснимая боль. Гнетущая тоска замѣнится неопредѣленной надеждой чего-то необъяснимаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошаго. Долгое время никто изъ каторжныхъ не подозрѣвалъ, что среди ихъ есть человѣкъ, который умѣетъ, можетъ и не забылъ еще молиться. Большинство каторжныхъ никогда не вспоминало о Богѣ. Они забыли Бога, потому что боялись помнить Его, страшились разбудить давно уснувшую совѣсть. Злодѣянія закалили ихъ, каторга наростила на сердцѣ черствую оболочку. Для нѣкоторыхъ даже мысль о Богѣ казалась не только дикой, но и смѣшной. Если они иногда вспоминали Бога, то эти воспоминанія были рядомъ невозможныхъ богохульствъ. Они никогда въ жизни не молились и не слыхали ни одной теплой молитвы. Вся сознательная жизнь ихъ была рядомъ тяжкихъ преступленій, черныхъ дѣяній. И вдругъ эти изверги узнаютъ, что среди ихъ нашелся человѣкъ, который умѣетъ молиться, который вспоминаетъ имя Бога со спокойной совѣстью, чистыми устами. Эту выходящую изъ ряда, невозможную вѣсть распространилъ однажды по казармѣ сосѣдъ Березкина, грабитель и убійца, безсрочный каторжникъ, по прозвищу Упырь. Прозвище это онъ получилъ за слишкомъ неутолимую жажду человѣческой крови.

— Эй, вы, брушлетники (носящіе кандалы), полно галдѣть вамъ! Слушайте, я васъ разпотѣшу—крикнулъ

Упырь каторжнымъ, безумно галдящимъ въ одномъ изъ угловъ казармы:—Молчальникъ (прозвище, данное Березкину за постоянно сосредоточенное молчаніе) въ попы записался—отходную вамъ всѣмъ читаетъ.

Неожиданная новость удивила многихъ настолько, что галдежъ нѣсколько стихъ, и со всѣхъ сторонъ посыпались разнообразные вопросы и восклицанія:

— Гдѣ онъ церковь устроилъ? — Купленная у него риза, аль хорекъ (сосланный на Усть-Карійскую каторгу священникъ) свою одолжилъ?

— Хорекъ свою ризу пропилъ еще до каторги, — перебилъ одинъ изъ арестантовъ:—Онъ самъ безъ ризы служилъ!

— Не бѣда,—добавилъ другой:—сдѣлаемъ складчину и сошьемъ Молчальнику ризу изъ рагоженныхъ кулей!

— Ну, вотъ и славно!—крикнулъ Упырь:—Пущай онъ обѣдню служитъ, а мы въ нѣвчіи запишемся... Вались къ его койкѣ на спѣвку!

Съ десятокъ наиболѣе любопытныхъ зубоскаловъ, подъ предводительствомъ Упыря, двинулись къ койкѣ Ѳомы и молча окружили ее, съ цѣлью неожиданно грянуть самую пошлѣйшую, безстыднѣйшую острожную пѣсню. Ѳома ничего не слыхалъ, весь отдавшись горячей молитвѣ. Душа его неслась къ милосердному Богу; мысли его витали среди обожаемой семьи.

— Господи, сохрани и помилуй мою ненаглядную Аннушку и Петрушу. Отстрани отъ нихъ, Вседержитель, всякую скорбь,—судорожно шепталъ онъ, уткнувшись лицомъ въ подушку:—Владычица Богородица, Пречистая, Пресвятая и Славная, не дай въ обиду моихъ ненаглядныхъ, охрани ихъ своимъ свѣтлымъ покровомъ отъ всякой напасти и человѣческой злобы. Милосердный и Всевластный! Дай за безвинныя страданія мои моему Петрушѣ доброе сердце, чистую душу и свѣтлую совѣсть. Молю Тебя, Господи, молю!

Молча, угрюмо слушали каторжные эту горячую молитву, этотъ страстный вопль любящаго отца. Въ ихъ

груди зашевелилось что-то необъяснимое, словно они начали прозрѣвать все свое нравственное ничтожество и растлѣніе. Впервые услышанная Упыремъ искренняя, горячая молитва произвела на него отрезвляющее впечатлѣніе. Хотѣлъ было онъ затянуть какую-то пошлую пѣсню, да поперхнулся на полсловѣ и угрюмо отошелъ отъ койки Березкина.

Молча разбрелись каторжные по разнымъ угламъ казармы, словно имъ стало совѣстно другъ друга, словно они застыдились своего дикаго намѣренія поглумиться надъ товарищемъ и прервать его чистую, теплую молитву разгульной, острожной пѣсней. Съ этого памятнаго для нихъ дня никто уже не мѣшалъ Березкину молиться, хотя вся казарма уже знала объ его тайной молитвѣ.

VI.

Наступила весна. Въ настежь отворенныя окна казармы врывается живительный, теплый воздухъ пропитанный смолистымъ запахомъ недавно распустившейся листвы. Запахъ этотъ раздражаетъ напряженные нервы арестантовъ и возбуждаетъ въ этихъ несчастныхъ заключенникахъ неутолимую жажду свободы, свободы во что бы то ни стало, какой бы то ни было цѣной. Въ острогѣ имъ становится невыносимо душно. Мрачныя, промозглыя стѣны давятъ ихъ и гнетутъ. Съ дикой страстью, свойственной ихъ грубой натурѣ, жаждутъ они погулять по привольнымъ таежнымъ мѣстамъ, вздохнуть широкой вольной грудью благотворный, смолистый запахъ распускающейся листвы и отдохнуть отъ тяжелой, каторжной работы подъ яснымъ, весеннимъ небомъ, въ тѣни роскошнаго дуба, душистой березы и величественнаго кедра. Разцвѣтающая, обновленная природа манитъ въ свои ласкающія объятья, сулитъ несчастнымъ радость, отдыхъ и покой. Изъ самой гущи свѣтлой, таинственной зелени несется монотонная пѣсня кукушки и находитъ откликъ

въ возбужденныхъ нервахъ заключенныхъ. И чудится имъ въ этомъ однообразномъ, тоскливомъ крикѣ вѣщей птицы что-то неизъяснимо привлекательное, манящее и чарующее, чудится призывъ къ свободѣ, къ привольной жизни въ таинственной роскошной тайгѣ... Съ каждымъ днемъ усиливается въ несчастныхъ жажда свободы; нервы напрягаются все сильнѣе и сильнѣе; сердце хочетъ разорваться отъ гнетущей, необъяснимой боли. За одинъ часъ привольной жизни въ тайгѣ, каторжные готовы вытерпѣть всевозможныя муки, готовы совершить самое страшное преступленіе...

Весна — время неудержимыхъ побѣговъ. Не смотря на усиленный надзоръ каторжные бѣгутъ весной десятками и, обыкновенно, безслѣдно исчезаютъ въ необозримой, таинственной тайгѣ до первыхъ холодныхъ дней. Имъ нравится ихъ неопредѣленное шатаніе, бродяжническая жизнь, преисполненная опасностями и всевозможными случайностями.

Съ наступленіемъ весны, Березкинъ затосковалъ пуще прежняго. Гнетущая боль щемила его сердце все сильнѣе и сильнѣе. Мысли его неслись за тысячи верстъ, къ родной семьѣ. Все его существо охватило неотразимое желаніе повидать жену и сына, крѣпко обнять ихъ и разцѣловать. Всѣ мысли Ѳомы были сосредоточены на этомъ страстномъ желаніи. Оно казалось ему осуществимымъ, и вотъ въ одну темную ночь Березкинъ скрылся съ каторги, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ арестантовъ.

Очутившись на свободѣ, онъ не сталъ безцѣльно шататься по привольнымъ таежнымъ мѣстамъ. У него была строго опредѣленная цѣль, одно непреодолимое, страстное желаніе пробраться къ роднымъ мѣстамъ. Таясь отъ людей, словно дикій звѣрь, питаясь кореньями и ягодами, онъ неутомимо шагалъ все на западъ, къ завѣтному Уральскому хребту, за которымъ раскинулась родная матушка Русь. Проходили дни за днями, недѣли за недѣлями, а онъ шелъ все впередъ и впередъ, какъ вѣчный жидъ, шелъ безъ устали, словно ноги его

были выкованы изъ крѣпкаго желѣза. Его толкала впередъ неотразимая сила—страстное, болѣзненное желаніе взглянуть на родную семью и родныя мѣста. Бодро безъ устали шагалъ онъ темнымъ, таинственнымъ лѣсомъ, съ увала на увалъ, не страшась встрѣчи съ дикимъ, хищнымъ звѣремъ и избѣгая встрѣчь съ людьми, въ особенности съ безсердечными, скуластыми бурятами. Березкинъ боялся этихъ косоглазыхъ дикарей, и страхъ его былъ не напрасный. На каторгѣ онъ много наслышался объ ихъ безчеловѣчной жестокости и правильно организованной охотѣ на горбачей (бѣглыхъ каторжниковъ), ради прогнившей лопатины (носильнаго платья) и бродней. Березкинъ зналъ, что бурятъ, при первой встрѣчѣ, подстрѣлитъ его или прирѣжетъ, и онъ таился отъ этихъ жестокихъ охотниковъ на людей, далеко обходя ихъ грязныя юрты. Едва прикрытый прогнившей одеждой, онъ не зналъ, первые мѣсяца послѣ бѣгства съ каторги, что такое человѣческій кровъ и кусокъ чернаго хлѣба. Гдѣ застанетъ, бывало, его ночь—тамъ и располагался онъ для отдыха, будь то темный лѣсъ, топкое болото или таинственная, мрачная падь. Сильно измученный дневнымъ переходомъ, крѣпко засыпалъ онъ подъ открытымъ небомъ, словно подъ родной кровлей, и спалъ мертвымъ сномъ вплоть до разсвѣта... Судьба благопріятствовала ему. Ни одинъ лѣсной хищникъ не позарился на его жесткое, изможденное тѣло. Зоркій глазъ бурята просмотрѣлъ въ лѣсной чащѣ мужественную фигуру несчастнаго бѣглеца, давно истощеннаго тѣломъ, но еще бодраго могучимъ духомъ. Лѣсная чаща не только хранила Березкина, но и кормила его въ теченіи цѣлаго лѣта.. Въ острогахъ и на каторгѣ Ѳома пріобрѣлъ необходимыя для бродяхъ ботаническія свѣдѣнія и научился отыскивать разные съѣдобные корни. По примѣтамъ, онъ быстро находилъ любимую бродягами мунгалу (монгольскую жимолость) съ ея питательными, мясистыми ягодами, кусты жимолостка съ мучнистой, крупной, сладковатой

ягодой-шиппшкой, боярку, дикій миндаль и обожаемый сибиряками дикій овощь — черемшу. Затѣмъ въ распоряженіи Березкина находились неистощимые запасы малины, смородины, клюквы, брусники, рябины, черемухи, морошки, земляники и, наконецъ, разнообразные сорта грибовъ. Но вотъ теплое лѣто прошло. Наступила печальная сибирская осень, холодная, дождливая, съ рѣзкими утренними морозами. Березкинъ уже прошелъ опасное Забайкалье и былъ далеко за Иркутскомъ. Холодъ, непогода и голодъ выгнали его изъ темнаго лѣса на почтовую дорогу. Со страхомъ и трепетомъ вышелъ онъ изъ своего таинственнаго убѣжища, ожидая съ минуты на минуту, что его схватятъ и представятъ въ ближайшій острогъ, какъ бѣглаго. Страхъ Березкина былъ напрасный. Въ первой же деревнѣ его плотно накормили, снабдили полушубкомъ, шапкой, валенками и съ добрыми пожеланіями отправили дальше. Никому не пришло въ голову выдать „несчастнаго“ властямъ, тѣмъ болѣе, когда узнали изъ словъ Ѳомы объ его страдальческой участи. И пошелъ онъ шагать по почтовой дорогѣ съ той же безопасностью, съ какой шагалъ по темному, дремучему лѣсу. Продолжительное бродяжничество закалило его; онъ уже не страшился людей, не таился отъ ихъ взоровъ, тѣмъ болѣе, что передъ нимъ лежала непрерывная цѣпь селеній съ чистокровнымъ, русскимъ населеніемъ, всегда сочувственно относящимся ко всѣмъ „несчастнымъ“ безъ исключенія. Вездѣ кормили его и даже радушно давали временной пріютъ на какой-нибудь отдаленной заимкѣ, мельницѣ или въ банѣ... Народъ видѣлъ въ немъ не кровожаднаго душегубца и грабителя, а мирнаго, добродушнаго бродягу, имѣющаго строго опредѣленную цѣль добраться до роднаго села. Каждый накормившій и пріютившій Березкина отъ души желалъ ему выполнить героическое намѣреніе и относился къ нему съ горячимъ сочувствіемъ, хорошо характеризующимъ гостепріимный, великодушный русскій народъ.

VII.

Зимній, ясный день на исходѣ. Яркое, словно съежившееся отъ мороза солнце медленно склоняется къ горизонту и сыплетъ на безмолвную, широкую, барабинскую степь снопы блестящихъ лучей. Снѣговая одежда степи играетъ мильонами разноцвѣтныхъ огней, словно разсыпаны по ней щедрой рукой драгоцѣнные камни самой чистой воды. То тамъ, то здѣсь печально стоятъ одинокія, стройныя березы, опушенныя снѣгомъ и блещущія на солнцѣ своими бѣлоснѣжными, дѣвственными стволами. Кое-гдѣ высоко пробиваются изъ подъ блестящаго, ровнаго, снѣжнаго покрова прошлогодніе ковыль и полынь трава, придающія степи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, совершенно сѣрый цвѣтъ. Отъ самаго слабаго дуновенія вѣтра, эти небольшіе оазисы прошлогодней травы стройно колышатся и легкими, быстро двигающимися тѣнями опредѣляютъ направленіе взволновавшаго ихъ вѣтра. И невольно кажется, что видишь передъ собой цѣлое море уже поспѣвшей ржи, и забываешь на минуту, что вокругъ раскинулась необозримая, холодная степь, страшная своими буранами и морозами.

Вотъ мчится по ровной, словно скатерть, дорогѣ лихая тройка степныхъ, полудикихъ лошадей. Грузный, теплый возокъ окруженъ облакомъ сухой, снѣжной пыли, дружно взметаемой сильными ногами быстрыхъ, неутомимыхъ коней. Бойко позваниваютъ подобранные въ тонъ колокольчики, подвязанные подъ ярко-росписанной, широкой дугой. Выполированные снѣгомъ полозья скрипятъ, оставляя за собой на плотно убитой дорогѣ едва замѣтный слѣдъ. Телеграфные столбы, стройныя березы и оазисы прошлогодней травы быстро мелькаютъ передъ глазами проѣзжихъ купцовъ, спѣшащихъ съ ирбитской ярмарки домой, въ Иркутскъ. Изрѣдка покажется вдали чахлая березовая роща, иногда затѣмнѣетъ гдѣ-то да-

леко лѣсокъ, но черезъ полчаса все это уходитъ въ даль, скрывается за горизонтомъ и опять передъ глазами купцовъ тянется безконечная, пустынная степь, оживляемая только бѣлобокими сороками и шустрыми воробьями. Безъ крика, какъ бы боясь нарушить величественное безмолвіе холодной степи вылетаютъ они почти изъ подъ самыхъ копытъ лихой тройки, садятся немного впереди, опять слетаютъ при приближеніи возка, вновь садятся на дорогѣ и такимъ образомъ провожаютъ тройку на далекомъ разстояніи.

На встрѣчу возку медленно шагаетъ по ровной дорогѣ высокій, сутуловатый мужикъ съ небольшой котомкой за спиной. Сѣдая, всклокоченная борода скрываетъ всю нижнюю часть сильно исхудавшаго лица. До самыхъ почти глазъ, глубоко ввалившихся и окаймленыхъ темными кругами, нахлобучена потертая лисья шапка съ прорвавшимся дномъ, изъ котораго торчатъ безобразные клочья грязной ваты. Трудно узнать въ этомъ изможденномъ путникѣ молодцоватаго, красиваго Березкина. Десятимѣсячное бродяжничество, нерѣдко впроголодь, оставило на немъ неизгладимые слѣды. Физическія и нравственныя страданія преждевременно состарили его, избороздили лицо глубокими, многочисленными морщинами.

На широкія плечи Березкина былъ напяленъ полушубокъ, совершенно ветхій, съ прорвавшимися локтями и расползшійся почти по всѣмъ швамъ. Полушубокъ едва прикрывалъ своими, донельзя измызганными полами, верхнюю часть ногъ, обутыхъ въ рваныя валенки, изъ многочисленныхъ дыръ которыхъ торчали клочья перепрѣвшаго сѣна.

Ома шелъ тяжелой, усталой походкой, опираясь на толстую палку. Веселый звонъ почтовыхъ колокольчиковъ вывелъ его изъ сосредоточеннаго состоянія. Онъ медленно приподнялъ свою понуренную голову и безучастно началъ смотрѣть на быстро приближавшійся возокъ. Поровнявшись съ лихой тройкой, Ома по привычкѣ, выработанной бродяжничествомъ, снялъ свою

лисью шапку и низко поклонился. Изъ окна возка мелькнула рука, и къ ногамъ Березкина упалъ мѣдный пятакъ. Молча поднялъ онъ брошенное купцами подаяніе и побрелъ дальше. Сухой снѣгъ скрипѣлъ подъ его тяжелыми ногами. Яркіе лучи заходящаго солнца били ему прямо въ лицо и заставляли щурить глаза. Чѣмъ ниже склонялось солнце къ горизонту, тѣмъ становилось все холоднѣе и холоднѣе. Съ каждой минутой морозъ охватывалъ степь своими ледяными объятіями и все крѣпче и крѣпче прижималъ ее къ своей снѣжной груди... Вотъ солнце зашло, вечерняя заря потухла и въ ясномъ небѣ засіяли милліоны блестящихъ звѣздъ. Ясная, полная луна обдала степь мягкимъ, словно ласкающимъ, свѣтомъ. Отъ деревьевъ, кустовъ и телеграфныхъ столбовъ легли на блестящій снѣгъ причудливыя, фантастическія тѣни, среди которыхъ мелькала длинная, не менѣе фантастическая, тѣнь неутомимаго путника... Въ воздухѣ стояла необычайная, таинственная тишина, нарушаемая только легкимъ скрипомъ сухаго снѣга и отдаленнымъ, едва слышнымъ лаемъ собаки.

— Слава Богу, кажется и деревня скоро будетъ,— прошепталъ Березкинъ, прибавляя шагу и невольно ежась отъ постепенно крѣпчавшаго мороза:—Пошли, Господи, добрыхъ людей! Авось и здѣсь пустятъ погрѣться и головой не выдадутъ!

VIII.

Луна только что скрылась за горизонтомъ. Фантастическія тѣни, оживлявшія мертвую, снѣжную поверхность степи, исчезли. Въ воздухѣ продолжала царствовать какая-то давящая, гнетущая, что-то предвѣщавшая тишина. Въ окружающемъ спокойствіи чувствовалась измѣна стихіи, страшная и неотразимая угроза. Казалось, стихія коварно собиралась съ силами, чтобы разразиться надъ безбрежной степью ужасной, неожиданной бурей. Все

окружающее словно замерло подъ давленіемъ безмолвной угрозы стихіи и съ трепетомъ ожидало адскихъ результатовъ этой угрозы.

Березкину стало жутко среди мертвой степи и онъ прибавилъ шагу, надѣясь добраться до бури до ближайшей деревни. Вотъ вдали уже показались привѣтливые огни, изрѣдка слышался отчетливый, собачій лай и рѣзкое, вечернее пѣніе пѣтуха. Прошло еще нѣсколько минутъ— запахло дымомъ. Деревня была уже близко, всего въ какихъ нибудь пятистахъ шагахъ. Березкинъ перекрестился и бодро зашагалъ къ большому селу, рѣзко выдѣлившемуся на снѣжной, ровной поверхности степи. Вдругъ въ воздухѣ словно что-то разорвалось. Налетѣлъ могучій вихрь и со стономъ понесся по безбрежной степи, вздымая за собой облака льдистой пыли. Вокругъ загудѣло, засвистѣло и заревѣло. Степь словно ожила и затрепетала. Тучи сухаго снѣга неслись въ разныя стороны, крутились, сталкивались, сбивались въ громадные сугробы и опять разметывались по необъятной степи. Казалось, тысячи злыхъ демоновъ неистово кружились въ воздухѣ, вступали другъ съ другомъ въ смертный бой и падали. Взамѣнъ ихъ подымались съ земли демоны еще злѣе и могущественнѣе, и съ яростнымъ ревомъ неслись дальше, продолжая свою безумную, свирѣпую борьбу. Небо и все окружающее затмилось непроницаемой, непроглядной мглой. Мгла эта была оживлена могущественной силой разсвирѣпѣвшей стихіи. Она дрожала и тряслась, словно страшное чудовище, принимавшее съ каждой минутой все большіе и большіе размѣры. Чудовище это дышало нестерпимымъ холодомъ, останавливающимъ жизнь и леденящимъ кровь; оно грозно стонало и словно жаждало придавить степь своимъ льдистымъ тѣломъ.

Березкинъ съ трудомъ двигался противъ свирѣпаго бурана, постоянно спотыкаясь и теряя дорогу. Снѣгъ залеплялъ ему глаза, вѣки которыхъ смерзались отъ рѣзкаго мороза. Студеный, сильный вѣтеръ рвалъ съ

продрогшаго Ѳомы дырявый полушубокъ и обдавалъ несчастнаго нестерпимымъ холодомъ. Непроницаемая мгла скрыла отъ него только что показавшіеся огни деревни. Мятель замела дорогу, сравнявъ ее съ безбрежной степью. Березкинъ сбился съ пути и съ трудомъ зашагалъ по глубокимъ сугробамъ, постоянно утопая по поясъ въ рыхломъ снѣгу. Съ трудомъ вылезаетъ онъ изъ сугробовъ и мужественно шагаетъ дальше, уповая на помощь Божью. Часто останавливается онъ и тщетно всматривается въ непроницаемую снѣжную мглу, тщетно старается уловить ухомъ какой-нибудь спасительный звукъ. Напрасно! Вокругъ гудитъ и реветъ только бѣшеный вихрь; кругомъ паритъ смерть въ одномъ изъ самыхъ грозныхъ своихъ явленій, господствуетъ царство ада, темнаго и кромѣшнаго. Ѳома чувствуетъ, сознаетъ свою немощь бороться съ разсвирѣпѣвшей стихіей и съ отчаяніемъ останавливается среди снѣжнаго вихря. Онъ не знаетъ, куда направить свои шаги. Дорога потеряна и отыскать ее нѣтъ возможности. Необходимо подчиниться судьбѣ и случайности, и Березкинъ дѣлаетъ нѣсколько тяжелыхъ шаговъ по намѣченному направленію. Черезъ минуту онъ уже опять не знаетъ: идетъ-ли онъ впередъ или назадъ, къ дорогѣ или отъ дороги? Вокругъ крутится снѣжный вихрь и залепляетъ глаза. Морозъ пронизываетъ Ѳому насквозь; ему дѣлается невыносимо холодно; ноги его окоченѣли, все тѣло словно застыло. Вдругъ до слуха Березкина долетѣлъ собачій лай. Казалось, собака лаяла у самыхъ ногъ. Ѳома встрепенулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію лая. Лай замолкъ, и опять гудитъ, реветъ вокругъ только одинъ вѣтеръ. Но вотъ, кажется, опять залаяла собака и среди мглы, какъ будто, мелькнулъ огонекъ. Да, правда, огни замелькали кругомъ и слышатся человѣческіе голоса, словно кого-то ищутъ и зовутъ!... Радостно забилось сердце Березкина. Отъ сильнаго волненія у него подкосились ноги, и онъ принужденъ присѣсть на ближайшій сугробъ снѣга. Какъ стало ему вдругъ хорошо!

По всему тѣлу разлилась какая-то теплота: все его существо охватила неотразимая, сладостная дремота. Нѣтъ силъ преодолѣть дремоту, и голова Березкина тихо склонилась на занесенную снѣгомъ грудь... Погода вдругъ словно стихла... Небо вспыхнуло, загорѣлось и облило все окружающее дивнымъ, волшебнымъ свѣтомъ. На самомъ краю яснаго горизонта появилось какое-то странное, быстро приближающееся облако. Съ каждой секундой фантастическое облако становилось все больше и больше, все яснѣе и яснѣе опредѣлялось на нѣжно-розовомъ фонѣ роскошнаго неба. Вотъ оно превратилось въ какого-то сказочнаго богатыря съ громадными крыльями и съ блестящимъ шишакомъ на головѣ. На плечахъ богатыря накинута длинная мантія, вся усѣянная самоцвѣтными каменьями. Вдругъ волшебное видѣніе исчезло и превратилось въ сплошное, бѣлоснѣжное облако. Черезъ минуту облако это распалось, и изъ него вылетѣли два новыхъ сказочныхъ богатыря, въ свѣтозарномъ одѣяніи. Боже мой, это Аннушка и Петруша! Быстро несутся они къ Оомѣ, протягивая къ нему свои длинныя руки. Вотъ они близко, и съ какой-то демонской быстротой начали кружиться вокругъ Оомы. Онъ хочетъ поймать ихъ, прижать къ своей груди и разцѣловать, но не можетъ поднять рукъ, не можетъ сдвинуться съ мѣста. Онъ словно окаменѣлъ. Аннушка и Петруша начали кружиться вокругъ него все быстрѣе и быстрѣе. Въ воздухѣ гудитъ и свищетъ отъ ихъ быстраго, демонскаго полета... Вотъ взметалось позади ихъ гигантское, снѣжное облако, и черезъ секунду все скрылось въ непроглядной, кромѣшной тьмѣ...

* * *

Гудитъ, реветъ непогода въ степи. Гигантское, сплошное облако льдистой пыли, словно адское чудовище, носится по необъятному простору, крутится, стонетъ и

шипитъ. Трепещетъ степь подъ напоромъ яростной стихіи и колышется, словно сильно взволновавшееся море. По всей необъятной степи кипитъ адская жизнь, кромѣшная, страшная и бѣшеная. Въ стихійномъ хаосѣ безумно носятся тысячи демоновъ, дышащихъ на степь нестерпимымъ, ледянящимъ кровь холодомъ. Бѣшено крутятся эти демоны вокругъ закоченѣвшаго, скорчившагося на сугробѣ Березкина и спѣшатъ покрыть страдальца снѣжнымъ, мягкимъ саваномъ...

* * *

Непогода стихла. Яркое солнце величественно плыветъ по лазурному небу и сыплетъ снопы блестящихъ лучей на большую деревню, потонувшую въ громадныхъ снѣжныхъ сугробахъ. Все населеніе деревни на улицахъ. Мужики и бабы, старые и молодые, отгребаютъ лопатами снѣгъ отъ оконъ и дверей избъ, занесенныхъ почти до самыхъ крышъ и дымовыхъ трубъ. Работа кипитъ при веселомъ хохотѣ играющихъ въ снѣжки ребятишекъ. Съ визгомъ лезутъ они на большіе сугробы, утопая въ нихъ по поясъ, и кубаремъ скатываются внизъ, захлебываясь снѣгомъ.

— Мертвецъ! Мертвецъ! Мертвецъ!—раздались вдругъ пронзительные крики ребятишекъ, и всѣ, словно ошпаренные, бросились въ разсыпную отъ большаго сугроба, возвышающагося посреди улицы.

Мужики и бабы встрепенулись и пріостановили свою работу.

— Какой мертвецъ? Гдѣ онъ?—послышались вопросы встревоженныхъ отцовъ и матерей.

— Тамъ, тамъ!—испуганно всхлипывали ребятишки, показывая пальцами на возвышающійся посреди улицы сугробъ.

— Ванюха хотѣлъ было на сугробъ взлѣзть, да прямо ему на голову и наступилъ, — таинственно объяснялъ отцу одинъ изъ мальчиковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ уже все населеніе деревни столпилось у страшнаго снѣжнаго сугроба. Изъ подъ взбитаго ребятишками снѣга торчала лисья шапка съ прорвавшимся дномъ и длинная, сѣдая борода.

— Ишь ты! И взаправду человѣкъ замерзъ!—проговорилъ одинъ изъ мужиковъ, глубоко вздохнувъ.

— Подумайте, братцы, среди деревни его занесло,—разсуждалъ другой: — Вертѣлся, значитъ, около да возлѣ...

— Значитъ судьба—отъ судьбы не спрячешься и не уйдешь, — резонерствовалъ сѣдой старикъ, покачивая дряхлой головой.

— Буранъ-отъ какой былъ! Страсть! Крутило, вишь, такъ, что за шагъ человѣка разсмотрѣть нельзя было, — разсуждало нѣсколько мужиковъ, безучастно оглядывая страшный снѣжный сугробъ.

— Бѣденькій старичекъ, роденькій, занесло-то тебя снѣгомъ, засыпало. Лежишь ты въ снѣжку, словно въ могилкѣ... Болѣзный!—по привычкѣ причитывали бабы, подперши подбородки ладонями.

Болѣе получасу мужики судили и рядили о томъ, какъ замерзъ человѣкъ среди деревни; бабы причитывали изрѣдка всхлипывая.

— Давайте, братцы, отгребать его, можетъ еще живъ,—предложилъ одинъ.

— Не тронь! Ишь что выдумалъ! Надо начальство извѣстить, а то худо будетъ. Засудятъ всю деревню!—зашумѣли мужики.

— Ванюха, бѣги скорѣй къ старостѣ и скажи ему, что, молъ, среди деревни человѣка замерзшаго нашли,—распорядился кто-то.

Ванюха бросился бѣгомъ исполнять отданное приказаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ прибѣжалъ заспанный староста.

— Ахъ, бѣда какая!—проговорилъ онъ и ударилъ рукавицами объ полы своего новаго полушубка.

— Отгресть его, что-ли?—спросилъ одинъ изъ мужиковъ, придвинувшись къ сугробу.

— Не тронь!—испуганно крикнулъ староста:—Надо исправнику дать знать, а то шкуру спуститъ. Пошли всѣ прочь! Слышь, надоть караулъ къ ему нарядить. Семенъ Ивановъ и Петръ Николаевъ встанутъ сегодня. Соблюдай чередъ съ Семенова двора, — распорядился староста.

Мужики молча разошлись по своимъ работамъ... Къ занесенному снѣгомъ Березкину немедленно былъ приставленъ надежный караулъ.

* *
*

Караулить пришлось долго. Только черезъ мѣсяцъ изволилъ пожаловать въ деревню исправникъ.

— Вы человѣка загубили!—грозно началъ онъ кричать на собравшихся мужиковъ:—Подъ судъ васъ всѣхъ! Въ каторгу!

Испуганные мужики повалились въ ноги исправнику.

— Не губи, ваше высокородіе, бураномъ его занесло, ей Богу бураномъ. Страсть какой буранъ-отъ былъ!

— Затвердили, дураки, одно: буранъ, буранъ! Я васъ и за буранъ проберу! Шкуру со всѣхъ спущу!—продолжалъ кричать грозный начальникъ.

Послѣ долгой ругани и таинственной бесѣды со старостой, исправникъ успокоился и распорядился разметать сугробъ. Разрыли закоченѣвшаго Березкина, положили на дровни и свезли въ степь, подальше отъ деревни. Вырыли въ промерзшей землѣ неглубокую яму и положили въ нее Ѳому, какъ былъ, въ измызганномъ полушубкѣ, лисьей шапкѣ съ прорвавшимся дномъ и въ дырявыхъ, набитыхъ сѣномъ валенкахъ. Даже палку оставили въ закоченѣвшихъ его рукахъ. Похоронили страдальца, словно собаку, безъ гроба и отпѣванія. Ни одна слеза не упала на его убогую, лишенную креста

могилу. Между тѣмъ, за тысячу верстъ отъ этой убогой могилы слезы льются, льются безъ удержу изъ воспаленныхъ глазъ Аннушки. Не знаетъ она, гдѣ ея ненаглядный страдалецъ, что сталось съ нимъ на тяжелой каторгѣ! Проживетъ она въ безвѣстности о горькой участи о страшномъ концѣ своего дорогаго кормильца...

Неисправимый.

I.

Заторжный Иванъ Непомнящій уже слишкомъ десять лѣтъ числился въ разрядѣ „неисправимыхъ“. Острожное начальство давно махнуло на него рукой, придя въ сознаніе, что ни плетьми, ни розгами Ивана Непомнящаго не проберешь. Не смотря на это сознаніе, выносливая спина „неисправимаго“ испытывала непріятное ощущеніе розогъ или плетей чуть-ли не ежедневно. Пороли его за каждую малость, и все напрасно, безрезультатно. Острожное начальство не разъ пробовало даже сажать Непомнящаго на цѣлые мѣсяца на стѣнную цѣпь *), измышляло всевозможныя, нерѣдко даже выходящія изъ законной рамки, наказанія, но ничто не исправляло „неисправимаго“. Иванъ Непомнящій не унимался. Часто пьянствовалъ, а въ пьяномъ видѣ былъ буйнымъ до самозабвенія, не признавалъ начальства, поносилъ его

*) Стѣнная цѣпь—самое страшное наказаніе для неисправимыхъ.

и готовъ былъ ежеминутно пырнуть ножемъ перваго встрѣчнаго, чѣмъ-либо ему не потрафившаго. Пять разъ бѣгалъ онъ съ каторги и добѣгался, наконецъ, до того, что начальство потеряло о немъ всякія свѣдѣнія и стало числить его въ своихъ спискахъ Иваномъ Непомнящимъ, по счету чуть-ли не тысячнымъ. Извѣстно что Ивановъ Непомнящихъ въ каждомъ сибирскомъ острогѣ считаютъ чуть-ли не десятками. „Неисправимый" перебывалъ почти во всѣхъ главныхъ сибирскихъ острогахъ, на всѣхъ рудникахъ и заводахъ. Пойманный за бродяжничество въ первый разъ, онъ выдалъ себя, по обыкновенію большинства бродягъ, непомнящимъ родства. Затѣмъ началъ путать и путалъ настолько успѣшно, что начальство теряло голову и положительно не въ силахъ было добиться, кто такой Иванъ Непомнящій и къ какому сословію принадлежитъ. То онъ выдавалъ себя за бѣглаго солдата, то за бродягу, то за острожника и каторжнаго, взводилъ на себя всевозможныя небылицы, обвиненія въ небываломъ убійствѣ, грабежѣ или кражѣ. При этомъ каждый разъ онъ измѣнялъ свои показанія, искажалъ имена, указывалъ на десятки полковъ, батальоновъ и остроговъ, откуда бѣжалъ, и, въ концѣ концовъ, запуталъ всѣхъ и запутался самъ. Справки летѣли во всѣ стороны; время проходило въ безплодной перепискѣ, поглотившей стопы бумаги. Наконецъ, начальство рѣшило, что Иванъ Непомнящій бѣглый каторжникъ и, отсыпавъ ему полсотни плетей, водворило его въ Усть-Карѣ. Первую же весну онъ бѣжалъ и пропадалъ до глубокой осени. Съ наступленіемъ холодныхъ дней, онъ самъ явился въ ближайшій острогъ и опять началъ путать, отдаляя на неопредѣленное время заслуженное наказаніе плетьми. Послѣ вторичнаго водворенія на каторгѣ, Иванъ Непомнящій бѣгалъ еще четыре раза и, наконецъ, былъ зачисленъ въ разрядъ неисправимыхъ, безсрочныхъ каторжниковъ. Фигура „неисправимаго" не отличалась типичностью. Иванъ Непомнящій былъ небольшаго роста,

коренастый мужикъ, съ сердитыми, словно ожесточенными, глазами и бойкими ухватками. Постоянно сосредоточенный, угрюмый, онъ производилъ на всѣхъ какое-то отталкивающее впечатлѣніе. Среди товарищей по заключенію игралъ видную роль. Его уважали за выносливость и удалость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно побаивались, зная его бѣшеные, неудержимые порывы.

Иванъ Непомнящій возбуждалъ общее любопытство. Многіе изъ обывателей интересовались загадочнымъ острожникомъ и постоянно безпокоили его грубыми распросами.

На вопросъ ихъ: „за что сосланъ на каторгу“? всегда слышался дерзкій, неизмѣнный отвѣтъ:

— За храбрость! На большихъ дорогахъ съ почтеннѣйшихъ купцовъ шубы снималъ, а съ господъ офицеровъ—шкуры.

Любопытные не унимались и, не довольствуясь этимъ отвѣтомъ, задавали дальнѣйшіе вопросы:

— Давно ты сосланъ на каторгу?

— Не успѣла мать родить, — какъ на каторгу сосланъ!

— Откуда ты родомъ?

— Изъ мордовскаго государства, гдѣ солнце вдоль земли ходитъ.

На дальнѣйшіе вопросы сыпались подобные же дерзко-шуточные отвѣты.

Такъ же безуспѣшны были распросы и острожнаго начальства. Послѣднее билось съ нимъ, билось и, наконецъ, плюнуло.

Такъ и зачислили: Иванъ Непомнящій, неисправимый.

И ужъ сѣкли же этого „неисправимаго“ безпощадно. Розогъ извели на него цѣлые воза. Въ концѣ концовъ онъ привыкъ къ нимъ настолько, что не морщился даже отъ двухъ сотъ ударовъ.

— Положительно неисправимый!—съ недоумѣніемъ восклицало острожное начальство и принималось сѣчь еще съ большею энергіею и щедростью.

— Горбатаго могила исправитъ, — толковали товарищи по заключенію, также убѣжденные, что Ивана Непомнящаго не проберешь не только розгами и плетьми, но, пожалуй, даже каленымъ желѣзомъ. Дѣйствительно, физически „неисправимый“ былъ закаленъ до невозможности. Онъ могъ выносить самыя жестокія, физическія страданія безъ стона, не поморщившись. Разъ на пари онъ вывернулъ изъ сустава себѣ палецъ, и пари-то было пустое—шкаликъ водки. Въ другой разъ онъ прокололъ за пятакъ ножомъ ладонь. Арестанты приходили въ восторгъ отъ подобныхъ дикихъ выходокъ Непомнящаго и смотрѣли на него, какъ на человѣка изъ ряда выходящаго, особеннаго.

— Настоящій желѣзо человѣкъ!—разсуждали они:—Всякое чувствіе потерялъ. Посмотришь на него, вѣдь совсѣмъ плюгавый мужиченко, а сила въ немъ какая—страсть! И сила-то эта у него вся въ душѣ, оттого и муку всякую стерпѣть можетъ.

— Кремень, а не человѣкъ! Ничѣмъ не проберешь!—злобно толковало начальство про „неисправимаго“ послѣ каждаго наказанія. Не смотря на это сознаніе относительно безуспѣшности тѣлеснаго истязанія, начальство пороло Непомнящаго за каждую самую ничтожную вину и пороло нещадно, словно желая достигнуть результатовъ, противоположныхъ своему убѣжденію.

— Вѣдь изъ кремня огонь выбиваютъ,—успокоивало оно себя. Только умѣючи надо ударить огнивомъ.

Не смотря, впрочемъ, на все свое „умѣнье“ владѣть острожнымъ огнивомъ — розгами, начальство достигало только отрицательныхъ результатовъ. „Неисправимый“ оказался кремнемъ, изъ котораго даже и огня нельзя было выбить. Бывало, порютъ, порютъ Ивана Непомнящаго, порютъ до того, что мясо приходитъ уже въ киселе-подобное состояніе, а онъ все молчитъ только зубами слегка поскрипываетъ:—погодите, молъ доберусь и я до васъ когда-нибудь!

Нещадная, часто несправедливая порка довела „не-

исправимаго“ до дикаго ожесточенія. Онъ сдѣлался звѣремъ, готовымъ растерзать зубами своихъ законныхъ мучителей. Острожное начальство, надо сознаться, сильно побаивалось Ивана Непомнящаго: оно знало, что „неисправимый“ способенъ удовлетворить свое ожесточеніе хорошимъ ударомъ ножа — подвернулся-бы только случай.

II.

Въ небольшой, скромной квартиркѣ завѣдующаго каторжными, Николая Евсеевича Смолина, собрались почти всѣ представители заводской администраціи прокоротать зимній, скучный вечеръ за картами и чаемъ съ коньякомъ. Кромѣ самого хозяина, толстаго сѣдого маіора, тутъ находились: заводскій приставъ, Иванъ Ивановичъ Расторгуевъ, дѣлопроизводитель Семенъ Петровичъ Рощинъ и заводскій врачъ, Петръ Николаевичъ Устиновъ, человѣкъ очень еще молодой, только годъ тому назадъ прибывшій въ сибирское захолустье, прямо со школьной скамьи.

Едва успѣли собесѣдники переброситься нѣсколькими словами о томъ, о семъ, какъ начали уже спорить и спорить довольно горячо, по обыкновенію людей пріѣвшихся другъ другу. Въ данномъ случаѣ предметомъ спора оказался „неисправимый“, доставлявшій Смолину большіе хлопоты и непріятности, хотя эти непріятности всегда заканчивались пріятнымъ для него препровожденіемъ времени—сѣченіемъ.

Смолинъ былъ оригинальнымъ представителемъ николаевскаго времени, прошедшимъ въ свое время огонь, воду и мѣдныя трубы. Онъ прошелъ суровую школу. Получивъ образованіе въ батальонѣ военныхъ кантонистовъ, онъ двадцать пять лѣтъ тянулъ солдатскую лямку, пока не удостоенъ былъ производства въ прапорщическій чинъ. Въ свое время Смолинъ былъ сѣченъ безъ мѣры и, за время свой многолѣтней службы, привыкъ смотрѣть

на розги и зуботычины, какъ на необходимое подспорье нравственнаго и умственнаго воспитанія, какъ на единственное средство поддержать должную дисциплину и порядокъ. Онъ даже былъ убѣжденъ, что именно розгамъ обязанъ своимъ настоящимъ маіорскимъ чиномъ. Смолинъ беззавѣтно вѣрилъ въ могущественную силу розогъ, вслѣдствіе чего сѣкъ арестантовъ за каждую маловажную вину безъ мѣры и пощадно. Сѣченіе доставляло ему большое развлеченіе и удовольствіе въ однообразно скучной заводской жизни. Смолинъ былъ виртуозомъ своего дѣла, зналъ всѣ необходимыя пріемы сѣченія, сѣкъ именно такъ, какъ въ былыя, очень отдаленныя, времена сѣкли въ пресловутыхъ бурсахъ. Изъ среды каторжныхъ онъ выбралъ нѣсколько подходящихъ палачей, которые и сѣкли провинившихся товарищей съ жестокостью, вполнѣ удовлетворявшею кровожадные инстинкты Смолина. Палачи эти пользовались особыми льготами и особеннымъ расположеніемъ завѣдывающаго каторжными. Имъ жилось, сравнительно, очень хорошо. Ихъ не занимали рѣшительно никакими работами: вся работа ихъ заключалась въ сѣченіи. Палачи имѣли улучшенную пищу, занимали отдѣльную избу и пользовались исключительной свободой.

Это были люди хорошо откормленные, жирные, толстомордые, пользовавшіеся отличнымъ здоровьемъ и отличавшіеся такой же кровожадностью, какой отличался ихъ патронъ.

Сѣченіе доставляло имъ, кромѣ извѣстнаго, узаконеннаго тюремнымъ обычаемъ, дохода, большое развлеченіе въ каторжной жизни. Они хандрили только въ тѣ исключительные дни, когда некого и незачто было сѣчь.

Арестанты глубоко ненавидѣли Смолина и прозвали его на своемъ острожномъ жаргонѣ „живодеромъ“. Палачей—товарищей они презирали, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялись и всячески заискивались въ нихъ: угощали, при случаѣ, водкой, табакомъ или чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ.

Нерѣдко давали имъ и деньги. Арестанты хорошо знали, что совершенно въ волѣ этихъ палачей увеличить или уменьшить жестокость наказанія. Особенно заискивались въ палачахъ тѣ каторжные, которымъ приходилось отвѣдывать плетей. Они отлично знали, что озлобленный, неудовлетворенный подачкой, палачъ въ состояніи убить человѣка съ трехъ ударовъ; а умереть подъ плетью никому не хотѣлось, не смотря даже на то, что нерѣдко каторжная жизнь казалась хуже смерти.

Смолинъ зналъ, что арестанты глубоко ненавидятъ его и что каждый изъ нихъ съ удовольствіемъ пырнулъ бы его при случаѣ ножемъ. Впрочемъ, натура Смолина была слишкомъ закалена, чтобы онъ могъ бояться этой жестокой ненависти. Онъ былъ только остороженъ, и эта осторожность нѣсколько разъ спасала его отъ смерти.

Изъ числа гостей Смолина заслуживалъ вниманія только врачъ Устиновъ, какъ человѣкъ свѣжій, неиспорченный и гуманный. Остальные были субъекты, погрязшіе въ омутѣ сибирскаго захолустья и единственнымъ развлеченіемъ которыхъ были карты и водка.

— Иванъ Непомнящій положительно сводитъ меня съума. Первый разъ въ жизни я встрѣчаю такого нравственнаго урода, котораго нельзя пробрать ни розгами, ни плетьми,—кипятился Смолинъ.

— Вы сами виноваты, Николай Евсеевичъ,—возразилъ Устиновъ.

— Я!? — удивился Смолинъ, дико вытаращивъ свои свирѣпые глаза.

— Да, вы...—подтвердилъ Устиновъ:—Вы слишкомъ вѣрите въ могущественную силу розогъ и плетей, придаете имъ непозволительно большое значеніе въ дѣлѣ исправленія. Вы забываете, что, въ большинствѣ случаевъ, розги приносятъ отрицательные результаты и только ожесточаютъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, Петръ Николаевичъ, что вы слишкомъ молоды, чтобы судить о значеніи тѣлеснаго наказанія, — разсердился Смолинъ: — Вотъ уже

двадцать слишкомъ лѣтъ я вращаюсь среди каторжныхъ и пришелъ къ положительному заключенію, что гуманное обращеніе съ ними немыслимо. Поддерживать среди нихъ дисциплину и порядокъ возможно только безпощадной поркой.

— Это вѣрно-съ,—вставилъ свое слово дѣлопроизводитель:—безъ порки обойтись нельзя. Порядокъ среди каторжныхъ можно сохранить только страхомъ жестокаго, безпощаднаго наказанія.

— Страхъ наказанія сдерживаетъ страсти только до поры до времени, — замѣтилъ Устиновъ: — Подобный страхъ скоро проходитъ. Необходимо имѣть на арестантовъ нравственное вліяніе, которое можетъ дать болѣе положительные результаты. Кормите арестанта сносно, одѣвайте его, какъ слѣдуетъ, дайте порядочное помѣщеніе, обращайтесь съ нимъ по человѣчески, и вы изъ десяти разъ девять сдержите его страсти и дурные инстинкты. Если каторжный и совершаетъ преступленіе, оказываетъ неповиновеніе, буйствуетъ, то часто потому, что онъ ищетъ исхода изъ своего жестокаго положенія. Изъ каторги, въ большинствѣ случаевъ, дѣлаютъ не законное наказаніе, а непозволительную пытку. На каторгу ссылаютъ съ цѣлью пресечь дальнѣйшія преступленія извѣстнаго индивида,—съ цѣлью его исправленія и искупленія тяжелой, но человѣческой, работой своихъ предыдущихъ преступленій. А на дѣлѣ большинство завѣдующихъ каторжными не желаетъ понять гуманныхъ цѣлей правительства и полагаетъ, что преступники присылаются на каторгу исключительно для беззаконной порки и истязанія.

— Позвольте-съ, Петръ Николаевичъ! Вы, я замѣчаю, въ мой огородъ камешки бросаете!—сердито перебилъ Смолинъ Устинова: Вы начитались разныхъ глупыхъ книженокъ и фантазерствуете. Я-съ, замѣчу вамъ, жизнь знаю лучше васъ: не даромъ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ на свѣтѣ прожилъ.

— Сумма прожитыхъ лѣтъ не можетъ служить мѣ-

рилом житейской опытности. Надо умѣть смотрѣть на жизнь и людей съ извѣстной точки, а не такими глазами, какъ кому вздумается. Точка эта строго опредѣленная. Надо смотрѣть на жизнь и людей только здраво, честно и гуманно. Не слѣдуетъ входить въ какую-либо сдѣлку со своею совѣстью.

— Какъ вы ни смотрите на жизнь и людей, а съ такимъ негодяемъ, каковъ нашъ „неисправимый", вы ничего не подѣлаете,—возразилъ заводскій приставъ:—Станете обращаться съ нимъ гуманно—онъ подумаетъ, что его боятся, и сейчасъ сядетъ на шею.

— Иванъ Непомнящій совсѣмъ не такой негодяй, какимъ онъ вамъ всѣмъ кажется, — проговорилъ Устиновъ:—Въ теченіи года я достаточно приглядѣлся къ нему и пришелъ къ заключенію, что онъ психически больной человѣкъ, донельзя ожесточенный часто несправедливыми, жестокими взысканіями.

— Онъ неисправимъ!—крикнулъ Смолинъ.

— Вы сами дѣлаете его неисправимымъ, — мягко замѣтилъ Устиновъ.

— Какимъ образомъ!?...

— Вы видите въ арестантѣ только одну скотскую натуру, не желаете заглянуть въ него поглубже, не желаете разобраться въ его сердечныхъ, душевныхъ тайникахъ. Я убѣжденъ, что почти въ каждомъ арестантѣ можно найти что-нибудь хорошее, теплое—только все это хорошее засыпано золой, глохнетъ подъ розгами. Многіе изъ каторжныхъ, вслѣдствіе весьма понятнаго въ ихъ несчастномъ положеніи ожесточенія, стараются казаться хуже, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ есть. Къ числу этихъ многихъ принадлежитъ и вашъ „неисправимый". Вотъ тутъ-то и надо умѣть разобраться: дѣйствительно ли онъ уже настолько закоренѣлъ въ преступленіяхъ, настолько нравственно растлѣлъ, что не сможетъ понять гуманное отношеніе и доброе, во время сказанное слово.

— Тутъ и разбираться нечего, съ такимъ мерзавцемъ.

Онъ положительно неисправимый негодяй! —продолжалъ упорствовать Смолинъ.

— Я съ вами не согласенъ, почтеннѣйшій Николай Евсеевичъ. Нѣсколько разъ, послѣ вашей порки, Непомнящій лежалъ у меня въ лазаретѣ. Я успѣлъ нѣсколько приглядѣться къ нему и пришелъ къ заключенію, что, при извѣстномъ къ нему отношеніи, въ немъ можно разбудить совѣсть, онъ можетъ вступить на путь исправленія.

— Вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу. Позвольте, я предложу вамъ пари: передайте въ мое распоряженіе „неисправимаго“ назначьте его лазаретнымъ сторожемъ.

— Да онъ васъ укокошитъ въ первый же день,— быстро перебилъ Смолинъ:—Нѣтъ, нѣтъ раздумайте: я на это не могу согласиться... Ради такого негодяя, я не желаю принимать на себя тяжкую отвѣтственность.

— Подумайте, Николай Евсеевичъ, о моей просьбѣ.

— И... думать не хочу!

— Ну, какъ знаете... Можетъ быть и согласитесь когда-нибудь...

Споръ кончился и всѣ усѣлись за карты, совершенно забывъ о „неисправимомъ“.

III.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ только что изложеннаго разговора, какъ „неисправимый“ произвелъ въ острожной казармѣ изъ ряда выходящій безпорядокъ, и былъ подвергнутъ неумолимымъ Смолинымъ жесточайшему тѣлесному наказанію. Почти полумертвымъ снесли его въ каторжный лазаретъ и сдали на руки врачу. Петръ Николаевичъ тщательно осмотрѣлъ исполосованнаго розгами Непомнящаго и немедленно приступилъ къ необходимой перевязкѣ. „Неисправимый“ угрюмо, сосредоточенно молчалъ, подозрительно, съ недоумѣніемъ поглядывая на симпатичную фигуру Устинова.

Замѣтивъ этотъ упорный взглядъ, Петръ Николаевичъ обратился къ Непомнящему съ вопросомъ:

— Что ты, братецъ, на меня такъ смотришь?

Неисправимый быстро отвернулся, продолжая угрюмо молчать.

— Ты, я замѣчаю, чему-то удивляешься?—мягко спросилъ Устиновъ, забинтовывая „Неисправимаго".

— Конечно, удивляюсь!—рѣзко отвѣтилъ Непомнящій глухимъ, сдержаннымъ голосомъ.

— Чему, мой другъ?—кротко спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Чему!?—усмѣхнулся „неисправимый": — И спрашивать нечего!.. Удивляюсь я тому,—рѣшительно добавилъ онъ послѣ короткаго молчанія:—съ какой стати вы такъ возитесь со мной? Плюнули бы, да и ушли!..

— Хорошъ былъ бы я, еслибы плюнулъ на тебя и ушелъ,—замѣтилъ Устиновъ, улыбнувшись: — Вѣдь я присланъ сюда не плеваться, а лечить больныхъ... Ты боленъ: вишь какъ тебя исполосовали...

— А другіе, видно, затѣмъ присланы, чтобы полосовать,—злобно проворчалъ Непомнящій:—И выходитъ, что всѣ вы воду въ ступкѣ толчете... Одинъ полосуетъ, а другой лечитъ, чтобы опять спина для розогъ была исправлена... Черти вы всѣ, а не люди!.. Такъ-бы и исполосовалъ самихъ!—добавилъ „неисправимый" съ дикимъ ожесточеніемъ: даже зубами заскрежеталъ.

Устиновъ невольно вздрогнулъ отъ этой внезапной выходки арестанта.

— Ты, другъ мой, озлобленъ,—кротко проговорилъ онъ:—Успокойся немного, отдохни. Завтра опять приду навѣстить тебя.

— А по мнѣ все равно: придете или нѣтъ,—проворчалъ Непомнящій вслѣдъ уходящему доктору.

На другой день Петръ Николаевичъ зашелъ въ лазаретъ рано утромъ. Непомнящій глядѣлъ бодро и далеко не такъ угрюмо, какъ вчера. Повидимому, нервы его успокоились послѣ вчерашней жестокой порки, и

онъ встрѣтилъ доктора съ несвойственной его грубой натурѣ привѣтливостью.

— Здравствуй, братецъ, какъ твое здоровье?—спросилъ Устиновъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе, покорнѣйше благодаримъ,—отвѣтилъ „неисправимый".

Петръ Николаевичъ внимательно осмотрѣлъ своего паціента и сдѣлалъ новую перевязку. Неисправимый сосредоточенно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ доктора. Повидимому, его назойливо давила какая-то неотвязчивая мысль; онъ старался разрѣшить безпокоившій его вопросъ.

— Вы, ваше высокоблагородіе, не то, что другіе,—внезапно проговорилъ онъ.

— А что?

— Да вонъ былъ у насъ старый докторъ, такъ тотъ съ нашимъ братомъ не церемонился. Жестокій былъ человѣкъ. Прикажетъ фельдшеру смазать какой-нибудь дрянью, отъ которой только еще пуще щиплетъ, да и выгонитъ вонъ изъ лазарета, Сутокъ не дастъ даже полежать. Ну, его за это и укокошилъ одинъ изъ нашихъ.

Устиновъ невольно вздрогнулъ отъ этого напоминанія о жестокомъ убійствѣ своего предшественника, зарѣзаннаго однимъ изъ каторжныхъ въ тотъ моментъ, когда онъ выслушивалъ ему грудь. Докторъ былъ пораженъ наповалъ, въ затылокъ, заранѣе приготовленнымъ ножемъ.

Не смотря на такое начало, словоохотливость „неисправимаго" понравилась Устинову: онъ видѣлъ въ ней первые признаки возбужденнаго къ себѣ довѣрія.

— Вы, ваше высокоблагородіе, ужъ очень добры къ нашему брату,—продолжалъ „неисправимый":—И любятъ же васъ за это. Да что говорить: въ десять лѣтъ не слыхалъ я одного добраго слова, совсѣмъ звѣремъ сдѣлался, а при васъ это звѣрство почти совсѣмъ пропадаетъ. На душѣ легко становится, ну, словно съ отцемъ роднымъ говоришь. Вотъ за что вамъ спасибо!

Прошло нѣсколько дней. Непомнящій выздоровѣлъ и назначенъ былъ на выписку.

— Слушай, Иванъ,—обратился къ нему Устиновъ:—желаешь, чтобы я попросилъ тебя въ лазаретные сторожа? Можетъ быть здѣсь будетъ тебѣ получше, чѣмъ въ казармѣ.

— Желаю, ваше высокоблагородіе, желаю,—радостно проговорилъ «неисправимый»: Ходатайствуйте, сдѣлайте милость, а я постараюсь заслужить. Тяжело мнѣ тамъ—опять „онъ“ пороть зачнетъ.

Устиновъ въ тотъ же день обратился опять къ Смолину съ просьбой зачислить „неисправимаго“ лазаретнымъ сторожемъ.

Послѣ многихъ хлопотъ и споровъ, онъ наконецъ, успѣлъ въ своемъ ходатайствѣ, и черезъ нѣсколько дней Непомнящій занялъ спокойное мѣсто сторожа.

IV.

Дни проходили за днями. „Неисправимый“ ревностно несъ свои новыя обязанности и ни разу не выказалъ ни малѣйшаго поползновенія употребить во зло оказанное ему довѣріе. Онъ сдѣлался положительно неузнаваемымъ и беззавѣтно привязался къ Устинову, какъ только можетъ хорошая собака привязаться къ доброму хозяину. Характеръ его выровнялся; дикіе порывы и выходки не повторялись. Благотворное вліяніе Петра Николаевича дало, повидимому, прекрасные результаты. „Неисправимый“ энергично крѣпился отъ пьянства, крѣпился до тѣхъ поръ, пока хватило силъ побороть постыдную страсть.

Прошло полгода, и вдругъ неизвѣстно отъ какой причины Непомнящій сталъ быстро худѣть и задумываться. Смолинъ первый замѣтилъ эту неожиданную перемѣну въ „неисправимомъ“ и не преминулъ высказать свои подозрѣнія дѣлопроизводителю и заводскому приставу:

— Какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ смотрѣть будетъ. Боюсь, что нашъ „неисправимый“ крѣпится, крѣпится, да прорвется когда-нибудь. Охъ, ужь эти молодые люди, фантазеры.

— Это временное затишье навѣрное передъ бурей,— добавилъ дѣлопроизводитель: — Виданное-ли это дѣло, чтобы горькій пьяница, какимъ былъ нашъ „неисправимый“, могъ разомъ бросить пить. Правда, нѣкоторые перестаютъ пьянствовать, но постепенно, послѣ упорной, тяжелой борьбы съ самимъ собой. А то вдругъ внезапно, разомъ! Эта внезапность неестественна; въ ней замѣчается жестокая насильственность, которая къ добру не приведетъ. „Неисправимый“, очевидно, насилуетъ свою натуру, ломаетъ себя, чтобы доставить удовольствіе доктору, къ которому онъ дѣйствительно замѣчательно привязался. Всмотритесь хорошенько въ „неисправимаго“ и вы увидите въ немъ большую перемѣну.

— Охъ, вижу, вижу,—со вздохомъ перебилъ Смолинъ.

— Онъ осунулся, похудѣлъ,—продолжалъ дѣлопроизводитель:—При Петрѣ Николаевичѣ онъ смотритъ весело, въ отсутствіе его становится безпокойнымъ, словно теряетъ подъ собою почву. Помню, разъ, недѣли двѣ тому назадъ, онъ зашелъ ко мнѣ въ канцелярію за бумагой. На подоконникѣ у меня стояла бутылка съ коньякомъ. Какъ только увидѣлъ ее „неисправимый“, разомъ побѣдитѣлъ весь, затрясся, глаза его такъ и запылали, сдѣлались страшными, дикими. Я далъ ему бумаги, и онъ пошелъ изъ канцеляріи. Идетъ, а самъ шатается, словно пьяный. Я продолжалъ слѣдить за нимъ. Въ дверяхъ онъ внезапно обернулся, да такъ посмотрѣлъ, что у меня даже мурашки по кожѣ пробѣжали, оглянулся и выскочилъ вонъ, словно угорѣлый. Говорилъ я объ этомъ случаѣ Петру Николаевичу, такъ тотъ такъ и покатился со смѣху. Это, говоритъ, вамъ показалось. Вы боитесь „неисправимаго“ словно чорта, ну, вамъ и померещилось: Дай Господи чтобы только померещилось. А я вѣдь не спалъ и не пьяный былъ.

— А я вамъ разскажу о другомъ случаѣ, — таинственно началъ заводскій приставъ:—Случай этотъ былъ на дняхъ. Шелъ я съ работъ домой. Прохожу это я мимо оконъ лазарета и вижу, что „неисправимый“ мечется по аптекѣ, словно ошалѣлый. Смотрю—фельдшера нѣтъ. Я пріостановился и сталъ слѣдить. Бѣгалъ, бѣгалъ „неисправимый“ изъ угла въ уголъ, руками размахивалъ, да вдругъ разомъ, словно вкопанный, остановился передъ шкапомъ съ лекарствомъ. Смотрю, вытащилъ онъ изъ кармана не то ключъ, не то отмычку и началъ ковырять въ замочной скважинѣ. Ковыряетъ а у самого руки такъ и трясутся. Наконецъ, отворилъ, досталъ какую-то бутыль, быстро отхлебнулъ изъ нея нѣсколько глотковъ и заперъ шкапъ. Затѣмъ началъ подозрительно оглядываться, словно безпокоясь, не подсмотрѣлъ-ли кто его продѣлки. Я быстро спрятался и пошелъ домой. Говорилъ я объ этомъ случаѣ доктору, такъ тотъ немного призадумался. Экая говоритъ, я телятина! Вѣдь у меня въ шкапу разныя тинктуры и спирты. И ударилъ себя по лбу.

— Да, надо принять мѣры,—съ безпокойствомъ проговорилъ Смолинъ: — Катастрофы ждать нечего, а я убѣжденъ, что она будетъ. Я на дняхъ же сдѣлаю распоряженіе, чтобы „неисправимаго“ перевели въ казарму.

Смолину, однако, не удалось сдѣлать этого распоряженія: помѣшали неожиданныя, исключительныя обстоятельства.

V.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, къ Петру Николаевичу прибѣжалъ изъ лазарета запыхавшійся ефрейторъ съ тревожнымъ извѣстіемъ:—сторожъ Непомнящій бунтуетъ—ничего подѣлать нельзя. Самъ пьяный и всѣхъ больныхъ перепоилъ!

Устиновъ на скоро одѣлся и побѣжалъ въ лазаретъ,ославъ ефрейтора къ Смолину съ извѣщеніемъ о происшедшемъ безпорядкѣ. Уже въ ста шагахъ отъ лазарета

Петра Николаевича поразили дикій крикъ и шумъ: звенѣли разбиваемыя стекла, что-то трещало, слышались какіе-то сильные удары. Повидимому, въ лазаретѣ господствовалъ безшабашный хаосъ. Лазаретный караулъ, состоявшій изъ унтеръ-офицера и шести рядовыхъ, былъ въ сборѣ. Солдаты съ заряженными ружьями стояли передъ запертыми дверьми и съ безпокойствомъ смотрѣли черезъ небольшое, прорѣзанное въ дверяхъ, окошечко. Петръ Николаевичъ взглянулъ также и обомлѣлъ. Его больные, въ числѣ десяти человѣкъ, безобразно пьяные, неистовствовали, словно обезумѣвшіе: ломали столы и табуреты, били стекла, коверкали желѣзныя кровати. Стоявшій въ аптекѣ шкапъ съ лекарствами былъ разбитъ въ дребезги. На полу валялись битыя бутылки и стклянки. Во главѣ больныхъ каторожниковъ неистовствовалъ Иванъ Непомнящій. Блѣдный, какъ полотно, съ безумными, налитыми кровью глазами, онъ съ дикимъ ожесточеніемъ ломалъ все попадавшееся подъ руки и силился исковеркать желѣзныя рѣшотки оконъ.

Растерявшійся Устиновъ хотѣлъ войти въ камеру, надѣясь своимъ присутствіемъ успокоить больныхъ.

— Не ходите, ваше высокоблагородіе, убьютъ!—остановилъ его за руку караульный унтеръ-офицеръ: —Я далъ знать въ главный караулъ. Сейчасъ пришлютъ людей—тогда мы ихъ угомонимъ!

— Иванъ,—что ты дѣлаешь?—съ отчаяніемъ крикнулъ Петръ Николаевичъ.

„Неисправимый“ вздрогнулъ, словно его пронизала электрическая искра, и съ дикимъ недоумѣніемъ уставилъ на дверь свои налитые кровью глаза. На секунду въ нихъ промелькнулъ сознательный лучъ, промелькнулъ и мгновенно потухъ. Съ дикимъ, безумнымъ порывомъ „неисправимый“ выхватилъ изъ за пазухи ножъ, подбѣжалъ къ двери и съ силой бросилъ его черезъ окошечко. Ножъ пролетѣлъ сквозь рѣшетку и, слегка прорѣзавъ плечо Устинова, впился въ деревянную стѣну. Петръ Николаевичъ вскрикнулъ и зашатался.

Въ это время вбѣжалъ въ корридоръ запыхавшійся Смолинъ и, не сообразивъ въ чемъ дѣло, бѣшенно крикнулъ караулу:

— Каналыи, что вы одурѣли? Стрѣляй! Стрѣляй въ „неисправимаго“!

Два солдата немедленно просунули свои ружья въ окошечко, съ намѣреніемъ исполнить необдуманное приказаніе свирѣпаго начальника. Непомнящій съ безумнымъ порывомъ ухватилъ руками за дула ружей и потащилъ ихъ къ себѣ. Послѣ короткой, отчаянной борьбы, раздались выстрѣлы, и „неисправимый“ упалъ на полъ, обливаясь кровью.

Выстрѣлы возымѣли на каторжныхъ отрезвляющее дѣйствіе. Они разомъ присмирѣли и забились въ самый отдаленный уголъ лазарета. Солдаты отворили дверь и вошли въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ часть больныхъ была закована, по приказанію завѣдующаго каторжными, въ кандалы другая—размѣщена по карцерамъ.

— Вотъ до чего довели ваши гуманныя идеи! —бѣшенно крикнулъ Смолинъ Устинову, указывая на плавающаго въ крови „неисправимаго“.

Петръ Николаевичъ молчалъ, словно виноватый.

— Уберите этого мерзавца!—распорядился Николай Евсеевичъ относительно Непомнящаго.

Четверо солдатъ подняли „неисправимаго“ и перенесли на кровать. Устиновъ, не обращая вниманія на свою рану, приступилъ къ немедленному осмотру раненаго арестанта. Послѣдній глухо стоналъ и метался на кровати въ полномъ безпамятствѣ. Вся грудь „неисправимаго“ была залита кровью. Онъ дышалъ тяжело, отрывисто и съ присвистомъ На губахъ выступила кровавая пѣна.

— Раны безусловно смертельны,—проговорилъ черезъ минуту Петръ Николаевичъ подавленнымъ голосомъ, и глубоко вздохнулъ:—Едва-ли проживетъ сутки.

— Собакѣ собачья смерть!—злобно проворчалъ Смолинъ и вышелъ изъ лазарета.

— Эй, вы, прибраться тутъ!—крикнулъ онъ солдатамъ.

— А я съ тебя шкуру спущу!—напустился Смолинъ на подошедшаго караульнаго унтеръ-офицера:—Какъ ты осмѣлился допустить такой безпорядокъ? Отчего не предупредилъ его и не далъ мнѣ во время знать. Говори, каналья откуда арестанты водку достали? Навѣрное вы, мерзавцы, продали имъ!

— Они, ваше высокоблагородіе, лѣкарствомъ напились, а не водкой,—возразилъ унтеръ-офицеръ.

— Я тебѣ покажу лѣкарствомъ! А гдѣ фельдшеръ былъ? Что онъ смотрѣлъ!?

— Фельдшеръ-съ пьяный лежитъ въ своей комнатѣ. Все время пьянствуетъ, почти безъ просыпу,—доложилъ унтеръ.

Смолинъ сердито махнулъ рукой и пошелъ домой.

VI.

Петръ Николаевичъ не отходилъ отъ „неисправимаго“ въ теченіи цѣлой ночи, всѣми силами стараясь облегчить послѣдніе часы его безшабашной жизни. Всю ночь Непомнящій стоналъ, метался и бредилъ... Говорилъ о какой-то Дунѣ, вспоминалъ неизвѣстнаго поручика Ухвердова, игравшаго, повидимому, въ прошлой жизни „неисправимаго“ какую-то страшную роль. Бредъ Непомнящаго былъ въ высшей степени безсвязный. Мысли его прыгали съ предмета на предметъ, съ факта на фактъ безъ всякаго порядка, и Устиновъ тщетно старался разобраться въ этомъ хаосѣ фактовъ и мыслей.

Къ утру „неисправимый“ успокоился и заснулъ. Сонъ его былъ тревожный; онъ дышалъ съ трудомъ, порывисто, со свистомъ... Устиновъ ушелъ домой и вернулся въ лазаретъ около полудня. Неисправимый еще спалъ. Не прошло и получасу, какъ онъ раскрылъ глаза, съ недоумѣніемъ поглядѣлъ вокругъ себя и безсмысленно

уставился на Устинова. Но вотъ постепенно глаза его начали терять свое безсмысленное выраженіе и въ нихъ загорѣлся сознательный лучъ.

— Смерть моя пришла,—глухо прошепталъ „неисправимый".

— Не тревожься, Иванъ... Богъ дастъ поправишься,—попробовалъ успокоить Устиновъ раненаго.

— Нѣтъ, не поправлюсь,—безнадежно проговорилъ Непомнящій:—Тяжело дышать... Грудь давитъ, словно камень на ней лежитъ... Кто это меня такъ?..

— Развѣ ты не помнишь?

— Ничего не помню, видитъ Богъ—ничего не помню.

Устиновъ вкратцѣ разсказалъ вчерашнее буйство больныхъ, упомянувъ и о томъ, какъ Непомнящій бросилъ въ него ножемъ и слегка ранилъ.

При послѣднихъ словахъ Устинова „неисправимый" едва не вскочилъ съ кровати: такъ его и поддало...

— Голубчикъ, Петръ Николаевичъ, видитъ Богъ—не помню,—простоналъ онъ съ какимъ-то безумнымъ отчаяніемъ:—Ахъ, я извергъ, душегубецъ!.. Своего благодѣтеля, да ножемъ... Подумайте, возможная-ли эта вещь... Вы первый посмотрѣли на меня, какъ на человѣка, отъ васъ перваго, въ теченіи десяти лѣтъ каторги, я услыхалъ теплое слово... И вдругъ въ васъ ножемъ... Страшно подумать!.. Ахъ, не помню, Петръ Николаевичъ!.. Видно, чортъ попуталъ... Охъ, простите, голубчикъ Петръ Николаевичъ!..

— Успокойся, Иванъ, ты не виновитъ, а виноватъ я самъ и проклятая водка...

— Ужъ покаюсь я вамъ, Петръ Николаевичъ, какъ отцу духовному покаюсь... Долго я терпѣлъ... Все нутро у меня жгло, а я терпѣлъ, чтобы водки не пить... Наконецъ, стало не въ моготу. Голова кругомъ пошла; стало мнѣ скучно, да такъ скучно, что хоть въ петлю полезай... Были такіе дни, что за чарку водки я готовъ былъ зарѣзать человѣка... Тутъ-то я и началъ пить лѣкарства, что на спирту были настоены, потому водку

достать было трудно... Потомъ вы эти лекарства убрали... Тутъ, какъ на зло, прибылъ въ лазаретъ этотъ толстомордый, Кошкой прозывается, да и надоумилъ меня пить ту жидкость, что въ большой бутыли стояла... Вы ее, кажись, отъ сибирской язвы употребляли...

— Сѣрную кислоту!—удивился Устиновъ.

— Кажись, что такъ называется.

— Да вѣдь вы могли бы отравиться и умереть!

— Какъ видите, Петръ Николаевичъ, не умерли, а мы ее вчера всю выпили... Противно, все нутро жжетъ, а все-таки выпили... Въ голову бьетъ, словно водка.

— Какъ это васъ угораздило такую дрянь пить?

— Кошка приказалъ мнѣ напередъ приготовить нѣсколько головокъ чесноку... Онъ этотъ чеснокъ опустилъ въ бутыль съ кислотой... Чеснокъ-то почернѣлъ весь, распухъ въ кулакъ почти. Это, говоритъ Кошка, онъ весь ядъ въ себя втянулъ—теперь и пить можно... Слили мы эту кислоту въ другую бутыль и выпили... А что потомъ было не помню.

— Ахъ, голубчикъ Петръ Николаевичъ,—продолжалъ „неисправимый“, послѣ короткаго молчанія, тяжело мнѣ было сразу бросить пить... Пилъ бы каждый день понемножку—было бы лучше. А то вдругъ разомъ, словно топоромъ обрубили, ну, и не вытерпѣлъ.

— Послушай, Иванъ, а зачѣмъ ножъ у тебя былъ приготовленъ? Гдѣ ты добылъ его?—полюбопытствовалъ Устиновъ.

— Принесъ мнѣ ножъ, одинъ больной—ужъ крѣпко просилъ его... Это было давно, въ самомъ началѣ, когда я перебрался въ лазаретъ... Все мнѣ думалось, что „живодеръ„ нашъ возьметъ меня опять въ казарму... Тутъ я и рѣшилъ: какъ вздумаетъ взять—сейчасъ зарѣжусь, а не пойду.

Неисправимый замолчалъ. Повидимому, продолжительный разговоръ сильно утомилъ его, и онъ нуждался въ отдыхѣ.

Устиновъ далъ ему успокоительнаго лекарства и

ушелъ къ себѣ, приказавъ фельдшеру немедленно дать знать, когда „неисправимому“ сдѣлается хуже.

VII.

Поздно вечеромъ прибѣжалъ къ Петру Николаевичу фельдшеръ съ извѣстіемъ: „неисправимый“ кажется, отходитъ. Желаетъ васъ видѣть.

Устиновъ черезъ пять минутъ былъ уже въ лазаретѣ. „Неисправимый“ за день страшно измѣнился. Лицо его осунулось: глаза ввалились и были окружены синевой; носъ заострился... Онъ дышалъ съ большимъ трудомъ, словно на груди его лежалъ тяжелый камень. Увидѣвъ входящаго Устинова, „неисправимый“ немного ожилъ; въ мутныхъ глазахъ его мелькнулъ слабый огонекъ,

— Плохо, совсѣмъ плохо, Петръ Николаевичъ,—съ усиліемъ прошепталъ онъ:—Попросите, чтобъ священника прислали... Хочу исповѣдаться и въ грѣхахъ своихъ покаяться...

Устиновъ немедленно распорядился объ исполненіи послѣдней воли умирающаго.

Черезъ полчаса вошелъ въ лазаретъ съ дарами заводскій священникъ, добрый, симпатичный старикъ. Устиновъ хотѣлъ было удалиться, но „неисправимый“ остановилъ его:

— Останьтесь, Петръ Николаевичъ, выслушайте и вы мою исповѣдь.

— Батюшка, великій я грѣшникъ... Много душъ загубилъ на своемъ вѣку,—началъ свою исповѣдь „неисправимый“ едва слышнымъ шепотомъ: — Значусь я на каторгѣ Иваномъ Непомнящимъ, а мое настоящее имя Николай Бѣловъ... Служилъ я въ Х.... батальонѣ унтеромъ, давно уже, лѣтъ пятнадцать тому назадъ... Полюбилась мнѣ одна дѣвушка, хорошая, красивая, дочь одного переселенца... Полюбила и она меня... Авдотьей

ее звали... Жили мы душа въ душу, жили такъ потому что начальство не разрѣшало мнѣ жениться. Прошло мѣсяца два. Приглянулась моя Дуня поручику нашей роты, Ухвердову... Зачалъ онъ сыпать деньгами, да и сбилъ ее съ пути... Ушла она къ Ухвердову и меня забыла... Загорѣлось у меня ретивое, ну, думаю отплачу же обоимъ, да въ душѣ и затаилъ свою злобу... Долго таилъ... Всю душу эта злоба у меня вытянула, сердце отъ нее изныло... Сталъ я тосковать, да въ пьянство и ударился... Съ этихъ поръ и пошло... За дурное поведеніе меня разжаловали въ рядовые и зачислили въ разрядъ штрафованныхъ... Ну, думаю, все теперь пропало, будутъ пороть меня, сколько кому вздумается... Тотъ же Ухвердовъ зачнетъ пороть, потому что подъ командой у него былъ... Отъ этой мысли сдѣлалось мнѣ такъ тяжко, что и разсказать не могу... Ну, думаю, за одно пропадать: за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ... Тутъ и рѣшилъ свою злобу удовлетворить.

„Неисправимый“ замолчалъ и закрылъ въ изнеможеніи свои глаза. На губахъ его появилась кровавая пѣна. Священникъ терпѣливо ждалъ продолженіе исповѣди, печально опустивъ на грудь сѣдую голову.

Черезъ нѣсколько минутъ, „неисправимый“ открылъ глаза и продолжалъ торопливымъ шепотомъ, словно онъ боялся, что не успѣетъ всего пересказать.

— Забрался я разъ ночью на квартиру Ухвердова... Оба спали... Зашумѣло у меня въ ушахъ, глаза помутились; лихорадка затрясла, какъ увидѣлъ ихъ рядышкомъ. Злоба едва не задушила меня... Опомнился ужъ я тогда, когда горячею кровью въ лицо брызнуло... Прирѣзалъ я ихъ обоихъ, да и въ тайгу: лучше, думаю, отъ звѣря дикаго пропасть, чѣмъ подъ растрѣлъ идти... Шатался я по тайгѣ впроголодь до глубокой осени; питался разными кореньями, грибами и ягодами... Осенью вышелъ я на большую дорогу... Холодно, ѣсть хочется, а въ деревню идти боязно... И сталъ я промышлять на большой дорогѣ разбоемъ, да грабежемъ: за семь бѣдъ одинъ

отвѣтъ... Особенно сладко мнѣ было грабить офицеровъ; озлобился я противъ всѣхъ ихъ, словно всѣ были виноваты, что Дуня бросила меня... Много я въ то время душъ загубилъ, невинной крови пролилъ... Съ каждымъ днемъ становилось, между тѣмъ, все холоднѣе и холоднѣе... Наконецъ, стало не вмоготу, и я явился въ ближайшій острогъ, гдѣ и выдалъ себя за бродягу, непомнящаго родства... Затѣмъ началъ путать, запуталъ такъ, что и не допытались, кто я таковъ... Сослали меня на каторгу... Пять разъ бѣгалъ я съ каторги; разбойничалъ лѣтомъ, а осенью являлся въ острогъ, каждый разъ въ новый, и опять зачиналъ путать... Наконецъ, попалъ сюда и зачисленъ въ разрядъ неисправимыхъ... Тутъ ужъ меня не щадили, словно звѣря дикаго травили... А злоба у меня все кипѣла да накипала... Кажется, всѣхъ бы прирѣзалъ, да вотъ Петръ Николаевичъ муку мою душевную облегчилъ добрымъ словомъ и привѣтомъ... Укротилъ было онъ меня совсѣмъ, да пьянство загубило... Охъ, Господи, Господи, прости меня злодѣя и душегубца... Голубчикъ, Петръ Николаевичъ, и вы простите. Позвольте вашу руку поцѣловать.

Устиновъ наклонился къ „неисправимому“ и съ глубокимъ волненіемъ поцѣловалъ его въ запекшіеся губы. Непомнящій не ожидалъ этого послѣдняго привѣта, этого поцѣлуя, полнаго прощенія и примиренія. Лицо его просвѣтлѣло; двѣ крупныя слезы, можетъ первыя въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, скатились по его исхудалымъ щекамъ и затерялись въ складкахъ грубой арестантской рубахи...

Священникъ причастилъ умирающаго... Въ ту же ночь „неисправимый“ отошелъ въ вѣчность, примиренный съ міромъ и людьми. Умеръ онъ спокойно, хотя, повидимому, страдалъ сильно.

КОНЕЦЪ.

2007041402